PROPERTY OF TH
LIBRARY OF TH
JUN 29 1961
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

Вопросы истории

5

МОСКВА·1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/voprosy-istorii_1961-05_5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Вопросы истории

№ 5 МАЙ 1961 г.

ЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. П. Данилов, С. И. Якубовская — Источниковедение и изучение истории советского общества 3
В. В. Мавродин (Ленинград) — Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII—XVIII веков 24
Уильям З. Фостер (США) — Революция 1810—1826 годов в Латинской Америке 48
Академик **И. М. Майский** — Мировая экономическая конференция 1933 г. в Лондоне 51
Член-корреспондент АН СССР **П. Н. Третьяков** (Ленинград) — Новые данные о Великоморавском государстве 72
Л. И. Зубок — Борьба течений в социалистической партии США (1901—1912 гг.) 81

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

Л. В. Черепнин — Академик Милица Васильевна Нечкина (К 60-летию со дня рождения и 40-летию научной, педагогической и общественной деятельности) 97

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII века . . 102
К. Х. Ханазаров — М. Г. Вахабов. Узбекская социалистическая нация 121
Н. А. Сидорова—Е. В. Гутнова. Возникновение английского парламента 126

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

В. И. Касьяненко, В. С. Лельчук — «Строительство коммунизма и рост творческой активности масс». Сборник статей; **Г. Б. Абдуллаев** (Баку), **М. М. Эфендиев** (Баку) — Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках; **Ю. М. Лотман** (Тарту) — С. Н. Чернов. У истоков русского освободительного движения; **Н. Д. Смирнова** — И. С. Галкин. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг.; **М. Ф. Юрьев** — «Тайпинское восстание 1850—1864 гг.». 132

Новые книги 145
Статьи в советских исторических журналах 147

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

В. К. Габуния — Научная сессия, посвященная 40-летию Французской коммунистической партии 151
К. С. Трофимов — К 40-летию Итальянской коммунистической партии 153
И. С. Динерштейн — Новые книги Госполитиздата по вопросам международных отношений, внешней политики СССР и новейшей истории 155
Д. К. Шелестов — Новый исторический журнал 157
И. А. Хренов — Поездка советских историков в Югославию 159
К 60-летию Анатолия Филипповича Миллера 160
Хроникальные заметки 161
Список тем докторских диссертаций, утвержденных в 1954—1960 годах 163
Список тем диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенных в 1958 году 163

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. М. Басевич (Йошкар-Ола) — Иоахим Лелевель как исследователь (К столетию со дня смерти) 174

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Ф. И. Фирсов — «За народную армию. Сборник документов о боевых традициях нашего народа и военной политике КПЧ. 1918—1945»; **Ю. М. Григорьян** — Г. Хейдорн. Монополии, пресса, война. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. Исследования по истории внешней политики Германии в период с 1902 г. по 1912 г.; **М. Я. Домнич** — Оар. Позиция церкви в алжирской войне. 1954—1960. 181

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии 187
Заметки о статьях 188
Рецензии на книги советских авторов 206

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н. И. Голубцова — О работе Института античной истории при немецкой Академии наук 207
Хроникальные заметки 209

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Б. М. Фих (Гродно) — О преподавании истории в вузах 210
А. М. Жигулев—Исторические события в русских народных пословицах 211

Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в данном номере журнала 218
Резюме статей на английском языке 219

СТАТЬИ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В. П. Данилов, С. И. Якубовская

Историческая наука, как и другие общественные науки, призвана познавать закономерности развития человеческого общества. Эта генеральная задача решается каждой общественной наукой по-своему, своими специфическими приемами, на своем особом материале. Историческая наука выясняет и изучает закономерности развития общества по событиям и явлениям, уже совершившимся. Но не только в этом состоят ее особенности. Специфика исторического изучения заключается также в конкретности раскрытия всех сторон общественной жизни в прошлом. Воссоздание конкретной картины развития исторических событий в их взаимосвязи и последовательности требует всестороннего изучения фактического материала, анализа источников.

Процесс научного познания исторической действительности складывается из таких основных ступеней, как изыскание фактов, их анализ и обобщение. Поэтому столь важное место в развитии исторической науки принадлежит источниковедению — вспомогательной дисциплине, задача которой состоит в определении состава источников, в выяснении их происхождения, характера и достоверности сообщаемых в них сведений.

Большое внимание к вопросам источниковедения всегда было одной из наиболее сильных сторон русской исторической науки. Еще в дореволюционное время были разработаны многие приемы источниковедческой методики, некоторые принципы классификации и критики источников. Однако только на основе марксистско-ленинской методологии стало возможным придать действительно научный характер источниковедению.

Выдающееся значение для возникновения научного источниковедения имели труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по социально-экономической и политической истории общества. Эти труды являются классическим образцом применения марксизма к решению исторических проблем и примером критического отношения к различным источникам. В работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина были сформулированы основные принципы научного анализа источников, раскрыта непосредственная связь методики исследования с методологией, подчеркнута необходимость рассматривать каждый источник в органической связи с соответствующей эпохой, выявлять классовое происхождение и содержание источника. К. Маркс, характеризуя научный метод исследования, указывал, что познание действительности не может опираться на односторонний анализ изолированных фактов. В основе его должно лежать обобщение фактов, анализ совокупности исторических сведений. «Конкретное потому конкретно,— писал К. Маркс,— что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного» [1].

К. Маркс и Ф. Энгельс дали глубокий критический анализ многих исторических источников. Достаточно указать, например, на классический труд «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в котором на основе тонкого и всестороннего анализа каждой статьи французской буржуаз-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 727.

ной конституции показан ее классовый характер: «Каждый параграф конституции,— писал К. Маркс,— содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке» [2].

Творчески развивая марксизм в условиях новой эпохи, В. И. Ленин уделял большое внимание совершенствованию научного метода исследования действительности. Так же, как К. Маркс и Ф. Энгельс, В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что марксист должен опираться на анализ совокупности всех источников, относящихся к данной проблеме. Выступая против такого распространенного в области изучения общественных явлений приема, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры, В. И. Ленин в работе «Статистика и социология» писал о необходимости «брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела» [3].

Чрезвычайно важное значение имеют указания В. И. Ленина о принципиальном различии в подходе к изучению исторических явлений между марксистским методом исследования и буржуазно-идеалистическим объективистским.

Марксизм, неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, включает признание партийности науки, то есть открытую защиту точки зрения определенного класса, определенного политического мировоззрения. Указывая на принципиальное различие между марксизмом и буржуазным объективизмом, В. И. Ленин отмечал, что «объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ее антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения» [4]. Именно поэтому материалист-марксист «последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость» [5].

Партийность марксистской исторической науки обязывает советских историков к глубокому и объективному изучению, анализу и обобщению сведений исторических источников.

Марксистско-ленинский метод исторического исследования определяет и коренное отличие методологической базы советского источниковедения от буржуазного.

Характерная черта буржуазной исторической науки — стремление оторвать методологию истории от методики ее исследования, затушевать их взаимозависимость. Это проявилось прежде всего в попытках свести задачи вспомогательных исторических дисциплин к простому собиранию фактов. Например, Ш. Сеньобос и В. Ланглуа ограничивали задачу источниковедения созданием лишь «свода фактов, установленных критикой и облегчающих критику еще не критикованных источников» [6]. Только ма-

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 132.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 266—267.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 380.
[5] Там же.
[6] В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. СПБ. 189[illegible] стр. 41.

ксистско-ленинская методология дала возможность правильно определить задачи и место источниковедения в системе исторических дисциплин, успешно решить ряд сложных вопросов научной критики источника, прежде всего выяснения его происхождения и научного значения.

В числе задач теоретического источниковедения особенно важное значение имеет разработка таких проблем, как определение понятия «исторический источник», выяснение принципов классификации источников и, наконец, разработка принципов их критики.

Общее определение понятия «исторический источник» не вызывает особых затруднений. В источниковедческой литературе такое определение встречается весьма часто[7]. Кратко его можно было бы изложить следующим образом: источником для исторического исследования является всякий памятник прошлого, освещающий какую-либо сторону человеческой деятельности. Сюда относятся вещественные, этнографические, лингвистические, устные и письменные (рукописные и печатные) памятники. Письменным источникам в историческом исследовании, особенно по новейшему периоду, принадлежит центральное место. Однако такое общее определение не раскрывает внутреннего содержания понятия «источник». Между тем от истолкования его сущности зависят принципы определения состава исторических источников и их критики.

Научная несостоятельность буржуазного источниковедения явно проявилась в решении этой исходной методологической проблемы. А. С. Лаппо-Данилевский, больше других русских буржуазных историков занимавшийся теорией источниковедения, в своей «Методологии истории» определял исторический источник как «всякий реализованный продукт человеческой психики, поскольку он представляется историку пригодным для того, чтобы получить знание о каком-либо факте из прошлой жизни человечества»[8]. Противопоставление психики реальному бытию лежит в основе всей неокантианской концепции А. С. Лаппо-Данилевского. Именно этим были порождены лженаучные попытки при изучении памятников прошлого отделить «источник» от «явления», рассматривать источник вне связи с его ролью как исторического явления. Такое чисто идеалистическое понимание исторического источника отражало кризис буржуазной историографии и закономерно вело к истолкованию источника в отрыве от социально-экономической и политической обстановки, к недооценке его реального содержания, к выдвижению на передний план задач формального анализа. Советские историки, опирающиеся в своей работе на ленинскую теорию познания, подвергли научной критике идеалистические представления А. С. Лаппо-Данилевского об историческом источнике, как и его источниковедческие принципы в целом[9].

Марксистское источниковедение исходит из того, что любой источник должен рассматриваться прежде всего как явление, возникшее в определенных условиях общественного развития, органически связанное со своим временем. Характеризуя письменные источники русских феодальных архивов XIV—XV вв., Л. В. Черепнин, например, прежде всего подчеркивает именно это обстоятельство. «Каждый источник,— пишет он,— представляет историческое явление. Возникнув в определенных условиях времени и места, в обстановке классовой и политической борьбы, он носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классовой направленностью и политической целеустремленностью»[10].

[7] См., например, А. М. Большаков. Вспомогательные исторические дисциплины. Л. 1924, стр. 292; В. И. Пичета. Введение в русскую историю (источники и историография). М. 1923, стр. 5; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М. 1940, стр. 6 и др.

[8] А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории. Т. II. СПБ. 1913, стр. 374.

[9] Л. В. Черепнин. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. «Вопросы истории». 1949, № 8, стр. 30—51.

[10] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Т. I. М.-Л. 1948, стр. 5.

Разумеется, эта характеристика ограничивается письменными источниками, относящимися к социально-экономической и политической истории общества. Она не может без существенных оговорок относиться к культурно-бытовым памятникам и совсем неприменима к таким историческим остаткам производственной деятельности человека, как средства производства, и к лингвистическому материалу.

Определение источников с точки зрения их классового происхождения и политической направленности может быть распространено и на источники переходного периода от капитализма к социализму, когда классовая борьба сохраняется, когда, следовательно, выявление классовой направленности источника является решающим для определения его происхождения и содержания. Особенно остро встает эта задача при использовании документов, исходящих из стран капиталистического лагеря. Для советских источников эпохи победившего социализма вопрос об их классовой и политической направленности принципиально изменяется в силу того, что эксплуататорские классы, классовый антагонизм внутри общества ликвидированы.

Для выяснения обстоятельств возникновения источника, достоверности содержащихся в нем сведений, характера отражаемых им идей и настроений продолжает иметь значение вопрос о его политической целеустремленности. Первые декреты Советской власти, и в частности их терминология, отражают черты породившей их революционной эпохи. Нельзя правильно понять и оценить, например, Декрет о земле и особенно его пункт об уравнительном землепользовании, не изучая и не учитывая историческую обстановку, в которой он был принят, его политическую направленность. В. И. Ленин отмечал, что первые законодательные акты Советской власти были одновременно и своего рода агитационными лозунгами [11]. Это также нужно иметь в виду при их изучении.

Исторический источник — это такой памятник человеческого прошлого, который несет на себе печать своего времени, который отражает действительность через призму социально-экономических, политических, эстетических и других представлений, через призму жизненных интересов людей, создавших этот памятник. Он сам — историческое явление, занимающее определенное место в историческом процессе, и только как явление может быть правильно понят и истолкован. Такое понимание исторического источника лежит в основе советского источниковедения, является исходным тезисом для разработки принципов научной классификации, критики и интерпретации источников.

Классификация источников имеет своей задачей определение категорий (групп) источников, характеризующихся наличием существенных общих признаков по происхождению, содержанию или форме, а следовательно, требующих применения общих для каждой из них приемов критики и интерпретации. Правильная классификация источников облегчает их понимание и научную критику.

В советском источниковедении наметилось два различных подхода к решению вопросов классификации источников. Одни ученые (В. К. Яцунский, А. А. Новосельский) высказываются за классификацию письменных источников по видам, а другие (Л. В. Черепнин, А. А. Зимин) отдают предпочтение классификации по содержанию (источники социально-экономической истории, источники политической истории, источники по истории культуры и др.). Обе точки зрения вызывают возражения, поскольку последовательная классификация источников на основании любого из указанных принципов пока не представляется возможной. Едва ли большая часть источников, особенно нового и новейшего времени, содержит сведения одновременно и по социально-экономической и по политической истории общества. Сомнительной является возможность кла-

[11] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 272.

сификации источников только по видам. До сих пор ни один из ее сторонников не дал сколько-нибудь ясного определения вида исторического источника, не предпринял попытки осуществить этот принцип на практике. Программа источниковедения истории СССР, изданная Московским историко-архивным институтом, по замыслу ее авторов, должна быть основана на выделении видов источников. Однако на деле мы видим в ней сочетание группировки источников по авторству и по видам, причем выделение последних произведено на совершенно различных основаниях.

Разработка общих принципов классификации исторических источников составляет в настоящее время одну из первоочередных задач теоретического источниковедения. При этом, как нам представляется, не следует думать, что может быть создана классификация, пригодная на все случаи исторического исследования. Классификация источников, привлекаемых историками для изучения той или иной темы, неразрывно связана с задачами исследования, его аспектом, конкретным составом документальных материалов. Поэтому в каждом данном случае исследователи будут разрабатывать конкретную классификацию источников. Однако могут и должны быть определены единые основные принципы классификации, применение которых обеспечивает научный подход к анализу изучаемых источников.

Важное научное значение имеет классификация по степени близости источника к отраженному в нем событию. Советское источниковедение восприняло выработанное еще буржуазной наукой представление о двух типах исторических источников: исторических остатках и исторической традиции (предании) [12]. К первому типу относятся те источники, которые сами являются остатками изучаемого факта или события. Сюда включаются не только все вещественные памятники (архитектурные памятники, бытовые предметы, оружие, монеты), но и подлинные письменные документы, созданные непосредственно в процессе того исторического действия, которое исследуется историком (законодательные акты, ведомственные распоряжения и приказы, договоры, уставы, записи речей и выступлений, протоколы, переписка, различные хозяйственные акты и т. п.).

Ко второму типу относятся источники, не являющиеся непосредственным остатком какого-либо исторического факта, а возникшие в результате того впечатления, которое этот факт произвел на современников или потомков, сообщивших о нем в той или иной форме. Источники такого типа передают историческое событие так, как оно отразилось в сознании современников. Это не сам факт, а его отражение в источнике (различного рода отчеты, корреспонденции в прессе, мемуары, книги и статьи публицистов, экономистов и т. п. в той мере, в какой они могут быть использованы как источник об описываемых в них фактах и т. д.).

В зависимости от принадлежности источника к одному из этих двух типов меняются задачи и приемы их критики и интерпретации. Как совершенно справедливо пишет академик М. Н. Тихомиров, «исторические остатки являются более правдивым материалом, чем историческая традиция. Но количество их невелико; кроме того, они охватывают обычно лишь небольшой круг исторических явлений. При всей ценности исторических остатков без помощи исторической традиции невозможно было бы написать связную историю многих народов.

Историк должен пользоваться как историческими остатками, так и исторической традицией» [13].

---

[12] См., например, А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч. Т. II, стр. 385—387.

[13] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 7. Ср. его же. «Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря». «Археографический ежегодник за 1958 год». М. 1958, стр. 11.

Для источников первого типа, как правило, достаточно установит их подлинность, чтобы определить тем самым и подлинность историч ского факта. Этим еще не заканчивается решение задачи выяснени достоверности сведений источника, но осуществляется оно уже мет дами собственно исторического анализа, а не чисто источниковедческ го. Для источников второго типа установление их подлинности еще н решает вопрос о том, что сообщаемый источником факт действитель имел место. Установление подлинности документа в данном случа лишь первый этап источниковедческого анализа. За ним должен п следовать второй этап — выяснение оснований и меры достоверност источника.

Выяснение принадлежности источника к одному из указанных дв типов — необходимое условие правильного определения задач и приемо его критики. Однако при этом нужно всегда помнить об условност этого разделения. Очень немногие источники могут быть раз навсегд отнесены к тому или иному типу. Большая часть источников, особенн по новейшему периоду истории общества, сложна по своему характер Отнесение их к первому или второму типу в каждом конкретном сл чае зависит от задач и аспекта исследования.

Возьмем такой важнейший источник по истории советского общ ства, как решения съездов Советов. В этих документах содержатся че кая марксистско-ленинская оценка действительности, научно обоснова ные определения основных тенденций развития страны. В том случа когда историк исследует политику Советского государства, для не этот источник сам является историческим фактом, воспринимаемым н посредственно.

Однако в том случае, когда исследователь использует конкретн данные и свидетельства этого источника, например, о развитии пр мышленности и сельского хозяйства, то перед ним уже не сам ист рический факт, а отражение факта в решении съезда Советов. Од это обстоятельство выдвигает перед исследователем ряд сложных исто никоведческих задач, связанных в первую очередь с выяснением пр исхождения и характера содержащихся в нем конкретных сведени Весьма часто такие сведения были получены в результате текущего уч та, имели предварительный характер. Особенно это относится к до ментам первых 15—20 лет Советской власти. Они были достаточны д выяснения основных тенденций развития. Однако в настоящее врем исследователь может уже воспользоваться окончательными данным данными полного учета. Вполне естественно, что при этом он обяз обосновать правомерность использования тех или иных данных, указа причины и характер их расхождения.

Принципы классификации источников по их происхождению бы намечены еще до революции. Однако конкретное применение этих при циппов в буржуазном источниковедении для нас либо неприемлемо, ли в лучшем случае недостаточно.

С генетической точки зрения буржуазное источниковедение сводил классификацию документов к выделению публичных и частных исто ников. Так группировался актовый материал, так же классифицирое лись и летописи. Советские историки дали обстоятельную критику эт формалистической классификации. Для источниковедения истории с ветского общества эта классификация вообще неприемлема.

В буржуазном источниковедении выделялись также такие груп источников, как произведения народного творчества (былины, истор ческие песни, сказания и т. д.) и произведения индивидуального тво чества[14]. Эти группы целесообразно выделить и при классификац источников советской эпохи. Однако жизнь породила новый вид тво

[14] См., например, А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 402.

чества — творчество коллективное. Произведения коллективного творчества стали едва ли не основной категорией источников по истории социалистического общества.

Наконец, существенное значение имеет классификация по форме источников, по способам передачи материала (нормативные, повествовательные, статистические и т. п.) и другим внешним признакам.

Установление системы классификации источников на основании всех указанных выше принципов не может, разумеется, входить в задачу авторов настоящей статьи. Для нас достаточно отметить здесь, что научная классификация источников возможна только при одновременном учете их происхождения, содержания и формы. Необходимо заметить также, что между различными рубриками классификации источников нет непроходимых стен, ибо трудно найти источник, относящийся строго к той или иной категории.

Классификация источников составляет первую, подготовительную стадию их критики. Основной задачей последней является выяснение достоверности источника. Решение этой задачи, как и разработка проблем источниковедения в целом, отнюдь не может быть возложена только на источниковедов, тем более, что таковых среди исследователей истории советского общества единицы. Над решением этой задачи должны работать прежде всего сами историки-исследователи. Различие между ними и источниковедами в данном случае сводится лишь к тому, что для источниковеда критический анализ источника является непосредственной целью исследования, а для историка — составным элементом, средством исследования определенной конкретно-исторической проблемы. Историк может опираться на результаты исследования источниковедов, если таковые имеются, но при отсутствии их он должен сам осуществить научную критику используемых им источников.

Буржуазное источниковедение разработало систему критики источников, которая включает в себя ряд этапов. В работе Ш. Сеньобоса и В. Ланглуа было дано определение двух основных стадий или этапов критики источников: внешняя, или низшая, форма и внутренняя, или высшая. Основной целью первой стадии критики источника они считали «предварительные исследования, относящиеся ко внешности письма, языка, форм источников» [15].

Основной целью высшей стадии критики источника, по их мнению, являлось выяснение достоверности сведений «путем умозаключений по аналогии, заимствованных явлений большей частью из психологии и имеющих целью воспроизвести душевное состояние автора» [16].

Определение задач критики источника, данное буржуазными источниковедами в указанной работе, не может быть в основе своей принято марксистской наукой. Оно по своей сути идеалистично: вместо выяснения классовой и политической направленности источника на первый план выдвигается изучение психологии и душевного состояния его автора. Методы критического анализа источников, предложенные Ш. Сеньобосом и В. Ланглуа, сводятся главным образом к текстологическому анализу, умозаключениям и аналогиям. Для буржуазного источниковедения характерен также отрыв внешней критики от внутренней. Так, Ш. Сеньобос и В. Ланглуа, считая внешнюю критику черновой работой, заявляли, что историк может не выполнять ее.

Советские источниковеды также считают, что критический анализ источников методологически правильно осуществлять по двум стадиям, или этапам. Однако понимание этих этапов советскими историками принципиально отличается от буржуазного. Первая стадия критики источника имеет своей целью установить его подлинность, то есть принад-

---

[15] В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Указ. соч., стр. 51.
[16] Там же.

лежность его определенному автору или учреждению, от имени которог выступает источник, выяснение времени и места создания источника анализ его внешних особенностей (почерк, шрифт, печать, материал, и которого он сделан). Совершенно очевидно, что выяснение этих вопро сов значительно упрощается и облегчается применительно к источника новейшего времени. Тем не менее перечисленные выше задачи источни коведческого анализа отнюдь не могут быть сняты или игнорируемы В ряде случаев приходится осуществлять работу и по выявлению автор ства. Достаточно напомнить хотя бы тот факт, что по ряду работ, в част ности статей из газет «Искра», «Пролетарий» и «Правда», опубликован ных без подписей или под псевдонимами, не сразу было установлено ав торство В. И. Ленина [17].

Ряд источников по истории советского периода не имеет точной да тировки. В отдельных случаях имеющаяся в источнике дата является ошибочной и требует исправления. Так, в работе Э. Б. Генкиной в сво время была выяснена ошибочность датировки телеграммы Г. К. Орджо никидзе В И. Ленину из Екатеринодара [18]. Важное значени для правильного понимания истории разработки плана ра грома Деникина осенью 1919 г. имело установление Н. Ф. Кузьмины действительной даты письма И. В. Сталина к В. И. Ленину, отправлен ного из Серпухова [19]. Источниковедческий анализ названного письм в статье Н. Ф. Кузьмина нам представляется одним из наиболее уда ных в литературе по истории советского общества.

Таким образом, выяснение происхождения источника, времени и м ста его создания имеет важное значение и при анализе источников сове ского периода. Понятие внешней критики в буржуазном источниковед нии является очень узким. В значительной мере она сводилась к комп лексу определенных приемов для выяснения подлинности источника.

В работах буржуазных историков первая стадия источниковедч ского анализа обычно заканчивалась установлением автора источник даты и места его создания и его внешних особенностей, то есть опред лением происхождения источника в узком смысле. Мы полагаем, чт задачей первой стадии источниковедческого анализа следует считат выяснение происхождения источника как в узком, так и в широко смысле этого слова. Советские историки, помимо совершенно обязател ного решения названных вопросов, должны раскрыть связь источни с определенной эпохой, проанализировать классовые идейно-политич ские позиции создателей данного источника.

После того, как выяснено происхождение источника, перед ист риками встает задача научного критического анализа его сведений целью выяснения их полноты и достоверности. Это вторая важнейша стадия работы с источником; она совершенно необходима для форм лирования научно обоснованных выводов. Здесь, как и на первой ст дии работы с источником, историк-марксист в отличие от буржуазно историка исходит прежде всего из понимания связи источника с ко кретной исторической эпохой, его классового содержания и идейно-пол тической направленности.

Проверка содержания источника начинается нередко с установл ния его подлинного текста. В начале 30-х годов проф. С. Н. Валк пр делал большую работу по проверке и сличению с подлинниками опубл кованных декретов Октябрьской революции. Эта работа показывае какое огромное значение для проверки достоверности сведений исто ников и устранения имеющихся ошибок имеет установление подлинно

---

[17] См. В. И. Ленин. П.С.С. Т. I, стр. VII.

[18] Э. Б. Генкина. Борьба за Царицын. М. 1940, стр. 63.

[19] Н. Ф. Кузьмин. К истории разгрома белогвардейских войск Деникина. «Во просы истории», 1956, № 7, стр. 30—32.

текста источника[20]. Столь же существенно выявление первоначальных источников того или иного документа и его составных частей. Помимо решения этих задач, необходимо также проводить сопоставление и взаимную проверку сведений различных источников. При этом существенное значение имеет синтетический анализ родственных источников. Разумеется, такой анализ не должен базироваться преимущественно на сходстве внешних признаков источников, что характерно для буржуазного источниковедения. Он должен исходить из правильного марксистско-ленинского понимания внутреннего содержания источников.

Для научного анализа источников большое значение имеет определение достоверности фактических данных источника, дат, географических названий, персоналий, цифр и др. Понятие достоверности источника в марксистско-ленинской трактовке значительно шире, чем в буржуазной. Оно не ограничивается выяснением правильности отдельных фактов, содержащихся в источнике, а включает в себя и выяснение достоверности интерпретации источником определенных фактов или явлений. Такой критический источниковедческий анализ является составной частью научного исследования.

Особое внимание должна привлечь задача разработки принципов и методов научного использования массовых по своему характеру источников.

Можно выделить несколько групп массовых источников, весьма различных по содержанию и форме, но требующих в конечном счете одних приемов изучения. К ним прежде всего относятся собственно статистические материалы, затем, пожалуй, следует назвать анкетный материал, имеющийся у исследователя, как правило, в первичном виде и, к сожалению, не всегда перерабатываемый в статистический. Наконец, массовым источником мы называем также такую совокупность однородных «частных» документов об отдельных конкретных лицах, хозяйствах, предприятиях, организациях и т. п., которые доступны для статистической обработки и в целом могут дать представление о всем изучаемом явлении — социальных группах, отрасли народного хозяйства, экономическом процессе, политическом движении и т. п. Этот ценнейший, но очень «сырой» материал используется часто только иллюстративно, путем произвольной выборки двух-трех «частных» свидетельств, подтверждающих то или иное положение. Так используются, например, годовые отчеты предприятий и общественных организаций.

Перед исследователем таких массовых источников встает задача найти способы научного использования всей совокупности документов. Повествовательное изложение их с последовательным анализом каждого в отдельности невозможно. Нам думается, что здесь наиболее эффективными и экономичными являются приемы статистического изучения. В последнее время на страницах журнала «Исторический архив» начато обсуждение весьма интересных приемов публикации массовых документов. Речь идет о «сокращенной передаче текста с разработанным формуляром», то есть, проще говоря, в виде статистических таблиц[21]. Нам представляется, что эти приемы должны найти место и в методике исследования исторических источников.

Овладение способами статистической обработки и анализа массовых источников будет серьезным шагом в деле совершенствования ме-

---

[20] «Декреты Октябрьской революции». М. 1933.

[21] См. Б. Г. Литвак. О некоторых приемах публикации источников статистического характера. «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 155—166; его же. Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи. «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 191—194. Попытку применить эти принципы в работе с источниками советского периода сделал В. З. Дробижев (см. его статью «Некоторые вопросы передачи текста массовых источников». «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 143—149).

тодики исследовательской работы по истории советского общества, на пути действительного преодоления иллюстративности в наших работах.

«Социально-экономическая статистика — одно из самых могущественных орудий социального познания...» [22],— подчеркивал В. И. Ленин. Он видел в статистике средство, позволяющее «установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться...» [23], по которому можно было бы проверить общие выводы и рассуждения. Изучение статистических источников, разработка методики статистического анализа должны составить, на наш взгляд, одну из первоочередных задач источниковедения по истории советского общества.

За последние годы, особенно после XX съезда КПСС, заметно поднялся научный уровень исследований и документальных публикаций по истории советского общества. В монографиях и статьях по тем или иным проблемам истории социалистического и коммунистического строительства шире привлекается документальный материал, все более изживается иллюстративность, схематизм, голословность выводов. Создание таких обобщающих трудов, как «История КПСС» и «История СССР. Эпоха социализма», способствовало поднятию на более высокую ступень научной разработки истории советского общества.

Однако еще нельзя сказать, что недостатки в научном использовании источников в работах по истории советского общества и в публикации этих источников полностью преодолены.

Известно, что научная разработка той или иной проблемы требует от исследователя изучения всего комплекса относящихся к ней источников. К сожалению, в работах по истории советского общества особенно часто нарушается это кардинальное требование, наблюдается чрезмерное увлечение одними источниками в ущерб другим. В печати неоднократно отмечалось, что многие работы по истории советского общества базируются преимущественно на нормативных материалах (постановления, резолюции, планы и т. п.). Изучение этой группы источников имеет очень важное значение для понимания исторического процесса. Тем не менее нельзя глубоко и всесторонне показать те или иные явления исключительно на этой группе источников.

Значительное место при изучении истории советского периода занимают источники, отражающие результаты и итоги развития на тех или иных конкретно-исторических этапах, в тех или иных областях. Эти источники по праву привлекают внимание исследователей. Но очень часто в наших работах не уделяется должного внимания источникам, отражающим ход исторического процесса во всей его динамике и сложности, в различных опосредствованиях. Мы все еще больше изучаем исходные моменты событий и их результаты, нежели процесс во всей его сложности. Указанный недостаток проявляется не только в историко-экономических исследованиях, где он, пожалуй, встречается наиболее часто, но весьма явно обнаруживается во многих работах по политической истории, истории культуры и т. п. Одним из примеров могут послужить некоторые работы по истории образования СССР. Их авторы не изучили в полной мере такие источники, как стенографические отчеты XII съезда РКП(б), стенографические отчеты съездов компартий республик, съездов Советов и сессий ЦИК, что привело к известному схематизму в характеристике процесса образования СССР.

Следуя ленинским принципам научного исследования, историк

---

[22] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 400.
[23] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 266.

марксист должен привлекать, как уже говорилось, все относящиеся к его проблеме источники. Вполне понятно, что на каждой данной стадии развития науки могут быть источники, которые по тем или иным причинам еще не открыты исследователем или недоступны ему. Историк, однако, должен быть уверен, что в его распоряжении находятся источники, которые раскрывают достаточно полно наиболее существенные черты и закономерности исследуемого им процесса.

Совершенно нетерпимым является такое явление, когда историк насильственно притягивает данные источника к сформулированному им выводу. Подобные случаи, к сожалению, еще имеют место в наших работах. Так, Д. Л. Златопольский, желая подкрепить свой неверный вывод о том, что до образования СССР национальные республики (УССР, БССР и Закавказские республики) являлись частями РСФСР, ссылается на резолюцию VI съезда Советов УССР, принятую в декабре 1921 года[24]. На деле в резолюции VI съезда Советов УССР говорится вовсе не о том, что УССР является частью Российской Федерации, а о том, что она является «частью общесоветской федерации»[25], то есть договорной федерации независимых советских республик.

Недостатки исследований по истории советского общества с источниковедческой точки зрения состоят не только в узости и односторонности конкретно-исторической базы. Не менее отрицательно на результаты исследований влияет и, если можно так выразиться, потребительское отношение к источнику, отсутствие стремления критически разобраться в его происхождении, составе и достоверности сообщаемых им данных.

Вопрос о проверке достоверности сведений, сообщаемых источником в работах по истории советского общества, вообще ставится очень редко. Между тем в ряде случаев это настоятельно необходимо. Так, до сих пор подготовку и проведение вооруженного восстания в октябре 1917 г. в Петрограде историки освещают преимущественно на основании воспоминаний. Конечно, мемуары сообщают по данному вопросу очень ценные факты, нередко не получившие отражения в других источниках. Однако историки, работающие много лет над изучением этой проблемы, до сих пор не осуществили необходимой критической проверки сведений воспоминаний. Между тем если сопоставить хотя бы мемуары членов Петроградского ВРК (например, В. А. Антонова-Овсеенко, Н. И. Подвойского, Г. И. Чудновского, П. Е. Дыбенко), то можно убедиться в наличии в них существенных расхождений и разночтений по одним и тем же вопросам. Более того, эти расхождения имеются даже между различными изданиями одних и тех же мемуаров. Речь идет не о каких-либо деталях, а о таких важных вопросах, как встречи с В. И. Лениным и совещания у него, штурм Зимнего и т. п. Разночтения, имеющиеся в мемуарах, зачастую попадают и в работы историков, порождая недоумение у читателя.

В работах по истории социалистического преобразования сельского хозяйства имеют место случаи некритического использования непроверенных, первых попавшихся под руку, подчас второстепенных документов. В результате некоторые авторы впадают в противоречия, рисуют картину, далеко не точно воспроизводящую действительность, а то и вовсе ее искажающую. Так, авторы брошюры «Партия — организатор колхозного строя» в подтверждение совершенно правильной мысли о том, что в 1926—1927 гг. «Коммунистическая партия добилась новых успехов в развитии сельского хозяйства», приводят данные, совершенно не отвечающие действительности и отнюдь не подтверждающие при-

---

[24] Д. Л. Златопольский. Образование и развитие СССР как Союзного государства. М. 1954, стр. 102.

[25] «Собрание узаконений Украины». 1921, № 26, ст. 749.

веденную выше мысль. Вот эти данные: «В 1913 г. посевные площади составляли 119,1 млн. га, а в 1928 г. они составляли 115 млн. га»[26]. В действительности посевные площади страны в границах до 17 сентября 1939 г. не сократились на 4,1 млн. га, а возросли на 8,0 млн. га — со 105 млн. га в 1913 г. до 113 млн. га в 1928 году[27]. Откуда проистекает ошибка? За 1928 г. авторы приводят данные без вычета посевов, погибших от засухи, морозов и по другим причинам, тогда как в статистике принято проводить сопоставление продуктивных площадей. Хуже другое: в брошюре сопоставляются посевные площади 1928 г. в границах СССР до 17 сентября 1939 г. с посевными площадями 1913 г. в границах Российской империи. Иначе говоря, здесь нарушается один из самых элементарных принципов статистики, когда сопоставляются совершенно несопоставимые данные. Это далеко не единичный случай. В капитальном труде П. И. Лященко данные о валовых сборах зерновых в 1913 г. в границах Российской империи сопоставляются с данными 1923—1925 гг. в границах СССР того времени[28]. Чтобы представить себе, насколько велика ошибка, заметим, что в 1913 г. на территориях Российской империи, которые в 1923—1925 гг. еще не вошли в состав СССР, производилось почти 1 млрд. пудов зерновых, то есть около $^1/_5$ общего валового сбора[29]. Если бы не было этой ошибки, несколько иными были бы выводы автора о состоянии сельского хозяйства к концу восстановительного периода.

В недавно изданной брошюре И. Г. Булатова приводятся данные, согласно которым объем заготовок хлеба в СССР в 1927/28 г., то есть в период хлебозаготовительного кризиса, по сравнению с 1926/27 г. возрос на 1,0%[30], тогда как на самом деле он сократился на 5,3%[31]. В 1928/29 г. хлебозаготовки сократились еще на 2,2%[32], а по данным автора — на 18,5%[33]. Эти ошибки — результат использования непроверенных сведений, взятых из источника, который в данном вопросе не может претендовать на точность («Сборник материалов к двум сессиям Советов Центросоюза СССР и РСФСР», изданный в 1929 г.). Вызывает удивление, что несколько выше И. Г. Булатовым приводятся столь же далекие от окончательных сведения о росте товарной зерновой продукции (по сравнению с довоенным уровнем) — с 37% в 1927 г. до 58% в 1929 году[34]. Если бы за два года был возможен такой прирост товарного хлеба в стране, то вряд ли бы так остро стояла тогда проблема хлебных заготовок.

Чрезмерные преувеличения допускаются иногда при характеристике процесса дробления крестьянских хозяйств накануне коллективизации. Особенно грешат этим работы Е. Н. Кочетовской, в которых без ссылки на источники утверждается, что «число крестьянских хозяйств в СССР за период с 1917 и по 1928 г. с 16 млн. увеличилось до 25 млн.»[35]. Подобные утверждения встречаются и в целом ряде других

---

[26] «Партия — организатор колхозного строя». М. 1958, стр. 28.

[27] См. «Социалистическое строительство СССР». М. 1934, стр. 176—177; «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах». М. 1957, стр. 172; «Народное хозяйство СССР в 1958 году». М. 1959, стр. 386, и др.

[28] См. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. III, М. 1956, стр. 134.

[29] Там же; «Народное хозяйство СССР в 1958 году. Статистический ежегодник». М. 1959, стр. 352.

[30] И. Г. Булатов. Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации. М. 1960, стр. 84.

[31] «ЦУНХУ Госплана СССР. СССР за 15 лет. Статистические материалы по народному хозяйству». М. 1932, стр. 267.

[32] Там же.

[33] И. Г. Булатов. Указ. соч., стр. 84.

[34] Там же, стр. 18.

[35] Е. Н. Кочетовская. Национализация земли и колхозы в СССР. М. 1956, стр. 34; ср. ее же. Национализация земли в СССР. М. 1952, стр. 165.

работ. Между тем нет ни одного источника, который бы свидетельствовал о катастрофическом дроблении крестьянских хозяйств, в частности нет ни одного источника, в котором бы говорилось, что в 1917 г. на территории СССР было 16 млн. крестьянских хозяйств. Близкая к этой цифра (около 16 млн. хозяйств) встречается в сочинениях И. В. Сталина, но там она отнесена к довоенному времени (без точной датировки) [36]. Наиболее достоверным и точным источником с данными о количестве крестьянских хозяйств накануне революции является сельскохозяйственная перепись 1916 года. Согласно итогам этой переписи, накануне революции на территории СССР в границах до 17 сентября 1939 г. насчитывалось 21 008,6 тыс. крестьянских хозяйств [37]. Эти данные не меняют вывода о наличии экономически неблагоприятного процесса дробления крестьянских хозяйств, однако они говорят и о том, что не следует преувеличивать масштабы этого процесса.

Можно было бы умножить примеры ошибок, допущенных при исследовании статистических данных. Однако приведенные выше примеры уже достаточно ясно показывают, к каким печальным последствиям приводит отставание в разработке проблем источниковедения по истории советского общества.

Недостоверная передача и трактовка тех или иных исторических фактов подчас возникают из-за того, что историк основывается на показаниях второстепенных источников или неправильно передает содержание документов. Так, в изданной в 1953 г. работе В. В. Пентковской «Первый съезд Советов СССР» историческое решение октябрьского Пленума ЦК РКП(б), принявшего предложение В. И. Ленина об образовании СССР, было выдано за решение комиссии ЦК РКП(б), которая, как известно, приняла решение об «автономизации» республик. В подтверждение В. В. Пентковская сослалась на такой источник, как газета «Бакинский рабочий», где решение октябрьского Пленума ЦК РКП(б) называлось решением комиссии ЦК РКП(б) [38]. В результате этой ошибки история подготовительных мероприятий к образованию СССР некоторое время излагалась не вполне достоверно. Показательно, что ошибка В. В. Пентковской была повторена в ряде книг, изданных после опубликования ее работы. Это свидетельствует о том, что авторы этих книг не обращались к самостоятельному анализу материалов по теме. Как известно, сама В. В. Пентковская признала свою ошибку и много сделала для правильного освещения истории образования СССР [39].

Общим существенным недостатком в подходе к изучению источников является то обстоятельство, что мы зачастую берем источники как бы вне времени, не раскрывая их связи с определенной исторической эпохой, в которую они возникли. Такой лишенный историзма подход к источникам не позволяет дать им должный критический анализ, показать, что в содержании данных источников было обусловлено историческими условиями времени их создания, и в дальнейшем отмерло, а что выдержало проверку временем. Необходимость исторического подхода к документам и проверки их временем неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Так, говоря о разработке программы партии на VII съезде РКП(б), В. И. Ленин отмечал, что программа разрабатывается в трудных условиях гражданской войны и отсутствия у Советской власти должного опыта, что «в ней, конечно, может быть много ошибочного, не говоря уже о редакционных и стилистических неточностях...» [40]. Далее

---

[36] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 40, 179.

[37] ЦСУ СССР. Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923—1927 гг. М. 1930, стр. 2—3.

[38] В. В. Пентковская. Первый съезд Советов СССР. М. 1953, стр. 46—47.

[39] В. В. Пентковская. Роль В. И. Ленина в образовании СССР. «Вопросы истории», 1956, № 3.

[40] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 113.

В. И. Ленин подчеркнул, что «ошибки, которые мы сделаем», поправи жизнь[41]. К сожалению, надо признать, что ленинские указания о необ ходимости соблюдения принципов историзма при анализе документо не всегда соблюдаются историками.

Известно, какое большое значение имеет введение в науку новы фактов. Историки, изучающие историю советского общества, за послед нее время стали уделять больше внимания исследованию архивных до кументов, что повысило научный уровень их работ.

В то же время необходимо указать, что в подходе к изучению архив ных документов у нас еще имеет место известного рода примитивизм В отдельных случаях историк полагает, что достаточно сослаться на ар хив, чтобы тем самым подчеркнуть значимость документа и установит достоверность фактов. Не всегда историки указывают, какие именн источники они исследовали в архиве, между тем известно, что в архива наряду с источниками, имеющими большое научное значение, хранятся маловажные документы, содержащие недостоверные сведения.

Имеет место и своеобразный «архивный фетишизм», когда историк пренебрегают опубликованными документами, ссылаясь на архивы даж в тех случаях, когда используют уже опубликованные материалы. С. Сер геев в книге «Социалистическая индустриализация Урала» (см. стр. 8 приведя выдержку из решений первого съезда совнархозов, дает ссылк на архив, в то время как решения съезда совнархозов были опубликова ны. В. Я. Непомнин в содержательной работе «Очерки истории социал стического строительства в Узбекистане» (см. стр. 51), говоря о декрет совнаркома Туркестанской АССР, ссылается на архив, хотя этот декре был опубликован. При исследовании исторического процесса ценност источника определяется не тем, где он хранится, а тем, что представляю собою сообщаемые им сведения.

Необходимость разработки ряда проблем источниковедения вызы вается быстрым ростом в последние годы документальных публикаций п истории советского общества. Особенно большое количество документо и материалов было опубликовано в связи с 40-летием Великой Октябр ской социалистической революции. Уже сам факт вовлечения в научны оборот огромной массы источников требует осмысления их научной це ности, выяснения приемов их правильного использования. Вместе с те следует чаще и шире обобщать практику публикаций. Эти задачи не мо гут быть разрешены в рамках данной статьи, и авторы не ставят их перед собой. Однако нам хотелось бы поделиться некоторыми наблюдениям по этому поводу.

Ознакомление с изданиями документов и материалов по истории со ветского общества показывает прежде всего, что среди них до сих по преобладают тематические публикации. Разумеется, этот тип публикаци вполне имеет право на существование, но здесь, во-первых, всегда имеетс опасность неполного раскрытия темы, а во-вторых, особенно часто набл даются элементы субъективизма в отборе источников. Значительно боле строгие научные принципы положены в основу публикаций по видам ил группам источников. Об этом свидетельствуют, например, видовые публ кации источников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. И данная им еще в 1933 г. публикация «Декреты Октябрьской революци (под редакцией М. М. Орахелашвили, составитель С. Н. Валк) являетс большим достижением советской археографии. На весьма высоко научном уровне осуществляется Институтом марксизма-ленинизма изд ние протоколов съездов и конференций нашей партии. К числу лучш документальных изданий последних лет должна быть отнесена публик ция документов по истории внешней политики Советского Союза[42]. Эт

[41] Там же, стр. 114.
[42] «Документы внешней политики СССР». Тт. I—IV. М. 1957—1960.

публикации включают полный, окончательный текст документов, содержат обстоятельный научный комментарий.

Положительной оценки заслуживает и издаваемая Институтом марксизма-ленинизма совместно с Институтом истории АН СССР публикация документов «Декреты Советской власти». Правда, в этой публикации имеются отдельные недочеты. В отличие от публикации 1933 г. в ней не воспроизведена полностью подготовительная работа над текстом и не приведены все разночтения. Серьезное научное значение имеет издание Институтом права АН СССР новой документальной серии «Съезды Советов в постановлениях и резолюциях». В это издание включены постановления всех республиканских съездов Советов. Заслуживают одобрения также издания собраний законодательных материалов СССР и РСФСР о земле и земельных отношениях за 1917—1954 гг., о колхозах и колхозном строительстве за 1917—1958 годы [43]. Можно лишь пожалеть, что составители ограничились переизданием документов из «Собрания законов СССР» и «Собрания узаконений РСФСР», не включив в свои сборники законодательные акты других союзных республик и так называемые протокольные постановления СНК СССР и СТО, СНК РСФСР и ЭКОСО РСФСР, никогда ранее не издававшиеся.

Значительно ниже научный уровень публикации «История Советской Конституции» (М. Юриздат. 1958). Многие документы в ней даны в извлечениях и с купюрами. В предисловии указывается, что из источников опущены якобы те места, которые не относятся к теме публикации. На деле, однако, это далеко не так. Например, из резолюций VII конференции КП(б)У опущен пункт, в котором говорилось о порядке формирования Совета национальностей. Вряд ли можно считать, что этот пункт не относится к теме публикации. Примеры такого рода неоправданных купюр в документах этого сборника можно было бы умножить.

Весьма велик удельный вес купюр (ни одна из которых не оговорена) в сборниках «Национализация промышленности в СССР» и «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)». В последнем пропуски в документах настолько значительны, что их использование подчас крайне затруднено. Например, постановление Ковровского уездного земельного комитета о проведении в жизнь Декрета о земле от 26 ноября 1917 г. дается в сборнике без первого, второго и начала третьего пунктов. Причем в той части третьего пункта постановления, который был оставлен, составителями сделаны еще две купюры [44]. Из резолюции Ржевской уездной крестьянской конференции по земельному вопросу от 7 мая 1918 г. даны только второй и третий разделы, начало и конец резолюции опущены [45]. Отчет о распределении земли в Боровском уезде от 22 мая 1918 г. дан также без начала и окончания [46]. Все эти и многие другие документы целиком посвящены проблемам, указанным в заголовке сборника и, следовательно, должны были публиковаться полностью.

Злоупотребление купюрами является одним из самых существенных недостатков многих документальных публикаций. В тематическом сборнике возможна, конечно, публикация отдельных документов в извлечениях. Однако, по нашему мнению, могут опускаться только те части публикуемого документа, которые не связаны прямо или косвенно с темой сборника. Во всех остальных случаях извлечения не могут быть оправданы. При этом в каждом случае должна даваться точная оговорка. Указание на содержание опущенной части документа совершенно необходимо,

---

[43] «Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР (1917—1954 гг.)». М. 1954; «История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР (1917—1954 гг.)». Тт. I—II. М. 1959.

[44] «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)». Документы и материалы. М. 1954, стр. 259.

[45] Там же, стр. 282—283.

[46] Там же, стр. 284—285.

ибо взгляд на ее соответствие теме у составителя сборника и у исследователя, который воспользуется этим сборником, может быть различным.

Отметим еще одну характерную особенность документальных публикаций по истории советского общества. Каждой публикации, естественно, предпосылается предисловие или введение. За очень редким исключением содержание вводных очерков исчерпывается описанием содержания публикуемых материалов и указанием на их научную важность. Авторы таких очерков весьма часто берут на себя труд по анализу и обобщению свидетельств документов. В то же время в большинстве случаев исследователь не находит во введениях столь полезной и необходимой источниковедческой характеристики документов: описания фондов, единиц хранения, собраний, из которых они были извлечены, анализа их происхождения, состава, характера, достоверности, определения их места среди других документальных источников по данной проблеме. А ведь без выяснения всех этих вопросов не может быть и речи о серьезном исследовании документов. Нам думается, авторы вводных очерков к сборникам документов в первую очередь должны заниматься строгим выполнением своих прямых обязанностей: давать источниковедческую характеристику публикуемых материалов и раскрывать особенности их археографической подготовки.

Все сказанное выше, как нам представляется, достаточно убедительно показывает, насколько важным для изучения истории советского общества становится разработка источниковедческих проблем.

Что же представляет собой советская источниковедческая литература? В каком состоянии находится у нас теория источниковедения, без развития которой немыслимо решение практических задач критики исторического источника?

Советское источниковедение развивалось в борьбе против буржуазных концепций и взглядов. Известна определенная положительная роль М. Н. Покровского в борьбе против буржуазной историографии, в критике теории буржуазного источниковедения, в частности идеалистической концепции А. С. Лаппо-Данилевского. В то же время М. Н. Покровский был склонен игнорировать ценные конкретные выводы буржуазных историков и некоторые разработанные ими технические приемы анализа источников. Такая нигилистическая постановка вопроса являлась, разумеется, неверной.

В своих работах М. Н. Покровский подчас умело применял методы научного анализа источников. Так, в статье «Противоречия г-на Милюкова» М. Н. Покровский, критически анализируя источники, обстоятельно раскрыл фальсификацию исторических фактов Милюковым. Бесспорно, положительное значение имело выступление М. Н. Покровского на Первом съезде архивных деятелей РСФСР в 1926 году. Оно было направлено против попыток «преобразовывать» исторические документы с целью сделать их доступными «для всякого крестьянина и каждого рабочего» (с обоснованием таких попыток выступил тогда Домбровский). Эти попытки М. Н. Покровский квалифицировал как «совершенно ни с чем не сообразную вещь» и решительно высказался против подобных приемов: «Я должен сказать, как коммунист и историк, что от этого принципа мы должны отмежеваться. Мы не имеем никакого права давать в руки крестьянина и рабочего фальсифицированные документы, заключающие в себе не то, что в действительности написано. Нашим первым долгом перед пролетариатом и перед крестьянством является быть правдивыми» [47].

Однако неверная трактовка ряда коренных проблем исторического

[47] «Протоколы Первого съезда архивных деятелей РСФСР». М. 1926, стр. 277.

прошлого в работах М. Н. Покровского, до крайности узкое и потому ошибочное определение источника как простого продукта классовой борьбы, как «кривого зеркала истории», его парадоксальное заявление о том, что хронология «не имеет ничего общего с действительностью»,— все эти обстоятельства не могли не сказаться отрицательно на разработке марксистской теории источниковедения до середины 30-х годов. Нельзя также забывать и то, что в ряде своих работ М. Н. Покровский очень вольно обращался с историческими фактами.

С начала 20-х до середины 30-х годов было опубликовано мало работ, посвященных проблемам источниковедения. Из этих работ следует отметить статью Н. Авдеева «О научной разработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции» [48]. В этой статье весьма обстоятельно обосновывалась необходимость научного критического анализа источников по истории партии. В конце 20-х и в начале 30-х годов были изданы работы А. В. Шестакова, Г. П. Саара и С. Н. Быковского, посвященные методике исторического исследования [49]. Из этих работ наибольший интерес представляет книга С. Н. Быковского, в которой была сделана попытка преодолеть разрыв между внешней и внутренней критикой источника, разработать новую схему источниковедческого анализа. В книге имеются отдельные положения, для нас неприемлемые. Так, при определении понятия «исторический источник» С. Н. Быковский исходил из того, что историческим источником является лишь то свидетельство, в котором впервые встречается упоминание о том или ином факте. Нетрудно видеть, что такое определение не может быть принято хотя бы уже потому, что оно крайне сужает круг источников.

Работа А. В. Шестакова может быть определена скорее как изложение некоторых технических приемов изучения источников для начинающих историков, а не как разработка методики исследования. Причем А. В. Шестаков отводил источникам, по существу, чисто служебную роль, так как они, согласно его схеме, должны были подбираться к заранее сформулированным пунктам темы. Соответственно этому взгляду изложены и рекомендации приемов исследовательской работы, дающие мало полезного историкам, либо вовсе неприемлемые. Книга Г. П. Саара представляет собою популярное изложение концепции буржуазного источниковедения. Автор сам писал о себе как о последователе Ш. Сеньобоса и В. Ланглуа.

Критика ошибок М. Н. Покровского в решениях партии и правительства сыграла большую роль в подъеме советской исторической науки, в успешном развитии марксистского источниковедения. Работы Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, В. К. Яцунского, А. А. Новосельского, В. И. Шункова и других видных советских историков сыграли большую роль в развитии марксистско-ленинской теории источниковедения. Хотя труды названных выше ученых посвящены анализу источников дореволюционного периода, общие источниковедческие выводы, сделанные ими, разумеется, применимы и к источникам советского периода. Естественно, что специалисты по истории России эпохи феодализма и капитализма разрабатывали те или иные проблемы источниковедения только в связи с конкретными задачами своих исследований. Число специальных источниковедческих работ не столь велико, причем они посвящены преимущественно отдельным, узким отраслям источниковедения дореволюционной истории, носят прикладной характер (палеография, метрология и т. п.). Больше сделано за последние годы в области археографии. Вышли в свет работы С. Н. Валка, В. В. Максакова, К. Г. Митяева, М. С. Селезнева и других авторов.

---

[48] «Пролетарская революция», 1925, №№ 1, 2.

[49] А. В. Шестаков. Методика исторического исследования. Воронеж. 1929; Г. П. Саар. Источники и методы исторического исследования. Баку. 1930; С. Н. Быковский. Методика исторического исследования. Л. 1931.

Однако мы не можем назвать не только современной книги, но и статьи, в которых были бы систематически рассмотрены основные теоретические проблемы источниковедения, разработаны важнейшие принципы классификации и критики источников, методики их исследования.

Что же касается источниковедения советского периода отечественной истории, то здесь приходится констатировать сильное отставание и в разработке теории источниковедения и в изучении конкретных памятников эпохи. На развитии научной критики источников отрицательно сказалось влияние последствий культа личности, приводившего к догматическому толкованию одних источников и игнорированию свидетельств других источников. В среде историков высказывались даже совершенно неверные мнения, что научная критика источников неприменима к источникам советской эпохи.

Исторические решения XX съезда КПСС и преодоление последствий культа личности подняли историческую науку в СССР, и в частности научную разработку истории советского общества, на новую ступень.

В настоящее время вопросы источниковедения все более привлекают внимание исследователей истории советского общества. С 1954 г. возобновилось издание непериодического сборника «Проблемы источниковедения». В нем было опубликовано несколько статей, ставящих некоторые общие вопросы анализа и публикации источников. Среди последних особо следует отметить статью В. К. Яцунского «Вопросы источниковедения в трудах Ленина по социально-экономической истории» (вып. IV, 1955). В ней сделана попытка охарактеризовать основные виды источников, использованных в этих трудах В. И. Ленина, и методы их исследования. В печати совершенно справедливо отмечалось, что статья В. К. Яцунского кладет начало серьезному изучению вопросов источниковедения в трудах В. И. Ленина, что она «нуждается в продолжении как им самим, так и другими лицами, работающими в этой области» [50]. Следует отметить, что в наших журналах стали появляться статьи и других авторов по этой важной проблеме. Среди них обращает на себя внимание работа молодого историка В. И. Буганова о методах работы В. И. Ленина над статистическими источниками [51].

В сборниках «Проблемы источниковедения» появился также ряд работ, посвященных анализу отдельных видов или групп источников по истории советского общества. Таковы статьи Н. А. Ивницкого (вып. IV, 1955), М. Н. Черноморского о промышленных переписях 1920—1923 гг. (вып. V, 1956), И. И. Варжо об источниках по истории советской аграрной политики 1917—1918 гг. (там же) и др. Не все статьи удачны [52], однако самый факт их появления,— бесспорно, положительное явление. На наш взгляд, вызывает интерес предпринятая Н. А. Ивницким попытка обобщенной характеристики материалов определенного архивного фонда в целом. Нам представляется крайне желательным появление подобных обзоров по основным фондам центральных и местных архивохранилищ. Само собой разумеется, что наряду с работами такого рода необходимы исследования об источниках по отдельным проблемам истории советского общества, о различных видах и группах источников.

К сожалению, в «Проблемах источниковедения» работы по источникам советского периода появляются очень редко. Восполнению этого пробела почти не содействует журнал «Исторический архив», на страницах которого, казалось бы, источниковедение должно было найти большое место. Однако журнал «Исторический архив» даже не ставит перед собой такой задачи. В передовой статье о программе журнала, опубликованной в первом номере за 1955 г., о необходимости разработки источниковедче-

[50] См. «Исторический архив», 1956, № 4, стр. 263.

[51] См. «Вопросы истории», 1960, № 7.

[52] См рецензию на V выпуск «Проблем источниковедения» в «Истории СССР», 1957, № 2, стр. 167—168.

ских проблем даже не упоминалось. Весьма печально, что редакция в своей практической деятельности почти неукоснительно следовала этой программе.

Заметную работу в области источниковедения советского периода за последние пять лет развернула кафедра вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института. Несомненным успехом является подготовка и издание сотрудниками этой кафедры программы курса источниковедения истории СССР и учебных пособий по отдельным видам источников советской эпохи. Составляя программу, авторы исходили из научного положения об органической связи источника с эпохой.

Программа не лишена ряда существенных недостатков. Выше уже отмечалось отсутствие единства принципов классификации источников. Обращает внимание также отсутствие раздела, посвященного критике источников враждебного лагеря. Между тем овладение навыками критики такого рода источников представляется необходимым как с научной, так и с политической точки зрения.

Опубликованные Историко-архивным институтом учебные пособия по методике источниковедческого анализа советских статистических изданий, советской периодики и мемуаров советских людей являются первыми и до сих пор единственными пособиями по отдельным видам источников, относящимся к истории советского общества. Автор этих пособий М. Н. Черноморский осуществил полезную работу.

Однако не все изданные пособия равноценны по своему научному уровню. Наиболее удачным, на наш взгляд, является пособие по мемуарам. В нем дан интересный критический обзор больших групп мемуаров советских людей и охарактеризованы научные приемы проверки достоверности сведений мемуаров. Имеются отдельные неверные и спорные положения. Очень нечетко охарактеризовано автором отличие мемуаров советской эпохи от мемуаров дореволюционного времени. Так, нельзя согласиться с утверждением автора, что «все дореволюционные мемуары настойчиво обходят вопросы классовой характеристики и классовой сущности политики царизма, подменяя их различного рода анекдотами из жизни царей и их приближенных» [53]. Не следует забывать, что и в дореволюционное время издавались мемуары революционных деятелей. Нельзя также обесценивать и сводить к «анекдотам из жизни царей» мемуары деятелей литературы, искусства, науки и даже таких представителей царской бюрократии, как, например, С. Ю. Витте.

По меньшей мере спорно следующее утверждение автора: «Советской мемуарной литературе особенно свойственна специфика мемуаров, как источников, т. е. способность памяти улавливать и сохранять такие стороны исторических событий, которые не могут найти свое отражение в каких-либо других видах источников» [54]. Почему это свойство является особенностью именно мемуаров советских людей, остается тайной автора.

Приводимое им правильное положение о меньшей тенденциозности мемуаров советских людей сравнительно с мемуарами представителей эксплуататорских классов отнюдь не является объяснением сделанного им вывода о специфике советских мемуаров. По нашему мнению, наличие в мемуарах сведений, сохраненных в памяти и не нашедших отражения в других источниках, является особенностью, свойственной мемуарам вообще. Не совсем ясно изложен автором вопрос о субъективности мемуаров. Из характеристики, даваемой им различным изданиям мемуаров П. И. Вершигоры, можно сделать вывод о том, что устранение из мемуаров всех элементов, характеризующих взгляды и настроения очевидца событий в период их свершения, повышает ценность мемуаров как ис-

---

[53] М. Н. Черноморский. Мемуары как исторический источник. М. 1959, стр. 4.

[54] Там же, стр. 4.

точника [55]. На деле мемуары особенно ценны в том случае, если они отражают подлинные настроения участников событий.

За последнее время появилось несколько статей, авторы которых поднимают вопрос о мемуарах, как источниках. Особенно следует отметить статью А. Лукашева, С. Шаумяна, С. Щепрова в журнале «Коммунист» (1959 г., № 11), в которой справедливо ставился вопрос о необходимости критической проверки сведений мемуаров и были подвергнуты резкой критике существенные недостатки, имевшие место в мемуарной литературе о деятельности В. И. Ленина. Интересные статьи, посвященные мемуарам как источникам, были опубликованы в журналах «Вопросы истории КПСС» и «Вопросы истории» [56].

Ценным источником по истории советского общества является периодическая печать. Использование ее сведений занимает большое место в работах по истории советского общества. Для изучения целого ряда проблем, особенно общественно-политической жизни, пресса служит одним из основных источников. Пресса дает возможность, в частности, ярко показать жизнь советских людей, вопроизвести колорит эпохи. К сожалению, у нас имеют место факты, когда историки берут из прессы лишь единичные, разрозненные факты в виде иллюстраций вместо систематического изучения ее свидетельств. Тем более настоятельной является необходимость в хорошем источниковедческом пособии для изучения такого источника, каким является печать. В изданном Историко-архивным институтом пособии по периодике сделана попытка определить место прессы в ряду других источников. В нем в целом правильно оценивается значение прессы. Но пособие имеет и серьезные недостатки. Источниковедческий анализ в этом пособии подменен частью историей советской печати за 1917—1923 гг. (причем совершенно непонятно, почему автор ограничился только этим периодом), частью описанием газетных материалов (передовые статьи, документальные материалы, оперативные материалы, статьи, информации, очерки и т. п.) безотносительно к их научной ценности.

Автор не попытался определить сравнительную ценность различных групп газетных материалов как источников для исторического исследования. Между тем исследователь не может не проводить с этой точки зрения различия между документальными материалами, опубликованными в прессе, статейными материалами, корреспонденциями и т. п. Если такие документальные материалы, как законодательные акты и т. п., являются непосредственным остатком самих исторических событий, то статьи и корреспонденции, не говоря уже о газетном очерке,— отражением этих событий в сознании современников и уже поэтому нуждаются в более критическом подходе.

При характеристике, например, газетной информации в пособии говорится: «По существу газетная информация составляет основную канву, по которой ученый получает возможность изучить исторический процесс в его хронологической последовательности и всем разнообразии фактов, событий и явлений, их достоверность определяется той ответственностью, которую несут собственные корреспонденты за свои сообщения, и той проверкой, которой подвергается каждая информация» [57]. С этим выводом автора нельзя согласиться.

Газетная информация, корреспонденция по своему происхождению и характеру являются источником иллюстративным и часто односторонним. Использовать этот источник можно лишь как дополнительный к соб-

---

[55] Там же, стр. 69.

[56] «Вопросы истории КПСС», 1957, № 1; 1958, № 5; «Вопросы истории», 1960, № 12.

[57] М. Н. Черноморский. Периодическая печать. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М. 1956, стр. 43—44.

ственно документальному материалу. Корреспонденции при исследовании большей части проблем общественного развития историку не могут дать ничего, кроме суммы примеров, некритическое отношение к которым может увести в сторону от действительности. Известна критическая направленность советской прессы в 20-х гг. (об этом М. Н. Черноморский упоминает почему-то только в разделе о заметках рабселькоров[58], хотя указанная особенность в такой же мере относится и к другим газетным материалам). Напомним хотя бы о возражениях М. Горького против чрезмерной критичности прессы[59]. В годы наибольшего распространения культа личности пресса, напротив, изображала порой действительность в приукрашенном виде. Что же за картину нарисует историк, если газетная информация явится «основной канвой», по которой он будет изучать исторический процесс?

Наконец, об ответственности авторов документа за его достоверность как исторического источника. С этой точки зрения материалы прессы не составляют исключения. Архивные материалы (например, какие-либо ведомственные документы) также составлены людьми, несущими ответственность за их правильность, также подвергались проверке в соответствующих учреждениях. Однако эти соображения не могут освободить исследователя от необходимости проверки фактов.

Учебное пособие «Статистические источники»[60] дает начинающему исследователю первое представление об основных отраслях социально-экономической статистики (промышленность, труд, сельское хозяйство и народонаселение), знакомит его с правилами чтения таблиц, рассказывает о первых стадиях критического анализа статистических материалов (организация сбора статистических данных, порядок их разработки и, наконец, анализ собственно табличных материалов).

К сожалению, небольшим кругом работ, рассмотренных выше, исчерпываются пособия по источниковедению истории советского общества. Ни в количественном отношении, ни по своему качеству они не могут удовлетворить возросшие потребности исторической науки. Перед специалистами, занимающимися историей советского общества, встает задача создания учебных пособий и обобщающих трудов по источниковедению и методике исследования источников. Чтобы решить эту задачу, необходима длительная, кропотливая работа большого коллектива специалистов по источниковедческому анализу огромного количества различных документов и материалов. Пока же, к сожалению, в этом направлении работают только отдельные энтузиасты.

Созданию крупных обобщающих и теоретических работ, а также учебников по источниковедению советского периода отечественной истории должно предшествовать появление большого числа специальных исследований об отдельных источниках или их группах, об архивных фондах и статистических изданиях, законодательных памятниках, газетах и т. д. И чем скорее, чем более широким фронтом развернется работа в этом важном направлении, тем быстрее скажутся ее результаты в действительном повышении научного уровня изучения истории советского общества.

---

[58] Там же, стр. 43.

[59] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 173—174.

[60] М. Н. Черноморский. Статистические источники. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М. 1957.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙНАХ В РОССИИ XVII—XVIII ВЕКОВ

В. В. Мавродин

В настоящей статье ставится задача дать обзор развития советской исторической науки в области изучения крестьянских войн в России XVII—XVIII веков.

Классики марксизма-ленинизма проявляли большой интерес к проблеме крестьянских восстаний в России. Известно, что К. Маркс конспектировал книгу Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Выписки из этой работы, замечания по поводу отдельных мест и т. п. говорят о том, с какой большой симпатией относился К. Маркс к Разину. Наибольшее его внимание привлекли социальные предпосылки восстания [1]. Основоположники научного социализма отмечали также слабые стороны крестьянского движения в России, в частности, присущий ему наивный монархизм, отражавший мировоззрение крестьян той поры [2].

Огромное внимание уделял борьбе крестьян В. И. Ленин. Очень важны в этом отношении мысли, высказанные им в связи с крестьянским движением конца XIX — начала XX века. В. И. Ленин подчеркивал стихийность, неорганизованность классовой борьбы крестьянства в России, носившей характер «бунтов»; указывал на отсутствие у крестьян элементарного политического сознания. «Когда было крепостное право,— писал он,— вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли» [3]. В. И. Ленин отмечал, что лозунгами крестьян были требования «черного передела», «земли и воли» [4]. Именно они являлись лейтмотивом «прелестных писем» Болотникова и Разина, манифестов, указов и обращений Пугачева. Социальным идеалом крестьянства было «общежитие свободных и равноправных мелких крестьян», стремление к которому «проходит через каждый исторический шаг крестьян» [5]. Вместе с тем В. И. Ленин указывал, что крестьянство «относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе» [6].

★

Вооруженные марксистско-ленинской методологией, советские историки, критически восприняв все лучшее, что было достигнуто дореволю-

---

[1] См. К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая гвардия». 1926, № 1, стр. 104—125.
[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 262.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 384, см. также стр. 97.
[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 92—93.
[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 183.
[6] Там же, стр. 184.

ционной историографией в изучении народных движений, по-новому подошли к истории крестьянских войн XVII—XVIII веков. Однако правильные научные представления по этому вопросу утвердились не сразу. В 20-х годах появлялись еще работы, далекие по своим идейным позициям от марксизма-ленинизма. Так, Н. А. Рожков высказывал в 1918 г. меньшевистские взгляды на крестьянское движение. По его мнению, восстания Болотникова, Разина и Пугачева, хотя и были взрывами социального протеста, оставались реакционными, так как повстанцы «желали возврата назад», к порядкам... Киевской Руси [7]. Эти же оценки Н. А. Рожков сохранил и в своей «Русской истории» [8]. Известно, что В. И. Ленин назвал мысль о реакционности крестьянского движения «чудовищной, идиотской, ренегатской идеей», «чудовищным извращением марксизма» [9].

Близкие к утверждениям Н. А. Рожкова положения содержались в работах М. Я. Феноменова, С. И. Тхоржевского и Г. Ладохи. М. Я. Феноменов считал, что военными организаторами крестьянских восстаний в XVII и XVIII вв. были казаки. Но последние, как он полагал, могли переродиться в помещиков, «и тогда бы началась старая песня сначала». Феноменов утверждал, что в случае победы Разина сохранились бы монархия, государственная религия и церковь. Ни о какой перемене существующего строя якобы не могло быть и речи, ибо «дуван» и убийства будто бы исчерпывали «революционное творчество восставших» [10]. С. И. Тхоржевский, признавая Болотникова вождем социальных низов, считал, что возглавленное им движение, хотя и было классовым, не стремилось к общественному перевороту. «Дело должно было ограничиться только перемещением, так сказать, жителей нижнего этажа в верхний и обратно». Поэтому, по его словам, «не следует выделять движение Болотникова и придавать ему особое значение» [11]. Г. Ладоха утверждал, что в период так называемой смуты руководителями революционного движения были не крестьянские низы, а помещики и купцы [12].

Однако взгляды Н. А. Рожкова и его единомышленников не оказали существенного влияния на развитие исторической науки. В 20-е годы более широкое распространение получила точка зрения М. Н. Покровского, который не был последователен в оценке восстания Болотникова. М. Н. Покровский рассматривал его то как движение крестьян и холопов, то как движение южных помещиков и казаков, считая при этом рязанских дворян и детей боярских главной боевой силой [13]. Отход последних от восстания, утверждал он, и обусловил разгром Болотникова. По мнению М. Н. Покровского, крестьяне и холопы не были носителями идей нового общественного строя, ибо, как он утверждал, даже в случае их успеха социальные порядки остались бы прежними. Речь шла будто бы лишь о перемене мест: холопы и крестьяне стали бы обладателями вотчин и поместий и из их среды вышли бы новые воеводы, окольничие, дьяки и т. д. [14]. Позднее М. Н. Покровский подверг критике свои соб-

---

[7] Н. А. Рожков. Методика преподавания истории и история XIX века. Птгр. 1918, стр. 23.

[8] Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 4, ч. II. Птгр. 1922, стр. 8—15; т. 7. Птгр. 1923, стр. 77—78.

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 102, 103.

[10] М. Я. Феноменов. Разиновщина и Пугачевщина. М. 1923, стр. 11, 30, 88, 103, 135—145, 235.

[11] С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Пг. 1924, стр. 11—13.

[12] Г. Ладоха. Разинщина и пугачевщина. М.-Л. 1928, стр. 4.

[13] М. Н. Покровский. Болотников. Энциклопедический словарь братьев Гранат. Т. VI, стр. 242—243; его же. Смутное время. Там же, т. XXXIX, стр 643—658; его же. Русская история с древнейших времен. Т. II. М. 1920, стр. 48—50; его же. Русская история в самом сжатом очерке. М.-Л. 1931, стр. 71.

[14] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. II, стр. 48—50.

ственные взгляды, изложенные им в «Русской истории с древнейших времен» [15], и отказался от такой трактовки восстания Болотникова, признав его «крестьянской революцией». Вместе с тем он попытался раздвинуть хронологические рамки крестьянского движения начала XVII века. Лжедмитрий I, полагал М. Н. Покровский, выступил против бояр и крупных купцов, «богатых помещиков и капиталистов» и был якобы «противодворянским» царем [16]. Лжедмитрия II он характеризовал то как казацкого и дворянского, то как казацко-крестьянского царя [17].

М. Н. Покровский не уделил должного внимания восстанию С. Разина. В «Русской истории с древнейших времен» он обошел его молчанием, а в «Русской истории в самом сжатом очерке», в предисловии к публикации «Пугачевщина» (т. I) и в книге «Историческая наука и борьба классов» написал о нем всего лишь несколько строк. Восстание Разина М. Н. Покровский рассматривал как «казацко-крестьянскую революцию», обусловленную развитием торгового капитала [18].

У М. Н. Покровского был ряд последователей. Так, С. И. Тхоржевский, разделяя его точку зрения на социальный характер Тушинского лагеря, полагал, что программа «тушинского вора» будто бы не отличалась существенно от программы Болотникова [19]. Под влиянием М. Н. Покровского находился и Н. Н. Фирсов. В 1922 г. он считал, что восставшие во главе с Болотниковым крестьяне и холопы «не думали о каком-либо коренном изменении общественного порядка». В 1924 г. Н. Н. Фирсов писал, что крестьянство в период смуты поверило — «пришла пора сбросить с себя крепостную петлю и вернуть себе землю и волю» [20]. К тому же Болотников сулил им землю и волю и объявил беспощадную борьбу имущим классам [21]. Спустя некоторое время Н. Н. Фирсов снова вернулся к своей идее о том, что во время смуты речь шла лишь о «перемене мест», ибо восставшие холопы и крестьяне хотели сами стать боярами, воеводами и т. п., не помышляя о социальном переустройстве общества. Правда, такого рода социальное содержание борьбы народных масс Н. Н. Фирсов стал связывать уже не с Болотниковым, а с «тушинским вором» [22]. Заслуживает внимания постановка Н. Н. Фирсовым вопроса о том, что борьба народных масс за землю одновременно была борьбой и за власть [23].

По мнению В. И. Пичеты, к Лжедмитрию I примкнуло только казачество. Народные низы поднялись лишь под руководством Болотникова. «Восстание Болотникова — движение социальное, а не политическое, движение, направленное против командующих классов, державших в своих руках земельный капитал» [24]. Ю. В. Готье усматривал в событиях начала XVII в. и династический, и политический, и социальный кризис. Во времена Лжедмитрия I, считал Ю. В. Готье, «волна еще только поднималась», и лишь после его смерти в движение включились широ-

---

[15] М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов. Т. II. М.-Л. 1933, стр. 228; его же. Русская история в самом сжатом очерке, стр. 51.

[16] М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, стр. 44—50.

[17] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. II, стр. 51—76; его же. Русская история в самом сжатом очерке, стр. 51.

[18] «Пугачевщина». Т. I. М.-Л. 1926, стр. 4; М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов. Т I. М.-Л. 1933, стр. 90; его же. Русская история в самом сжатом очерке, стр. 60—61.

[19] С. И. Тхоржевский. Указ. соч., стр. 13.

[20] Н. Н. Фирсов. Крестьянские волнения до XIX в. О народных движениях в России в XVII веке. «Исторические характеристики и эскизы». Т. I. Казань. 1922, стр. 118; его же. Народные движения в России до XIX века. М. 1924, стр. 67.

[21] Н. Н. Фирсов. Крестьянские волнения до XIX в., стр. 118—119; его же. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. М.-Л. 1927, стр. 51.

[22] Н. Н. Фирсов. Крестьянская революция на Руси в XVII веке, стр. 55—56.

[23] Там же, стр. 121—124.

[24] В. И. Пичета. История крестьянских волнений в России. Минск. 1923, стр. 26—28.

кие народные массы и началась социальная борьба [25]. С. Н. Быковский характеризовал Болотникова как «выдающегося вождя крестьянской войны начала XVII века» [26]. В. Н. Нечаев расценивал восстание Болотникова как движение, стремившееся к социальным переменам и носившее антикрепостнический характер, причем сам Болотников постарался и сумел придать стихийному движению организованный характер. Причину поражения Болотникова В. Н. Нечаев видел в соглашении его с боярско-дворянскими элементами, враждебными самой идее и социальной направленности восстания [27].

Таким образом, уже в 20 — начале 30-х годов отдельные советские историки были склонны рассматривать восстание Болотникова как крестьянскую войну. Однако этому восстанию не было уделено должного внимания, чего нельзя сказать о восстании Разина.

Работы тех лет, посвященные крестьянской войне под предводительством Разина, можно разделить на две группы. К первой следует отнести сборники [28], отдельные публикации и исследования [29]. Эти работы не претендовали на широкие обобщения, и основная их ценность заключалась в тех материалах, которые вводились в научный оборот, в обзоре и комментировании источников. Наибольший интерес представляют исследования, специально посвященные этой теме. Среди них следует отметить труды С. Г. Томсинского, Б. Н. Тихомирова, Н. Н. Фирсова, М. Я. Феноменова и С. И. Тхоржевского [30].

Особое внимание привлекает обстоятельная книга Б. Н. Тихомирова [31]. Давая общую оценку восстанию Разина, он писал, что крестьянин стремился стать свободным товаропроизводителем. Крестьянская война или крестьянская революция, что, по его мнению, одно и то же,

---

[25] Ю. В. Готье. Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия. Госиздат. 1921, стр. 35—59.

[26] С. Н. Быковский. Мнимая «измена» Болотникова. «Проблемы источниковедения». Сборник II. М.-Л. 1936, стр. 47.

[27] В. Н. Нечаев. Болотников. Эпизод крестьянской войны начала XVII века. М. 1931, стр. 76—77.

[28] «Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671 гг. Разинщина». М.-Л. 1931; «Материалы по истории крестьянских движений». Вып. 1. «Разгром Разинщины». Л. 1934.

[29] Б. Д. Греков. Новые материалы о движении Разина. «Летопись занятий Археографической комиссии». Вып. 34. Л. 1927; Д. Е. Кравцов. Отголоски Разинщины на Украине. «Труды» Института славяноведения. Т. II. Л. 1934; Н. С. Чаев. К истории Разинщины. «Вестник Академии наук СССР». 1933, № 4; В. И. Веретенников. Об иностранных современных событиях, источниках для истории разинского бунта. «Наукові записки науково-дослідчиї катедри історії европейскоі культури». Т. II. «Історія і література». Державидав України. 1927; А. А. Гераклитов. История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов. 1923; Б. Тихомиров. Источники по истории разинщины. «Проблемы источниковедения». Сборник I. М.-Л. 1933; Н. Ржига. Разиновщина и раскол. «Нижегородский краеведческий сборник». Н.-Новгород. 1924; М. Сменцовский. К истории казни Степана Разина. «Каторга и ссылка». 1932, № 3; его же. К портрету С. Т. Разина. Там же; М. Звенигородская. Социальные взаимоотношения в XVII в. и разиновщина в Симбирском крае. «Край Ильича». Сборник № 1, Казань, 1926; Л. Венедиктов. Заселение Поволжья и казацко-крестьянское движение в XVII в. «В крепостную эпоху на Средней Волге». Самара. 1934.

[30] С. Г. Томсинский. Очерки истории феодально-крепостной России. Ч. I. М.-Л. 1932; его же. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М. 1930; его же. Крестьянство в колониях Московского государства накануне восстания Разина. Сборник «Крепостная Россия». Л. 1930; его же. Разинщина. «Проблемы марксизма». 1930, № 2(4); его же. Предисловие к сборнику «Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671 гг. Разинщина»; Б. Тихомиров. Разинщина. М.-Л. 1930; Н. Н. Фирсов. Разин и разиновщина. Пугачев и пугачевщина. Казань. 1930; его же. Народные движения в России до XIX в. М. 1924; его же. Крестьянские волнения до XIX в.; М. Я. Феноменов. Указ. соч.; С. И. Тхоржевский. Стенька Разин. Исторический очерк. Серия «Образы человечества» Пб. 1923.

[31] В статье «Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века)» А. А. Зимина и А. А. Преображенского книга Б. Тихомирова ошибочно приписана М. Н. Тихомирову. См. «Вопросы истории» 1957, № 12, стр. 147.

была борьбой крестьянской собственности мелкого производителя-труженика с крупной собственностью феодала-эксплуататора [32]. Книга Б. Тихомирова страдала модернизмом, присущим большинству работ того времени [33]. Этот недостаток был особенно свойствен С. Г. Томсинскому. На страницах его исследований непрерывно мелькают выражения, переносящие нас из времен Разина в эпоху гражданской войны. По его мнению, разинцы боролись за ликвидацию крепостного строя, за «буржуазно-демократическое равенство», «за свободное развитие непосредственного крестьянского производителя», а само движение было борьбой «колоний» против «метрополии» [34]. Отмечая, что в восстании Разина принимало участие много деклассированных элементов, С. Г. Томсинский объяснял этим характерные для движения «элементы коммунистических лозунгов», а также направленность восстания, рассматривая его одновременно и как антикрепостническое и как антибуржуазное [35]. Однако в данном случае С. Г. Томсинский не был оригинален. Еще в 1919 г. подобные взгляды высказывал В. Фирсов, считавший, что главной силой восстания Разина была голытьба; крестьянин же будто бы вовсе не стремился тогда к борьбе с крепостничеством [36].

Н. Н. Фирсов рассматривал восстание Разина как борьбу крестьян, всего «черного народа» с крепостничеством, с классом феодалов в целом, борьбу за землю и волю. Большую роль в ней сыграло казачество — «самая радикальная форма общежития, какую только знает русская народная история». Этот строй, который Разин обещал осуществить по всей России, Н. Н. Фирсов называет «казацким» или «примитивным коммунизмом» [37]. Смешение понятий, относящихся к коммунистическому обществу, с примитивным первобытным равенством, уравнительными традициями крестьянской общины и казацкого «круга» и т. п. вообще свойственно для социологической схемы Н. Н. Фирсова.

С. И. Тхоржевский придерживался иного взгляда на характер движения Разина и считал, что среди казачества не существовало имущественного равенства и разинцы вовсе его не проповедовали и не стремились к нему. Говоря о социальной направленности движения, С. И. Тхоржевский полагал, что «успех восстания, вероятно, сделал бы Россию более буржуазной» [38]. В книге Г. Ладохи представления о «стихийном социализме масс», проявившемся в ходе восстания Разина, уживаются с таким, например, определением характера этого движения: «Крестьянство боролось за такое развитие капитализма, которое шло бы не через крепостное хозяйство, а через вольное, крестьянское». При этом Г. Ладоха писал, что «экономически этот путь был, пожалуй, возможен, но общественное развитие не создало еще силы, которая сорганизовала бы крестьян для победы» [39]. В. И. Пичета видел цель восстания Разина в уничтожении политических и социальных угнетате-

---

[32] Б. Тихомиров. Разинщина. ГИЗ. 1930, стр. 16—17.

[33] См. рецензию А. Королева на книгу Б. Тихомирова. «Историк-марксист». 1931 № 21, стр. 122—124.

[34] С. Г. Томсинский. Очерки истории феодально-крепостной России; его же. Предисловие к сборнику «Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671 гг. Разинщина»; его же. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. 1932; его же. Колонии Московского государства накануне восстания Разина. Сборник «Крепостная Россия». Л. 1929; его же. Разинщина «Проблемы марксизма». 1930, № 2.

[35] С. Г. Томсинский. Крестьянские движения в феодально-крепостной России, стр. 89.

[36] Владимир Фирсов. Стенька Разин — вольный атаман. М. 1919.

[37] Н. Н. Фирсов. Крестьянские волнения до XIX в., стр. 119; его же. Народные движения в России до XIX века, стр. 35—36.

[38] С. И. Тхоржевский. Стенька Разин, стр. 127.

[39] Г. Ладоха. Указ. соч., стр. 35—37.

лей народа и в достижении всеобщего социально-экономического равенства. Разин, по его мнению, являлся «защитником идеи всенародного царя», но в «пылу социальной революции», возглавленной им, погибли бы и царская власть и крепостнические порядки [40].

Причины поражения восстания Разина В. И. Пичета, Н. Н. Фирсов, С. И. Тхоржевский, М. Я. Феноменов, С. Г. Томсинский, А. Шефер [41] усматривали в стихийности, локальности, неорганизованности движения. Н. Н. Фирсов видел их, кроме того, в отсутствии рабочего класса, который мог бы выступить в роли руководителя восставшей голытьбы. Несколько иную позицию по этому вопросу занимал Б. Тихомиров, утверждавший, что в ходе движения проявилось известное стремление преодолеть крестьянскую разобщенность и неорганизованность [42]. М. В. Нечкина, в свою очередь, подчеркивала наличие у восставших сложной внутренней организации (казачий «круг» и т. п.) [43].

Значительное внимание в 20 — начале 30-х годов было уделено последней в истории России крестьянской войне — восстанию Пугачева. В журнале «Красный архив» были опубликованы ценные источники по этой теме [44]. Важную роль сыграло издание трехтомного собрания документов под общим названием «Пугачевщина», выполненное С. А. Голубцовым (тома I—III, М.-Л., 1926—1931).

В течение нескольких лет исследователи, разрабатывавшие отдельные вопросы истории крестьянской войны 1773—1775 гг., испытывали на себе влияние концепции М. Н. Покровского, изложенной им в ряде работ [45]. Восстанию Пугачева М. Н. Покровский посвятил специальную главу в третьем томе «Русской истории с древнейших времен». Подчеркивая всенародный характер восстания, он относил к его движущим силам крестьян (по его мнению, они были «не столько активной частью пугачевского войска, сколько его питательной средой»), башкир, яицких казаков и главным образом горнозаводских рабочих. «Без них не было бы той «пугачевщины», какую мы знаем,— было бы лишь слабое повторение одного из казацких бунтов, вроде булавинского» [46]. Анализируя пугачевские манифесты и именные указы, М. Н. Покровский писал: «Мы очень ошиблись бы, если бы приняли их манифесты за провозглашение земли и воли, хотя бы в самой примитивной форме» [47]. Речь шла только о том, чтобы превратить помещичьих крестьян в казенных, государственных. В «Русской истории с древнейших времен» была дана, по сути дела, отрицательная характеристика самого Пугачева [48].

В «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровский

---

[40] В. И. Пичета. Указ. соч, стр. 34—38.

[41] А. Шефер. Вольный атаман Стенька Разин — предводитель крестьянского восстания. М. 1923, стр. 44—45.

[42] Б. Тихомиров. Разинщина, стр. 18.

[43] М. В. Нечкина. Крестьянские революции — разинщина и пугачевщина. М.-Л. 1930, стр. 35, ее же. Как жили и боролись крестьяне в крепостное время. М. 1934, стр. 72—73.

[44] «Красный архив». 1925, т. 1 (8); 1935, т. 1 (68); т. 2—3 (69—70).

[45] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен (первое издание М. 1911); его же. Русская история в самом сжатом очерке. (Первое издание М. 1920); его же. Новые данные о пугачевщине. «Вестник Коммунистической Академии». 1925, кн. XII; его же. К вопросу о пугачевщине. «Историк-марксист», 1932, № 1—2; его же. Неправда об историках-марксистах. Н. Чужак. «Правда» о Пугачеве. «Историк-марксист». 1927, № 3; его же. К полуторастолетию смерти Е. И. Пугачева. «Правда», 27 января 1925 г.; предисловие к сборнику материалов «Пугачевщина». Т. I. М.-Л. 1926, и др. Критический обзор взглядов М. Н. Покровского на крестьянские восстания в России см. М. В. Нечкина. Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского. Сборник «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Ч. I. М.-Л. 1939.

[46] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. III. М. 1920, стр. 163, 171—176, 181, 184.

[47] Там же, стр. 189.

[48] Там же, стр. 174, 175.

отошел от ряда своих прежних взглядов. Отметив, что восстание Пугачева было ответом на «усиливающуюся капиталистическую эксплуатацию» крестьян, связанную с расцветом хлебной торговли, он писал, что сила движения состояла во «всеобщем черни волнении». Манифесты Пугачева рассматривались им как «полная программа освобождения крестьян не только с их землей», но и со всеми угодьями и освобождения их от государственных поборов, а Пугачев — как «смелый и ловкий агитатор, искусный военный предводитель»[49]. Вместе с тем М. Н. Покровский, как и раньше, считал, что «на уральских горнорабочих и горнозаводских крестьянах... держалась главная сила Пугачева» и их участие в восстании давало восставшим в течение некоторого времени технический перевес над правительственными войсками[50].

В статье «Новые данные о пугачевщине» (1925 г.) М. Н. Покровский еще раз отмежевался от характеристики Пугачева, данной им в «Русской истории с древнейших времен», и отметил, что «Пугачев — лично, персонально — был чрезвычайно крупной фигурой»[51]. Указав, что казаки «вовсе не были главным элементом... движения», М. Н. Покровский подчеркнул значение участия в нем провинциального купечества и крепостной интеллигенции. Характерна и общая оценка восстания 1773—1775 гг., содержащаяся в указанной статье: «Безнадежная по объективным условиям попытка... настоящей буржуазной революции эпохи торгового капитала»[52]. Однако вскоре М. Н. Покровский отказался от такой оценки восстания. В 1926 г. в предисловии к первому тому «Пугачевщины» он рассматривал последнее в основном как крестьянское движение, в котором казачество играло меньшую роль, чем во времена Разина[53]. Восстание Пугачева теперь стало выступать у Покровского и как движение нерусского населения Приуралья и уральских горнозаводских рабочих. Кроме того, это восстание характеризовалось им как имевшее известные элементы организованности, наиболее ярко выступавшие в устройстве войск и организации власти в освобожденных районах[54]. На основе приведенных выше положений М. Н. Покровский пришел к заключению, что «совместная борьба уральских горнорабочих... и крестьян напоминает нам о той политической смычке пролетариата и крестьянства, которая в тех же местах в 1919 г. помогла нам отбить и разбить Колчака»[55]. Подобного рода модернизация в оценке восстания 1773—1775 гг. имела место и в другой работе М. Н. Покровского (1927 г.), в которой он отмечал, что это «движение... было не казачье, а рабоче-крестьянское»[56].

В то же время, полемизируя с Н. Чужаком, М. Н. Покровский писал о Пугачеве: «Отсутствие индивидуальной идеологии... мешает причислить Пугачева к великим вождям»[57]. Но прошло немного времени, и в последней своей статье, посвященной крестьянской войне 1773—1775 гг., он признал Пугачева «одним из крупнейших (может быть, самым крупным) вождей крестьянских движений в России». В этой статье М. Н. Покровский полемизировал с Г. Е. Меерсоном, подхватившим его же тезис о пугачевском движении как буржуазной революции, и отмечал, что оно было «неизбежным последствием методов внеэкономического принуждения» (а не «капиталистической эксплуата-

---

[49] М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М. 1934, стр. 107, 109, 214.

[50] Там же, стр. 107, 108.

[51] «Вестник Коммунистической Академии». 1925, кн. XII, стр. 220.

[52] Там же, стр. 229, 235.

[53] «Пугачевщина», Т. I, стр. 4.

[54] Там же, стр. 6—7, 9—12.

[55] Там же, стр. 13.

[56] М. Н. Покровский. Неправда об историках-марксистах. Н. Чужак, «Правда» о Пугачеве. «Историк-марксист», 1927, № 3, стр. 219.

[57] Там же.

ции», как он утверждал в «Русской истории в самом сжатом очерке»), «типичным восстанием феодальных крестьян»[58]. В той же статье М. Н. Покровский подчеркивал, что, говоря о восстании Пугачева как о «буржуазной революции эпохи торгового капитала», он имел в виду то усиление феодальной эксплуатации крестьян, которое было продиктовано ростом торговли и обусловило восстание. Крестьянские восстания ставят целью ликвидировать дворянское и насадить крестьянское землевладение, а последнее, как известно, рождает буржуазию. Вот в таком, по его словам, «очень высоком теоретическом стиле и к «крестьянским восстаниям» приложим эпитет «буржуазных» (с оттенком «антифеодальных»)»[59].

Тезис М. Н. Покровского о том, что восстание 1773—1775 гг. являлось своеобразной формой буржуазной революции, развил Г. Е. Меерсон. Он поставил вопрос о капиталистических тенденциях в развитии крестьянства как основной причине восстания[60]. Имущественное расслоение крестьян было, по его мнению, теми дрожжами, на которых поднялось это восстание; гегемоном последнего являлся торговый капитал. Разгром этой «ранней буржуазной революции» объявлялся им поражением революционного, «американского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве, чем и была обусловлена последующая отсталость России.

Эту ошибочную точку зрения воспринял и С. А. Пионтковский, писавший, что буржуазия — мелкая, казацкая и торговая, особенно последняя — «составляла становой хребет пугачевских отрядов» и что манифесты Пугачева свидетельствуют об объективном стремлении повстанцев, ликвидировав «крепостническую привеску», создать все условия для развития «товарно-капиталистических отношений»[61]. Такого рода заявления, однако, не помешали Пионтковскому признавать восстание Пугачева «движением рабочих и крестьян», имевшим известные элементы организованности. Перу С. А. Пионтковского принадлежат также исследования по отдельным вопросам крестьянской войны 1773—1775 годов[62]. Им же написана первая статья по историографии крестьянских войн в России, в которой проводилась мысль о том, что пугачевское восстание отличалось от предшествующих крестьянских войн бо́льшей организованностью, более ярко выраженной идеей «буржуазной демократии», сложной идеологией, усилением в ней «буржуазных элементов»[63].

Восстанию 1773—1775 гг. посвящена и книга С. Симонова «Пугачевщина». Крестьянскую войну под предводительством Пугачева автор называл «третьей крестьянской революцией в России» или таким «видом буржуазной революции..., которая происходит в период, когда капитализм только проходит свои низшие ступени»[64]. По мнению С. Симонова, восстание Пугачева имело свою программу, сводившуюся к ликвидации феодальной собственности и феодальных основ эксплуатации. В усло-

---

[58] М. Н. Покровский. К вопросу о пугачевщине, стр. 75, 77.

[59] Там же, стр. 76—77.

[60] Г. Е. Меерсон. Ранняя буржуазная революция в России (Пугачевщина). «Вестник Коммунистической Академии». 1925, кн. XIII; его же. К историко-социологическому спору о пугачевщине. «Ученые записки» педагогического факультета Саратовского университета. Т. VII, вып. III. 1929.

[61] С. Пионтковский. Очерки истории России в XIX—XX вв. М. 1928, стр. 12—15.

[62] С. Пионтковский. Крестьянские выступления 1775—1798 гг. по данным Тайной экспедиции. «Историк-марксист». 1935, № 10(50); его же. Архив Тайной экспедиции о крестьянских настроениях 1774 г. «Историк-марксист». 1935, № 7(47); его же. «Предисловие» к допросу Е. Пугачева в Москве в 1774—1775 гг. «Красный архив». 1935, № 2—3.

[63] С. Пионтковский. Историография крестьянских войн в России. «Историк-марксист». 1933, № 6 (34), стр. 118.

[64] С. Симонов. Пугачевщина. Харьков. 1931, стр. 5.

виях разложения натурального хозяйства во второй половине XVIII в., утверждал он, ликвидация крепостничества означала бы превращение раскрепощенного непосредственного производителя в товаропроизводителя и, наконец, в капиталистического производителя [65]. С. Симонов считал, что в манифестах и указах Пугачева и пугачевцев собственность освободившихся от крепостничества «зажиточно-капиталистических элементов» «типа современного крупного кулака» бралась под охрану и ее неприкосновенность гарантировалась. Вместе с тем активное участие в восстании горнозаводских рабочих обусловило, по словам автора, наличие особой рабочей «программы-минимум» (повышение заработной платы, передача управления заводами в руки рабочих, обобществление средств производства и т. п.). Поэтому «программа крестьянской революции», имевшая целью ликвидировать крепостную систему, «раскалывалась на программу растущих буржуазных элементов и на программу растущих пролетарских элементов» [66].

С. Симонов усматривал в пугачевском восстании борьбу «стихийности», то есть неорганизованности, носителем которой были крестьяне, и «сознательности», то есть организованности, представленной казаками и рабочими. Борьба между этими двумя началами шла якобы в пользу организованности, что особенно характерно для начала восстания Пугачева. Завершает С. Симонов свою работу утверждением, что движение 1773—1775 гг. показало стремление крестьян добиться полной свободы в отношении развития своего хозяйства. В этом смысле восстание Пугачева, писал Симонов, «является краеугольным камнем для анализа дальнейшего буржуазного развития страны» [67]. Таким образом, С. Симонов фактически проводил мысль о пугачевском восстании как о буржуазной революции своеобразного типа.

Изучением крестьянской войны 1773—1775 гг. занимался и другой последователь М. Н. Покровского — С. Г. Томсинский. Называя это восстание одной из «революций», он полагал, что самой активной участницей его была богатая часть населения, а для социальных чаяний пугачевцев характерна была борьба «за буржуазный, капиталистический путь развития» [68]. Эти утверждения не помешали, однако, С. Г. Томсинскому выступить против Г. Е. Меерсона и заявить, что пугачевское восстание не революция, поскольку буржуазные элементы в России во второй половине XVIII в. были очень слабы [69]. В 1931 г. С. Г. Томсинский отказался от некоторых своих положений и пришел к выводу, что следует категорически отрицать за купечеством и торгующим крестьянством роль движущей силы восстания 1773—1775 гг., ибо таковой являлся «закрепощенный мелкий крестьянский производитель, который хотел стать свободным, самостоятельным товаропроизводителем» [70]. Впрочем, представления С. Г. Томсинского о социальных стремлениях крестьян крайне противоречивы. Он полагал, например, что в случае победы восстания помещичье хозяйство пошло бы по пути капитализации, а помещичье государство — по пути буржуазных реформ [71]. В результате создается впечатление, будто восставшие собирались договориться с помещиками и их государством о форме и степени уступок и не ставили вопрос о ликвидации крепостнической системы, власти дворянства в целом.

---

[65] Там же, стр. 122—123, 125, 126—127.
[66] Там же, стр. 129—134.
[67] Там же, стр. 140—151, 159.
[68] С. Г. Томсинский. Роль рабочих в пугачевском восстании. «Красная новь». 1932, № 2, стр. 180—181; его же. Крестьянские движения в феодально-крепостной России, стр. 159.
[69] С. Г. Томсинский. О характере пугачевщины. «Историк-марксист». 1927, № 6.
[70] «Пугачевщина». Т. III. М.-Л. 1931. Предисловие, стр. III, VI—VIII.
[71] С. Г. Томсинский. О характере пугачевщины.

С. Г. Томсинский обращал внимание на классовую пестроту, а также на социальную и национальную рознь в лагере Пугачева. Он, как и М. Н. Покровский, С. Пионтковский и С. Симонов, подчеркивал особую роль рабочих, которые внесли в движение элементы организованности, сплоченности, дисциплины, хотя никакой идеологии, отличной от крестьянской, у рабочих, по мнению С. Г. Томсинского, тогда еще не было.

М. Н. Покровский оказал большое влияние и на тех историков, которые в первые годы Советской власти стояли еще на позициях буржуазной историографии. Они принимали концепцию М. Н. Покровского за подлинный марксизм-ленинизм, и поэтому их взгляды на восстание Пугачева представляли собой сочетание «социологии» в духе М. Н. Покровского и обычных буржуазных представлений о классовой борьбе крестьян. Примером могут служить последние работы Н. Н. Фирсова. В вышедшей в 1930 г. книге, посвященной восстаниям Разина и Пугачева, он отдал должное и «торговому капиталу», и «хлебным ценам», и различного рода «революциям», и той модернизации, которая была свойственна «школе Покровского» вообще. Так, второй период восстания Пугачева, когда центром движения стали Урал и Прикамье, он называл «заводской революцией», а третий — «крестьянской революцией». Восставших он именовал «истинно народной, демократической армией» и писал, что Пугачев действовал «с революционной решительностью». По мнению Н. Н. Фирсова, восстанию 1773—1775 гг., хотя оно и остается стихийным, типично крестьянским, все же присущи известные элементы организованности, привнесенные горнозаводскими рабочими [72]. Однако в целом второе (1921 г.) и третье (1924 г.) издания «Пугачевщины» Н. Н. Фирсова почти ничем не отличались от дореволюционных изданий этой книги.

А. Берс, один из первых в годы Советской власти исследователей пугачевского восстания на Урале, высказал несколько интересных соображений по этому вопросу. Он пришел к выводу, что восстание Пугачева — это широкое и мощное народное движение, и признавал общность интересов всего трудового народа в борьбе с крепостничеством. Но в то же время А. Берс допускал в своей книге такие выражения, как «бунтовщики», «банды инсургентов» и т. п.[73]. М. Я. Феноменов считал восстание 1773—1775 гг. шагом назад по сравнению с восстанием Разина, а Пугачева — игрушкой в руках яицких казаков. Кульминационным пунктом движения являлось, по его мнению, крестьянское движение в Поволжье, когда «не было, в сущности, Пугачева, а была одна пугачевщина» [74]. М. Я. Феноменов отмечал, что восстание 1773—1775 гг. отличалось от восстания Разина своим более крестьянским характером, участием горнозаводских рабочих, большей социальной, антифеодальной направленностью, четкостью лозунгов. Однако все эти мысли не вяжутся с выводом, к которому приходит М. Я. Феноменов в итоге своего исследования. «Движение Пугачева,— писал он,— было реакционно: оно в случае успеха должно было стереть с лица земли зародыши русского капитализма», а так как движение Пугачева носило «хозяйственно-реакционный характер», то оно было обречено на неудачу [75].

Не избег влияния М. Н. Покровского и А. А. Савич. Он считал, что восстание 1773—1775 гг.— «это первая, известная нам в истории России, смычка рабочих и крестьян», «прототип» и «пролог» Великой Октябрьской социалистической революции. Такие утверждения все же не помеша-

[72] Н. Н. Фирсов. Разин и разиновщина. Пугачев и пугачевщина, стр. 75, 80, 82—84, 89, 90—92, 98; его же. Крестьянские волнения до XIX в. Работы Н. Н. Фирсова подверглись критике (см. С. Г. Томсинский. О фирсовщине (ответ Н. Н. Фирсову). «Проблемы марксизма». 1930, № 5—6).

[73] А. Берс. Пугачевщина на Урале. Екатеринбург. 1924.

[74] М. Я. Феноменов. Указ. соч., стр. 158, 220—221.

[75] Там же, стр. 235.

ли ему сделать некоторые интересные наблюдения, например, о том, что перед восстания Пугачева с заводов уходили заводские крестьяне, а м сторовые, у которых не было земли, оставались на месте [76]. Массовом крестьянскому движению на правом берегу Волги на последнем этап крестьянской войны посвятил свою книгу «Пугачевщина в помещичье России» С. И. Тхоржевский. Он пришел к ряду заслуживающих внимн ния выводов (роль «русской жакерии» в крестьянской войне 1773-1775 гг., слабость правительственной системы как фактор, определявш географические рамки восстания и др.) [77]. Определяя сущность движени 1773—1775 гг., С. И. Тхоржевский писал: «Это было типичное мужицко восстание, потому что главной движущей силой его была крестьянска масса, по своей объективной тенденции это было буржуазное движени ибо победа его обеспечила бы развитие буржуазного способа произво ства» [78]. Он подчеркивал, что нельзя видеть в восстании «дело рук то стосумов — торговцев из крестьян». «Это было,— заявлял С. И. Тхоржев ский, — движение буржуазное по своей объективной цели... но глубо демократическое по социальному составу». С таким выводом, прав трудно примирить утверждения С. И. Тхоржевского о том, что движ ние казаков, башкир и горнозаводских крестьян «смотрело не вперед а назад» [79], что два первых этапа восстания, до крестьянской «жакери в Поволжье, были реакционным движением.

В работе «История крестьянских волнений в России» В. И. Пиче коснулся также восстания Пугачева. Он считал, что социальные прот воречия обострились еще до начала движения. Пугачев же в своих м нифестах лишь выразил социальные чаяния крестьян [80].

Ряд работ, посвященных восстанию 1773—1775 гг., вышел из-по пера М. Н. Мартынова [81]. Это были серьезные монографические иссл дования по отдельным вопросам истории крестьянского движения по предводительством Пугачева. М. Н. Мартынов писал, что «пугачевщин могла вылиться в форму грандиозного массового восстания, но не мог превратиться в революцию». Не считая «пролетариат» того времени г гемоном движения, ибо «пролетариат в эпоху пугачевщины еще нах дился в стадии образования», он не находил также возможным говори о ведущей роли купечества и торгующего крестьянства в восстании Руководителями движения на заводах Южного Урала, по мнени М. Н. Мартынова, были казаки. Отрицая наличие у горнозаводских р бочих России XVIII в. пролетарской идеологии (с этим нельзя не согл

[76] А. А. Савич. Пугачевщина на Урале. «Экономика». 1925, № 4 (23); его ж Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVII—XX вв. М. 1931.

[77] С. И. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. Восстание правой стороне Волги в июне — октябре 1774 года. М. 1930; его же. Крестьянст и пугачевщина. К вопросу о социальном содержании пугачевщины. «Записки научно общества марксистов». 1928, № 4; его же. Социальный состав пугачевщины. «Труд России». 1925, кн. 1.

[78] С. Тхоржевский. Крестьянство и пугачевщина, стр. 73.

[79] Там же, стр. 171, 178, 179.

[80] В. И. Пичета. Указ. соч., стр. 51—56.

[81] М. Н. Мартынов. Пугачевцы в ссылке на Севере. «Борьба классов». 19 № 1—2; его же. Пугачевское движение на уральских заводах. «Записки научно общества марксистов», 1928, № 1; его же. Пугачевское восстание на заводах Южн Урала. Там же, 1928, № 2; его же. Пугачевское движение на заводах П мского края. «Сборник «Крестьяне России». Л. 1930; его же. Воскресенский за во время восстания Емельяна Пугачева. Послесловие к книге Т. Богданович «Гор завод Петра III». М.-Л. 1936; его же. Пугачевский атаман Иван Белобородов. «Ис рический журнал», 1943, № 5—6; его же. Против буржуазной тенденции в совето исторической науке (по поводу книги Тхоржевского «Пугачевщина в помещичьей Р сии»). «Проблемы марксизма». 1930, № 5—6; его же. Восстание Емельяна Пугаче Л. 1935; его же. История классовой борьбы в России в материалах и докумен Т. I. Л. 1928; его же. Сатинский завод во время восстания Емельяна Пугаче «Исторические записки». Т. 6, 1956; его же. Пугачевский атаман Иван Белобород Пермь. 1958.

[82] М. Н. Мартынов. Пугачевское движение на заводах Прикамского кр стр. 178, 179.

ситься), он высказал мысль о том, что «рабочий класс, пропитанный идеологией мелкого производителя», выступал под руководством казаков, мечтавших о создании такой России, в которой будет господствовать мелкий торговый капитал. «Пугачевщина,— по его мнению,— боролась против крепостничества, за свободное развитие непосредственного производителя» [83].

Все разобранные выше работы характеризуются тем, что их авторы так или иначе пытались поставить общие проблемы восстания Пугачева. Их интересовали его движущие силы, цели, социальные стремления, общественные идеалы повстанцев, место этого восстания в истории России и в классовой борьбе трудящихся, причины неудачи, перспективы и последствия восстания и т. д. В эти же годы вышел в свет ряд работ по конкретным вопросам крестьянской войны 1773—1775 годов [84]. Несомненным достижением советской исторической науки 20 — начала 30-х годов является то, что вопрос об участии трудовых слоев нерусских народностей в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева впервые стал предметом специального изучения. Дореволюционные исследователи видели в восставших «инородцах» лишь слепую разрушительную силу. Советские историки совершенно правильно рассматривали башкир, чувашей, удмуртов и татар как союзников русских крестьян, горнозаводских рабочих и казаков [85].

---

[83] М. Н. Мартынов. Пугачевское движение на заводах Южного Урала. «Записки научного общества марксистов». 1928, № 2, стр. 110; его же. Против буржуазной тенденции в советской исторической науке.

[84] Н. Н. Модестов. Пугачевская жалованная грамота на чин полковника. «Русская старина», 1918, январь — февраль; Б. Кубанов. Сибирь и самозванцы. «Сибирские огни», 1924, № 3; П. Орлов. Пугачевщина в Сибири. «Сибирские огни», 1925, № 6; Д. И. Малинин. Отголоски пугачевщины в Калужском крае. Калуга. 1930; Л. М. Каптерев. Дубинщина. Очерк по истории восстания далматовских монастырских крестьян в XVIII в. Екатеринбург. 1924; изд. 2-е. Шадринск. 1929; С. А. Голубцов. Указы Емельяна Ивановича Пугачева и его Коллегии. «Красный архив», 1925, № 1(8); его же. Московская провинциальная власть и дворянство в ожидании Пугачева. Сборник «Старая Москва». Т. I. М. 1929; Ю. Гессен. История горнорабочих России до 60-х гг. XIX в. М. 1926; А. Н. Филиппов. Москва и Пугачев в июле и августе 1774 г. «Старая Москва». Т. I; его же. Пугачевское движение в Сибири. «Северная Азия», 1926, №№ 3, 4; А. Чулошников. Казнь Пугачева и его сообщников 10 января 1775 г. «Русское прошлое». Т. 3. М. 1923; С. И. Соколов. Пугачевщина в Тамбовском крае по материалам местного Губархива. «Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края», 1928, № 3; Н. И. Савин. Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского у., Смоленской губ. Дорогобуж. 1926; А. П. Пьянков. Пережитки пугачевщины на Урале в 80-х годах XVIII века (из работ в Пермском окрархиве). «Пермский краеведческий сборник». Вып. 3. Пермь. 1927; П. Никишин. Пугачевское движение в Пензенской провинции. «Под знаменем ленинизма», 1927, № 12; А. Иванов. Крестьянские движения во Владимирской губернии в конце XVIII века. Владимир. 1924; А. Заозерский. Бунтовщики (эпизод из истории пугачевского бунта). Сборник «Века». Т. I. Птгр. 1924; Д. Кашинцев. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773—1774 гг. «Историк-марксист», 1936, № 1; О. Е. Корнилович. Общественное мнение Западной Европы о пугачевском бунте. «Анналы». Т. III. Петербург. 1923; И. П. Козловский. Один из эпизодов революционных движений на Дону в XVIII веке. «Известия» Северо-Кавказского государственного университета. Т. X. Ростов-на-Дону. 1926; С. Ф. Элеонский. Пугачевские указы и манифесты как памятники литературы. «Художественный фольклор». Т. IV—V. М. 1929.

[85] А. Губайдулин. Участие татар в пугачевщине (к 150-летию пугачевщины). «Новый Восток», 1925, кн. 1(7); его же. Пугачевщина и татары. Баку. 1927; С. Богословский. Почему кунгурские татары участвовали в пугачевском движении. «Кунгурско-Красноуфимский край» (Краеведческий ежемесячник), 1925, № 4—5; В. Забиров. Новые источники об участии национальов в пугачевщине. «Проблемы источниковедения». Сборник I. М.-Л. 1933; П. Ф. Ищериков. Подлинная подпись (автограф) Салавата Юлаева и пугачевский манифест на татарском языке. «Башкирский краеведческий сборник», 1926, № 1; его же. Пугачева грамота. Подлинная подпись (автограф) Салавата Юлаева и пугачевский манифест на татарском языке. «Огни Востока», 1926, № 4; А. Ф. Рязанов. Отголоски пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-Кайсацкой Малой Орде и в Поволжье (по материалам Центрархива КССР) «Труды» Общества по изучению Казахстана (Киргизского края). Т. VI. Оренбург. 1925;

Подводя итоги изучению крестьянских войн XVII—XVIII вв. в 20—начале 30-х годов, следует в первую очередь отметить вызванный победой Великой Октябрьской социалистической революции огромный интерес широких народных масс к истории классовой борьбы. Тенденциозному, враждебному освещению крестьянских войн, характерному для подавляющего большинства дворянских и буржуазных историков, советская историческая наука противопоставила изучение истории крестьянских выступлений XVII—XVIII вв. как одного из важнейших факторов в жизни трудящихся масс крепостной России, подчеркнула их прогрессивное значение. Проведена была большая работа по выявлению и публикации источников. Многочисленная научно-популярная литература, музейные экспозиции, выставки и т. п. обращали внимание советских граждан на героическую борьбу крестьянства за свое освобождение. Серьезное значение имело также то обстоятельство, что крестьянские войны в России, вовсе не изучавшиеся в дореволюционных школьных и университетских курсах или до неузнаваемости искаженные в них, стали в советское время предметом изучения в средней и высшей школе. В 20—начале 30-х годов имели место первые попытки создания историографических и библиографических работ, посвященных крестьянским войнам в России[86]. Впервые крестьянские войны стали рассматриваться как совместная борьба трудовых масс русского и других народов. Вместе с тем в тот период в исторических работах еще нередко высказывались взгляды, далекие от научного понимания прошлого. Становление советской, марксистско-ленинской исторической науки происходило в процессе сложной и острой борьбы с дворянско-буржуазной историографией. Поэтому для работ 1918 — начала 1930-х годов характерна крайняя пестрота в оценке восстаний Болотникова, Разина, Пугачева — от признания их реакционными до придания им качеств, свойственных только социалистической революции. Восстание Болотникова в некоторых работах того времени вовсе игнорировалось, поскольку основным социальным содержанием событий начала XVII в. считалась «дворянская революция» или социальное движение, близкое к этим событиям, в других — восстанию Болотникова придавался характер борьбы крестьян и холопов за сохранение статус-кво, но с условием перехода земель и власти в руки восставших. Восстание Разина расценивалось, в свою очередь, и как выступление крестьян, холопов и казаков за сохранение существовавших порядков, но с заменой хозяев земель, господ и воевод, каковыми должны были стать крестьяне и холопы, и как своего рода «ранняя буржуазная революция», и как борьба голытьбы, деклассированных элементов за неясные лозунги «казацкого коммунизма», отражавший «стихийный социализм масс», борьба против буржуазии, выходившая за рамки крепостного общества.

Для авторов 20 — начала 30-х годов свойственно увлечение понятиями «крестьянская революция», «революция», которые они охотно применяли по отношению к любому проявлению классовой борьбы, а также постоянное оперирование терминами «социализм», «коммунизм»,

---

его же. Очерки пугачевского восстания. Отголоски пугачевского восстания в Оренбургском крае. Отголоски пугачевского восстания в Киргиз-Кайсацкой Орде. «Советская Киргизия», 1925, № 1; его же. Пугачевское восстание и хан Малой Орды Нурали. «Советская Киргизия», 1924, № 8—9; А. Чулошников. Казах-киргизские ордынцы и пугачевщина (1773—1774 гг.). «Новый Восток». 1929. Кн. 25.

[86] М. Сменцовский. Степан Разин в науке, литературе и искусстве. Библиографический указатель с краткими аннотациями на 1 января 1930 г. «Каторга и ссылка», 1932, №№ 7—8, 9; «Материалы для библиографии по истории народов СССР. XVI—XVII вв.». Л. 1933; С. Пионтковский. Историография крестьянских войн России; И. Владиславлев. Литература великого десятилетия (1917—1927). Т. I. М.-Л. 1928; Н. Чужак. Последняя литература о Пугачеве и Разине. «Каторга и ссылка», 1928, № 6; Е. А. Мороховец. Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России (XVIII век). «Вестник Коммунистической Академии». 1927. Кн. XX.

в которые вкладывались любые идеи и стремления к «экспроприации экспроприаторов», дележу, равенству и т. п.[87]. В связи с этим следует отметить попытки рассматривать восстание 1773—1775 гг. как «раннюю буржуазную революцию», следствием которой должно было стать, по мнению некоторых историков, утверждение капиталистического способа производства. Для 20 — начала 30-х годов вообще характерна крайняя модернизация событий прошлого, употребление при анализе крестьянских восстаний XVII—XVIII вв. таких понятий, как «белые», «красные», «пролетариат», «белогвардейцы», «смычка рабочих и крестьян» и т. п.

Нельзя не отметить эволюцию взглядов М. Н. Покровского, не раз пересматривавшего свою точку зрения. Такая эволюция, а иногда и просто эклектическое смешение несовместимых концепций имели место и в трудах других историков. В результате они не смогли правильно разрешить проблему крестьянских войн в целом. Однако, говоря о работах М. Н. Покровского и его последователей, следует отметить, что они решительно выступили против тенденциозности дворянских и буржуазных историков в освещении классовой борьбы трудящихся, высоко ценили мужество и героизм повстанцев, сочувствовали их борьбе, подчеркивали тяжелые условия жизни крестьянства, которые толкали его на борьбу с крепостничеством.

Поворотным моментом в развитии советской исторической науки в целом и в изучении крестьянских войн в частности было появление известного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г., а также постановления ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года. Эти важнейшие партийные документы позволили освободиться от социологизма и вульгаризации, свойственных построениям М. Н. Покровского. Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР отмечало, что при освещении крестьянских восстаний до начала XX столетия преувеличивались их организованность и сознательность[88]. Одобренные и рекомендованные для средних школ и высших учебных заведений новые учебники и учебные пособия по истории СССР при рассмотрении крестьянских войн XVII—XVIII вв. исходили из марксистско-ленинского учения о классовой борьбе крестьян в период феодализма[89]. Были изданы хрестоматии и сборники документов по истории крестьянских войн в России XVII—XVIII веков[90]. Вышли в свет и научно-популярные работы[91].

---

[87] Впервые восстание Разина было определено как крестьянская война М. В. Нечкиной. Если в 1930 г. она считала это восстание «крестьянской революцией», то уже в 1934 г. она писала: «Разинщина была крестьянской войной». См. М. В. Нечкина. Как жили и боролись крестьяне в крепостное время, стр. 71.

[88] «К изучению истории». М. 1946, стр. 37.

[89] «Краткий курс истории СССР» под ред. А. В. Шестакова. М. 1939; «История СССР» (учебник для 8-го класса средней школы) под ред. А. М. Панкратовой. М. 1940; «История СССР». Т. I под ред. В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова (для студентов неисторических факультетов). М. 1941; «История СССР». Т. I под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина (для студентов исторических факультетов). 1-е изд. М. 1939, 2-е изд. М. 1947; «История СССР». Т. I под ред. М. В. Нечкиной, Б. А. Рыбакова, А. А. Новосельского, А. В. Фадеева, Л. В. Черепнина (для студентов исторических факультетов). М. 1956; К. В. Базилевич. История СССР. Ч. I (курс лекций для слушателей ВПШ при ЦК ВКП(б). М. 1949; Г. А. Новицкий. История СССР (XVIII век) (курс лекций для слушателей ВПШ при ЦК ВКП(б). М. 1950.

[90] «Крестьянская война в Московском государстве начала XVII века». Сборник документов. Л. 1935; «Хрестоматия по истории СССР». Т. I. М. 1949, и др.

[91] И. И. Смирнов. Краткий очерк истории восстания Болотникова. М. 1953; его же. Иван Болотников. Л. 1950; Ц. Аронович. Восстание Болотникова (1606—1607). «Исторический журнал», 1937, № 1; И. Берхин. Крестьянское восстание под руководством Болотникова. «Преподавание истории в школе», 1946, № 5; Э. Ярошевский. Степан Разин. «Исторический журнал», 1941, № 6; И. В. Степанов. Степан

Советские историки отбросили не имеющее ничего общего с историческим материализмом расширительное толкование проблемы революционного переустройства общества [92] и отказались от термина «крестьянская революция» при оценке восстаний Болотникова, Разина и Пугачева. В соответствии с характеристикой, данной крестьянским движениям эпохи феодализма К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, крупнейшие народные движения в истории феодальной России стали рассматриваться как крестьянские войны, а такие наименования, как «Разинщина», «Пугачевщина», были отвергнуты как затасканные, трафаретные [93], возникшие в дворянской среде и отразившие ее презрительное отношение к народным движениям.

В статьях М. В. Нечкиной, В. И. Пичеты и А. А. Савича были подвергнуты серьезной критике взгляды М. Н. Покровского на восстание Болотникова, социальную сущность так называемой крестьянской политики Лжедмитрия I и деятельность «тушинского вора», а также восстания Разина и Пугачева [94]. Советские историки отбросили как необоснованные утверждения о Лжедмитрии I как о «крестьянском царе». Указы Лжедмитрия I о крестьянах и холопах были расценены И. И. Смирновым как акты крепостнического характера [95]. Стремление укрепить за Лжедмитрием наименование «Названный Дмитрий», являвшееся фактически отражением желания обелить самозванца, объявить его народным вождем, выдвинутым якобы самими восставшими массами и ими же «названным» «царем Дмитрием», получило резкое осуждение [96]. Этот авантюрист, ставленник польских феодалов сумел использовать в своих целях восставшее крестьянство, боровшееся, на наш взгляд, не столько за Лжедмитрия, сколько против Бориса Годунова. В своих «Хронологических выписках» К. Маркс отмечает самозванство Лжедмитрия I, всемерную поддержку, оказанную ему польскими феодалами, использование самозванцем примкнувших к нему крестьян, выступавших против системы феодального гнета [97], которая в своей наиболее грубой форме в представлении крестьян ассоциировалась с именем Бориса Годунова. В своих работах советские историки подчеркивают факт использования Лжедмитрием I в своих корыстных целях нараставшего крестьянского движения [98]. Правда, трактовка рядом исследователей крестьянского движения 1604—1605 гг. отнюдь не одинакова [99].

Разин. Л. 1950; его же. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. М. 1957; А. Гайсинович. Пугачев. М. 1937; Х. И. Муратов. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. М. 1954 (см рецензию на эту книгу А. И. Андрущенко «Вопросы истории», 1955, № 11); М. В. Жижка. Емельян Пугачев. М. 1939, М. 1950; В. И. Лебедев. Феодально-крепостнический строй в России. Крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева. М. 1946; его же. Крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева. М. 1951; М. П. Вяткин. Емельян Пугачев. Л. 1951; А. И. Александров. Участие народных масс Южного Урала в крестьянской войне под руководством Е. Пугачева. Челябинск. 1957; В. А. Ляхов. Россия во второй половине XVIII века. Восстание крестьян под руководством Емельяна Пугачева. М. 1958; Г. Г. Фрименков. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева. Архангельск. 1958.

[92] См. «К изучению истории», стр. 21—23.

[93] Там же, стр. 22.

[94] А. Савич. Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского. Сборник «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Ч. I. М.-Л. 1939; М. Нечкина. Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского. Там же; В. И. Пичета. Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XVII века. Сборник «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». Ч. II. М.-Л. 1940.

[95] И. И. Смирнов. К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I. «Ученые записки» Ленинградского университета. Т. 19, серия исторических наук. Вып. 1, 1938.

[96] «К изучению истории», стр. 23.

[97] См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. VIII, стр. 168.

[98] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.». М. 1955, стр. 494—495; «История Москвы». Т. I. М. 1952, стр. 289—294.

[99] А. А. Зимин, А. А. Преображенский, Указ. соч., стр. 143.

Литература о классовой борьбе в России в начале XVII в. весьма обширна. На протяжении 50-х годов не раз публиковались новые материалы о крестьянской войне под предводительством Болотникова [100]. Недавно А. И. Копанев и А. Г. Маньков опубликовали составленный ими сборник всех известных нам источников о восстании Болотникова [101].

В послевоенные годы вышли в свет многочисленные исследования, посвященные крестьянскому движению начала XVII века [102]. Среди них прежде всего следует назвать работы И. И. Смирнова, в частности его монографию «Восстание Болотникова. 1606—1607» [103]. И. И. Смирнов рас-

---

[100] М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова. «Исторический архив», 1951, № 6; «Пискаревский летописец» (публикация О. А. Яковлевой). «Материалы по истории СССР». Т. II. М. 1955; Г. Н. Бибиков. Новые данные о восстании Болотникова. «Исторический архив». 1936. Кн. I; Р. В. Овчинников. Боярский список 1607 года. «Исторический архив». 1953, кн. VIII; А. А. Зимин, Р. Г. Королева. Документ Разрядного приказа. «Исторический архив». 1953, кн. VIII; Е. И. Вайнберг. Челобитные смоленского помещика — участника похода против Болотникова. Там же; В. И. Корецкий. К истории восстания Болотникова. «Исторический архив», 1956, № 2; А. А. Зимин. К истории восстания Болотникова. «Исторические записки». Т. 24. 1947; «Псковские летописи». Вып. II. М. 1955.

[101] «Восстание И. Болотникова». Документы и материалы. М. 1959.

[102] М. Н. Тихомиров. Псковские летописи о крестьянской войне в России начала XVII в. «Из истории социально-политических идей. К 70-летию академика В. П. Волгина». М. 1955; А. А. Зимин. К истории восстания Болотникова. «Исторические записки». Т. 24. 1947; И. С. Шепелев. Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в Первом земском ополчении. «Сборник научных трудов Пятигорского педагогического института». Вып. II. Пятигорск. 1948; его же. Шведская интервенция в России в 1610—1611 гг. и отношение к ней Первого земского ополчения. «Ученые записки» Пятигорского педагогического института. Т. IV, 1949; его же. Организация Первого земского ополчения 1611 г. «Ученые записки» Пятигорского педагогического института. Т. V, 1949; т. 6, 1951; его же. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск. 1957; В. Н. Бернадский. Конец Заруцкого. «Ученые записки» Педагогического института имени Герцена. Т. XIX. Л. 1939; В. Д. Королюк. Москва в первые годы крестьянской войны и интервенции. «История Москвы». Т. I (гл. 5, § 1); С. В. Бахрушин и А. А. Зимин. Москва в годы восстания Болотникова. Там же (гл. 5, § 2); А. А. Савич. Осада Москвы Лжедмитрием II. Там же (гл. 5, §3); Н. Л. Рубинштейн. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. «Труды» Государственного исторического музея. Т. 20, 1948; Н. И. Покровский. Начало народной войны в Московском государстве в 1608—1609 гг. «Ученые записки» Ростовского университета. Т. VI. Труды историко-филологического факультета. Вып. 3. Ростов-на-Дону. 1945; А. И. Копанев, А. Г. Маньков, Н. Е. Носов. Очерки истории СССР. Конец XV в.— начало XVII в. Л. 1957; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.» (§§ о восстании Хлопка и о Лжедмитрии I написаны В. Д. Королюком, о восстании Болотникова — И. И. Смирновым, о Лжедмитрии II — А. Г. Маньковым); П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I. М. 1947; Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. «Исторические записки». Т. 15. 1945. Н. П. Долинин. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII в. «Научные записки» Днепропетровского университета. Т. XI. Сборник работ исторического факультета. Вып. I. Киев. 1951; его же. Административная и социально-политическая деятельность подмосковских полков («казачьих таборов») в 1611—1612 гг. «Ученые записки» Днепропетровского университета. Т. 56. Сборник работ исторического факультета. Вып. IV. 1956; В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. «История СССР», 1957, № 1; его же. Борьба крестьян с монастырями в России XVI— начала XVII вв. «Вопросы истории религии и атеизма», 1958, № 6; его же. Из истории крестьянской войны в России начала XVII века. «Вопросы истории». 1959, № 3; С. С. Лурье. К вопросу о восстании Хлопка. «История СССР», 1958, № 4; И. М. Скляр. О начальном этапе первой крестьянской войны в России. «Вопросы истории». 1960, № 6.

[103] И. И. Смирнов. Английское известие 1607 года о восстании Болотникова. «Исторические записки». Т. 13. 1942; его же. Предвестники восстания Болотникова. «Исторические записки». Т. 20. 1946; его же. Астрахань и восстание Болотникова. «Исторические записки». Т. 22. 1947; его же. Восстание Болотникова в русской истории. «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 5; его же. Законы Василия Шуйского о крестьянах и холопах и восстание Болотникова. «Вопросы истории». 1947, № 5; его же. Восстание Болотникова и народы Поволжья. «Записки» Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 9. Саранск. 1947; его же. Социальная природа восстания Болотникова. «Вопросы истории», 1948, № 1; его же. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л. 1949; 2-е изд. М. 1951 (рецен-

сматривает это движение как стихийное восстание крестьян, холопов, «черного» посадского люда, казаков, стрельцов и др., направленное против феодального гнета, против всей системы крепостничества в целом. В восстании принимали участие также некоторые группы детей боярских и дворян, хотя у них не могло быть ничего общего с социальными требованиями и стремлениями народных масс. Социальная неоднородность движения, раздробленность, стихийность, отсутствие единой и целостной военной организации обусловили слабость восстания Болотникова и были наряду с верой в «хорошего царя», сковывавшей активность крестьян и укреплявшей в них иллюзии об отсутствии связи между крепостничеством и самодержавием, причиной поражения восставших крестьян, холопов и др. Повстанцы могли противопоставить феодалам, располагавшим войском, государственным аппаратом, финансами, имевшим опыт управления страной и ведения войны, по сути дела, лишь свою неистребимую ненависть к ним. Историческое значение восстания Болотникова состояло в том, что оно поставило задачу уничтожения феодального гнета. Таковы основные выводы И. И. Смирнова.

Вопрос о характере, движущих силах, хронологических рамках и исторической роли первой крестьянской войны в России рассматривался также А. А. Зиминым, с точки зрения которого крестьянскую войну начала XVII в. ни в коем случае нельзя ограничивать только событиями, связанными с восстанием Болотникова. Последнее было, по его мнению, лишь кульминационным моментом крестьянской войны. А. А. Зимин считает, что основной движущей силой восстания Болотникова было крестьянство. Причины поражения крестьянской войны он усматривает в слабости русского посада, в незрелости крестьянства, в отсутствии у него четко выраженной социальной программы. Ослаблялось движение и участием в нем дворянских попутчиков, становившихся на путь измены[104]. Вопрос о борьбе классов в Русском государстве в начале XVII в. вызвал в последнее время оживленную дискуссию на страницах журнала «Вопросы истории»[105]. Обмен мнениями в известной степени содействовал дальнейшей разработке вопроса.

По истории другой крестьянской войны, под предводительством Разина, обобщающих работ пока еще нет[106], если не считать научно-популярных брошюр и соответствующих разделов в «Очерках истории СССР», написанных А. А. Новосельским и Н. С. Чаевым[107]. Однако для разработки данной темы сделано, на наш взгляд, немало. Вышли в свет материалы и исследования, в которых дается характеристика крепостной России XVII в., в частности Дона и Поволжья накануне восстания Степана

зии на первое издание: К. В. Базилевич. «Советская книга». 1949, № 10; В. И. Шунков. «Известия АН СССР». Отделение истории и философии. Т. VI, № 4. 1949; К. В. Сивков. «Новый мир», 1950, № 57; В. В. Мавродин. «Вопросы истории». 1949, № 8); его же. Краткий очерк истории восстания Болотникова. М. 1953; его же. Иван Болотников (публичная лекция). Л. 1950; его же. Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.»; его же. К истории восстания под руководством Болотникова. «Вопросы истории», 1955, № 10.

[104] А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 97—98, 105—109, 113; А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 143.

[105] Редакцией журнала подготовлен обзор дискуссии с подведением некоторых ее итогов. Этот обзор публикуется в данном номере журнала.

[106] Попытку подвести некоторый итог разработки данной темы сделал В. И. Лебедев в своей книге «Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина». М. 1955. Но эта работа, к сожалению, не лишена недостатков (см. И. В. Степанов. О некоторых вопросах крестьянской войны 1670—1671 гг. в России. «Вестник» Ленинградского университета, 1959, № 14).

[107] И. В. Степанов. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. М. 1957; его же. Степан Разин. Л. 1950; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М. 1955.

Разина[108]. Опубликованы новые материалы и сборники документов по истории крестьянской войны под предводительством Разина, а также работы, посвященные классовой борьбе в 1666—1671 годах[109]. Для правильного понимания специфических особенностей восстания Разина большое значение имеют исследования об участии в нем трудового нерусского населения Поволжья и Украины[110].

Работы советских историков последних лет прочно утвердили за восстанием Степана Разина название «крестьянская война», а не «крестьянская революция» и тем более не «бунт» в том смысле этого слова, какое вкладывали в него С. М. Соловьев, А. Н. Попов и Н. И. Костомаров. В исследованиях В. И. Лебедева, И. В. Степанова, А. А. Новосельского, Н. С. Чаева и др. показано, что главной движущей силой восстания С. Т. Разина являлось крестьянство. Сколь ни велика была роль в крестьянской войне 1670—1671 гг. посадских «черных людей», «гулящих работных людей», мелких служилых людей «по прибору» и особенно казачества, выступавшего в роли зачинателя, вдохновителя и организатора крестьянской войны, все же решающее значение в движении принадлежало крестьянству. Для восстания Разина (в сравнении с движением Болотникова) характерны более ясное размежевание боровшихся классов, бо́льшая четкость социальных стремлений восставших, нашедшая выражение в «прелестных письмах». В исторических работах последнего вре-

---

[108] «Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII века». Т. I. М.-Л. 1936; «Крепостная мануфактура в России. Тульские и Каширские железные заводы». Ч. I. Л. 1930; «Акты хозяйства боярина Морозова». Ч. I. М.-Л. 1945; К. Н. Сербина. Несколько новых документов из истории восстания С. Разина. «Исторический архив». Т. I. 1936; Я. Стрейс. Три путешествия (перевод Э. Бородиной). М. 1938; И. В. Степанов. Гулящие-работные люди в Поволжье в XVII в. «Исторические записки». Т. 36, 1951; его же. Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII в. «Ученые записки» Ленинградского университета, № 48. Серия исторических наук. Вып. 5, 1939; его же. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в. «Ученые записки» Ленинградского университета, № 12. Серия исторических наук. Вып. 14. 1949; его же. Социально-политическая обстановка на Дону накануне крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина. «Ученые записки» Ленинградского университета, № 270. Серия исторических наук. Вып. 32. 1959; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М. 1946; А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. Сборник «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М. 1952; А. И. Яковлев. Холопы и холопство в XVII веке. М.-Л. 1943; Д. И. Петрикеев. Земельные владения боярина Б. И. Морозова. «Исторические записки». Т. 21, 1947; Т. И. Смирнова. Побеги крестьян накануне выступления Разина. «Вопросы истории», 1956, № 6; И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII века. «Исторические записки». Т. 43, 1953. Классовой борьбе в городах Русского государства перед восстанием Разина посвящены работы М. Н. Тихомирова, П. П. Смирнова, С. В. Бахрушина, К. В. Базилевича, Г. А. Новицкого, Е. В. Чистяковой, Е. М. Тальмана, А. А. Новосельского, В. И. Буганова, А. Н. Сперанского и др.

[109] Сборники документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Т. I. М. 1954; т. II. М. 1957 (составитель сборников и автор предисловия, комментариев, словаря и указателя — Е. А. Швецова); И. П. Паньков. Новые материалы о крестьянской войне под предводительством Степана Разина. «Ученые записки» Чарджоуского педагогического института. Вып. I, 1956; И. В. Степанов. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина в Среднем Поволжье. «Ученые записки» Ленинградского университета, № 205. Серия исторических наук. Вып. 24, 1956; Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса (1666). «Вопросы истории», 1953, № 8; М. Рабинович. Разинская артиллерия. «Артиллерийский журнал», 1940, № 7.

[110] «Участие марийцев в движении Степана Разина (по материалам МарНИИ)». «Марийская Автономная область». Йошкар-Ола. 1936, № 7—8; М. М. Каликаев и Н. А. Мартынов. Участие народа мари в крестьянской войне под руководством Степана Разина в 1670—1671 гг. «Труды» Марийского научно-исследовательского института социалистической культуры. Вып. 2. Козмодемьянск. 1940; И. Воронин. Сподвижник Степана Разина. «Записки» Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. История и археология, № 11. Саранск. 1949; М. И. Зевакин. К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне под руководством Разина. Там же; И. П. Паньков. Указ. соч.; В. А. Дядиченко. Антифеодальні повстання в Росії і на Україні в XVII—XVIII ст. Київ. 1954; К. И. Стецюк. Вплив повстання Степана Разіна на Україну. Київ. 1947.

мени уделено много внимания активным участникам крестьянской войны 1670—1671 гг.: Василию Усу, Федору Шелудяку, Максиму Осипову, Михаилу Харитонову, Федорову, Ивану Дзинковскому, Илье Иванову, крестьянке Алене, Прокопию Шумливому, Ивану Гладкову и др. Если дореволюционная историческая наука стремилась показать Разина на фоне безликой толпы «бунтующих» казаков, крестьян, «гулящих» и «инородцев», то советские историки выяснили роль разинских атаманов, выходцев из народа, беззаветно боровшихся за его волю.

Таковы достижения в изучении восстания Разина за последние годы. Систематическое исследование советскими историками этой проблемы дает основание предполагать, что скоро появятся серьезные обобщающие труды, посвященные второй в истории России крестьянской войне.

На протяжении последних двадцати пяти лет, истекших после опубликования указанных выше партийных документов, важнейшей особенностью деятельности советских историков по изучению крестьянской войны 1773—1775 гг. было стремление исследовать проблему в целом, привлечь новые материалы. Продолжались архивные разыскания и публикация источников [111]. Были изданы сборники документов, посвященные крестьянской войне 1773—1775 гг., и хрестоматии по истории СССР, в которые вошли соответствующие разделы о восстании под предводительством Пугачева [112].

Основным достижением советской исторической науки этих лет является глубокое изучение причин, обусловивших крестьянскую войну второй половины XVIII века. Были разработаны вопросы экономического развития страны в 50-х — начале 70-х годов XVIII в., развития буржуазных элементов, возникновения капиталистической мануфактуры, роста наемного труда, расширения внутреннего рынка и других факторов, свидетельствующих о начале разложения крепостнической системы. Эта система с характерными для нее во второй половине XVIII в. ростом феодального землевладения, барщины и оброка и эволюцией феодальной ренты, развитием крепостного права и крепостнического государства времен «просвещенного абсолютизма» также подверглась детальному изучению, что дало возможность правильно поставить вопрос о причинах восстания Пугачева, о характере классовой борьбы накануне восстания, о специфике самой крестьянской войны 1773—1775 годов [113].

---

[111] «Малоизвестные документы о восстании Пугачева». «Военно-исторический журнал», 1940, № 7; А. В. Пруссак. Архив Артиллерийского исторического музея как источник по изучению пугачевского восстания. «Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии». Т. I. М.-Л. 1940; Е. И. Индова. Борьба приволжских дворцовых крестьян. «Исторический архив». Т. VIII, 1953; В. Н. Автократов. Движение крестьян в Нижегородской губернии. «Исторический архив». Т. VIII, 1953; В. З. Джинчерадзе и Ф. А. Останкович. Обзор хозяйственно-имущественных материалов фонда Воронцовых, хранящегося в ЦГАДА. «Исторические записки». Т. 37, 1951; В. З. Джинчерадзе. Обзор фонда Воронцовых. «Исторические записки». Т. 32; Р. В. Овчинников и Л. Н. Слободских. Новые документы о крестьянской войне 1773—1775 гг. «Исторический архив», 1956, № 4; А. П. Пронштейн и Р. В. Овчинников. Новые документы об участии донских казаков в крестьянской войне под руководством Емельяна Пугачева. «Известия» Ростовского областного музея краеведения, 1959, № 1; их же. Ведомости об участии нерусского населения Башкирии в крестьянской войне 1773—1775 гг. «Материалы по истории СССР». Вып. V. М. 1957; Л. А. Гольденберг, Р. В. Овчинников. Картографические материалы 70-х гг. XVIII века как источник по истории крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. «Вопросы истории», 1958, № 4; их же. Горнозаводские карты и планы 70-х гг. XVIII в. как источник по истории крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. «Проблемы источниковедения». Т. VIII, 1959; Т. Тургенев. Манифест Емельяна Пугачева. «Москва», 1958, № 6; Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.-Л. 1949; С. Н. Валк. Советская археография. М.-Л. 1948.

[112] «Восстание Емельяна Пугачева». Л. 1935; «Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье». Сталинград. 1937; «Русская проза XVIII века». Т. I. М.-Л. 1950, и др.

[113] В. Н. Бернадский. Движение приписных крестьян в 50—70 гг. XVIII века. «Вопросы истории», 1953, № 8; его же. Классовая борьба в русском городе в третьей четверти XVIII века. «Ученые записки» Ленинградского педагогического инсти-

Советские историки, занимавшиеся во второй половине 30—50-х годах выяснением общих и частных вопросов, касающихся восстания Пугачева, изучением причин, хода, особенностей и последствий крестьянской войны, ввели в научный оборот много нового и ценного материала. Среди книг о крестьянской войне 1773—1775 гг. особо следует выделить работы, посвященные участию в ней трудовых масс нерусских народностей. К ним относятся публикации, соответствующие разделы в сборниках документов, в монографиях, учебниках и общих курсах истории союзных и автономных республик, специальные исследования и т. д.[114].

тута имени Герцена. Т. 131. 1957; Н. Л. Рубинштейн. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII в. «Вопросы истории», 1956, № 11; С. Петров. Пугачев в Пензенском крае. Пенза. 1950; Пенза. 1956; С. Марков. Сибирь, самозванцы, пугачевщина. «Омская область», 1940, № 3; А. Пруссак. Артиллерийские орудия «злодейского литья». «Военно-исторический журнал», 1940, № 9; ее же. Заводы, работавшие на Пугачева. «Исторические записки». Т. 8, 1940; А. В. Софонова. Положение трудящихся Петербурга и их классовая борьба в 60—70-е годы XVIII в. «Ученые записки» Вологодского педагогического института. Т. 14, 1954; В. Филов. Отклики пугачевского движения на Алтае (из документов о пугачевских заговорах на Алтае). «Краеведческие записки» Алтайского краеведческого музея. Барнаул. 1956; Т. Агапова. Из истории классовой борьбы на Алтайских горных предприятиях в XVIII веке. Там же; К. В. Сивков. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII века. «Исторические записки». Т. 19; его же. Самозванчество в России в последней трети XVIII века. «Исторические записки». Т. 31; В. М. Проторчина. Волнения воронежских однодворцев в XVIII веке. «Из истории Воронежской области». Воронеж. 1954; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVII—XIX вв. Т. I. М.-Л. 1949; П. К. Алефиренко. Классовая борьба, политическая жизнь и общественная мысль Москвы 1725—1800 гг. «История Москвы». Т. II. М. 1953; А. Н. Коган. Распространение самозванства в русской деревне в период пугачевского восстания. «Ученые записки» Куйбышевского педагогического и учительского института. Вып. 7, 1943; Э. С. Коган. Волнения крестьян пензенской вотчины А. Б. Куракина во время движения Пугачева. «Исторические записки». Т. 37, 1951; Е. И. Глазатова. Восстание крестьян Казанского края на первом этапе крестьянской войны (конец 1773—начало 1774 гг.). «Ученые записки» Читинского педагогического института. Вып. I, 1957; Д. Кашинцев. История металлургии Урала. Т. I. М.-Л. 1939; В. А. Алексеев. Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье. Сталинград. 1937; Н. И. Сергеева. Крестьяне и работные люди заводов Южного Урала в крестьянской войне 1773—1775 гг. «Ученые записки» Ленинградского библиотечного института имени Н. К. Крупской. Ч. II. Л. 1957; А. А. Александров. Ижевский завод. Ижевск. 1957; М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. Т. I. М. 1951; Н. Е. Гребенюк. Артиллерия в крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева. «Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея». Вып. III. Л. 1958; Е. Г. Сидоренко. О пугачевских орудиях. «Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея». Вып. IV. Л. 1959; П. А. Вагина. О потерях рабочей силы на заводах Южного Урала после крестьянской войны 1773—1775 гг. «Научные исследования исторического факультета Уральского государственного университета за 1958 учебный год (Тезисы научных докладов)». Свердловск. 1959; ее же. К истории крестьянских волнений на Кыштымских заводах в 70—90 гг. XVIII века. «Из истории заводов и фабрик Урала». Вып. I. Свердловск. 1960; Н. В. Горбань. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII веке. «Ученые записки» Омского педагогического института. Вып. 4, 1949; И. Г. Рознер. Яицкое казачество накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. «Вопросы истории», 1958, № 10; его же. Социально-экономические отношения на Яике накануне крестьянской войны под руководством Е. Пугачева. «Научные записки» Киевского финансово-экономического института. Т. 7, 1959; А. И. Андрущенко. Классовая борьба яицких казаков накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. «История СССР», 1960, № 1, и др.

[114] «Очерки по истории Башкирской АССР». Т. I, ч. I. Уфа. 1956; «История Татарской АССР». Т. I. Казань. 1957; «Очерки истории Мордовской АССР». Т. I. Саранск. 1955; «История Казахской ССР». Алма-Ата. 1949; «История Татарии в материалах и документах». М. 1937; П. Ф. Ищериков. Салават Юлаев — вождь башкирского народа и сподвижник Пугачева. «Преподавание истории в школе», 1951, № 1; А. П. Николаенко. Вождь башкирского народа, пугачевский бригадир Салават Юлаев. «Исторический журнал», 1940, № 11; «Библиографический указатель материалов о Салавате Юлаеве». Уфа. 1952; «Салават Юлаев». Уфа. 1952; А. Савич. Из истории народа мари. «Исторический журнал», 1938, № 5; К. А. Котков. Крестьянское движение на территории Мордовии во второй половине XVIII в. Саранск. 1949; К. Котков и С. Вернер. Очерки по истории мордовского народа в XVIII в. Саранск. 1943; «Документы и материалы по истории Мордовской АССР». Т. III, ч. I. Саранск. 1939; М. Зевакин. Пугачев в Саранске. «Литературная Мордовия», 1952, № 6(10); В. Д. Дмитриев. История Чувашии в XVIII веке (до крестьянской войны 1773—

В борьбе против крепостнической системы и гнета царизма объединялись горнозаводские рабочие Урала и запорожцы, волжские бурлаки и башкиры, яицкие казаки и калмыки, русские, украинские, чувашские, мордовские, марийские, удмуртские, мещерякские крестьяне. В научный оборот был введен ряд материалов, свидетельствующих о совместной борьбе русских горнозаводских рабочих и восставших башкир, которую дореволюционные историки нередко не только отрицали, но вообще считали, что все действия башкир были направлены лишь на разорение заводов, истребление и изгнание русского населения Башкирии независимо от его классовой принадлежности. Заслуга советских историков состоит в том, что они, основываясь на огромном фактическом материале, показали общность интересов трудящихся масс всех народностей России, принявших участие в крестьянской войне 1773—1775 годов.

Большим достижением советской исторической науки является также то, что наши ученые проанализировали положение народных масс и их классовую борьбу накануне восстания Пугачева, изучили предпосылки крестьянской войны, формы борьбы, социальные чаяния и стремления трудового люда, вопрос об откликах на восстание Пугачева, о его последствиях и месте в истории народов нашей страны, о характере этой крестьянской войны. Наконец следует отметить разработку фольклорного материала, относящегося к истории крестьянских войн, недооценивавшегося ранее или вовсе игнорируемого [115].

К сожалению, обобщающих исследовательских работ монографического порядка, посвященных крестьянской войне 1773—1775 гг., пока нет. Общий обзор ее содержится лишь в научно-популярных брошюрах и статьях либо в учебниках. К этому типу исторической литературы принадлежит и соответствующий раздел «Очерков истории СССР».

Таким образом, после исторических решений ЦК КПСС о преподавании гражданской истории советскими учеными был сделан большой вклад в исследование истории крестьянских войн в России XVII—XVIII веков. Конечно, не все вопросы, связанные с крестьянскими войнами, изучены еще в достаточной мере (например, историческое значение, проблема власти, социальная направленность действий отдельных групп восставших

1775 годов). Чебоксары. 1959; Г. П. Ямсков. Участие чувашского народа в крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева. «Преподавание истории в школе», 1956, № 1; М. А. Садаков. Участие удмуртов в крестьянской войне под предводительством Пугачева (1773—1775 гг.). «Записки» Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора. Вып. II. 1949; И. Д. Калюжный. Новые материалы о событиях пугачевского восстания на территории Удмуртии. «Записки» Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора. Т. 9, 1940; К. Г. Гуслистый. Коліївщина повстання Пугачева. «Українська література», 1941, № 1—2; В. А. Голобуцкий. Гайдамацкое движение на Запорожье во время Колиивщины и крестьянского восстания под предводительством Е. И. Пугачева. «Исторические записки». Т. 55, 1956; его же. Черноморское казачество. Киев. 1956; его же. Запорожское казачество. Киев. 1957; его же. К вопросу о социально-экономических отношениях в Запорожской сечи во второй половине XVIII в. «Исторические записки». Т. 44; А. С. Черевань. Крестьянское антикрепостническое движение в северной части Левобережной Украины в 50—70-х гг. XVIII века. «Ученые записки» Пермского университета. Т. VIII, вып. 2, 1953; его же. Классовая борьба в южной части Левобережной Украины в третьей четверти XVIII века. Там же; его же. Совместная борьба украинских и русских крестьян против феодального гнета в 60—70-х гг. XVIII в. «Вопросы истории», 1953, № 12; Т. Н. Муравлева. З історії спільної боротьби народных мас Росії та України проти кріпосницького гніту в 70-х роках XVIII ст. «Український історичний журнал», 1958, № 5; «История Украинской ССР». Т. I. Киев. 1953, и др.

[115] А. Н. Лозанова. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. «Academia». М.-Л. 1935; «Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях». М.-Л. 1956; «Русское народно-поэтическое творчество». М. 1953; «Русское народное поэтическое творчество». Т. I. М.-Л. 1953; т. II, кн. 1, М.-Л. 1955; т. II, кн. 2, М.-Л. 1956; «Русское народное поэтическое творчество». М. 1954.

и т. п.). Естественно и то, что по некоторым вопросам имеются различные точки зрения [116].

К числу дискуссионных следует отнести проблему борьбы за власть. Вопрос о том, были ли крестьянские войны борьбой за власть, имеет существенное значение. Для крестьянской войны характерны наличие обширной территории, освобожденной от феодалов и феодальных властей, более или менее общие для всего движения лозунги, бо́льшая или меньшая степень сплоченности восставших. Но самое главное, что отличает крестьянскую войну от всяких других форм проявления классовой борьбы крестьянства, заключается в том, что она ставит вопрос о ликвидации крепостнической системы в общегосударственном масштабе, иными словами, вопрос о власти. Вряд ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что и Болотников, и Разин, и Пугачев стремились к свержению существовавшего феодального строя, устранению насильственным путем стоявшего у власти «плохого царя» и его боярско-дворянского окружения с тем, чтобы самим стать у власти. При этом, конечно, сама форма организации власти в государстве в представлении восставшего крестьянства должна была сохраняться старой, привычной, самодержавной. Борьба шла не против царизма как формы власти, не за республику, а за самодержавие, но во главе со своим «хорошим», «мужицким» царем. Это было типичным проявлением крестьянского, «наивного монархизма», основой которого являлись патриархальные устои русской деревни, а вовсе не дворянская идеология. Впервые соединил идею ликвидации крепостного строя с ниспровержением царизма первый русский революционер и республиканец А. Н. Радищев, поэтому и охарактеризованный Екатериной II как «бунтовщик хуже Пугачева».

Очень важным является вопрос о взаимоотношении классовой и народно-освободительной борьбы. Движения крестьян, холопов, «черных людей» посада, казаков расшатывали устои феодального государства в России и на первый взгляд, казалось бы, объективно способствовали успехам интервентов, угрожавших, например, в начале XVII в. национальной независимости русского народа. Однако работы советских ученых, установивших активное участие в земских ополчениях болотниковцев и подчеркнувших перерастание классовой борьбы в национально-освободительную, свидетельствуют о том, что в начале XVII в. классовая борьба переплеталась с борьбой против интервентов, но только очищение от последних родной земли восставшие крестьяне мыслили совсем не так, как это представляли себе бояре, окружавшие царя Василия Шуйского, или дворяне из ополчения Прокопия Ляпунова. Для русских крестьян, как и для их украинских братьев по классу, освобождение от ига чужеземцев в XVII в. было одновременно и освобождением от крепостной зависимости, кабалы и гнета [117].

Подводя некоторые итоги тому, что сделано советской исторической наукой в области изучения крестьянских войн XVII—XVIII вв. за годы, прошедшие после известных решений Коммунистической партии и Со-

---

[116] В. И. Лебедев. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII—XVIII вв. «Вопросы истории», 1954, № 6; В. В. Мавродин, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеева, Т. П. Ржаникова. Об особенностях крестьянских войн в России. «Вопросы истории», 1956, № 2, а также статьи по истории крестьянской войны начала XVII в., печатавшиеся в журнале «Вопросы истории» в 1958—1960 годах.

[117] Н. Л. Рубинштейн. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. «Труды» Государственного исторического музея. Вып. XX. Военно-исторический сборник. М. 1948; И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг.; А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 3; Н. П. Долинин. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII века. «Научные записки» Днепропетровского университета. Т. X. Сборник работ исторического факультета. Вып. 1. Киев. 1951.

ветского правительства о преподавании гражданской истории, следует отметить следующие, как нам представляется, основные моменты:

1) Крупнейшие крестьянские движения в России в XVII в., то есть восстания Болотникова и Разина, равно как и восстание Пугачева в 1773—1775 гг., характеризуются в настоящее время как крестьянские войны.

2) Установлена общность мнений по поводу коренных особенностей всех крестьянских войн (стихийность, неорганизованность, локальность, царистский характер, отсутствие класса, который мог бы привести крестьян к победе, и т. д.).

3) Ликвидированы та «игра в словечки», социологизм, модернизация и т. п., которые были свойственны для работ 20-х—начала 30-х годов.

4) Вышли в свет многочисленные публикации и конкретные исследования, а также работы общего характера, уделяющие большое внимание крестьянским войнам в России.

5) Проведены дискуссии по основным проблемам крестьянских войн.

В настоящее время перед советскими историками, изучающими крестьянские восстания, стоит ряд важных задач. Необходима серьезная разработка сложной проблемы: чем отличались друг от друга отдельные крестьянские войны, изучение особенностей каждой из них. Не менее серьезным является вопрос о том, как осуществлялись на территории, охваченной восстанием, основные лозунги крестьянских войн, в каком направлении развивались социальные отношения в тех районах, которые были освобождены восставшими от феодалов и представителей крепостнического государства: в сторону ли своеобразного «демократического» варианта феодализма или в сторону буржуазных отношений. Чрезвычайно важными в этом отношении являются замечания В. И. Ленина о «новом периоде русской истории» (примерно с 17 века), который характеризуется началом складывания всероссийского рынка и развития буржуазных связей в стране, и о буржуазной сущности крестьянского лозунга «черного передела» или «земли и воли»[118]. Нельзя забывать, что крестьянские войны в России начались лишь в «новый период» ее истории.

Встает и такой вопрос: почему только в XVII в. в России начинаются крестьянские войны? Не будет ли правильным связать это с крепостническим законодательством конца XVI — начала XVII в., которое превратило русских крестьян в придаток их земельных участков[119]? Крепостное право оформилось тогда в масштабах страны и таким образом противопоставило не владимирских крестьян владимирским феодалам, не новгородских сирот новгородским феодалам, а весь класс крестьян всему классу феодалов России. Крестьяне ощущали теперь на себе гнет не только своих непосредственных господ, но и начали осознавать давление всей крепостнической системы, всего класса феодалов в целом. О глубоком сдвиге в сознании народа в этом направлении говорит устное народное творчество, которое именно в конце XVI в. приобрело резко выраженную социальную окраску[120]. К этому же времени завершается процесс слияния всех русских земель в единое государство. Крестьяне осознают себя не тверичами, новгородцами, псковичами, рязанцами и т. п., а русскими, при этом именно эксплуатируемым, угнетенным, бесправным, обездоленным, обобранным людом. Нельзя не считаться с тем, что к концу XVI в. в жизни русского народа стало играть все более заметную роль казачество. Оно, как нам кажется, начинало крестьянские войны, возглавляло восставших крестьян, составляло их основную боевую силу,

---

[118] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137; т. 9, стр. 92—93.

[119] См. К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, стр. 727.

[120] «Русское народное поэтическое творчество». Т. 1, стр. 301—347; «Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях», стр. 6—7, и др.

выступало неким цементирующим, сплачивающим началом. Кроме того, жизнь казачества представлялась восставшим тем социальным идеалом, за который они боролись.

Последней крестьянской войной в России было восстание Пугачева. Объяснение тому, что позднее крестьянских войн уже не было, следует, по-видимому, искать в имущественном, а затем и социальном расслоении крестьянства, в результате которого какая-то часть «капиталистых» крестьян с течением времени не стала поддерживать мятежных односельчан. Несомненно, большое значение имело укрепление военно-полицейского бюрократического аппарата царизма в центре и на местах. В век железных дорог, телеграфа и нарезных ружей трудно было накапливать силы для крестьянской войны. Для этого нужны были время и территория, свободная от царских чиновников и войск, от помещиков и полиции. Нельзя пройти и мимо вопроса об эволюции казачества. Казаки, эти «витязи — мужики, странствующие рыцари русского черного народа»,— как их называл А. И. Герцен [121], принимавшие участие в восстаниях под предводительством Разина и Пугачева, постепенно становились «царскими опричниками», казачьей Вандеей. Казачество в XIX в. перестало быть застрельщиком крестьянских войн, их военной силой, их гвардией. Рабочего же класса, способного возглавить освободительную войну крестьян, еще не было.

Чрезвычайно важной является и оценка исторического значения крестьянских войн. Каково их место в истории России? Оказывали ли они непосредственное влияние на эволюцию государственного строя, на политику правящих кругов и т. п. или их роль следует свести только к накоплению в народе ненависти к существовавшей крепостнической системе, что со временем заставило русских помещиков в страхе перед новой «пугачевщиной» пойти на отмену крепостного права? Нельзя также не связывать развитие передовой общественно-политической мысли в России, оказавшей определенное влияние на историческое развитие страны, с классовой борьбой народных масс. Для понимания сущности и исторического значения крестьянских войн в жизни самого народа необходимо изучать устное народное творчество, собирание и разработка которого идут в отрыве от развития исторической науки отнюдь не по вине фольклористов. Составить правильное представление о социальных чаяниях народа, о его быте, борьбе можно только на основе изучения фольклора, ибо «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества», так как оно является «отражением социальной жизни в широких художественных обобщениях» [122]. На эту особенность устного народного творчества обратил внимание В. И. Ленин. В связи с изучением литературы по этнографии и фольклору В. И. Ленин говорил В. Д. Бонч-Бруевичу: «Какой интересный материал. Я бегло просматривал все эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных» [123]. Необходима, наконец, самая широкая популяризация знаний по истории классовой борьбы трудящихся, и прежде всего по истории крестьянских войн.

---

[121] А. И. Герцен. Соч. Т. XII. М. 1957, стр. 110.
[122] М. Горький. О литературе. М. 1957, стр. 456.
[123] См. В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 118.

РЕВОЛЮЦИЯ 1810—1826 ГОДОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ *

Уильям З. Фостер

В одном из последних номеров «Fundamentos» — теоретического органа Народно-социалистической партии Кубы — помещена первая часть очень важной статьи под названием «Об освободительной войне испанских колоний в Америке (1810—1826)». Ее авторы — четыре советских историка: М. С. Альперович, В. И. Ермолаев, И. Р. Лаврецкий и С. И. Семенов. Вторую часть статьи я получил из Советского Союза: ее не было на Кубе. Это решающий вклад в изучение великой борьбы, которая 150 лет назад привела к освобождению испанских, португальских (Бразилия) и французских (Гаити) колоний. Однако статья, посвященная борьбе в Испанской Америке, к сожалению, не затрагивает тесно связанных с ней революций в Бразилии и Гаити. Первоначально статья была опубликована (в ноябре 1956 г.) в известном советском журнале «Вопросы истории».

Происходившая полтора века назад революция в испанских колониях (а также в Бразилии и Гаити) была гигантской борьбой. Охватив свыше 19 млн. человек (из них 2,5 млн. в Бразилии), она распространилась на территорию более 5 313 тыс. кв. миль (не считая 3 288 тыс. кв. миль в Бразилии). Ожесточенная революционная война длилась целых 16 лет. Большую роль в ней играла и Гаити. Таким образом, это движение как по количеству вовлеченного в него населения и охвату территории, так и по продолжительности вооруженной борьбы было в несколько раз шире нашей революции 1775—1783 годов. Среди 16 800-тысячного населения собственно испанских колоний насчитывалось лишь 3 240 тыс. белых, метисов было 5 320 тыс., индейцев — 7 530 тыс. и негров—775 тыс. Однако белые составляли около 35% вовлеченного в революцию населения.

Все же, несмотря на свой огромный размах, это широкое движение в испанских колониях, к сожалению, недостаточно исследовано латиноамериканскими коммунистами. Что касается буржуазных историков, то от них не приходится ожидать помощи. По этому вопросу существует лишь очень немного работ общего характера, которые, как правило, весьма поверхностны. Основной недостаток этих работ состоит в недооценке глубины и классового характера рассматриваемых движений. В них проявилась тенденция рассматривать всю эту колоссальную борьбу исключительно как войну за отделение от Испании, тогда как на самом деле она являлась началом буржуазной революции, в которой движение за независимость было лишь одним, хотя и наиболее важным аспектом. Подобным же образом революция в тринадцати американских колониях Англии в течение многих лет расценивалась почти исключительно как война за независимость и, как правило, не признавалась социальной революцией. Подобным же образом «гражданская война» 1861 г. была признана второй американской революцией лишь через 60 лет после того, как она совершилась.

---

* Перевод статьи из журнала «Political Affairs», New York, November 1960. pp. 50—53.

В 1951 г. мною была написана книга «Очерк политической истории Америки», в которой я следующим образом охарактеризовал революцию в Западном полушарии, включая революцию в испанских колониях: «Великая американская революция, охватившая Соединенные Штаты, Гаити, испанские колонии, Бразилию и Канаду, была по своему существу буржуазной, то есть капиталистической, революцией. Несмотря на все реакционные явления, которые ей сопутствовали, она означала крупный шаг вперед в деле революционного утверждения капитализма в Западном полушарии. Но, как мы уже отмечали, она отнюдь не была «чисто» буржуазной революцией. Она сохранила многие феодальные пережитки в ряде стран Западного полушария, что помешало ей принять полностью буржуазный характер. Прежде всего это относится к странам Латинской Америки, где феодальные элементы были очень сильны, а революционная буржуазия и рабочий класс сравнительно очень слабы. Из этого многие историки сделали ошибочный вывод, будто национально-освободительная борьба в Латинской Америке была вовсе не революцией, а лишь механическим разрывом вассальной зависимости колоний от их метрополий»[1].

Ряд товарищей в Латинской Америке резко выступил против вышеприведенной концепции. На их позицию оказал особенное влияние тот факт, что латиноамериканская буржуазия и пролетариат в 1810 г. и в последующие годы были слабыми и решающей силой обладали латифундисты (крупные землевладельцы), которые в течение длительного времени оставались основным господствующим классом в латиноамериканских странах. Они не заметили того, что я усиленно подчеркивал в моей книге, что движение, несмотря на его несовершенство и существенные отличия в различных странах, было тем не менее по своей сути буржуазной революцией. Следующие моменты подтверждают этот вывод: движение за отделение колоний от Испании; ликвидация монархического строя, несмотря на отчаянные попытки сохранить его (имевшие место даже в Соединенных Штатах); образование двадцати самостоятельных латиноамериканских республик, каждая с собственным правительством и более или менее демократическим устройством (несмотря на наличие образовательного ценза, который сильно ограничивал избирательные права индейцев и негров, все эти государства имели демократическую форму правления, с конституциями по образцу Соединенных Штатов); буржуазная идеология большинства руководителей революции — Боливара, Сан-Мартина, Бельграно, О'Хиггинса, Идальго, Морелоса и т. д.,— многие из которых были воинствующими масонами и изучали революции во Франции и США; частичное ослабление связей между церковью и государством; начало мощного движения за освобождение негров от рабства; освобождение торгового капитала от строгого испанского контроля и его выход на мировой рынок; усиление слабого класса отечественной буржуазии. Развитие капитализма глубоко затронуло также сельское хозяйство, крупное землевладение. С этого времени латифундии начинают развиваться в крупные капиталистические хозяйства, производящие рис, кофе, хлопок, фрукты и т. д. на мировой рынок, в отличие от дореволюционных латифундий с их по-феодальному ограниченными производством и рынками, которые находились под тщательным контролем метрополии — Испании.

Чрезвычайно важной особенностью буржуазной революции была ликвидация рабства в испанских колониях (раньше, чем это произошло в США). Даты, когда различные испанские колонии покончили с рабством, указывают на мощное движение за отмену рабства, начавшееся во время революции. Окончательная отмена рабства негров (или значи-

[1] Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1955, стр. 209 (русский перевод).

тельное ограничение его) в бывших американских колониях Испании произошла в следующие годы: Чили — 1811; Аргентина — 1813; Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Коста-Рика и Сальвадор — 1824; Боливия — 1825; Мексика — 1828; Уругвай — 1842; Парагвай — 1844; Колумбия — 1851; Эквадор — 1852; Перу — 1856; Венесуэла — 1858. Освобожденные негры, подобно индейцам, обычно становились пеонами.

Указанные выше явления, как я неоднократно подчеркивал, были очевидным признаком буржуазной социальной революции, хотя и слабо выраженной. Длительное время в теоретическом отношении вопрос оставался чрезвычайно запутанным, что мешало правильно понять, что же в действительности произошло в ходе латиноамериканской революции, и осложнило в последующем деятельность коммунистических партий. Сейчас появилась статья четырех советских историков. Она вносит ясность во многие до сих пор не исследованные или запутанные проблемы революции, в том числе и в вопрос о том, в какой мере пролетариат, рабы, индейцы-пеоны, ремесленники и купцы поддерживали революцию 1810 года. Советские историки доказывают несостоятельность того взгляда, что революция была лишь делом рук сепаратистски настроенных креольских помещиков; они хорошо показывают усиление экономического кризиса перед революцией и вносят ясность в спорный вопрос о личности Боливара, указав на некоторые ошибки, допущенные в его оценке Марксом и другими [2].

Касаясь прежних исследований проблем революции в Латинской Америке, четыре советских историка среди прочих работ рассматривают и книгу Фостера. Они пишут, что она «в основном правильная», и их марксистский анализ подтверждает это заявление. Одним из главных недостатков статьи является то, что она касается только революции в испанских колониях, хотя революции в испанских владениях, в Бразилии, Гаити и т. д. неотделимы по времени, месту, задачам и т. д. Абсолютно необходимо учитывать, что эти несколько революций должны, по существу, рассматриваться как одно великое движение, а также и то, что, несмотря на их значительную слабость, они являются, по существу, частью буржуазной революции.

Четыре советских автора добились большого успеха в этом отношении. Проанализировав ход революции в испанских колониях, они в конце своей статьи делают следующий вывод об общих результатах революции: «Она привела к ликвидации колониального режима и установлению политической независимости во всех испано-американских странах, за исключением Кубы и Пуэрто-Рико. Было покончено с торговыми монополиями, запретами и ограничениями, регламентацией, что создало более благоприятные условия для развития в Испанской Америке капиталистических отношений и ее вовлечения в систему мирового хозяйства... В большинстве стран было отменено рабство и ограничены права церкви. Во всех вновь возникших испано-американских государствах был установлен республиканский строй. Прогрессивное значение имели также уничтожение инквизиции, упразднение дворянских титулов, поощрение иммиграции и т. п. Таким образом, в результате войны за независимость частично были осуществлены задачи буржуазной революции» [3].

Анализ, произведенный четырьмя советскими историками, в основном, как они указывают, соответствует тому анализу, который я дал несколько лет назад в моей книге «Очерк политической истории Америки». Эта работа должна продолжаться для выяснения одной из наиболее сложных проблем великой истории революционного движения.

[2] См. «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 59—64.— *Ред.*

[3] Там же, стр. 71.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1933 г. В ЛОНДОНЕ

(Из воспоминаний)

Академик И. М. Майский

1. Почему была созвана конференция?

Мировая экономическая конференция 1933 г. в Лондоне была второй конференцией подобного рода. Первая происходила 4—23 мая 1927 г. в Женеве. Она была созвана Лигой Наций. На конференции присутствовало тогда около 200 делегатов, представлявших 50 стран. Участники женевской конференции не являлись официальными уполномоченными правительств. Они выступали от имени стран, представляя мировую «общественность» (в частности, среди делегатов были многие лидеры партий II Интернационала).

Конференция 1927 г. происходила в эпоху временной стабилизации капитализма. Вожди мировой буржуазии были убеждены, что трудности, с которыми капитализм столкнулся в годы, непосредственно следовавшие за первой мировой войной, преодолены и перед капитализмом открылась широкая дорога к «процветанию». Главным апостолом этой концепции был президент США Гувер, но и в других капиталистических странах насчитывалось немало «авторитетных» проповедников тех же взглядов. Такая ситуация создавала среди руководящих кругов капиталистического мира настроение уверенности в будущем, порождавшее склонность к известному либерализму в разрешении различных экономических и политических проблем. Именно этим настроением объяснялся характер представительства на женевской экономической конференции. Им же определялся характер обсуждавшихся на конференции проблем и принятых ею решений. Гвоздем женевской конференции был вопрос об оживлении мировой торговли путем ликвидации или по крайней мере далеко идущего снижения различных стоявших на пути развития торговли барьеров (тарифы, квоты, лицензии и т. п.). В итоге обстоятельных прений был единодушно принят ряд резолюций, позволявших говорить об успехе или во всяком случае об удовлетворительном окончании конференции.

Среди этих резолюций одна заслуживала особого внимания. Советская делегация в духе ленинской политики поставила на конференции вопрос об отношениях между двумя системами — капиталистической и социалистической, доказывая возможность и полезность их мирного сосуществования. После обсуждения поднятого представителями СССР вопроса конференция приняла резолюцию, преамбула которой гласила: «Конференция, признавая важность возобновления мировой торговли, воздерживаясь полностью от всякого вмешательства в политическую область, рассматривает участие делегатов всех представленных стран, независимо от различий в экономических системах, как счастливое предзнаменование будущего сотрудничества между всеми нациями». Таким образом, женевская конференция признала принцип мирного сосуществования, по крайней мере в экономической области, и это было большой победой советской дипломатии.

Прошло 6 лет. В мире совершились громадные изменения. Пророки буржуазии полностью обанкротились. Эпоха «процветания» в конце 1929 г. закончилась кризисом, величайшим из всех когда-либо переживавшихся капиталистической системой кризисов. Начавшись на родине Гувера, кризис, приняв катастрофический характер, охватил весь капиталистический мир. Повсюду сокращалось производство, росла безработица, лопались банки, разорялись предприниматели, и конца этим страшным разрушениям не предвиделось. Вожди мировой буржуазии были сбиты с толку и судорожно хватались то за одно, то за другое средство в надежде приостановить экономическую катастрофу. Однако ничто не помогало, и разрушительный марш кризиса продолжался. Одной из ярких иллюстраций кризиса были процессы, совершавшиеся в сфере мировой торговли. Вот что говорили цифры, содержавшиеся в материалах, подготовленных к конференции 1933 года:

Объем мировой торговли в январе каждого года в миллиардах золотых долларов	
1929	5 352
1930	4 857
1931	3 257
1932	2 134
1933	1 788

Как видим, за годы кризиса мировая торговля сократилась в три раза, и вдобавок подавляющая масса торговых операций производилась в обесцененных валютах. В 1933 г. мировая торговля только на 20% велась в валютах с золотым обеспечением, на 16% — в валютах с принудительным курсом и на 65% — в обесцененных валютах [1].

В противоположность капиталистическому миру, глубоко пораженному тяжелым экономическим кризисом, Советский Союз успешно развивал свое народное хозяйство: индустриализация страны шла гигантскими шагами вперед, и рост промышленной продукции был огромный. В материалах, представленных советской делегацией лондонской конференции 1933 г., имелась следующая таблица:

Общий индекс физического объема в промышленной продукции в 1932 г. (уровень 1928 г. принят за 100)	
СССР	218,5
Капиталистический мир	67
В том числе: США	57
Англия	89
Германия	57
Франция	74

В этих цифрах две полярные тенденции развития выступали со всей очевидностью.

Экономический кризис имел последствием резкую перемену в настроении и поведении мировой буржуазии. Ее уверенность в своем будущем сменилась страхом перед завтрашним днем. Ее прежний «либерализм» уступил место озверелой реакции. Теперь мировая буржуазия уже не соблюдала даже внешних аппарансов благовоспитанности; напротив, империалисты различных стран вели друг с другом бешеную борьбу за свои «национальные» интересы. А в среде каждой национальной буржуазии шла ожесточенная драка между отдельными группами, трестами, концернами, банками. Внутренние противоречия, свойственные капиталистической системе, в обстановке экономического кризиса 1929—1933 гг. достигли высшего напряжения.

---

[1] «Правда», 25 июня 1933 года.

В такой обстановке Лига Наций решила созвать в Лондоне вторую мировую экономическую конференцию. Ее целью было облегчить капиталистическому миру поиски выхода из кризиса, что в ситуации 1933 г. было делом довольно безнадежным. «Правда» не случайно озаглавила свою передовую статью, посвященную открытию лондонской конференции, «Квадратура круга»[2]. Под давлением широких слоев (в том числе и буржуазных) правящие круги капиталистических стран вынуждены были предпринять шаги, носящие хотя бы видимость попытки утихомирить свирепствовавшую экономическую бурю. Не все буржуазные лидеры были единодушны в данном вопросе. Некоторые — в особенности руководители американской буржуазии — относились к идее мировой экономической конференции в лучшем случае скептически, но в основном отрицательно (о причинах этого речь будет ниже). Другие, и прежде всего Макдональд, тогдашний премьер «коалиционного», а по существу консервативного правительства Англии, были горячими сторонниками конференции, ибо рассчитывали с ее помощью проделать ряд маневров экономического и политического характера. Поскольку в эти годы Англия и Франция являлись фактическими хозяевами Лиги Наций, аппарат последней и был приведен в движение для созыва мировой экономической конференции.

Непосредственная подготовка этой конференции началась в январе 1933 г.: эксперты 17 стран, среди которых, однако, не было представителей СССР, приступили к выработке «рекомендаций» для будущего экономического совещания. Задача была нелегкая, ибо экспертам нужно было найти единую линию в таких сложных вопросах, как вопросы таможенных тарифов, военных долгов, валют, цен, рынков. После длительных прений эксперты все-таки выработали так называемый «проект порядка дня», который в дальнейшем и лег в основу работ лондонской конференции. Общая тенденция названного документа лучше всего характеризовалась следующими словами, взятыми из его текста: «В процессе движения в сторону экономического успокоения,— говорилось в этом документе,— в Лозанне было подписано перемирие. Лондонская конференция должна нам дать мирный договор. Если это не удастся, мир несомненно пойдет путями национальной автаркии, которые резко противоречат путям нормального экономического развития. Такой выбор должен будет потрясти до основания всю систему международных финансов, понизить общий уровень благосостояния и создать условия, при которых нынешняя социальная система едва ли сможет уцелеть».

Нельзя не признать, что эксперты 17 стран сознавали серьезность положения, в котором находился капиталистический мир, однако они были бессильны в устранении его болезней. В их «аптеках» не было лекарств для лечения этих недугов.

Открытие лондонской конференции было намечено на 12 июня 1933 г., и как раз накануне этого произошел ряд событий, которые, по сути дела, предопределили провал конференции.

Самым важным из этих событий было провозглашение Франклином Рузвельтом, приступившим 4 марта 1933 г. к исполнению обязанностей президента, так называемого «нового курса» в целях борьбы с кризисом. Я не могу здесь останавливаться на общей характеристике экономической политики Рузвельта и ограничусь лишь тем, что имеет непосредственное отношение к судьбам экономической конференции в Лондоне. Первым шагом Рузвельта по пути «нового курса» была сознательно проводимая и, конечно, контролируемая инфляция. Доллар отошел от золотого стандарта, и его ценность стала искусственно понижаться. Таким путем Рузвельт рассчитывал добиться: а) повышения конкурентоспособности американских товаров на мировом рынке в борьбе с товарами

[2] «Правда», 12 июня 1933 года.

других стран, прежде всего с английскими; б) облегчения долгового бремени американских фермеров, голоса которых сыграли важную роль при избрании Рузвельта президентом.

Здесь важно подчеркнуть, что начатая Рузвельтом инфляция заранее обрекала на провал лондонскую конференцию, ибо проблема стабилизации валют как меры борьбы с кризисом должна была занять на конференции одно из ведущих мест. Рузвельт меньше всего хотел, чтобы его свобода действий в вопросе об американской валюте была как-либо ограничена. Именно поэтому правительство США желало, чтобы лондонская конференция вообще не состоялась или была отсрочена на долгое время. Но так как большинство европейских держав, в особенности Англия, твердо настаивало на созыве мировой экономической конференции, правительство США вопреки своему желанию вынуждено было согласиться и послать в Лондон делегатов. Однако общее отношение Рузвельта к конференции оставалось отрицательным, и именно он, как увидим ниже, нанес конференции смертельный удар.

К моменту конференции чрезвычайно обострилась также проблема межсоюзных военных долгов. В ходе первой мировой войны США оказывали державам Антанты большую финансовую помощь. По окончании войны эти державы были должны Соединенным Штатам в общей сложности 11 330 млн. долларов (цифры американского министерства финансов на 1921 г.), в том числе Англия — 4 675 млн., Франция — 3 717 млн. В начале 20-х годов между США, с одной стороны, Англией и Францией — с другой, были заключены соглашения об уплате долгов военного времени с рассрочкой на 60 лет. Вплоть до 1932 г. обе державы аккуратно вносили причитавшиеся с них ежегодные суммы, которые в большей своей части покрывались репарациями, получаемыми Англией и Францией с Германии. Таким образом, английские и французские долги американцам в основном платили немцы. Когда, однако, в 1930 г. Германия, воспользовавшись наступившим мировым кризисом, прекратила выплату репараций, Англия и Франция оказались перед необходимостью покрывать долги из собственных ресурсов. Это вызвало в обеих странах серьезные внутренние осложнения, и правительства Англии и Франции потребовали от правительства США моратория. Американские империалисты не хотели идти ни на какие уступки. Между сторонами назревал острый конфликт. Чтобы несколько разрядить атмосферу, правительство Макдональда в конце 1932 г. сделало «символический» взнос по долгам, заплатив США 10 млн. долларов вместо полагавшихся 75. Французское же правительство, во главе которого в то время стоял Эррио, не сделало даже этого: оно не уплатило ни копейки. При подготовке лондонской конференции Англия и Франция настаивали на внесении в повестку дня вопроса о межсоюзнических долгах, доказывая, что без его урегулирования невозможно вести эффективную борьбу против кризиса. США категорически возражали. Они даже грозили не участвовать в конференции. В конце концов был достигнут компромисс: вопрос о долгах был снят с повестки дня, и США на этом условии согласились принять участие в конференции.

Далее. Франция незадолго до лондонской конференции произвела очередное повышение своих таможенных пошлин, что прежде всего было направлено против США и Англии.

Германия за 3 дня до открытия конференции объявила о мораториии трансфера по уплате своих различных (нерепарационных) обязательств в отношении других держав; в первую очередь это касалось США, Англии и Франции.

Наконец, Япония накануне конференции выступила с решительными протестами против английских мероприятий в Индии и некоторых других британских владениях, мероприятий, имевших целью противодействовать японскому демпингу на Дальнем и Среднем Востоке. Так

как правительство Макдональда осталось глухим к этим протестам, то 13 июня, на другой день после открытия лондонской конференции, организации японских текстильных фабрикантов начали бойкот индийского хлопка. Обе стороны усиленно готовились к проведению экономической войны.

Если ко всему вышесказанному прибавить, что к июню 1933 г. женевская конференция по разоружению бесплодно заседала уже почти полтора года и была близка к полному краху и что подписанный в марте 1933 г. антисоветский пакт четырех (Англия, Франция, Германия, Италия) в силу глубоких противоречий между его участниками никак не мог дойти до стадии ратификации (он так и не был ратифицирован), то картина положения в капиталистическом мире в момент открытия лондонской конференции станет совершенно ясной. Общий кризис капитализма, усугубленный мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг., делал свое разрушительное дело и заранее минировал почву под ногами конференции.

2. Ход конференции

12 июня 1933 г. мировая экономическая конференция открылась в большом, красивом зале Геологического музея в Кенгсингтоне. Английские хозяева позаботились о том, чтобы эта процедура была обставлена с большой помпой и торжественностью. Было много знатных гостей, много юпитеров, много фотографов, много художников, много приветствий и пожеланий успеха. Несмотря на все усилия Макдональда, атмосферы приподнятости создать не удалось, однако справедливость требует сказать, что в первый день участники конференции испытывали несомненный интерес и любопытство: что-то из этого выйдет?

На конференции присутствовало около 1 500 делегатов от 66 стран. В противоположность женевской конференции в Лондон приехали официальные представители правительств. «Общественность» была исключена: в 1933 г. мировой буржуазии было не до либерализма. И каждое правительство послало на конференцию наиболее крупных деятелей. Так, в составе английской делегации были министр финансов Невиль Чемберлен (глава делегации), Саймон, Ренсимен, Томас, лорд Хейлшем, Канлиф-Листер; в составе американской делегации — министр иностранных дел Хэлл (глава делегации), Моргентау, Питман; в составе французской делегации — премьер-министр Даладье (глава делегации) и Эррио; в составе германской делегации — министр иностранных дел Нейрат (глава делегации), Шахт, Гугенберг. Итальянскую делегацию возглавлял министр финансов Юнг, японскую — виконт Исии, турецкую — министр иностранных дел Арас, шведскую — министр иностранных дел Сандлер, румынскую — министр иностранных дел Титулеску, чехословацкую — министр иностранных дел Бенеш, австрийскую — премьер-министр Дольфус. От британских доминионов присутствовали Брюс (Австралия), Беннет (Канада), генерал Сматс (Южная Африка), Де Валера (Ирландия). Лигу Наций представлял ее генеральный секретарь Авеноль. Председательствовал на конференции Макдональд. Под сводами зала Геологического музея собрался весь «цвет буржуазной мысли и действия». Естественно, что все присутствовавшие на конференции и многие миллионы людей за стенами конференции с нетерпением ожидали, как же этот высокий ареопаг разрешит вопросы мирового кризиса.

Делегации буржуазных правительств были очень многочисленны. С делегациями приехал большой обслуживающий штат — эксперты, советники, секретари, машинистки и т. д. Со многими делегатами были их жены и дети. В общей сложности набралось 7—8 тыс. человек, которые заполнили лучшие лондонские отели и стали предъявлять англий-

ским хозяевам самые разнообразные требования и претензии. Одни хотели увеселений, другие — осмотра лондонских достопримечательностей, третьи — экзотических товаров из отдаленных районов Британской империи. Но больше всего делегаты и их окружение стремились «себя показать и других посмотреть». Для этого они с успехом использовали мюзик-холлы, магазины, парки, музеи и картинные галереи, а главное — многочисленные приемы, которые устраивали в связи с конференцией британское правительство и крупнейшие английские аристократы и богачи. В день открытия конференции, 12 июня, Макдональд дал грандиозный обед для делегатов и их жен. Таких обедов на протяжении конференции было устроено еще несколько.

В противоположность делегациям капиталистических стран советская делегация состояла всего из четырех человек: М. М. Литвинова (глава делегации), В. И. Межлаука (заместитель главы делегации), посла СССР в Англии И. М. Майского и торгпреда СССР в Англии А. В. Озерского. Советская делегация была самой малочисленной из делегаций, представленных на конференции, однако удельный вес ее был чрезвычайно велик. Этот вес определялся не числом делегатов, а значением и мощью той страны, которую они представляли. В зале Геологического музея происходило столкновение двух миров: капиталистического и социалистического. Формально соотношение сил было: 4 против 1 500. Однако за спиной этих 4 стояли великий народ, великая страна, строившая социализм. Это придавало советской делегации совершенно исключительное значение, которое признавали даже враги, хотя они и не любили об этом говорить. Советская делегация была единственной, выступившей на конференции с ясной и практической программой действия, и пришла она к концу конференции далеко не с пустыми руками. Однако атмосфера вокруг советской делегации в ходе всей конференции была очень напряженной: в ней смешивались вражда, любопытство и невольный респект. В то время большой близостью отличались советско-турецкие отношения, но и Арас не решался слишком открыто показывать свое доброе отношение к СССР. Все остальные делегаты отличались друг от друга лишь степенью откровенности в выражении своих антисоветских чувств. Особенно враждебно была настроена английская делегация: в этот период между Англией и СССР происходила торговая война в связи с так называемым «делом Метровиккерса»[3]. Эта враждебность иногда находила совершенно карикатурное выражение. Помню такой случай.

Собирались гости на первый официальный обед, устроенный Макдональдом 12 июня. Народу было масса, и многие не знали в лицо друг друга. В общей сутолоке леди Хейлшем, жена английского военного министра, столкнулась с женой М. М. Литвинова. Айви Вальтеровна Литвинова знала, с кем говорит, но леди Хейлшем не догадывалась, кто ее

---

[3] В начале марта 1933 г. в Москве по обвинению в шпионаже и вредительстве была арестована группа служащих английской компании «Метровиккерс», оказывавшей Советскому правительству по договору техническую помощь. Среди арестованных были 6 инженеров-англичан. После установленного законом следствия все они должны были предстать перед советским судом. Британское правительство категорически потребовало немедленного освобождения английских инженеров без всякого следствия и суда. Это было бесцеремонное вмешательство во внутренние дела СССР, и Советское правительство категорически отвергло английские домогательства. Тогда британское правительство развязало в Англии бешеную антисоветскую кампанию и провело через парламент закон, предоставлявший ему право в случае надобности налагать эмбарго на советский ввоз в Англию. После того как советский суд 18 апреля 1933 г. приговорил двух из арестованных инженеров к тюремному заключению на 2 и 3 года (остальные были высланы из СССР), британское правительство 26 апреля 1933 г. ввело в действие эмбарго. СССР ответил на это контрэмбарго в отношении английского ввоза в Советскую страну. Конфликт был урегулирован уже во время лондонской конференции, 1 июля 1933 года. Подробности этой истории см. И. М. Майский. Воспоминания советского посла в Англии. М. 1966.

собеседница. Родной язык А. В. Литвиновой — английский, и леди Хейлшем вообразила, что перед ней стоит англичанка или, может быть, приезжая из какой-нибудь части Британской империи. С несколько наигранным благодушием леди Хейлшем воскликнула:

— Здравствуйте! Приветствую вас в Лондоне... Мне так нравится ваше лицо! Мне так хочется, чтобы мы стали друзьями! Не важно, кто вы и кто я. Мы здесь на мировой экономической конференции и делаем одно общее дело.

Айви Вальтеровна, улыбаясь, ответила:

— Очень хорошо, будем друзьями.

Затем в течение нескольких минут обе женщины оживленно разговаривали о событиях дня и о предстоящем обеде. Леди Хейлшем пригласила новую знакомую приехать на следующий день к себе домой. Под конец леди Хейлшем сказала:

— Давайте представимся друг другу. Я леди Хейлшем.

Айви Вальтеровна ответила:

— А я мадам Литвинова.

Эффект был потрясающий. Леди Хейлшем окаменела, глаза ее расширились, затем, не говоря ни слова, она бросилась прочь от А. В. Литвиновой, точно от зачумленной.

Возвращаюсь, однако, к конференции. Вступительное слово на первом заседании произнес Макдональд. Речь его была выдержана в столь свойственном ему стиле церковной проповеди и состояла сплошь из общих, ничего не значивших мест. В частности,— и это было в высшей степени характерно — он совершенно не упомянул в связи с проблемой кризиса о вопросах труда. Зато, вопреки предварительному соглашению с американцами, Макдональд довольно подробно остановился на проблеме межсоюзных долгов, что крайне неприятно подействовало на делегацию США.

Никаких других «больших» выступлений в этот день не было. Заседание 12 июня носило по преимуществу формальный характер. 13 июня начались общие прения, продолжавшиеся 3 дня.

Первым выступил Даладье. Представляя страну, которая в момент конференции еще сохраняла золотую валюту, Даладье призвал конференцию положить конец валютной войне и повсюду вернуться к золотому стандарту. В качестве средства борьбы с кризисом французский премьер-министр предложил заключить международное соглашение об общем сокращении производства и введении 40-часовой рабочей недели. В заключение Даладье воскликнул: «Если сотрудничество между нациями не будет достигнуто, все народы упадут в пропасть!»

Итальянский министр финансов Юнг также высказался за стабилизацию валют на основе золотого стандарта и особенно подчеркнул важность устранения барьеров для международной торговли, имея в виду прежде всего высокие тарифы США. По примеру Макдональда Юнг, вопреки заключенному ранее соглашению с американцами, подробно осветил вредные последствия неурегулированности проблемы межсоюзных долгов.

Представитель Японии Исии в общем держался в рамках высказываний двух предыдущих ораторов, но особенное внимание обратил на существование барьеров в торговле, сославшись на пример Индии, запретившей импорт японских товаров.

Нейрат, выступив от имени гитлеровской Германии, пытался «разжалобить» членов конференции, описывая тяжелое положение своей страны, что, впрочем, не имело большого эффекта. Он считал, что основной задачей конференции является разрешение кредитно-финансовой проблемы, то есть предоставление Германии крупных займов из-за границы.

Невиль Чемберлен признавал необходимым стабилизировать валю-

ты на базе золотого стандарта, но предлагал осуществить это не сразу, а постепенно. Он рекомендовал различные меры в целях повышения оптовых цен и требовал снижения таможенных тарифов во всех странах, кроме Великобритании, под тем предлогом, что последняя в результате оттавских решений еще только начинала свое таможенное «вооружение»[4]. Она сильно отстала в этом отношении от США, Франции и других держав, говорил Чемберлен, а потому нуждалась не в тарифном разоружении, а в тарифном довооружении.

Характерным было то, что глава американской делегации Хэлл произнес речь, столь туманную и неясную, что никто не понял, чего он хотел. Было очевидно, что по соображениям, о которых говорилось выше, США стремились сохранить за собой полную свободу действий.

Во время общих прений выступило еще несколько десятков ораторов, представлявших капиталистические страны второго и третьего рангов, но ничего нового ими высказано не было. Все они следовали стилю Макдональда, склоняли во всех падежах такие выражения, как «добрая воля», «сотрудничество народов», «благо народов всего мира» и пр., но все это была лишь парадная шумиха: в выступлениях не чувствовались ни воля к действию, ни понимание истинного положения вещей.

В общем и целом речи представителей капиталистического мира обнаружили полный сумбур в их головах и полную беспомощность в поисках выхода из кризиса. Не случайно по мере развития прений интерес к ним среди делегатов падал, и зал Геологического музея все больше пустел. К концу прений была типичной такая картина: в зале заседаний — несколько десятков скучающих делегатов (из 1 500!), на журналистской трибуне — несколько скучающих корреспондентов, а за столом президиума — с унылым видом председательствующий Макдональд. Главная масса членов конференции — в кулуарах. Важнейший аттракцион — буфет, на устройство которого английские хозяева не пожалели усилий. Еще задолго до открытия конференции организаторы буфета вступили в сношения с находившимися в Лондоне иностранными посольствами и консульствами (к нам, впрочем, не обращались) и, пользуясь их указаниями, подобрали поваров, кушанья и напитки на вкус всех наций, представленных на конференции. Не удивительно, что теперь, в обстановке все более сгущавшейся скуки в зале заседаний, буфет конференции стал ее основным органом.

Легко понять, какой огромный эффект в этой атмосфере уныния и безнадежности произвело выступление М. М. Литвинова, отражавшее квинтэссенцию политики Советского правительства. Он выступил 14 июня, на третий день после открытия конференции. В короткой, но полной глубокого содержания речи советский нарком подчеркнул, что «благодаря особенностям экономической структуры» нашей страны «мировой кризис ни в коей мере не может влиять и не влияет на непрерывный подъем ее экономической жизни». Приведя далее ряд фактов и цифр в подтверждение своего положения, М. М. Литвинов по поручению Советского правительства предложил два важных мероприятия:

1. Заключение пакта об экономическом ненападении между всеми странами. Советский нарком напомнил, что он уже выдвигал проект такого пакта в Женеве, но, «к сожалению,— не без сарказма добавил М. М. Литвинов,— этот проект сам подвергся нападению и был заточен в одну из темниц — в комиссию Лиги Наций». Представитель СССР предлагал теперь «освободить проект из заточения», обсудить и принять его на мировой экономической конференции.

---

[4] В период 1846—1932 гг. в Англии господствовала свобода торговли. В сентябре 1932 г. на имперской конференции в Оттаве (Канада) было решено перейти к системе протекционизма в целях защиты английского и имперского рынков от иностранной конкуренции.

2. Рассасывание мировых запасов, давящих на рынок, и повышение загрузки предприятий, производящих средства производства, с помощью новых заказов. В пояснение М. М. Литвинов заявил: «...Советское правительство... могло бы разместить в ближайшее время за границей заказов на сумму примерно в 1 миллиард долларов. Чтобы быть конкретнее, скажу, что Советский Союз мог бы поглотить в ближайшее время приблизительно на 100 миллионов долларов цветных металлов, на 200 миллионов долларов черных металлов, примерно на 100 миллионов долларов текстильного, кожевенного сырья и каучука, примерно на 400 миллионов оборудования, включая ж.-д. оборудование на 100 миллионов долларов, примерно на 35 миллионов долларов с.-х. товаров, включая и племенной скот, на 50 миллионов долларов таких потребительских товаров, как чай, какао, кофе и сельди, 50 миллионов долларов новых судов, преимущественно для промышленных целей, как-то: рыболовные, землечерпалки и т. д. Значение этих цифр станет более очевидным, если я скажу, что в случае реализации этих заказов они составят для таких металлов, как алюминий и никель, медь и свинец, от 25 до 60%, а для некоторых из упомянутых потребительских товаров — до 100% существующих мировых запасов, для машинного оборудования—примерно одну треть годового мирового экспорта, а для судов — 100% всего мирового производства прошлого года»[5].

15 июня советской делегацией в соответствии с инструкциями правительства СССР всем участникам конференции был роздан следующий проект резолюции: «Правительства, представленные на денежной и экономической конференции, имея в виду цели, которые ставит себе резолюция организационного комитета от 12 мая с. г. об экономическом перемирии, и стремясь к максимально полному обеспечению эффективности этого перемирия, соглашаются отменить взаимно, независимо от причин их установления, все введенные ими ранее и действующие ныне законодательные и административные мероприятия, имеющие характер экономической агрессии и дискриминации, как-то: специальные пошлины, установленные для товаров, происходящих из какой-либо одной страны, запрет или особые условия ввоза и вывоза из какой-либо страны и в страну и бойкот торговли какой-либо страной»[6]. А 20 июня советская делегация предложила конференции проект «Протокола об экономическом ненападении», выдержанный в стиле вышеприведенной резолюции[7].

Впечатление, произведенное выступлением представителя СССР, было огромно. Когда Макдональд объявил, что слово предоставляется М. М. Литвинову, зал Геологического музея быстро наполнился делегатами и гостями. Советского наркома приветствовали аплодисментами. Речь его была выслушана с напряженным вниманием. Сообщение о готовности Советского правительства сделать за границей закупки на 1 млрд. долларов вызвало среди делегатов большое оживление. Когда М. М. Литвинов кончил, снова раздались аплодисменты, но гораздо более шумные, чем вначале. Успех выступления советского делегата был несомненен. Еще бы! Это было первое на конференции конкретное, практически осуществимое предложение в целях борьбы с кризисом. Оно действовало как порыв свежего ветра, ворвавшегося в затхлую атмосферу беспредметной болтовни.

Однако из всех делегаций только представители Турции, Ирландии и Польши заявили о поддержке советской позиции, в частности советского предложения о пакте экономического ненападения. Все остальные делегации молчали: представители крупных империалистических

[5] М. М. Литвинов. Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927—1935. М. 1935, стр. 231—237.

[6] «СССР на мировой экономической конференции». М. 1933, стр. 52.

[7] Там же, стр. 51.

держав были принципиально враждебны такому пакту и опасались, как бы перспектива выгодных сделок с СССР не внесла раскола в антисоветский фронт, а делегаты малых капиталистических стран боялись окрика со стороны своих «старших партнеров».

Печать реагировала на речь М. М. Литвинова весьма активно. Правая пресса старалась изобразить ее как чисто агитационный трюк «советской пропаганды». «Daily Express» называла предложения М. М. Литвинова «советской ловушкой для Макдональда». Парижская «Matin» сравнивала Литвинова с фокусником, который «надувает публику», заявляя: «Вы не можете сбыть свои запасы, но я могу купить их у вас за миллиард долларов. Давайте, я покупаю». Немецкая «Frankfurter Zeitung» отказывалась признать советские предложения «серьезным фактором для решения проблем конференции». Американская «New York Herald Tribune» расценивала выступление Литвинова лишь как маневр, имеющий целью «нанести удар по британскому эмбарго».

Либеральная печать признавала серьезность советских предложений. Так, «News Chronicle» сравнивала выступление Литвинова с «ударом молнии». «Manchester Guardian» отмечала благоприятный прием, который речь Литвинова встретила в зале Геологического музея и за его пределами. Итальянская «Messagero» писала: «Исключительный интерес представило выступление главы советской делегации. Литвинов говорил ясно и точно и дал доказательства своего стремления к искреннему сотрудничеству в экономической области». Американская «New York Times» констатировала, что «ни речь Чемберлена, ни речь Эррио не взволновали конференции» и что «потрясающее впечатление на конференцию» произвело то место в речи Литвинова, где он нарисовал перед делегациями реальную возможность торговых сделок»[8].

Вечером 15 июня общие прения закончились и был принят порядок дня работы конференции, включавший вопросы о валютной и кредитной политике, ценах, тарифах, ограничениях в международной торговле и т. д. Были образованы также две комиссии — экономическая и финансовая, на которые возлагалось рассмотрение всех внесенных на конференции предложений. В экономической комиссии председательствовал голландец Коляйн, в финансовой — американец Коен. СССР в экономической комиссии представлял В. И. Межлаук, в финансовой — М. М. Литвинов. А. В. Озерский и я вошли в обе комиссии в качестве заместителей В. И. Межлаука и М. М. Литвинова.

Казалось, теперь, после окончания общих прений, конференция должна была перейти к настоящей, деловой работе. Вышло, однако, совсем иначе. Дело было в том, что за скучно парадным фасадом конференции выступал подлинный хозяин положения, который творил «настоящее дело» и дергал за ниточки своих марионеток на подмостках зала Геологического музея. Этим хозяином был финансовый капитал. И как раз в тот момент, когда на конференции закончились общие прения, борьба интересов среди представителей финансового капитала различных стран достигла такой остроты, что совершенно парализовала всю работу конференции, а затем и обрекла ее на полный крах.

3. Меморандум Гугенберга

Решающие для судеб конференции события происходили вне конференции. Объяснения этим событиям следует искать в тех же межимпериалистических противоречиях, которые особенно обострились в период мирового кризиса 1929—1933 гг. и под знаком которых была созвана и проходила лондонская конференция.

---

[8] См. «Известия», 16, 17 июня 1933 года.

Первый взрыв произошел 16 июня, когда один из членов немецкой делегации, лидер германских националистов, министр хозяйства гитлеровского правительства Гугенберг, неожиданно вручил председателю экономической комиссии Коляйну меморандум, который вызвал целую бурю. Меморандум начинался цитатой из книги Шпенглера «Закат Европы» и характеризовал Германию как первую страну, начавшую борьбу против упадочничества и «низших элементов человечества». Далее в меморандуме заявлялось, что для преодоления кризиса и установления мирного сотрудничества между всеми нациями, в особенности между нациями-кредиторами (читай: США, Англией и Францией) и нациями-должниками (читай: Германией), необходимо осуществить два важных мероприятия. «Первое мероприятие,— гласил меморандум,— должно состоять в предоставлении Германии колониальных владений в Африке, где Германия может провести целый ряд начинаний, никем не осуществленных. Второе мероприятие должно заключаться в предоставлении народам, лишенным пространства, новых территорий, на которых эти энергичные расы могли бы создать колонии и начать грандиозную мирную работу. Мы страдаем не от перепроизводства, но от вынужденного недопотребления. Война, революция и внутренний развал нашли свою опору в России и обширных пространствах Европы. Этот разрушительный процесс продолжается. Наш долг — положить ему конец».

Итак, германский фашизм заявил в меморандуме о своих планах: требовать от западных держав платы колониями за интервенцию против СССР. Сделано это было с таким откровенным цинизмом, что Гугенберг (а также гитлеровское правительство) сразу оказался под перекрестным огнем. Против Гугенберга ополчилась английская, французская и американская пресса. Так, например, «Times» назвала меморандум Гугенберга «новым германским сумасбродством», заявив, что «не может быть и речи о возвращении Германии ее прежних заморских владений». «Echo de Paris» резко атаковала меморандум. «New York Times» также осудила меморандум, усматривая в нем стремление Германии сорвать мировую экономическую конференцию. В том же духе высказывались и другие органы печати. В правительственных кругах западных держав не скрывали крайнего раздражения по адресу Германии.

Гитлеровское правительство пыталось изворачиваться. Глава германской делегации в Лондоне Нейрат уверял руководство конференции, что меморандум Гугенберга якобы носит личный характер и не является официальным мнением делегации. Немецкая печать также пробовала замести следы. Фашистский официоз «Völkischer Beobachter» поместил статью, в которой заявлял, что соображения Гугенберга, «разумеется, не могут рассматриваться как политический шаг официальных германских инстанций». В связи с этим гитлеровская газета наговорила много слов о «свободе дискуссий», о праве каждого индивидуума выражать собственное мнение по вопросу о борьбе с кризисом и в заключение обрушилась на «враждебную Германии прессу в Лондоне и Париже», которая делает «в высшей степени недобросовестную попытку обременить научную атмосферу мировой экономической конференции политическими страстями».

Однако никакие отговорки не могли помочь Гитлеру. Как бы ни были сильны антисоветские настроения правительств Англии, Франции и США, угроза их собственным колониальным владениям, прозвучавшая со страниц меморандума Гугенберга, вынудила «демократические державы» резко выступить против претензий германского фашизма. Тем более, что в Лондоне очень скоро узнали некоторые любопытные подробности. Оказалось, что Шахт был соавтором Гугенберга и что самый меморандум был предъявлен с ведома и благословения Гитлера. Это был пробный шар нового германского правительства, которому

лишь по соображениям осторожности была придана форма «личного выступления» Гугенберга.

СССР решительно выступил против меморандума Гугенберга. 22 июня Советское правительство выразило в Берлине официальный протест против меморандума. В протесте указывалось, что подобные заявления стоят в полном противоречии с обязательствами, принятыми на себя германским правительством по советско-германскому договору 1926 г. о дружбе и нейтралитете.

Советские люди высмеяли меморандум Гугенберга как плод больной фантазии. М. М. Литвинов сразу же после вручения германского документа Коляйну дал в Лондоне интервью корреспонденту «Правды». В интервью советский делегат не без сарказма заявил, что в тяжелой атмосфере, создавшейся на конференции, «может быть, и требовался некоторый элемент забавности, который авторы меморандума и хотели конференции доставить». Германские представители, сказал М. М. Литвинов, хотели, вероятно, «получить у конференции мандат на монопольное использование» больших возможностей советского рынка, о которых он говорил в своем выступлении на конференции. Благодаря меморандуму Гугенберга, подчеркнул под конец советский нарком, германское правительство стало «посмешищем всего мира»[9].

Демьян Бедный на страницах «Правды» писал:

Гугенберг немного значит:
Сумасшедший. Важность в том:
За его спиной чудачит
Сумасшедший целый «дом»...
Тех, чьи буйные замашки
Мировую сеют брань,
От смирительной рубашки
Отделяет только грань!

Вместе с тем советская печать заявляла: «Нужно сказать этим фашистским шутам, что есть предел для всякого донкихотства»[10].

Перекрестный огонь, под который попало германское правительство, не остался без практических последствий. Гитлеровцам пришлось отступить. Гугенберг был дезавуирован, отозван из Лондона и 1 июля вышел из состава германского правительства. Шахт и Нейрат спешно выехали в Берлин «для консультаций». Немецкая делегация на лондонской конференции внезапно «растаяла», и в течение нескольких дней ее представляли никому не известные фигуры. Потом Нейрат и Шахт вернулись, но уже с сильно изменившимся настроением.

4. Американская «бомба»

Германская «бомба» не сыграла серьезной роли в судьбах конференции. Она взорвалась, как зловонная хлопушка, но порожденное ею волнение очень быстро улеглось. Неизмеримо большее значение для судеб конференции имела другая «бомба» — американская, начиненная взрывчатой смесью из двух вопросов: долги и валюта.

15 июня 1933 г. наступал срок очередных платежей Англии и Франции по военным долгам. Обоим правительствам приходилось спешно, в обстановке только что начавшейся мировой экономической конференции, решить вопрос: что же делать? За кулисами конференции происходили горячие споры. Одни считали, что в связи с работой конференции нужно в виде исключения заплатить данный взнос полностью. Такой жест, аргументировали сторонники этого взгляда, вызовет благоприятную реакцию в США и облегчит соглашение с американцами по различным вопросам, стоящим в порядке дня конференции. Другие гово-

[9] «Правда», 19 июня 1933 года.
[10] «Правда», 21 июня 1933 года.

рили, что Рузвельт ни при каких условиях не пойдет сейчас на стабилизацию валют, и, стало быть, центральная проблема конференции все равно не сможет быть удовлетворительно разрешена; стоит ли при таких условиях тратить крупные суммы на покрытие очередного взноса? Борьба мнений была долгая и упорная, но конец был очень прост: Франция опять ничего не уплатила, а Англия решила вновь сделать «символический» взнос, то есть уплатить 10 млн. долларов вместо полагавшихся 75. Позиция Лондона и Парижа в вопросе о долгах вызвала новый прилив раздражения за океаном и сделала еще более затруднительным какое-либо соглашение с Нью-Йорком по вопросу о валюте.

В самом деле, с первых же дней конференции в Лондоне начались совещания банкиров трех стран — США, Англии и Франции — по вопросу о стабилизации валют. При этом сразу наметились три точки зрения: 1) французы требовали восстановления золотого паритета важнейших валют, поскольку франк еще оставался на золотой основе; 2) американцы по уже известным соображениям категорически возражали против всякой стабилизации доллара в ближайшее время; 3) англичане предлагали известный компромисс между французской и американской позициями. Лондонские финансисты высказывались за «каучуковую» стабилизацию валют, то есть за установление в настоящий момент временной стабилизации на определенном уровне с тем, что в дальнейшем к ней будут сделаны необходимые «поправки» в зависимости от хода событий.

15 июня вечером на совещании банкиров было достигнуто известное соглашение в духе английской точки зрения, и вслед за тем американская делегация внесла соответственный меморандум в финансовую комиссию экономической конференции. Как только сведения об этом просочились на нью-йоркскую биржу, там началось быстрое падение ценностей. 11 июня индекс 20 руководящих акций составлял 72,2, а 18 июня уже только 66,6. Точно так же цена пшеницы за бушель упала с 92,4 до 85,4 цента. Это вызвало резкую реакцию со стороны Рузвельта, который увидел в лондонском компромиссе банкиров опасность для всей своей инфляционной политики. Президент решил немедленно действовать.

В ночь с 20 на 21 июня американская делегация получила новые инструкции из Вашингтона. Все члены делегации были разбужены, и в отеле, где они помещались, состоялась экстренная «конференция в пижамах» (как назвали это собрание лондонские газеты). Рузвельт категорически возражал против всякой валютной стабилизации, и на следующий день американская делегация взяла назад свой меморандум из финансовой комиссии, одновременно опубликовав официальное заявление, в котором, между прочим, говорилось: «Американское правительство в Вашингтоне считает, что меры в целях временной стабилизации валют являются сейчас несвоевременными. Американское правительство полагает, что его усилия, направленные на подъем цен (с помощью инфляции.— *И. М.*), являются наиболее важным вкладом, который оно может сделать для борьбы с кризисом».

Получился большой конфуз, а вместе с тем экономической конференции был нанесен тяжелый удар. Одновременно пресса Херста в США, обращаясь к американским делегатам в Лондоне, стала изо дня в день призывать: «Покупайте чемоданы! Возвращайтесь в Вашингтон!»

В такой обстановке сколько-нибудь продуктивная работа конференции, конечно, была совершенно невозможна. Правда, внешние формы ее работы еще продолжали соблюдаться. Комиссии заседали и образовывали подкомиссии: кроме двух первоначально созданных комиссий — экономической и финансовой,— возникло еще 7 подкомиссий по отдельным вопросам. На заседаниях комиссий и подкомиссий выступали делегаты конференции и обсуждали те или иные проблемы, отно-

сившиеся к порядку дня. Однако все чувствовали: это лишь игра теней, не имеющая никакого практического значения. И все понимали, что если США не изменят своей позиции по валютному вопросу, то конференция будет сорвана. В предвидении такой возможности правительства капиталистических стран стали маневрировать, стремясь свалить друг на друга ответственность за провал конференции. Эти махинации еще на несколько времени отсрочили формальный крах конференции. Макдональд как главный инициатор лондонского совещания прилагал все усилия к тому, чтобы найти какой-либо выход из тупика, и с этой целью вел переговоры с Рузвельтом. Последний, также искавший какого-либо «приличного» обряда погребения для конференции, отправил в Лондон своего друга и ближайшего советника профессора Моллея для изыскания какого-либо компромисса в вопросе о стабилизации валют. До приезда Моллея американская делегация фактически отстранилась от работ конференции, что еще более расстроило весь механизм последней. Как раз в эти дни один журналист, касаясь в разговоре со мной создавшегося положения, с усмешкой бросил: «Экономическая конференция живет на кислороде». Это было сказано очень метко.

1 июля в Лондон прибыл наконец Моллей. Состоялось новое совещание банкиров и экспертов. Под давлением европейской обстановки, опасаясь, что ответственность за срыв конференции будет возложена на США, Моллей пошел на известные уступки и согласился на проведение некоторых мероприятий, способных временно замедлить обесценение доллара. Он сообщил об этом в Вашингтон, однако Рузвельт категорически отверг и этот второй компромисс по валютному вопросу. 2 июля Рузвельт опубликовал декларацию, в которой заявил, что сейчас не время заниматься вопросом стабилизации и что внутренние мероприятия каждой страны по борьбе с кризисом гораздо важнее, чем какие-либо международные соглашения по этому вопросу. Моллей был таким образом дезавуирован президентом и поспешил уехать домой.

День 2 июля явился, по существу, днем окончательного краха конференции, ибо без стабилизации валют (хотя бы временной и «каучуковой») обсуждение всех остальных вопросов порядка дня становилось совершенно бессмысленным. Это чувствовали и понимали все.

Вечером 2 июля М. М. Литвинов в разговоре со мной сказал: «Конференция умерла, пора ехать в Москву. Надо вот только закончить начатые переговоры».

5. Победа советской дипломатии

М. М. Литвинов не случайно упомянул о «начатых переговорах». Воспользовавшись приездом в Лондон на конференцию министров иностранных дел многих держав, советская дипломатия решила предпринять важный шаг в целях обеспечения безопасности СССР.

Начиная с 1925 г. СССР заключил целый ряд двухсторонних пактов о ненападении с другими державами (Турцией, Германией, Польшей, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Францией, Китаем), в которых обе стороны обязывались воздерживаться от актов агрессии друг против друга. Однако что означает понятие «агрессия»? Точного определения агрессии в международном праве никогда не существовало, и это представляло большую опасность с точки зрения интересов нашей страны. В самом деле, чего стоил договор о ненападении, если с помощью различных юридических толкований «агрессия» могла превратиться в «неагрессию». Естественно, что Советское правительство было заинтересовано в точном определении понятия «агрессия».

В 1931 г., накануне одного из своих отъездов в Женеву, М. М. Литвинов решил найти такое определение. «Я вызвал к себе,— как-то рассказывал он мне,— руководителей экономическо-правового отдела

НКИД и предложил им составить точный список причин и поводов войн, происходивших в Европе за минувшие 200 лет. Когда это было сделано, я подверг анализу приведенные причины и поводы. Выяснилось, что некоторые причины и поводы, игравшие в прошлом крупную роль, для наших дней совершенно устарели... Ну, например, династические войны. Из общего списка я извлек те причины и поводы, которые сохранили свое значение и сейчас, и внес их в особый список. Имея перед глазами этот список, я и сформулировал проект конвенции об определении агрессии, который затем предложил на утверждение Советскому правительству. Наше правительство утвердило его».

Тогда М. М. Литвинов внес советский проект конвенции об определении агрессии на конференцию по разоружению. Конференция, конечно, его не приняла, а похоронила в одной из своих многочисленных комиссий. Теперь в Лондоне М. М. Литвинов, с санкции Советского правительства, решил добиться цели, хотя бы и на несколько более узкой основе. В Женеве речь шла о признании определения агрессии всей конференцией по разоружению. В Лондоне вопрос ставился иначе: на этот раз речь шла о принятии определения агрессии лишь группой государств, по преимуществу соседей СССР. М. М. Литвинов сразу же приступил к практическим действиям и во второй половине июня развернул энергичные переговоры с официальными представителями намеченных заранее государств, присутствовавших на мировой экономической конференции.

К началу июля переговоры в основном были закончены. Мы стали готовить акт подписания соответствующего дипломатического документа, которое должно было состояться в здании советского посольства. Печать была извещена о предстоящем событии. Самое подписание произошло в три приема: 3, 4 и 5 июля 1933 года.

3 июля конвенция была подписана между СССР и его западными и южными соседями — Эстонией, Латвией, Польшей, Турцией, Ираном и Афганистаном. Литовский посланник к 3 июля еще не успел получить необходимых полномочий от своего правительства. Финляндия не подписала конвенцию по причинам политического характера: антисоветские элементы в этой стране, усиленно вдохновляемые из-за рубежа, всячески старались задержать присоединение Финляндии к конвенции по определению агрессии.

4 июля конвенция была подписана между СССР и странами Малой Антанты — Югославией, Румынией и Чехословакией. 5 июля конвенцию подписали СССР и Литва.

Самый текст конвенции в основном везде был идентичным. Но в документе, подписанном с державами Малой Антанты, имелась одна статья, отсутствовавшая в соглашении, подписанном с соседями СССР. Эта статья гласила: «Настоящая конвенция открыта для присоединения всех остальных государств. Присоединение будет давать те же права и налагать те же обязательства, что и первоначальная подпись. Заявления о присоединении будут поступать к правительству Советского Союза, которое немедленно будет извещать о них остальных участников».

Таким образом, конвенция об определении агрессии была подписана Советским Союзом с десятью государствами, из которых восемь являлись соседями СССР, а два были расположены поблизости от СССР, в Юго-Восточной Европе. Соглашение было документом большого исторического значения. Впервые в анналах истории точно и всеобъемлюще формулировалось понятие агрессии. Не подлежало ни малейшему сомнению, что конвенция об определении агрессии была новой и крупной победой советской дипломатии, содействовавшей укреплению безопасности СССР и миру во всем мире.

6. Конец конференции

После отъезда М. М. Литвинова из Лондона главой советской делегации остался В. И. Межлаук, и ему пришлось проводить нашу политику в обстановке все более обострявшейся агонии мировой экономической конференции.

Да, это действительно была агония. Декларация Рузвельта от 2 июля нанесла конференции смертельный удар. В руководящих кругах конференции господствовало полное смятение. Больше всего были возмущены страны золотой валюты, и французский президент Лебрен 3 июля выступил в Безансоне с ответом Рузвельту. Он резко критиковал американскую политику в валютном вопросе, заявив, что без стабилизации валют не может быть никакой эффективной борьбы с кризисом.

6 июля произошло заседание организационного бюро конференции для решения вопроса о дальнейших шагах. Прения носили очень бурный характер. Наметились три основных точки зрения: 1) страны золотой валюты во главе с Францией требовали немедленной отсрочки работы конференции, то есть фактически ее немедленного роспуска; 2) Англия настаивала на продолжении конференции, но без обсуждения на ней валютных вопросов; 3) США занимали неясную, колеблющуюся позицию, но давали понять, что при известных условиях они готовы не возражать против продолжения работы конференции.

Так как ни к какому окончательному решению 6 июля прийти не удалось, вопрос о будущем конференции повис в воздухе. Всем было, конечно, ясно, что конференция мертва, но около обряда ее погребения завязалась длительная и противная мышиная возня. Руководящим мотивом политики правящих кругов Англии, Франции и США на конференции был страх, как бы их не обвинили в срыве конференции. И потому каждая из этих стран маневрировала с таким расчетом, чтобы ответственность за крах конференции не легла на ее плечи.

8 июля Рузвельт, информированный американской делегацией о настроениях в Лондоне, направил Хэллу новые инструкции, в которых предлагал продолжить конференцию и решить все вопросы порядка дня, исключая вопрос о стабилизации валют.

9 июля в Париже состоялось совещание директоров эмиссионных банков золотого блока (Франция, Италия, Голландия, Швейцария, Польша), располагавших 130 млрд. золотых франков (40% всего мирового запаса золота). На этом совещании было принято решение вести энергичную борьбу за сохранение золотого стандарта. Однако ввиду новых инструкций Рузвельта представители стран золотого блока на лондонской конференции сочли невозможным сохранять свою старую позицию с требованием немедленного роспуска конференции и тоже согласились на продолжение ее работы.

10 июля в английском парламенте происходили дебаты по вопросу о судьбе лондонской конференции. Невиль Чемберлен, выступивший в качестве главного оратора, сделал несколько язвительных замечаний в адрес Рузвельта, но в конечном счете заявил, что конференцию надо сохранить, чтобы достичь соглашения по ряду важных вопросов, не имеющих отношения к валютной проблеме.

Советская делегация заняла следующую позицию в сложившейся обстановке. 10 июля В. И. Межлаук направил Макдональду письмо, в котором настаивал на том, чтобы в повестку дня дальнейших работ конференции при всяких условиях были включены два вопроса: а) пакт об экономическом ненападении, б) вопрос о расширении импортных возможностей отдельных стран и об условиях, при которых осуществимо это расширение[11].

[11] «СССР на мировой экономической конференции», стр. 42.

В результате всех указанных обстоятельств на заседании организационного бюро 10 июля было решено продолжить работу конференции. Однако, как только была сделана попытка провести данное решение в жизнь, обнаружилось, что конференция — безжизненный труп. В самом деле, когда в финансовой комиссии конференции был поставлен на обсуждение вопрос о сотрудничестве центральных банков, делегация США сразу же наложила вето на его рассмотрение. Точно так же, как только в экономической комиссии был поднят вопрос о планировании общественных работ в международном масштабе, английская делегация решительно отказалась его обсуждать, заявив, что она является принципиальным противником подобного рода мероприятий.

Советская делегация добилась обсуждения на заседании экономической комиссии 13 июля пакта об экономическом ненападении. В. И. Межлаук выступил с обоснованием нашего предложения в духе тех мыслей, которые на пленарном заседании развивал М. М. Литвинов, и напомнил, что проект данного пакта уже выдвигался СССР в Женеве, где он внимательно рассматривался в Лиге Наций[12]. Выступление В. И. Межлаука встретило благоприятный отклик. Его поддержали представители Турции и Ирландии. Ирландский делегат Конолли произнес при этом длинную речь, в которой резко атаковал Англию за ее политику дискриминации в отношении Ирландии. Затем комиссия единодушно решила обсудить протокол об экономическом ненападении на конференции.

Как правило, по любому вопросу в комиссиях и подкомиссиях конференции возникали столь острые разногласия между различными капиталистическими державами, что принятие каких-либо решений неизменно приходилось откладывать. Зато советской делегации нередко удавалось демонстрировать на конференции, что в мире родилось совершенно новое, не похожее ни на какие старые образцы государство, которое воплощает в себе лучшее будущее человечества. Помню, как-то раз на той же экономической комиссии В. И. Межлаук выступил с речью, в которой энергично доказывал, что расширение возможностей импорта является одним из важнейших методов борьбы с кризисом. Оговорив цифру возможных заказов СССР за границей в 1 млрд. долларов, В. И. Межлаук указал, что эта сумма представляет собой примерно ежемесячный экспорт всего мира в 1932 г. и примерно полуторамесячный экспорт всего мира в 1933 году. «Советское хозяйство,— говорил В. И. Межлаук,— успешно развивается, используя свои внутренние ресурсы. Мы производим и будем производить наше дальнейшее строительство своими собственными средствами. Однако, следуя своему принципу мирного сотрудничества с другими странами, мы готовы будем, если это будет признано взаимно выгодным на определенных кредитных условиях и при обеспечении развития нашего экспорта, расширить наш импорт в указанном выше направлении»[13]. В. И. Межлаук призвал все другие державы пойти по этому пути и наметить возможные для них максимальные цифры импорта для рассасывания мировых товарных излишков. Ни одна из капиталистических держав не откликнулась на предложение СССР.

К 14 июля положение дел на конференции настолько ухудшилось, что вновь собравшееся организационное бюро было вынуждено сделать окончательный вывод: закрыть мировую экономическую конференцию 27 июля.

После этого В. И. Межлаук уехал из Лондона, и я остался главой советской делегации и фактически единственным представителем СССР

---

[12] Там же, стр. 49—50.
[13] Там же, стр. 44—45.

на конференции, ибо торгпред А. В. Озерский как раз в это время был отвлечен спешными делами по выполнению своих непосредственных обязанностей.

Начался последний этап в жалкой истории конференции. В соответствии с указаниями организационного бюро комиссии стали подготовлять отчет о «проделанной работе». Это был сплошной фарс. Ни одна комиссия не могла похвастать соглашением хотя бы по одному вопросу. Все они были способны лишь констатировать непримиримые разногласия среди делегатов.

В этой сумбурной обстановке, среди всеобщего уныния и безнадежности, когда члены конференции были уже заняты упаковкой чемоданов, 20 июля на столах всех делегаций в зале Геологического музея появился любопытный документ. Внешне он походил на те сотни документов, которые раздавались в ходе конференции ее секретариатом: та же бумага, тот же формат, тот же машинописный текст и тот же штамп в заголовке: «Лига Наций, финансовая и экономическая конференция». Содержание документа гласило: «Делегация Британии, действуя в соответствии с духом финансовой и экономической конференции, а также желая охватить работу конференции в резолюции, имеющей шансы быть единогласно принятой, предлагает следующее: а) в то время как часто подчеркивалось, что в Европе и США имеется 30 млн. безработных мужчин и женщин, нуждающихся в разнообразных предметах потребления; б) в то время как общепризнано, что в мире имеются большие запасы предметов потребления; в) в то время как все согласны, что международная торговля постепенно сокращается; г) в то время как общепризнано, что тарифные барьеры препятствуют развитию торговли и способствуют росту безработицы; д) в то время как здоровая валютная политика необходима для облегчения мировых условий,— все нации, участвующие в финансовой и экономической конференции, постановляют:

1) ограничить производство всех предметов потребления, в особенности пшеницы, сахара, чая, кофе, молока, масла, хлопка, скота, мяса; 2) уничтожить все излишки предметов потребления, которые могут быть использованы в интересах голодающих наций и безработных мужчин и женщин, а там, где излишки все-таки останутся, поднять на них цены; 3) повысить существующие тарифы в тех случаях, когда полное эмбарго является невозможным; 4) отложить всякие мероприятия для урегулирования валютной проблемы; 5) предложить правительствам не организовывать никаких общественных работ в целях помощи безработным. Далее, констатируя, что единодушные решения касательно виноградарства, болезни кокосовых деревьев и ветеринарных вопросов знаменуют собой прогресс по пути к достижению международного соглашения, возобновить работу финансовой и экономической конференции для обсуждения проблем такой же важности 1 апреля 1935 года»[14]. Эта злая шутка, авторы которой остались неизвестными, прекрасно суммировала итоги мировой экономической конференции.

И вот наступил, наконец, последний день ее работы. Лидеры капиталистических держав приложили все усилия для того, чтобы нарядить покойницу в пышные погребальные одежды. Макдональд в своей речи заявил, что это «не конец, а лишь отсрочка» конференции. Боннэ утверждал, что конференция не пыталась скрыть существующие разногласия между державами и в результате имела «большое моральное значение», содействуя «прогрессу». Ренсимен усиленно доказывал, что конференция «проделала весьма важную исследовательскую работу». Хэлл заявил, что конференция сыграла свою роль, и выразил надежду, что в результате лондонских совещаний каждая нация теперь «при-

[14] «Manchester Guardian», 21 июля 1933 года.

мет необходимые меры — обычные и необычные — в целях повышения цен, роста занятости и улучшения деловой ситуации».

Пышный венок на гроб покойницы прислал президент Рузвельт, тот самый Рузвельт, который больше всех способствовал краху конференции. В телеграмме, присланной на имя Макдональда, он, между прочим, писал: «Народы мира (и после конференции.— *И. М.*) могут продолжать спокойно и откровенно обсуждать взаимно интересующие их проблемы. Результаты не всегда измеряются количеством формальных соглашений. Они равным образом могут получиться благодаря выявлению трудностей, испытываемых каждой нацией, и методов, применяемых каждой нацией для их преодоления... Вот почему я не считаю экономическую конференцию неудачной».

Немногие трезвые высказывания (например, голландца Коляйна) о крахе конференции и вытекающих отсюда опасностях тонули в море лицемерной успокоительной шумихи.

От имени СССР выступил я. Когда я поднялся на трибуну конференции, по залу прошло движение, а Макдональд, председательствовавший на заключительном заседании, обнаружил явные признаки беспокойства. Он имел все основания для этого, ибо моя речь должна была разорвать густую пелену лживого лицемерия, которая заволокла зал Геологического музея.

Я начал с той цитаты из подготовленного экспертами 17 стран «проекта порядка дня» конференции, которая приводилась выше, и затем поставил вопрос: что же, однако, мировая экономическая конференция фактически сделала для заключения того «мирного» договора в экономической сфере, важность которого с такой силой подчеркивали эксперты? Советская делегация, говорил я, внесла на конференцию два предложения: 1) заключение пакта об экономическом ненападении; 2) расширение импортных возможностей различных стран. Казалось бы, мировая экономическая конференция должна была безоговорочно голосовать за советские предложения. В действительности, однако, вышло иное. За исключением Турции, Польши и Ирландии, никто не поддержал советского пакта об экономическом ненападении. Еще меньше понимания встретило второе советское предложение — о расширении импортных возможностей. В конечном счете оно было похоронено в одной из комиссий мировой экономической конференции.

Указав далее, что конференция «обнаружила столь жестокое обращение не только с советскими предложениями», но и с предложениями, внесенными на ее обсуждение экспертами 17 держав, я продолжал: «В самом деле, «проект порядка дня» предусматривал решение конференцией целого ряда важнейших проблем финансового и экономического порядка — таких, как, например, стабилизация мировых валют, отмена финансовых и валютных ограничений, расширение и удешевление кредита, повышение уровня цен, понижение таможенных тарифов, обеспечение действия принципа наибольшего благоприятствования, развитие общественных работ, координация производства и обмена и т. д. Что сделано на конференции по всем этим вопросам? Ровно ничего».

Во второй половине работы конференции, когда для ее организаторов окончательно выяснилось, что обсуждение таких проблем, как стабилизация валют, торговая политика и др., по разным причинам должно быть заморожено, на первое место были выдвинуты вопросы координации производства и обмена. В течение последних недель именно они стояли в центре внимания, и многие делегации именно на этом участке работ конференции ожидали конкретных положительных результатов. «Что, однако, получилось в действительности? А вот что: возьмем, например, лес — обсуждение вопроса отложено до начала октября, уголь — вопрос передан совету Лиги Наций, вино — вопрос передан Международному бюро вина, молочные продукты — вопрос пе-

редан Международному аграрному институту... и т. д. и т. д. Я мог бы легко увеличить число примеров, но это едва ли необходимо.

Вся работа мировой экономической конференции, вся работа ее многочисленных комиссий и подкомиссий на протяжении этих 6 недель была глубоко проникнута одним настроением, одним стремлением: «отложить»...

Таким образом, если сопоставить задачи, сформулированные «проектом порядка дня», с теми материалами, которые в последние дни разосланы всем нам секретариатом конференции, то, отнюдь не вдаваясь в полемические преувеличения, строго следуя лишь фактам, простым, реальным фактам, придется прийти к одному неизбежному заключению: практические результаты первой сессии мировой экономической конференции оказались равными нулю...

Какой вывод можно сделать из только что перечисленных фактов?

Если следовать простой человеческой логике, то вывод отсюда можно сделать только один: противоречия, раздирающие мировую капиталистическую систему, в настоящее время зашли так далеко, что уже они не допускают хотя бы временного и хотя бы чисто внешнего примирения. Год тому назад конференция по разоружению устроила свою первую отсрочку после 6 месяцев работ и при этом оказалась еще в состоянии замаскировать разлагавшие ее противоречия некоторыми решениями, которые сохраняли хотя бы чисто показную видимость какого-то единства. Был фиксирован также определенный срок возобновления работ. Напротив, мировая экономическая конференция в возрасте всего лишь 6 недель обнаружила столь несомненные симптомы безнадежной старческой дряхлости, что ее организаторы вынуждены сейчас просто распустить делегатов по домам, без всяких решений и даже без определения точного срока созыва новой. Если в июле 1932 г. конференция по разоружению еще сумела совершить организованное стратегическое отступление, то в июле 1933 г. мировая экономическая конференция закончила свои занятия беспорядочным паническим бегством».

Отметив далее, что крах конференции неизбежно приведет лишь к обострению экономической войны между различными державами, я закончил свое выступление заверением, что «как бы, однако, ни сложился ход событий, СССР будет неуклонно продолжать ту испытанную политику мира, которая составляет самую сущность советской внешней политики...»[15]

Разумеется, капиталистическая пресса пыталась замолчать это выступление, и в большинстве газет появились лишь краткие выдержки из моей речи. Но были исключения: мою речь полностью опубликовали орган шотландских лейбористов «Forward» и... консервативная «Times».

Крах мировой экономической конференции широко комментировался в мировой печати. Общая линия капиталистической прессы сводилась к тому, чтобы всячески преуменьшать значение этого факта и даже находить в работе конференции какие-то положительные моменты. Однако раздавались и более трезвые голоса. Так, в венской «Neue Freie Presse» 1 августа была опубликована статья Ллойд-Джорджа под заголовком «Почему провалилась экономическая конференция». Ллойд-Джордж в ней говорил: «Авторы и писатели всякого рода стремятся найти ответ на вопрос: кто собственно говоря, является виновником ее смерти. Но важно ли вообще установить это? Если бы даже в Лондоне удалась стабилизация валюты,— что совершенно немыслимо при данных условиях,— то все же осталась бы нерешенной проблема тарифов и системы квот. Ни одна страна не могла бы внести предложения об ограничении торговли, которые были бы прием-

[15] «СССР на мировой экономической конференции», стр. 55—59.

лемы для других государств... Вся конференция была похожа на телегу, все более погрязающую в болоте. Я не понимаю, почему вообще при данных условиях она была созвана» [16].

Ллойд-Джордж правильно констатировал факты, но никакого выхода из положения указать не мог. Ближе к пониманию существа дела оказался Бернард Шоу. «Sunday Chronicle» взяла у него интервью по поводу экономической конференции. В этом интервью знаменитый драматург сказал: «Провал конференции еще раз свидетельствует о факте, в котором разумные люди уже давно отдали себе отчет. Провалилась вся структура так называемого общества (капиталистического). Осталась лишь пустая скорлупа. Россия является главной свидетельницей мирового крушения. Русские справились с действительностью» [17].

Несколько слов о реакции СССР на крах конференции. В статье «Конец лондонской конференции» «Правда» писала: «В результате мировой экономической конференции мы наблюдаем: резкое обострение борьбы между европейскими странами-должниками и между САСШ по вопросу о межсоюзнических военных долгах; усиление торговой таможенной войны между всеми империалистическими державами; расширение валютной войны между САСШ, Англией, Японией и другими странами; обострение войны всех империалистических стран против всех за золотые запасы; развертывание конкурентной борьбы между мировыми монополистическими объединениями по вопросам о ценах, перераспределении рынков и источников сырья» [18].

В номере от 27 июля, то есть в день похорон конференции, «Правда» поместила злую карикатуру. На рисунке была изображена трибуна с графином и колокольчиком, за которой сидел почтенный джентльмен. Он спал, положив голову на стол. Сбоку, под стеклянным колпаком, стояли кости какого-то древнего чудовища. Старик-служитель в расшитой золотом ливрее ставил такой же стеклянный колпак над трибуной со спящим джентльменом. Под карикатурой стояли слова: «Сохранить как окаменелость». Над карикатурой имелся заголовок: «Новый экспонат Геологического музея».

Все было ясно.

---

[16] См. «Правда», 2 августа 1933 года.
[17] См. «Правда», 31 июля 1933 года.
[18] «Правда», 16 июля 1933 года.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВЕЛИКОМОРАВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ *

Член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков

Вопрос об общественно-экономическом строе Великоморавской державы — крупнейшего западнославянского объединения IX в.— еще совсем недавно служил предметом оживленной дискуссии. Особенно горячие споры велись по этому поводу в среде чехословацких историков, занимающихся проблемой возникновения феодальных отношений у чешских, моравских и словацких племен. Но дискуссия о характере Великой Моравии не ограничивалась рамками интересов чехословацкой историографии; к ней прислушивались и в ней участвовали историки сопредельных стран. Великоморавская держава была одним из важнейших звеньев политической истории раннего славянского и центрально-европейского средневековья. В правильной интерпретации общественно-политического строя этой державы заинтересована и польская историография и специалисты по истории Древней Руси. Кроме того, вопрос представляет большой интерес в связи с изучением истории средневековых германских государств, а также общественной истории и истории культуры раннесредневековой Венгрии.

Возникновение дискуссии о Великой Моравии объяснялось прежде всего неразработанностью данного вопроса в марксистской историографии и крайней бедностью фактических данных. Отрывочные сведения об этой державе, представленные главным образом в немецких источниках, позволяли осветить с известной полнотой лишь события внешнеполитического характера.

Известно, что Великоморавская держава возникла в начале второй четверти IX в., объединив первоначально земли, лежавшие в бассейне реки Моравы. С момента своего возникновения (еще при первом князе Моймире) молодая держава стала испытывать давление со стороны германских феодалов, усмотревших в ней серьезное препятствие на путях их южной и восточной завоевательной политики. В ходе длительной борьбы с германцами, одержав ряд побед и преодолев последствия отдельных тяжелых неудач, Великая Моравия достигла большого могущества. В конце IX в., при Святополке, ее границы на востоке достигли Тиссы; на севере охватили верховья Вислы и продвинулись до поречья Одера; на западе в состав Великоморавской державы вошли чешские и сербо-лужицкие племена, обитавшие по Влтаве и Средней Лабе; на юге в ее границах оказалась Паннония — в то время территория славянского Блатненского княжества.

Борьба военная сопровождалась энергичной дипломатической деятельностью. Франкский император Людовик Благочестивый (814—840) стремился использовать в своих интересах соперничество первого моравского князя Моймира (830—846) с нитранским князем Прибиной. Преемник Моймира Ростислав установил союз с противником Людовика — австрийским маркграфом, а на договор германцев с Болгарией, направ-

---

* По материалам сессии Международного славянского археологического семинара, состоявшейся в Чехословакии 3—8 октября 1960 года.

ленный против Моравии, в свою очередь, ответил союзом с Византией. История Великой Моравии завершилась в первом десятилетии X в., после разгрома Моравии кочевниками-венграми (906 г.). В дальнейшем главным ядром феодальной государственности в этой части западнославянских земель явилась Пржемысловская Чехия с городом Прагой[1].

Источники почти ничего не сообщают о событиях внутренней жизни Великой Моравии. Некоторое исключение составляют сведения о деятельности миссии Кирилла и Мефодия и об ожесточенной борьбе между византийской и германской церквами за влияние на территории Моравии, получившие освещение в «Житиях» обоих лиц и в русской летописи. Что касается социально-экономического и внутриполитического устройства Великоморавской державы, то о нем в письменных источниках нет никаких сведений. Упоминания о богатых и бедных, свободных и рабах, имеющиеся в «Житии Мефодия»[2], конечно, не могут рассматриваться в качестве серьезных исторических известий о социальной структуре великоморавского общества. Историки могли оперировать в этой области, по сути дела, лишь общими соображениями и некоторыми весьма ненадежными косвенными данными.

В дискуссиях о социально-экономическом строе Великой Моравии столкнулись в основном две точки зрения. По мнению одной группы историков, Великая Моравия являлась дофеодальным образованием — внутренне непрочным союзом племен, возникшим в ходе противодействия германской агрессии, подобно тому, как двумя столетиями раньше, во время борьбы с агрессией Аварского каганата и позднее — франков, возникло «государство» Само. Сторонники этой точки зрения, в частности чехословацкий историк Ф. Граус, отнюдь не отрицали, что у моравских и соседних с ними других западнославянских племен в конце I тысячелетия н. э. энергично протекал процесс классообразования. Но начальную грань феодального строя они относили все же к самому рубежу IX — X вв., считая, что история феодализма и феодальной государственности на территории Чехословакии началась лишь с возникновением древнечешского государства Пржемыслов, то есть примерно в те же самые сроки, когда возникли Древнепольское государство и Киевское государство на Руси[3].

Сторонники другой точки зрения относили исходный рубеж феодализма у моравских, словацких и паннонских славян еще к началу IX в. и рассматривали Великую Моравию в качестве феодального государства, обладавшего теми основными чертами, которые были характерны для западнославянских государств последующих трех-четырех столетий. Не отрицая того, что борьба с германской агрессией способствовала процессу политического объединения западных славян, они вместе с тем не соглашались с тезисом о внутренней слабости Моравской державы, указывая на ее зрелую европейскую политику, на большую роль христианства в ее внутренней жизни и т. д. Среди приверженцев этой точки зрения с самого начала дискуссии видную роль играли чехословацкие археологи, в частности Й. Поулик, Я. Декан и академики Я. Бём и Я. Айзнер (хотя их мнения далеко не во всем совпадали)[4]. Но первоначально они располагали сравнительно небольшим и малоубедительным материалом,

---

[1] J. L. Červinka. Slované na Moravě a říše Velkomoravská. Brno. 1928; I. Dekan. Říša Velkomoravská. Slovenské dějiny, II. Bratislava. 1951; «История Чехословакии». Т. I. М. 1956, стр. 51—60.

[2] См. П. Лавров. Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві. Київ. 1928, стр. 295—313.

[3] F. Graus. Pokus o periodisaci dějin Českých zemí v období feudalismu. I. «Časopis historický», 1953, I; его же. Dějiny venkovského lidu v čechach v době předhusitské. I. Praha. 1953, s. 190—203.

[4] См. итоговую статью J. Poulik. The Latest Archaeological Discoveries from the Period of the Great Moravian Empire. «Historica». I. Praha. 1959, s. 7—70.

нередко опираясь не столько на определенные факты, сколько на свою исследовательскую интуицию.

Внимание марксистской историографии к социально-экономическому строю и историческим судьбам Великой Моравии, освещение которых, в частности, позволяет объективно обрисовать некоторые ранние этапы агрессивного германского курса «Drang nach Osten», вызвало отклик в буржуазной науке. Исходя из столь же старого, сколь и несостоятельного тезиса о неспособности славян к самостоятельной государственной жизни, немецкий историк Г. Прейдель сделал попытку изобразить Великую Моравию не в качестве славянского государства, а в виде своеобразного наследия, пережитка или порождения Аварского каганата, от которого моравские славяне получили якобы свою знать и политический строй[5]. Появилась, таким образом, еще одна «теория» военно-миграционистского толка. Как беден и однообразен, однако, арсенал буржуазной науки!

Дискуссия чехословацких историков о Великой Моравии по своему содержанию и задачам напоминает нам дискуссию советских историков о характере Киевского государства, происходившую в конце 20-х — начале 30-х годов. В распоряжении советских историков имелся, однако, обширный фактический материал — многочисленные и разнообразные известия русских, восточных, византийских и западных авторов, а также археологические данные по экономике и культуре. Чехословацкая историческая наука таким богатством источников не располагала. Поэтому в качестве первоочередной здесь встала задача получения новых фактических данных о Великоморавской державе, какими могли быть лишь археологические материалы. В связи с этим на территории Чехословакии были проведены в течение последнего десятилетия большие исследования остатков культуры великоморавского времени и смежных столетий. Результатам этих исследований посвящена обширная литература[6]. Свои последние открытия в данной области чехословацкие археологи продемонстрировали на сессии Международного славянского археологического семинара, состоявшегося в Чехословакии в октябре 1960 года.

Начнем с истории моравских городов. В исторических источниках о них не имеется никаких сведений, за исключением упоминания о княжеской резиденции Велеграде. Оставалось неизвестным, однако, шла ли здесь речь о городе или о замке Велеград, являлось ли это слово собственным именем населенного пункта или на языке того времени оно соответствовало слову «столица». Заслугой чехословацкой археологии является открытие руин великоморавских городов. Оказалось, что в IX в. на реке Мораве и ее притоках существовало несколько больших городов с каменными и деревянными постройками, с многочисленными церквами. Исследование всех этих остатков дает богатый материал для характеристики не только экономики и быта, но и социально-политического строя Великоморавской державы.

Еще в конце 40-х годов чехословацким археологом В. Грубым были начаты исследования остатков обширного великоморавского города, находившегося на правом берегу Моравы, на месте современного Старого

---

[5] H. Preidel. Die vor-und frühgeschichtliche Besiedlung Böhmens und Mährens. Die Anfänge der slawischen Besiedlung Böhmens und Mährens, I—II. Gräfelfing bei München. 1954—1957.

[6] V. Hrubý. Staré Město — velkomoravské pohřebiště «Na valách». «Monumenta Archaeologica». T. III. Praha. 1955; его же. Základy kostela na staroslovanském pohřebišti ve Starém Městě «Na valách». «Památky archeologické». XLVI, 1955, č. 2; J. Poulík. Nález kostela z dobi říše Velkomoravské v trati «Špitalky» ve Starém Městě. «Památky archeologické». XLVI, 1955, č 2; его же. Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti «Valy» u Mikulčic. «Památky archeologické» XLVIII, 1957, č. 2; его же. The Latest Archaeological Discoveries from the Period of the Great Moravian Empire, «Historica». I. Praha, 1959; F. Kalousek. Die grossmährische Burgwallstadt Břeclav-Pohansko. «Sborník prací filosofické faculty Brněnské university», IX, Řada archeologicko-klasická (E), č 5; Brno, 1960, и др.

Места, у г. Угорске Градиште. Там были обнаружены руины фундаментов двух отстоящих друг от друга на значительном расстоянии каменных церквей IX в.: небольшого прямоугольного храма с одной полукруглой абсидой и церкви с одной абсидой более сложного плана, с притвором и колоннами вдоль боковых стен, остатки которых сохранились лишь наполовину. Вокруг церквей располагались обширные кладбища, на которых исследовано в общей сложности свыше 2 тысяч могил; однако эти исследования далеко не охватывали всей площади кладбищ. Среди погребенных отчетливо выделяется группа явно знатных лиц: в погребении обнаружены меч, шпоры, дорогие пояса, украшения из золота и серебра. Большинство таких погребений расположено около церковных стен или внутри церквей, что еще более подчеркивает особое социальное положение этой группы лиц. Подобные погребения археологи обычно называют «дружинными» (то есть погребениями членов княжеской дружины). В России подобные погребения хорошо известны по киевским, черниговским и гнездовскому некрополям X в. или отдельным курганам. Найденные при раскопках различные изделия, в частности из драгоценных металлов, отличаются не только техническим совершенством, но и выдержанностью форм, как бы «стандартностью». Многие изделия представлены большими однообразными сериями, что свидетельствует о наличии массового ремесленного производства. Позднее В. Грубым был раскопан участок городской территории с остатками нескольких построек, принадлежавших некогда простому городскому люду, в том числе ремесленникам: резчику по кости, кузнецу, ювелиру. О международной торговле свидетельствуют найденные в богатых могилах остатки дорогих шелковых и шерстяных тканей сложного плетения, возможно, византийского происхождения.

Руины двух каменных церквей, обширность древней городской территории, погребения знати с драгоценными украшениями — все это позволило В. Грубому высказать предположение, что именно здесь находился Велеград — главный город Великоморавского государства. Косвенным свидетельством в пользу этого предположения является и то, что в нескольких километрах от Старого Места имеется поныне небольшое селение, носящее имя Велеград.

В 1954 г. начались раскопки на другом великоморавском городище, находящемся в 40 км от Старого Места, ниже по Мораве, в местности Валы, у с. Микульчицы (вблизи г. Гадонина). В отличие от предыдущего пункта, где территория древнего городища, занятая современным городом, имеющим длительную строительную историю, сохранилась очень плохо, что неизбежно порождало у исследователей различные вопросы и сомнения, городище Микульчицы отличается превосходной сохранностью. Его территория свободна от построек и не запахивалась; такой она оставалась в течение всего того длительного времени, которое отделяет нас от эпохи Великоморавского государства.

Великоморавский город в местности Валы состоит из двух неравных частей. Примыкая к правому берегу Моравы, располагался обширный «град»-детинец, окруженный укреплениями в виде вала с деревянными и частично каменными стенами. В плане он имел форму неправильного многоугольника: его длина вдоль реки составляла более 400 м, ширина — около 250 м, площадь — 6 гектаров. К «граду» примыкала вторая часть — огромное «предградье» (посад), превышающее «град» во много раз. Его размеры составляли более 50 гектаров. Это был, следовательно, весьма крупный город. В IX в. в Средней Европе городов таких размеров было очень немного.

Раскопки, производимые на городище археологом-славистом И. Поуликом, до последнего времени сосредоточивались преимущественно в пределах «града», где уже исследовано в общей сложности около одного гектара. В наиболее возвышенной, центральной части «града»

были открыты остатки фундаментов каменного прямоугольного здания (длина — 26 м, ширина — 9 м), как предполагают, княжеского дворца; рядом с ним и в других частях «града» — остатки пяти каменных церквей. Другого такого комплекса раннероманской архитектуры в Средней Европе указать нельзя. Одна из церквей, находившаяся около дворца, являлась большим трехнефным храмом с двойным притвором (длина — 35 м, ширина — 10 м); остальные имели сравнительно небольшие размеры, напоминая первую церковь из Старого Места. В руинах обнаружены остатки штукатурки со следами многоцветных росписей, некогда покрывавших стены этих каменных зданий. Около большой церкви было открыто свыше 400 могил, а в ее нефах и притворе оказались каменные гробницы с богатыми погребениями. В шести погребениях были обнаружены мечи, серебряные и золотые украшения, в большинстве своем тех же самых типов, что и на Старом Месте. В одном из погребений лежала золотая византийская монета времен Михаила III, относящаяся к 856—866 годам. В одной из маленьких церквей, также находившейся вблизи дворца, открыты остатки двух больших каменных гробниц, оштукатуренные стены которых были покрыты некогда росписями. Обе гробницы оказались ограбленными еще в древности, но не приходится сомневаться, что они принадлежали каким-то весьма выдающимся представителям знати или церковнослужителям. Отдельные погребения знати были обнаружены и в других церквах в пределах «града». Одна из этих церквей имела около своей прямоугольной абсиды небольшую квадратную усыпальницу, где находилось три погребения. Мужские погребения содержали мечи, дорогие пояса и позолоченные шпоры, женские — серебряные и золотые украшения, детские — также различные драгоценности; в погребениях мальчиков иногда имелись дорогие пояса и шпоры.

Раскопки в «предградье», начатые Й. Поуликом в 1958 г., охватили пока что площадь, равную 2 тыс. квадратных метров. Здесь вскрыт значительный участок городской застройки, включающий остатки нескольких десятков небольших деревянных домов срубной конструкции с глинобитными полами и печами. Дома образуют улицу; они близко расположены один к другому и не имеют хозяйственных пристроек, характерных для жилищ населения, занимающегося сельским хозяйством. Обитатели домов были не земледельцами, а прежде всего ремесленниками. На городище обнаружены следы разнообразных ремесел: кузнечного, ювелирного, бондарного, гончарного, ткацкого. В другом месте в «предградье» открыты фундаменты церкви и обширного кладбища. В отличие от всех предыдущих, эта церковь оказалась в плане не прямоугольной, а круглой, то есть ротондой. По предварительным данным, ротонда в Микульчицах отнюдь не являлась единственным каменным храмом на территории «предградья». Имеется еще 2—3 места с руинами каменных построек, скорее всего церквей, ожидающих исследования. В действительности их было, вероятно, еще больше. Несомненно, что в этом городе христианство являлось господствующей религией.

Исследования городища у с. Микульчицы будут продолжаться в течение еще многих лет. Но и сейчас, на основании уже имеющихся данных, можно сказать, что перед нами, бесспорно, картина большого феодального города. Примерно таким же (в основных чертах) являлся Киев при Владимире I и Ярославе Мудром, хотя выглядел он, конечно, великолепнее, да и время было несколько иное. Й. Поулик полагает, что город у с. Микульчицы являлся великоморавской столицей, резиденцией князя и, что очень возможно, именно он носил имя Велеград.

Городище у с. Микульчицы представляет собой первоклассный археологический памятник еще и потому, что, кроме основного (великоморавского) слоя, там имеется более древний культурный слой, относящийся к VII—VIII векам. В то время город, обладавший меньшими

размерами, также разделялся на две части: «град» и «предградье». Укрепленная часть — «град» — была окружена деревянным тыном. Каменных зданий в городе не было; повсюду — и в «граде» и на территории довеликоморавского «предградья» — обнаруживаются остатки деревянных построек срубного типа, несколько врытых в землю, с глинобитными полами и такими же печами. В этих жилищах найдена глиняная посуда, изготовленная на ручном гончарном круге; предметы, свидетельствующие о наличии кузнечного и ювелирного ремесла, в том числе маленькие тигли; в большом числе железные шпоры с крючками и петлями; бронзовые украшения. Замечательной находкой является жертвенник с маленькими глиняными фигурками животных — следы какого-то своеобразного языческого культа.

Остатки укрепленного поселения VIII в. с признаками ремесленного производства известны и на городище Стары Замки (около г. Брно), где также производятся археологические раскопки. В более ранние века поселений такого рода Моравия не знала. В середине I тысячелетия н. э. там были распространены неукрепленные земледельческие поселения, на которых открываются остатки жилищ-полуземлянок с керамикой так называемого пражского типа, изготовленной без помощи гончарного круга. Рядом с поселениями находились могильники, содержащие остатки трупосожжений, причем коллективный, «семейный» характер курганов свидетельствует о наличии патриархальных отношений в обществе.

Таким образом, на основании археологических данных можно считать установленным, что великоморавские города и их культура возникли отнюдь не на пустом месте и не внезапно, а развивались постепенно, в течение не менее одного-двух столетий. Они явились результатом исторического развития местного славянского общества, порывающего с патриархально-родовым строем и вступающего в классовое общество. Следует отметить при этом, что таким характерным элементам материальной культуры, какими являются жилища и украшения одежды (как из слоев VII—VIII вв., так и из слоев великоморавского времени), присущ специфически славянский облик. Это относится, в частности, к украшениям одежды и другим бытовым деталям, принадлежащим великоморавской знати. Люди, похороненные в богатых гробницах около великоморавских церквей или внутри них, являлись славянами местного, моравского, происхождения, а не пришельцами из каких-либо соседних стран.

В 1959 г. были начаты раскопки еще на одном великоморавском городище, находящемся в нижнем течении реки Дыи, недалеко от впадения ее в Мораву. Городище носит имя «Поганско», то есть «Языческое». Но к какому времени относится это эффектное наименование, остается неизвестным. Скорее всего, оно позднего происхождения. Во времена Великой Моравии город назывался, вероятно, иначе, так как при первых же исследованиях на его территории были найдены руины христианской церкви IX века.

Площадь Поганско, окруженная валом и рвом, равняется 28 гектарам. По соображениям археолога Ф. Калоусека, все это огромное пространство являлось «градом»-детинцем, вокруг лежало несколько больших посадов, составлявших вместе с детинцем городскую территорию размером до 100 гектаров. Эти данные, выдвигающие Поганско в число претендентов на имя Велеград, являются, впрочем, предварительными; городище и местность вокруг него в значительной части заняты лесом, что затрудняет исследование. Возможно, что за «предградье» Ф. Калоусеком были приняты окружавшие город сельские поселения; валом была окружена вся территория города, поэтому «град» (детинец), некогда окруженный тыном или каменной стеной, позднее

разобранной, будет, возможно, найден. Но и в этом случае городище Поганско следует рассматривать как остатки весьма значительного города. Кроме раскопанных на городище остатков прямоугольной церкви с одной абсидой, окруженной большим кладбищем IX в., также содержащим несколько богатых погребений, на территории городища выявлены руины еще нескольких каменных зданий, изучение которых явится делом ближайших лет. Вблизи раскопанной церкви открыты остатки деревянных жилищ со следами ремесленного производства.

Помимо Старого Места, городища у с. Микульчицы и Поганско, в пределах коренной территории Великой Моравии известно еще несколько городищ, представляющих собой остатки значительных городских центров. К ним относятся: городище под Зноймо на реке Дые; Райград и упомянутые уже Стары Замки около г. Брно; Петрова Лоука под Страхотином; еще одно Поганско, под г. Нейдеком. Великоморавский слой имеется на известном городище Девин, расположенном на высокой скале при впадении Моравы в Дунай, изучением которого занимался словацкий археолог Я. Декан. Владение Прибины (противника князя Моймира) Нитра, вошедшее в 833 г. в границы Великоморавского государства, также являлось не только замком, но и значительным городским центром, что доказывается находками в различных частях современного города Нитры. Таким образом, на сравнительно небольшой территории, составлявшей, по-видимому, основное политическое ядро Великоморавской державы, существовало не менее десяти крупных городов, расстояние между которыми равнялось в среднем 40—60 километрам. Моравия IX в. являлась страной городов с развитым ремесленным производством и торговлей, игравшими, вероятно, немалую роль в жизни молодого государства.

Облик великоморавских городов, обрисованных на основании археологических данных, служит, несомненно, веским аргументом в пользу того, что Великая Моравия была государством с довольно развитыми классовыми отношениями. Но ведь главной чертой феодализма являются не города определенного характера, а наличие феодальной земельной собственности и определенные формы зависимости крестьян-земледельцев от собственника-феодала. Большим достижением чехословацкой археологии является то, что она сумела пролить некоторый свет и на эту сторону исследования, обрисовав облик не только великокняжеского города, но и некоторые черты великоморавской деревни.

Как известно, наличие княжеской дружины — главной опоры раннефеодальной государственной организации — всегда было связано с формированием ленной системы. Но на основании приведенных выше археологических данных, а именно богатых «дружинных» погребений на великоморавских кладбищах, говорить о ленной системе, конечно, еще нельзя. Имеются, однако, другие, более существенные факты, свидетельствующие о ленной системе и помогающие значительно конкретизировать социальный состав великоморавской знати. Интересные данные об этом получены В. Грубым — исследователем Старого Места. Не ограничившись раскопками в городе, он произвел широкие исследования в его окрестностях. При этом были обнаружены следы нескольких десятков небольших сельских поселений великоморавского времени и, что особенно интересно, два населенных пункта, которые правильнее всего рассматривать в качестве феодальных поместий. Таким образом, великоморавскому времени были свойственны три типа поселений: город, деревня и помещичья усадьба, что характерно для феодализма.

В 3—4 км от Старого Места, на возвышенном урочище Дорфле, не имеющем следов какого-либо укрепления, были обнаружены остатки поселения великоморавского времени, а также руины церкви, окруженной кладбищем. Церковь отличалась своеобразным планом: она была как бы трехнефной, абсида у нее имела прямоугольную форму

(что, впрочем, было распространено в Великой Моравии); имелся большой притвор, разделенный на две части и ограниченный с запада полукруглой абсидой; с севера к церкви примыкало небольшое отдельное помещение с абсидой. Внутри церкви обнаружено несколько богатых захоронений в больших гробницах, принадлежавших взрослым и детям. Самая большая каменная гробница занимала центральное положение в отдельном помещении с абсидой. Несомненно, что это помещение являлось усыпальницей какого-то знатного светского лица. Второе погребение в усыпальнице, как бы соподчиненное первому, принадлежало, вероятно, близкому родственнику умершего. Маленькое прямоугольное помещение между усыпальницей и церковью являлось второй усыпальницей, содержащей одно захоронение. Возможно, что усыпальницей являлась также часть притвора, ограниченная абсидой. Вокруг церкви и в основной части ее притвора обнаружено более 200 могил, в большинстве случаев «рядовых», не содержащих никакого имущества.

Усыпальницы светской знати при церкви, расположенной в сельской местности, могли принадлежать лишь местным властителям. Никакого другого объяснения этот факт получить не может. Мы имеем, следовательно, хотя и косвенное, но, во всяком случае, весьма убедительное доказательство существования в Великой Моравии землевладельческих поместий, что, в свою очередь, позволяет выдвинуть предположение о существовании ленной системы.

Раскопки в Дорфле, произведенные В. Грубым в 1959—1960 гг., подтвердили более ранние материалы раскопок в Модре, в 7 км от Старого Места, где при остатках сельской церкви IX в., окруженной кладбищем, также имелись отдельные погребения знати[7]. Правда, весьма возможно, что церковь в Модре принадлежала монастырю, который был известен здесь по данным более позднего времени. Но это не меняет существа дела. Судя по обилию храмов, церковная организация в Великоморавском государстве являлась большой силой. Как и в соседних с Моравией странах, она уже владела в то время, несомненно, большими землями, на которых работали зависимые крестьяне.

Следы земледельческих поселений великоморавского времени известны не только в окрестностях Старого Места, но и во многих других областях Моравии. Моравская земля была не только страной городов; прежде всего это была густонаселенная страна с весьма высокой для своего времени земледельческой культурой. Земля обрабатывалась плугом с асимметричным железным лемехом; населению были известны виноградарство и садоводство.

В заключение остановимся еще на одном вопросе — на гибели Великоморавского государства. Археологические данные уже сейчас позволяют значительно конкретизировать картину, нарисованную письменными источниками, касающимися вторжения кочевников-венгров на территорию Моравии в 906 году. Обращаясь к этим событиям, следует говорить не только о распаде государства, о разрушении его политической организации, как это бывало не раз во время крупных завоеваний в эпоху средневековья: в данном случае следует говорить прежде всего об опустошении страны, о гибели ее городов и селений. Ни один из исследованных ныне великоморавских городов не вынес венгерского вторжения. Отдельные могилы X в., открытые на городище у с. Микульчицы и в Старом Месте, свидетельствуют, что жизнь в этих пунктах после венгерского нашествия едва теплилась, и то лишь в течение непродолжительного времени. Эти города не возродились (подобно многим русским городам после татаро-монгольского нашествия); именно

[7] V. Hrubý, V. Hochmanová, I. Pavelčik. Kostel a pohřebiště z doby Velkomoravské na Modré u Velehradu. «Časopis Moravského musea», XL, 1955.

поэтому их имена были навсегда забыты. Новые города, возникшие на территории Моравии в X—XI вв., основывались, как правило, уже на других местах. По-видимому, в начале X в. Моравия оказалась в таком же положении, в каком очутились в XIII в. отдельные пограничные со степью области Руси, которые на многие десятилетия совсем обезлюдели. Местные традиции в Моравии были серьезно нарушены. Очевидно, именно поэтому погребения великоморавской знати, содержащие многочисленные изделия из драгоценных металлов, лишь за редким исключением не подверглись ограблению.

Следовательно, соображения некоторых историков, рассматривающих факт разгрома Великоморавской державы в качестве доказательства ее внутренней незрелости, отнюдь не являются основательными. Великая Моравия рухнула не вследствие своей внутренней слабости (ее мощь была проверена длительной борьбой с германцами), а потому, что в данном случае она столкнулась с сильнейшим противником, не только захватившим власть в стране, но и разгромившим силы последней. Дальнейшие археологические исследования откроют, вероятно, немало новых данных по социальной истории и истории культуры Великоморавского государства, феодальное устройство которого уже теперь вряд ли может вызвать какие-либо сомнения. Во всяком случае, по уровню своего социально-экономического развития Великая Моравия не отличалась от других современных ей государств Центральной Европы.

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США (1901—1912 гг.)

Л. И. Зубок

По истории социалистического движения и социалистической партии США написано за рубежом немало книг и статей. Большинство из них принадлежит перу буржуазных и социал-реформистских историков. В американской историографии социал-реформисты (Хилквит, О'Нил, Спарго, Рассел и др.), ученики и последователи Коммонса (Тафт, Перельман), реакционные историки типа Ф. Р. Даллеса приложили немало усилий, чтобы исказить подлинную историю социалистического движения и социалистической партии США. Развитию социалистической партии США в первые десятилетия XX в. присущи все те основные черты, которые были свойственны в тот период социал-демократическим партиям Европы. В социалистической партии США, так же как и в европейских социал-демократических партиях, происходила борьба между революционной и оппортунистической тенденциями. Анализ «теоретических» взглядов правых и центристов, извращавших коренные положения марксизма, дает возможность лучше разобраться в «идеологии» современного американского ревизионизма. В то же время изучение форм и методов революционной борьбы левых, показ их преданности интересам рабочего класса и глубокой веры в его освободительную миссию помогают понять, почему левые смогли в конечном счете освободиться от ошибочных взглядов и стать на позиции творческого марксизма.

Нельзя в то же время отрицать значение и тех особенностей американского рабочего движения, которые в исторически сложившихся условиях тормозили развитие социалистического движения в стране.

Буржуазия США имела гораздо больше возможностей, чем буржуазия стран Европы, раскалывать ряды пролетариата, натравливая друг на друга рабочих различных национальностей, внушая коренным американским рабочим идею их «превосходства» над «цветными» и иммигрантами. Иммиграция представляла собой важный источник рабочей силы для американской промышленности. Используя огромный приток иммигрантов, буржуазия США еще до наступления периода империализма могла поставить коренных рабочих в лучшие условия существования, создав прослойку рабочей аристократии. Эта часть рабочих, организованная в тред-юнионы, послужила базой для оппортунистических тенденций в рабочем движении США.

Наряду с иммигрантами на неквалифицированной работе использовались тысячи негров. Это создавало дополнительные возможности для коренных белых рабочих занимать особое положение в производстве.

Буржуазия США жестоко эксплуатировала труд детей и женщин. В 1910 г. число работавших детей в возрасте от 10 до 15 лет достигло 1 990 225 [1]. Средняя годовая заработная плата детей, занятых в производстве, была примерно в 2,5—3 раза меньше заработной платы

[1] W. G. Lauck, Sydenstricker. Condition of Labour in American Industries. New York. 1917, p. 25.

взрослых рабочих-мужчин. В 1914 г. в производстве было занято полтора миллиона женщин[2]. Их заработок также был гораздо ниже заработка мужчин.

Следует отметить, что после гражданской войны в США в общественном движении, по существу, уже не стояли буржуазно-демократические задачи, в борьбе за разрешение которых рабочий класс мог бы пройти школу политической деятельности. Американская же буржуазия рядом экономических и политических мер, применяя методы «кнута и пряника», умело используя двухпартийную систему в целях обмана трудящихся масс, препятствовала созданию самостоятельной массовой политической партии рабочего класса. Политическая арена США в последней трети XIX в.— «...при почти абсолютном отсутствии буржуазно-демократических исторических задач — была всецело заполнена торжествующей, самодовольной буржуазией, которая по искусству обманывать, развращать и подкупать рабочих не имеет себе равной на свете»[3].

Указанные обстоятельства наложили свой отпечаток на развитие социалистического движения в США.

★

Социалистическая партия США была создана на съезде в Индианаполисе в июле 1901 года. В нее влились отколовшаяся от социалистической рабочей партии группа во главе с Моррисом Хилквитом, социал-демократическая партия, основанная Юджином Дебсом в 1897 г., и ряд независимых социалистических групп.

Социалистическая партия, насчитывавшая в момент основания около 10 тыс. членов, была построена по типу европейских социал-демократических партий. Социальный состав партии был весьма пестрым: в нее входили рабочие, городская и сельская мелкая буржуазия, представители интеллигенции. Партия с самого начала строилась по территориальному принципу, причем признавалась автономия местных организаций. Фактически отсутствовали централизм и внутрипартийная демократия.

Внутри партии обозначились три течения: левое, центристское и правое.

Во главе партии до 1905 г. стояла коалиция левых и центристов. По многим проблемам, касавшимся стратегии и тактики классовой борьбы, между левыми и центристами возникали разногласия. В вопросе о теории социалистической революции центристы и левые сходились на том, что своей основной задачей социалистическая революция ставит полное уничтожение эксплуатации человека человеком и постепенный переход от классового общества к бесклассовому. Однако центристы не понимали, что задачи социалистической революции не могут быть разрешены без установления диктатуры пролетариата. Центристы типа Хилквита, близкие к правым, будучи сторонниками американской буржуазной демократии, считали, что достижение бесклассового общества возможно через «чистую» демократию, и направляли свои усилия к тому, чтобы систематически культивировать иллюзии о постепенном врастании капитализма в социализм. Так же, как и правые, они отказались от революционных методов борьбы и опирались на верхушку обуржуазившихся рабочих и проникших в партию мелкобуржуазных элементов.

Левые, хотя и находились временно в блоке с центристами, не разделяли их оппортунистических взглядов. Они считали необходимым сочетать парламентскую форму борьбы с внепарламентской борьбой широких рабочих масс. Опираясь на пролетарские элементы в партии, левые

---

[2] H. U. Faulkner. American Economic History. New York. 1943, p. 480.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 333.

боролись против оппортунистического руководства, за замену его пролетарским, за превращение партии в действительно боевую организацию. Однако в ряде вопросов, связанных, например, с профсоюзами, левые занимали неправильную позицию, обусловленную недооценкой ими авангардной роли политической партии пролетариата и переоценкой роли производственных союзов в рабочем движении. Не было у левых и ясного понимания главного в марксистском учении — теории диктатуры пролетариата.

Правые социалисты, которых возглавлял Виктор Бергер, опирались на верхушку квалифицированных рабочих, на людей свободных профессий и высокооплачиваемых служащих. Идеология правых отражала интересы рабочей аристократии. Фактически правые ревизовали основные принципы марксизма и кичились тем, что распространяли в США ревизионистские взгляды Бернштейна. Бергер утверждал, например, что «тактика американской социалистической партии, если эта партия собирается существовать и развиваться, должна заключаться в проведении... доктрины Бернштейна» [4].

На словах правые признавали существование в США классов и классовую борьбу. На деле же они отрицали борьбу классов и даже считали, что «социализм является не классовым движением, а расовым». «Цивилизованные белые,— писал Бергер,— не могут и не станут терпеть» все то зло, которое порождено капитализмом [5]. В изменении существовавших условий, утверждали правые, одинаково заинтересованы как рабочие, так и предприниматели, и поэтому социалистическое движение охватывает не только пролетариат, но и все другие классы. Добиться успеха правые рассчитывали путем постепенного проведения реформ и завоевания отдельных муниципалитетов. Они отрицали необходимость революционных выступлений трудящихся масс, утверждая, что рабочие вообще слишком «невежественны» и «не подготовлены» для социализма. Правые откровенно высказывались против стачек, говорили, что они дорого обходятся рабочим и вообще являются бесполезными. Характерно, что во время избирательной кампании в Мильвоки в 1904 г. правый социалист Уильям А. Арнольд, кандидат в мэры города, доказывал, что «деловые интересы Мильвоки будут в большей безопасности в руках администрации, состоящей из социал-демократов, чем они были при администрации республиканцев или демократов» [6].

Хотя правые не занимали руководящего положения в партии, их оппортунистические взгляды и практика оказывали разлагающее влияние на партию, мешая ей занять в теоретической и практической деятельности последовательную позицию, основанную на принципах революционного марксизма и пролетарского интернационализма.

Серьезные разногласия между левым крылом партии и оппортунистами возникли в начале 900-х годов по вопросу об отношении к профсоюзному движению.

На съездах Американской федерации труда социалисты добивались одобрения АФТ независимых политических действий рабочего класса и основных принципов социализма. Так, в 1902 г. руководитель фракции социалистов на съезде АФТ центрист Макс Хейс внес резолюцию следующего содержания: «Двадцать второй ежегодный съезд АФТ призывает рабочих организовать свои экономические и политические силы для

---

[4] См. I. Kipnis. The American Socialist Movement, 1897—1912. New York. 1952, p. 118.

[5] См. там же, стр. 191.

[6] См. там же, стр. 169.

обеспечения рабочим полного продукта их труда и для уничтожения системы наемного труда и утверждения промышленного кооперативного строя»[7]. Резолюция не получила большинства.

На съезде АФТ в 1903 г. борьба между социалистами и руководством АФТ — Гомперсом и его сторонниками, проводившими политику классового сотрудничества рабочих и капиталистов,— приняла более острые формы. Социалисты внесли десять резолюций, одобряющих установление «общественной собственности на средства производства и распределения» и проведение рабочим классом независимых политических действий. Гомперсисты, в то время уже тесно связанные с Национальной гражданской федерацией — крупнейшей в стране организацией предпринимателей,— резко выступали против предложений социалистов, доказывая нецелесообразность для профсоюзов отказа от политики поддержки существующей двухпартийной системы. В своей речи на съезде Гомперс показал себя открытым врагом социализма. Он говорил: «В течение тридцати лет я пристально изучал ваши доктрины, был тесно связан с многими из вас и знаю, что́ вы думаете и что́ предлагаете. Я знаю также ваши задние мысли. И я хочу сказать вам, что не разделяю не только ваши доктрины, но и вашу философию. В экономическом отношении вы необоснованны, в социальном — вы ошибаетесь, в индустриальном — вы неприемлемы»[8]. Резолюции социалистов вновь были отвергнуты большинством голосов.

Поражение социалистов на съезде АФТ в 1903 г. усилило разногласия между левыми и право-центристскими элементами. Последние выражали недовольство борьбой против консервативного руководства АФТ. По своей идеологии правые и примыкавшая к ним часть центристов имели много общего с Гомперсом и его окружением. Социальная база у них была одна и та же — рабочая аристократия. Не удивительно поэтому, что после 1903 г. центристы и правые все больше стали применять в отношении профсоюзного движения оппортунистическую политику «нейтрализма». Профсоюзы, рассуждали они, имеют свои функции — бороться за лучшие условия труда. Партия ведет политическую борьбу, используя главным образом парламентские средства. Каждая из этих организаций сохраняет самостоятельность. Социалистическая партия, поддерживая экономическую борьбу тред-юнионов, заботится главным образом о том, чтобы члены профсоюзов во время выборов голосовали за ее кандидатов[9]. Фактически «нейтрализм» в отношении профсоюзов означал отказ правых и центристов от попыток завоевать профсоюзы на сторону революционной программы. Такая политика неизбежно содействовала распространению буржуазно-реформистского влияния среди широких масс пролетариата.

Против оппортунистической тактики в отношении профсоюзов выступили левые. Ю. Дебс, обвиняя правых и центристов в беспринципности, заявлял, что готов поддерживать Гомперса лишь при том условии, если «АФТ откажется от устаревшей политики «чистого» тред-юнионизма, выскажется против капиталистической системы, за классово сознательную политику профсоюзов во время избирательных кампаний, снимет лидеров, добившихся выгодных мест для себя и стремящихся держать в политическом невежестве и промышленном рабстве рядовых членов, прекратит опираться на продажные комитеты лоббистов»[10].

---

[7] «Report of Proceedings of the 22d Convention of the A. F. of L. 1902». Washington, 1902, pp. 178, 179—183; D. E. Egbert, S. Persons. Socialism and American Life. Vol. I. New York. 1952, p. 276.

[8] «Report of Proceedings of the 23d Convention of the A. F. of L. 1903». Washington. 1903, p. 198.

[9] См. «International Socialist Review». May 1904, pp. 690—691.

[10] R. Ginger. The Bending Cross. A Biography of Eugene Debs. New Bruswick. 1949, pp. 213—214.

В начале своей деятельности левые считали возможным и необходимым бороться внутри АФТ за реорганизацию тред-юнионов из цеховых в производственные союзы на основе признания классовой борьбы. В 90-х годах Дебс вел большую организаторскую работу во время забастовок, проводимых под руководством АФТ. Однако соглашение гомперсистов с Национальной гражданской федерацией, их открытая борьба против социализма толкнули Дебса и его сторонников на путь создания параллельных союзов. В 1893 г. Дебс организовал Американский союз железнодорожников, игнорируя существовавшие в то время цеховые союзы железнодорожников. В том же году была создана Западная федерация горняков, признанным вождем которой стал Уильям (Билл) Хейвуд, бесстрашный борец, практик-революционер, посвятивший всю свою жизнь революционному движению. Под руководством Хейвуда Западная федерация горняков провела ряд боевых стачек. В Крипл-Крике, Колорадо, Лэдвилле и других западных районах страны рудокопы активно отстаивали свои интересы в борьбе против капиталистов.

Не ограничившись этими мероприятиями, Дебс и Хейвуд начали интенсивную агитацию за создание нового профсоюзного центра. В 1902 г. они организовали Американский рабочий союз, к которому присоединились Западная федерация горняков и Американский союз железнодорожников. К середине 1903 г. Американский рабочий союз насчитывал 200 тыс. членов [11]. В 1905 г. на базе Американского рабочего союза левые организовали союз «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). Новый профсоюзный центр строился по производственному принципу и выступал с позиций классовой борьбы. Резко осуждая цеховые методы АФТ и парламентаризм правых и центристов в социалистической партии, союз ИРМ разработал свои методы борьбы, включая саботаж, «молниеносные стачки», всеобщую стачку и другие формы «прямого действия». Бесстрашные борцы за интересы рабочих, руководители ИРМ являлись организаторами многочисленных стачек, в том числе и знаменитой стачки текстильщиков в Лоуренсе в 1912 году. Хотя союз ИРМ завоевал значительное влияние в рабочем движении США, ему не удалось стать массовой организацией. Союз ИРМ вел борьбу против АФТ, не входя в нее; объективно эта сектантская линия способствовала упрочению реформистского руководства в АФТ.

Несмотря на серьезные ошибки союза ИРМ, связанные, в частности, с применением синдикалистских форм борьбы, его боевая деятельность, его преданность интересам пролетариата, его непримиримая борьба против оппортунизма руководства АФТ и социалистической партии сыграли большую роль в революционном воспитании рабочих масс. Правые и центристы, работая внутри АФТ, постепенно скатывались на откровенно реформистский путь. На словах они признавали необходимость реорганизации тред-юнионов в производственные союзы, на деле же приспособились к цеховщине АФТ. Центристы и правые завоевали довольно прочные позиции в ряде тред-юнионов: В. Бергер — в Мильвоки, Мауэр — в Пенсильвании, М. Хейс — среди печатников и т. д. М. Хилквит выступал в качестве адвоката ряда цеховых союзов. Правосоциалистическая пресса хвасталась успехами социалистов, достигнутыми во многих тред-юнионах. Так, еще в 1900 г. федерация тред-юнионов Висконсина приняла резолюцию о «поддержке социализма». Такие же резолюции были приняты в последующие годы федерациями штатов Айова, Мичиган, Миннесота и городскими объединениями тред-юнионов многих городов [12].

---

[11] «International Socialist Review», July 1903, p. 51.

[12] К 1907 г. многие тред-юнионы АФТ, насчитывавшие в своих рядах 330 800 членов, в том или ином плане поддерживали социалистов (см. «International Socialist Review», December 1907, pp. 340—341).

Однако анализ этих «достижений» показывает, что они в большинстве случаев являлись результатом сближения точек зрения социал-оппортунистов и гомперсистов и фактического отказа правых социалистов от серьезной борьбы против коррумпированного руководства АФТ.

После 1905 г. усилилась борьба течений в социалистической партии США. Идеологические взгляды центристов, их отказ от борьбы с оппортунизмом АФТ и осуждение ими производственного юнионизма привели к сближению центристов с правыми и к созданию право-центристского блока для борьбы с левыми.

В начале XX в. в США начался подъем рабочего движения, сопровождавшийся ростом численности социалистической партии. Если в 1901 г. в партии насчитывалось около 10 тыс. членов, то в 1905 г. в ней было свыше 23 тыс. человек. Идеи социализма в эти годы привлекали не только рабочих, но и мелкобуржуазные элементы города и другие слои населения, испытывавшие на себе гнет монополий. Против засилья монополий и коррупции в государственном аппарате выступали также буржуазные реформаторы, публицисты, писатели. Они разоблачали гнет монополий, подкуп и взяточничество представителей правящих кругов. Разоблачение пороков капиталистического общества этими «выгребателями грязи» содействовало в определенной степени расширению пропаганды социалистических взглядов и росту влияния социалистов. Часть «выгребателей грязи» в поисках более радикальных форм борьбы перешла в социалистическую партию. Среди них были Джек Лондон, Эптон Синклер и другие видные представители американской интеллигенции. Социалистическая партия росла в основном за счет пополнения ее рядов мелкобуржуазными и буржуазными элементами, заинтересованными главным образом в проведении тех или иных реформ. Это не могло не привести к усилению в партии позиций правых и центристов. На Штутгартском конгрессе II Интернационала Хилквит хвастливо заявил, что «в США, очевидно, более, чем в любой другой стране, социалистическая партия вербует своих членов из среды привилегированных классов» [13].

В то же время подъем рабочего движения в стране привел к усилению стремления необученных и полуобученных рабочих к организации. Многомиллионная масса неорганизованных, игнорируемых руководством АФТ пролетариев стала основной опорой левых социалистов.

Теоретическая и практическая деятельность правых после 1905 г. показывает их дальнейшую эволюцию в сторону буржуазного либерализма. Ревизионизм являлся «одним из главных, если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев» [14].

По всем практическим вопросам внутренней политики, борьбы классов, отношения социалистов к массовой борьбе рабочего класса и трудящихся фермеров, к национально-освободительному движению негритянского народа правые во главе с В. Бергером скатились на позиции реформизма. Разработав антимарксистскую теорию автоматического краха капитализма, они доказывали возможность смены капитализма социализмом эволюционным путем. Отсюда следовал их отказ от участия в революционной классовой борьбе. Социалисты, говорили правые, не «делают истории»; они только изучают историю и экономику, признают неизбежную эволюцию цивилизации и «присоединяются к поступатель-

---

[13] «International Socialist Congress, Stuttgart, Germany, August 1907. Report of Progress of the Socialist and Labour Movements in the United States». Chicago. 1907, p. 11.

[14] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 298.

ому движению цивилизации с тем, чтобы оно увлекло их за собой, вместо того, чтобы быть сметенными им»[15].

Во время муниципальных выборов в Мильвоки в 1906 г. сторонники З. Бергера проводили кампанию на основе платформы, которая даже не содержала упоминания о необходимости борьбы за новый общественный строй, за социализм. В ней говорилось почти исключительно о борьбе за реформы. Партия социалистов Мильвоки характеризовалась как партия, которая является «американским выражением современного международного движения рабочих за лучшее питание, жилищные условия, за достаточное количество времени для сна, за более длительный отдых, образование и культуру»[16].

Буржуазно-либеральные лозунги правых, их попытки отвлечь рабочих от классовой борьбы проповедью единства классовых интересов пролетариата и буржуазии, их тактика борьбы за реформы только путем участия в избирательных кампаниях были рассчитаны на то, чтобы превратить социалистическую партию в обычную партию буржуазных реформ.

Выступая против революционных принципов марксизма и подчиняя свою деятельность интересам мелкобуржуазных попутчиков, правые могли разработать лишь реформистскую программу. Ее содержание определялось политикой — «от случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты»[17].

Характерно, что в 1909 г. Национальный комитет социалистической партии, в котором правые и центристы имели большинство, принял решение не отмечать день памяти К. Маркса[18].

Разрыв центристов с левыми и их сближение с правыми после 1905—1906 гг., а затем и образование право-центристского блока означали усиление оппортунизма в социалистической партии. Постепенно центристы во главе с Хилквитом начали соглашаться с тактикой правых во время избирательных кампаний. Они присоединились к «теории» правых о том, что экономическое развитие само по себе научит организованных рабочих голосовать за социалистов и что поэтому стачечная борьба для них бесполезна. В погоне за голосами мелкой и средней буржуазии право-центристский блок заверял избирателей, что социалисты стремятся к социализации только крупных корпораций, а не к ликвидации частной собственности вообще.

Руководители центристов фактически присоединились к ревизионистской теории правых, отрицавшей революционные методы борьбы. Они откровенно признавали, что под «революцией» понимают проведение ряда реформ, которые в конечном счете якобы приведут к замене капитализма социализмом. «Что касается нас, социалистов,— писал Хилквит,— то для нас годы физической революции... прошли»[19]. Центрист Джон Спарго утверждал, что «ни один социалист, имеющий какое-либо влияние в движении, не верит в возможность внезапного и насильственного перехода от капитализма к социализму»[20].

Центристы с пренебрежением относились к массам неорганизованных и малооплачиваемых рабочих. Хилквит откровенно писал: «Социа-

---

[15] I. Kipnis. Указ. соч., стр. 226.
[16] Там же, стр. 169.
[17] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 23.
[18] I. Kipnis. Указ. соч., стр. 215—216.
[19] Там же, стр. 202.
[20] John Spargo. Socialism. A Summary and Interpretation of Socialist Principles. New York. 1913, pp. 325—326.

листическое движение вербует своих сторонников главным образом из среды хорошо устроенных, лучше обученных и более развитых рабочих. Вряд ли можно надеяться, что несчастные «пролетарии трущоб», чья энергия, надежды и достоинство были сломлены нуждой и лишениями, откликнутся на боевой призыв социализма»[21].

Необходимо учесть, что рост населения США в большой степени происходил за счет иммиграции. К 1900 г. в США иммигрировало более 19 млн. человек[22]. Общее число иммигрантов, прибывших в США за период с 1900 по 1914 г., достигло 13,5 млн. человек. В одном лишь 1907 г. в США приехало 1 285 349 человек[23]. Эта цифра являлась рекордной за все предыдущие и последующие годы.

Иммигранты-рабочие, как наиболее эксплуатируемые, были настроены радикальнее, чем коренные американские рабочие. Накануне вступления США в первую мировую войну 32 894 члена социалистической партии были иммигрантами, организованными в национальные (по языковому принципу) социалистические федерации[24]. Участвовать в социалистическом движении могло гораздо большее число иммигрантов-рабочих. Но этому мешала шовинистическая политика право-центристского блока в отношении иммигрантов, мало чем отличавшаяся от позиции, занятой в вопросе об иммиграции лидерами АФТ.

Право-центристское руководство социалистической партии и ее пресса открыто выступали за ограничение иммиграции, особенно из азиатских стран. В 1907 г. исполком социалистической партии принял резолюцию об иммиграции. Резолюция призывала членов партии «всеми доступными для них средствами бороться против усиленного ввоза дешевого иностранного труда, рассчитанного на уничтожение рабочих организаций, снижение жизненного уровня рабочих и торможение неизбежного осуществления социализма»[25].

Как ни пытались Хилквит и его сторонники доказать, что их позиция по вопросу об иммиграции отличается от линии АФТ, анализ вышеупомянутой резолюции и высказываний идеологов центризма показывает, что взгляды право-центристского руководства социалистической партии и гомперсистов были идентичны и вполне устраивали расистов и шовинистов из лагеря буржуазии.

На Штутгартском конгрессе II Интернационала Хилквит, выступая в комиссии по вопросам эмиграции и иммиграции, требовал запрещения законодательным путем ввоза «цветных» рабочих в Америку[26]. Предложение Хилквита было отвергнуто конгрессом. В принятой конгрессом резолюции иммиграция рассматривалась как проблема интернациональная, а не национальная и предусматривались меры для защиты прав рабочих-переселенцев без различия рас и национальностей.

Открытые социал-шовинисты во главе с Бергером резко выступили против принятой на Штутгартском конгрессе II Интернационала резолюции по иммиграции. Даже реакционная позиция, занятая на конгрессе Хилквитом, их не удовлетворила и была ими осуждена. Центрист Унтерман утверждал, что расовая проблема не будет снята с повестки дня даже после ликвидации классовой борьбы; что «вопрос о том, какая раса займет господствующее положение на земле, не менее важен, чем вопрос о том, какой класс будет владеть миром». Бергер угрожал, что если не будут немедленно приняты меры по запрету иммиграции из Азии

---

[21] M. Hillquit. Socialism Summed Up. New York. 1912. p. 53.
[22] «International Socialist Review», August 1907, p. 65.
[23] A. C. Bining. The Rise of American Economic Life. New York. 1955, p. 417.
[24] D. A. Shannon. The Socialist Party of America. New York. 1955, pp. 44—45.
[25] R. Ginger. Указ. соч., стр. 297.
[26] См. «International Socialist Review», August 1907, pp. 65—75.

го «наша страна через несколько поколений станет страной черных и желтых» [27].

Борьба в социалистической партии по вопросу об иммиграции продолжалась в течение нескольких лет. На съезде партии в 1910 г. была принята резолюция, которая приветствовала мероприятия, «направленные на запрещение... массовой иммиграции из других стран» [28].

О «рабочих» руководителях типа Бергера и Хилквита, развивавших расистские взгляды и выступавших за ограничение переселения пролетариев, В. И. Ленин писал: «Дух узкой, цеховой замкнутости, гред-юнионистской исключительности перевешивал у таких людей сознание социалистических задач: работы над просвещением и организацией невовлеченных еще в рабочее движение слоев пролетариата» [29].

Левые социалисты резко выступали против шовинизма право-центристского блока. Особенно остро бичевал шовинистов Ю. Дебс, которого В. И. Ленин назвал «американским Бебелем» [30]. «Если социалист,— говорил Дебс,— не борется стойко, неотступно и неуклонно за рабочий класс и за угнетенные и эксплуатируемые массы во всех странах, тогда он ни за что не борется, его призывы являются ложными, а его дело — обманом и ловушкой» [31].

По негритянскому вопросу позиция право-центристского блока была также шовинистической. Руководство социалистической партии не понимало, что негритянский вопрос является в первую очередь вопросом национальным, и не считало необходимым выдвигать специальные требования от лица эксплуатируемых негров, требования экономического, политического и социального равенства, борьбы против суда Линча и т. п.

Выражая крайне шовинистические взгляды правых по негритянскому вопросу, В. Бергер писал: «Нет сомнения в том, что негры и мулаты являются низшей расой, что цивилизация кавказцев и даже монголов на несколько тысячелетий перегнала их, и поэтому неграм будет трудно догнать их» [32]. Позиция Бергера и его сторонников мало чем отличалась от позиции наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии США как на юге, так и на севере страны. Она не могла не отталкивать негров от социалистической партии.

Левые осуждали шовинизм руководства социалистической партии и АФТ, выступали против расовой дискриминации, за организацию рабочих-негров. Однако левые не разработали особой программы требований от лица негритянских народных масс. В работе Хейвуда и Бона «Индустриальный социализм», опубликованной в 1912 г. и содержавшей основные принципы левого крыла, не было специального раздела по негритянскому вопросу. «Несмотря на то, что левое крыло социалистической партии поддерживало организацию рабочих-негров,— пишет У. Фостер,— оно никогда не делало негритянский вопрос в целом вопросом внутрипартийной борьбы» [33].

---

[27] I. Kipnis. Указ. соч., стр. 278—279.

[28] D. A. Shannon. Указ. соч., стр. 49—50.

[29] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 73.

[30] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 383.

[31] R. Ginger. Указ. соч., стр. 297. Прекрасный организатор и пламенный оратор, Дебс всегда был в гуще масс и пользовался у трудящихся огромной популярностью. Он был участником и руководителем крупных боев американского рабочего класса. Его речи вдохновляли и поднимали на борьбу миллионы тружеников. О цели своей жизни Дебс говорил: «В борьбе, во все усиливающейся борьбе между трудящимися производителями и их эксплуататорами, я пытался... служить тем, в среде которых родился и судьбу которых надеюсь разделять до конца моих дней...» (там же, стр. 374—375).

[32] См. D. A. Shannon. Указ. соч., стр. 50.

[33] Уильям З. Фостер. Негритянский народ в истории Америки. М. 1955, стр. 525.

★

Борьба левых против право-центристского блока приняла особенно острые формы после 1908 года. Избирательные кампании 1908—1909 гг. показали некоторое падение влияния социалистической партии. Левые объясняли это отказом оппортунистического руководства от основных принципов марксизма, от классовой борьбы. Они резко критиковали «постепеновщину» правых и центристов, их оппортунистические утверждения, будто бы рабочий класс, добившись права голоса, фактически уже владеет политической властью. Такие установки, доказывали левые, превращают социалистическую партию, которая должна руководить борьбой рабочего класса за свержение капиталистического строя, за захват действительной политической власти, в обычную партию мелкобуржуазных реформ. Левые обвиняли оппортунистов, направлявших все свои усилия лишь на завоевание голосов на выборах, в использовании пропаганды в качестве «приманки для избирателей», вместо того, чтобы сделать ее средством воспитания рабочего класса в истинно революционном духе. «Голосование за социализм,— говорил Дебс,— так же отличается от социализма, как меню отличается от пищи» [34]. Социалистическая партия, говорили левые, должна добиваться голосов тех, кто понимает, что голосует за революционный социализм.

Левые резко выступали против господства мелкобуржуазных элементов в партии и требовали очищения ее от попутчиков, не заинтересованных в проведении подлинно революционной борьбы. Левые осуждали сотрудничество право-центристского блока с лидерами АФТ, требуя, чтобы социалистическая партия отмежевалась от идеологии цеховщины и тред-юнионизма и активно включилась в борьбу за реорганизацию профсоюзов и за вовлечение в них широких масс неорганизованных рабочих, игнорируемых руководством АФТ.

В избирательной кампании 1910 г. социалисты добились серьезных успехов в штате Висконсин. Бергер был избран в конгресс США; Эмиль Зайдель, правый социалист, стал мэром города Мильвоки. Социалисты получили также большинство мест в советах города и графства. Таким образом, в течение 1910—1913 гг. в Мильвоки стояла у власти социалистическая администрация. Осенью 1911 г. свыше тысячи социалистов оказались избранными на разные посты в местные органы в 337 городах и поселках [35].

Борясь за голоса избирателей, право-центристское руководство социалистической партии внушало массам реформистские идеи о возможности одержать победу путем постепенного проведения реформ, завоевания муниципалитетов и других органов власти. Часть избирателей, отдавших свои голоса социалистической партии, считала ее партией реформ, а не организацией, борющейся за революционное преобразование общества. Не удивительно поэтому, что среди избранных на разные посты в 1910—1912 гг. социалистов было много пасторов, адвокатов и других представителей свободных профессий, фактически не имевших связи с рабочим классом и выступавших лишь за проведение тех или иных реформ.

Социалистическая партия в эти годы выросла также численно. В 1911 г. она насчитывала в своих рядах 84 716 членов, а уже в первые месяцы 1912 г. число ее членов достигло 125 826 [36]. В этот период социалистическая партия издавала 5 ежедневных газет на английском языке, 8 — на иностранных языках; более 260 еженедельных газет и журналов—на английском языке, несколько десятков ежемесячных журналов [37]

[34] «International Socialist Review», January 1911, pp. 413—414.
[35] I. Kipnis. Указ. соч., стр. 546.
[36] «Socialist Campaign Book, 1912», pp. 36—37.
[37] Там же, стр. 38.

Борьба между правыми и левыми проходила во всех организациях социалистической партии. В Калифорнии правое крыло добилось руководства только после двухлетней борьбы с левыми, лишив фактически Дебса и Хейвуда возможности выступать перед местными организациями[38]. Прибегнув к аналогичным методам, правые захватили руководство в штате Вашингтон, где левые до 1909 г. имели решающее влияние. В результате ряд видных левых вышел из партии. Особую остроту приобрела борьба между левыми и право-центристским блоком в Нью-Йорке, где левые в целях распространения идей революционного социализма еще в 1908 г. создали специальную организацию под названием «Пролетарское общество».

В 1910 г. левые добились серьезного успеха. Социалистическая партия должна была избрать 8 делегатов на Копенгагенский конгресс II Интернационала. Самое большое количество голосов — около 10 тыс.— получил Бергер. Кандидат левых Хейвуд занял второе место по списку, получив только на 200 голосов меньше, чем Бергер. Представитель центристов Хилквит, хотя и был избран, получил на 4 тыс. голосов меньше, чем Хейвуд.

В конце 1911 г. предстояли выборы в исполком социалистической партии. Хейвуд дал согласие на выдвижение своей кандидатуры в исполком, однако заранее изложил свои взгляды на роль этого органа партии. В опубликованном к членам партии обращении он поставил вопрос о необходимости покончить с диктаторскими правами, которые присвоил себе исполком социалистической партии[39].

Хилквит начал кампанию против кандидатуры Хейвуда. 20 ноября он опубликовал письмо в социалистической газете «New York Call», в котором квалифицировал взгляды Хейвуда как анархистские. Социалисты, писал Хилквит, признают классовый характер существующих законов, но они выступают за изменение существующего строя «при помощи законных и установленных методов». Пока капиталисты находятся у власти, развивал Хилквит свою оппортунистическую теорию, рабочие должны уважать существующие законы. Это необходимо в условиях американской демократии до тех пор, пока меньшинству не удастся склонить большинство на свою сторону[40].

Хейвуд дал резкую отповедь нападкам Хилквита. Усилия правых и центристов добиться на выборах провала кандидатуры Хейвуда в члены исполкома оказались тщетными. Из 7 членов, избранных в исполком, Хейвуд прошел третьим, он получил на 2 тыс. голосов больше, чем Хилквит, и на 4 тыс. больше Дж. Спарго.

Избрание руководителя левых членом исполкома социалистической партии ожесточило правых и центристов. Особенно усилилась их борьба против левых накануне съезда партии, состоявшегося в мае 1912 года. Они стремились создать такую ситуацию, при которой Хейвуд и его сторонники вынуждены были бы выйти из партии. Право-центристская пресса обвиняла левых в «анархизме» и «антипарламентском синдикализме». Руководство требовало, чтобы на предстоящем съезде социалистической партии были приняты решения об исключении Хейвуда из исполкома и об «очищении» партии от всех его сторонников. Для достижения этой цели предлагалось принять специальные поправки к уставу партии.

12 мая 1912 г. в Индианаполисе открылся съезд социалистической партии. Присутствовавшие на нем 293 делегата представляли местные организации всех штатов и 7 организаций, члены которых говорили на

---

[38] «New York Call», June 11, 1911.
[39] «International Socialist Review», December 1911, p. 375.
[40] См. I. Kipnis. Указ. соч., стр. 381—382.

иностранных языках[41]. Характерно, что среди делегатов преобладали журналисты, лекторы, адвокаты, священники, врачи, профсоюзные деятели и др., и лишь не более 30 человек были выходцами из среды неквалифицированных и полуобученных рабочих. Больше половины делегатов занимали те или иные посты в социалистической партии. Характеризуя право-центристское большинство съезда, Хейвуд писал: «Для многих, кто присутствовал там и кто якобы представлял рабочий класс, классовая борьба имела очень мало значения»[42].

Большое внимание съезд уделил вопросу об отношении партии к профсоюзам. В специально выделенную по этому вопросу комиссию вошли представители правых и левых. Делегаты ждали, что имеющиеся в комиссии разногласия приведут к тому, что съезду будут предложены два противоположных доклада. Однако комиссия вынесла на обсуждение объединенный доклад, который был единогласно утвержден съездом. В резолюции по докладу говорилось о том, что рабочему классу для его эмансипации в одинаковой мере необходима политическая и экономическая организация. «В борьбе против мощи американских капиталистов и их тесного политического и индустриального единения рабочие нашей страны могут победить только при условии высокой классовой сознательности и тесной сплоченности в экономической области, при помощи сильной боевой партии в политической жизни и в объединенном наступлении этих сил против общего врага». Что касается главного вопроса—об отношении социалистической партии к профсоюзам,-то в резолюции говорилось: «Партия не имеет ни права, ни желания вмешиваться в какие-либо разногласия, могущие возникнуть в профсоюзном движении по вопросам о формах организации или практических методах ведения борьбы, и доверяет рабочим организациям самим разрешать эти вопросы»[43].

Эта резолюция была компромиссом. Правые были удовлетворены тем, что не признали открыто необходимость реорганизации профсоюзов по производственному принципу. Левые же рассчитывали использовать в своей дальнейшей деятельности формулировки, которые имелись в принятой резолюции, полагая, что она открыла бо̀льшие возможности для борьбы за производственный принцип и за организацию неорганизованных рабочих. Выступая после принятия резолюции по профсоюзному вопросу, Хейвуд говорил, что сейчас он может пойти к «рабочему классу, восьми миллионам женщин и детей, четырем миллионам негров и всем другим, не имеющим права голоса, и... проповедовать среди них социалистическое учение. Стоя на социалистической платформе, я могу призвать их организовать единственную оставшуюся у них силу — их производственную силу»[44].

Право-центристский блок проводил на съезде тактику маневрирования. Уступая левым по ряду проблем, чтобы избежать дискуссий по вопросам реформизма и оппортунизма, правые и центристы намеревались добиться изменения устава партии с целью исключить левых, «признающих саботаж и прямые действия»[45]. В избранную на съезде комиссию по пересмотру устава партии вошли правые и центристы во главе с Хилквитом. Комиссия внесла на рассмотрение съезда поправку к одной из статей устава. Эта поправка гласила: «Каждый член партии, агитирующий против политического действия, а также защищающий пре-

---

[41] «International Socialist Review», June 1912, p. 808

[42] «Bill Haywood's Book. The Autobiography of William D. Haywood». New York. 1929, p. 257.

[43] «Socialist Party. Proceedings of the National Convention, 1912», Chicago. 1912. p. 195

[44] Там же, стр. 100.

[45] R. Ginger. Указ. соч., стр. 309; «International Socialist Review», June 1912, p. 824

ступление, саботаж или какое-либо другое насилие как оружие рабоче-го класса в деле его освобождения, должен быть изгнан из рядов пар-ии. Политическое действие должно заключаться в участии в выборах на государственные законодательные и административные должности в соответствии с платформой социалистической партии» [46].

Эта поправка вызвала горячую дискуссию между право-центристским блоком и левыми. Правые и центристы откровенно высказывали перед съездом свои оппортунистические взгляды. Бергер угрожал, что если поправка к уставу не будет принята, то социалистическая организация штата Висконсин выйдет из партии. «Если существует в нашей стране сила, которая может затормозить или подорвать социалистическое движение,— клеветал Хилквит на левых,— этой силой является не капиталистический класс, не католическая церковь, а наши неразумные товарищи, действующие изнутри» [47].

Разбивая доводы право-центристского блока, левые доказывали, что в обсуждаемой проблеме решающим являлся вопрос, какой должна быть партия: боевой и проводящей тактику производственного юнионизма или же, как того хотели правые, продолжавшей консервативную линию «заигрывания со старым, изношенным механизмом» капиталистического государства [48].

Поправка к уставу была поставлена на голосование. За принятие поправки был подан 191 голос, против — 90.

Съезду предстояло выдвинуть кандидатуру на пост президента в избирательной кампании 1912 года. Были предложены Ю. Дебс, Э. Зайдель и Е. Э. Рассел. Усилия право-центристского блока провалить кандидатуру Дебса оказались тщетными: за Дебса было подано 156 голосов, за Зайделя — 56, за Рассела — 54 [49]. Таким образом, Дебс был выдвинут большинством голосов кандидатом на пост президента США от социалистической партии.

Оценивая работу съезда, буржуазная печать с восторгом писала о победе «конструктивного» социализма, призывавшего уважать существующие «законы и порядок» и ограничивать деятельность социалистических организаций участием в парламентской борьбе [50].

Принятая съездом поправка к уставу партии ускорила принятие правительством законов против «преступного синдикализма». Окончательно эти законы были утверждены во время первой мировой войны. Их формулировки во многом напоминали пресловутую поправку. По законам о «преступном синдикализме» тысячи лучших социалистов и членов союза «Индустриальные рабочие мира» были брошены в тюрьмы и высланы из страны [51].

После съезда право-центристский блок приступил к проведению конкретных мероприятий по «очищению» партии от революционных элементов. В момент, когда Хейвуд и его ближайшие друзья вели напряженную борьбу в Лоуренсе за освобождение брошенных в тюрьму руководителей забастовки текстильщиков Эттора и Джиованнитти, правые и центристы в своей прессе и в публичных выступлениях атаковали левых, обвиняя их в применении методов насилия и индивидуального террора. Они всячески пытались дискредитировать Хейвуда, не останавливаясь даже перед прямой фальсификацией его выступлений. Когда после освобождения Эттора и Джиованнитти Хейвуд выступил на массовом митинге в Нью-Йорке, вся право-центристская пресса иска-

---

[46] «Socialist Party. Proceedings of the National Convention, 1912», pp. 122, 134.
[47] Там же, стр. 130, 135.
[48] Там же, стр. 128.
[49] Там же, стр. 138—141.
[50] I. Kipnis. Указ. соч., стр. 407.
[51] «Bill Haywood's Book», pp. 259—260.

зила его речь, доказывая, что он якобы высказывался «против политич ского действия пролетариата, за исключительное применение тактик прямого действия и саботажа».

В действительности Хейвуд не только не отрицал необходимости «по литического действия» пролетариата, но считал, что оно является не оценимым средством для воспитания масс. Он сам принимал активно участие в избирательных кампаниях 1904 и 1908 гг.; в 1906 г. он выста лялся кандидатом на пост губернатора штата Колорадо, а в 1911 активно поддерживал кандидатуру социалиста Гарримана в мэры го рода Лос-Анжелоса. «Выступая перед рабочими текстильных пре приятий на Востоке,— говорил Хейвуд,— где большинство рабочих яв ляются иностранцами, не имеющими избирательных прав, я призыва их использовать производственные методы борьбы. Выступая же пере американскими рабочими на Западе, я призывал их применять как про изводственные, так и политические методы» [52].

Используя нью-йоркскую организацию социалистической парти находившуюся под контролем Хилквита, руководство партии организо вало референдум по вопросу об отзыве Хейвуда из исполкома. Все организациям партии была разослана резолюция, которая гласил «Поскольку член Национального исполнительного комитета Хейвуд за являл на публичных митингах в Нью-Йорке о том, что он никогда не при зывал рабочих участвовать в голосовании, а выступал за прямое дей ствие и саботаж, что является нарушением 6-го пункта 2-й статьи уст ва, городской комитет, представляющий социалистическую партию шт та Нью-Йорк, считает, что Хейвуд недостоин оставаться членом Наци нального исполнительного комитета, и выдвигает предложение на о новании устава исключить Хейвуда из Исполнительного комитета» [53].

В конце февраля 1913 г. референдум был закончен. Только 25% членов партии приняли в нем участие. За отзыв Хейвуда из исполком голосовали 22 тыс. членов партии, против — 11 тысяч. Таким обр зом, оппортунизм восторжествовал. Хейвуд был исключен из соста исполкома социалистической партии. Фактически результаты рефере дума сделали невозможным дальнейшее пребывание Хейвуда в парти

Вместе с Хейвудом в течение четырех месяцев после принятия р ферендума из партии вышли 40 тыс. левых [54]. Они сосредоточили сво деятельность в производственных союзах. Те же левые элементы, кот рые оставались в партии, продолжали борьбу за проведение революц онной тактики и стратегии, за замену оппортунистического руководст пролетарским, за превращение партии в действительно боевую орг низацию рабочего класса. В последующие годы левое крыло социал стической партии возглавил Чарльз Е. Рутенберг.

Этим событиям предшествовала избирательная кампания 1912 по выборам президента. Много сил проведению этой кампании отда Дебс. Он широко пропагандировал платформу социалистической па тии. Ее требования включали следующие пункты: передачу в собстве ность государства всех средств сообщения и связи, элеваторов и кру ных предприятий, роспуск сената США, отмену права вето президент введение пенсий по старости, государственного страхования и полно перехода от «экономического индивидуализма к социализму, от нае ного рабства к свободному сотрудничеству, от капиталистической олига хии к производственной демократии» [55].

---

[52] I. Kipnis. Указ. соч., стр. 415.

[53] Там же, стр. 416—417.

[54] William Z. Foster. History of the Communist Party of the United Stat New York. 1952, p. 123.

[55] H. S. Commager. Documents of American History. Vol. II. New York. 19 pp. 249- 253.

Социалистическая партия была поставлена в избирательную кампанию в трудные условия. Тем не менее социалисты провели ее успешно. Дебс выступал во всех крупных центрах. В Филадельфии его слушали 18 тыс. человек. В Нью-Йорке в Медисон-сквер-гардене во время выступления Дебса собралось не менее 13 тыс. человек. Артур Ионг, известный прогрессивный публицист, присутствовавший на митинге, писал, что Дебс «сам будучи вдохновленным, вдохновлял других. Он был очень эмоциональным, и его доказательства были доходчивы благодаря длительному опыту общения с рабочими. Всякий, кто слышал его речь, полную искреннего сочувствия к порабощенным, чувствовал, что он является борцом, который скорее пойдет на костер, чем принесет в жертву свои убеждения» [56].

Впоследствии Дебс писал: «Некоторые считали меня физически неспособным провести кампанию и, чтобы доказать это, организовали такой агитационный тур по стране, который в истории Соединенных Штатов никогда не совершал ни один кандидат в президенты. Я выступал ежедневно в течение 68 дней, иногда по 5—6 раз в день без отдыха. Иногда мне казалось, что я свалюсь, но я был полон решимости удовлетворить желания товарищей, находящихся в разных частях нашей страны» [57].

В результате проведения кампании социалистическая партия получила свыше 900 тыс. голосов. Наибольших успехов партия добилась в тех районах, где члены партии принимали непосредственное участие в массовых действиях рабочих. Так, во многих районах штата Пенсильвания, где социалисты участвовали в забастовочной борьбе, количество поданных за социалистическую партию голосов по сравнению с 1908 г. увеличилось на 300%. В штате Огайо, где левые элементы имели большое влияние, количество голосов выросло на 190%. В районе Западной Виргинии, где левые оказали помощь бастующим горнякам, количество поданных за партию голосов увеличилось на 300% [58]. Наряду с этим в таких штатах, как Массачусетс, Висконсин, Нью-Йорк и Нью-Джерси, где было сильным влияние правых, прирост голосов по сравнению с 1908 г. составлял не более 17—65%.

Подводя итоги, необходимо вновь подчеркнуть, что в социалистическом движении в США, как и в других странах, шла острейшая борьба между революционной и оппортунистической тенденциями. Право-центристский блок, сложившийся в США после 1905—1906 гг., представляя интересы рабочей аристократии и мелкобуржуазных попутчиков, был ярким выразителем оппортунистической тенденции. Правые и их союзники центристы стали проводниками буржуазного влияния в рабочем классе. Они препятствовали развитию у американских рабочих подлинно пролетарской идеологии, восприятию ими социалистического мировоззрения.

Современные ревизионисты в США в своем стремлении опорочить великое учение марксизма-ленинизма и подорвать веру рабочего класса в социализм выступают против признания общих закономерностей развития рабочего и революционного движения; они протаскивают тезис об «исключительности американского капитализма» и утверждают, что он все еще является «молодым», «прогрессивным», «демократическим», способным при всех условиях найти средства для поддержания экономической активности. Идеализируя американскую буржуазную демократию

[56] См. R. Ginger. Указ. соч., стр. 311—312.

[57] Цит. по книге: H. Morais and Wm. Cahn. Gene Debs. The Story of a Fighting American. New York. 1948, p. 87.

[58] «The American Labour Year Book, 1916», pp. 99—100.

и пресловутый «американский образ жизни», ревизионисты США распространяют лживую идею о превращении Соединенных Штатов в государство «всеобщего благоденствия» и вопреки бесспорным фактам об агрессивности американского империализма утверждают, что он не стремится к мировому господству.

Из всего этого вытекает фактический отказ современных ревизионистов США от классовой борьбы и от принципа пролетарского интернационализма. Поскольку США, утверждают они, «не подчиняются общим законам развития капитализма», необходимо выработать «свой», отличный от всякого другого, путь к социализму. Причем путь этот, по их мнению, один: мирное перерастание «прогрессивного» капитализма США в социализм, отказ от революционных методов борьбы и отрицание основного принципа марксизма — диктатуры пролетариата.

Таким образом, современные ревизионисты США во многом повторяют избитые положения американских бернштейнианцев ранней эпохи империализма.

Выразителями революционной тенденции в социалистическом движении США были левые. Влияние левых в рабочем и социалистическом движении росло. Однако добиться решающего влияния в социалистическом движении они не смогли. Это объяснялось главным образом тем, что левые не имели боевой, марксистско-революционной программы. Состав их был довольно разношерстным. В широком смысле слова левое движение в США включало левых из социалистической партии, союза «Индустриальные рабочие мира» и передовых элементов социалистической рабочей партии. Левые выдвинули из своей среды таких талантливых руководителей, пламенных ораторов и организаторов массового движения, как Дебс, Хейвуд, Рутенберг, Фостер и др.

Несмотря на серьезные ошибки левых, связанные с недостаточно ясным пониманием ими учения о диктатуре пролетариата, известной переоценкой роли производственных союзов в рабочем движении, недооценкой руководящей роли партии, их боевая революционная деятельность, их преданность интересам рабочего класса, их борьба против гомперсизма и реформизма право-центристских вождей социалистической партии, против политики классового сотрудничества, проводившейся «чистыми» тред-юнионистами, будили в пролетариате классовое самосознание, развивали и углубляли в нем революционную энергию и чувство интернациональной солидарности. Борьба левых за организацию широких масс неорганизованных рабочих, их идеи производственного юнионизма и боевых, революционных методов борьбы оказали большое влияние на развитие рабочего движения в США.

В процессе борьбы левые в США становились реальной силой. Они постепенно освобождались от тех ошибок, которые мешали им по-марксистски решать стоявшие перед ними актуальные проблемы. Победа Великой Октябрьской социалистической революции оказала сильное влияние на рабочее движение в США и дала новый толчок развитию левого крыла. Работы В. И. Ленина и его советы левым помогли им разобраться в самых сложных вопросах, которые стояли перед ними. Революционное пролетарское движение в США освобождалось от сектантских традиций де-леонизма и синдикализма союза ИРМ, которые в течение многих лет тормозили развитие массового революционного движения.

Освобождаясь от своих ошибок, левые все более становились на позиции творческого марксизма-ленинизма, подготавливая тем самым почву для создания Коммунистической партии США.

В Отделении исторических наук АН СССР и научных советах

АКАДЕМИК МИЛИЦА ВАСИЛЬЕВНА НЕЧКИНА

(К 60-летию со дня рождения и 40-летию научной, педагогической и общественной деятельности)

9 марта 1961 г. советская научная общественность на совместном заседании Отделения исторических наук АН СССР, Института истории АН СССР, исторического факультета Московского государственного университета и Комиссии по истории исторической науки отметила 60-летие со дня рождения и 40-летие научной, педагогической и общественной деятельности одного из видных советских историков, академика Милицы Васильевны Нечкиной. Приветствовать юбиляра собрались известные советские ученые-историки, представители научных и учебных учреждений, общественных организаций Москвы и других городов страны, учителя школ и студенты. В многочисленных юбилейных адресах, преподнесенных М. В. Нечкиной, была дана высокая оценка ее заслугам в развитии советской исторической науки и подготовке квалифицированных научных кадров.

М. В. Нечкина — ученый с очень широкими и многообразными интересами. Она не замыкается в узких рамках специальных изысканий, ее творческие поиски направлены на разрешение больших проблем общественного развития. Для М. В. Нечкиной вопросы теории исторического процесса, методологии истории всегда были и являются стержневыми, какой бы конкретной тематикой она ни занималась. И в то же время ее отличает любовь к зарисовкам конкретной исторической действительности, живых образов, людей, фактов, событий прошлого. Милица Васильевна стремится всегда к четкому построению концепции, что дает возможность понять то или иное общественное явление во всей его сложности и противоречивости, в борьбе противоположных сил и тенденций. И ей же присуще умение показать эту сложность и противоречивость читателю и слушателю почти в зрительно воспринимаемых художественных образах. Большое источниковедческое мастерство соединяется в трудах М. В. Нечкиной с ясностью исторических обобщений и с изяществом литературного изложения. В лице Милицы Васильевны счастливо сочетается ученый и педагог высшей и средней школы, организатор ряда научных начинаний и общественный деятель. Для нее характерно чувство патриотизма, любви к своей социалистической Родине, к своему народу.

Творческий путь М. В. Нечкиной тесно связан с общим ходом развития советской исторической науки. Исследовательскую работу М. В. Нечкина начала вести еще на студенческой скамье в стенах Казанского университета. А с середины 20-х годов, по переезде из Казани в Москву, где Милица Васильевна закончила аспирантуру в РАНИОН и прошла курс исторического отделения Института красной профессуры, развернулась ее разносторонняя научная деятельность. Она выступает с исследовательскими и популярными статьями, публикациями, рецензиями на страницах журналов и периодических изданий того времени, помещает статьи в Большой и Малой Советских Энциклопедиях, принимает участие в качестве автора в коллективных трудах, наконец, выпускает и отдельные книги. Одновременно с деятельностью в качестве старшего научного сотрудника Института истории РАНИОН, а затем Института истории Коммунистической академии Милица Васильевна ведет преподавательскую работу на рабфаках и в высшей школе.

Это было время острых боев на идеологическом фронте. В процессе борьбы с буржуазными концепциями, творческих поисков и упорной работы теоретической мысли шло развитие марксистско-ленинской исторической науки, завоевывавшей признание и в нашей стране и за рубежом. В те годы, как и в последующее время, глубоко одаренный молодой историк М. В. Нечкина стремилась находиться на передовом участке исторического фронта. Ее научные интересы обращены в сторону той новой проблематики, которая была выдвинута победой социалистической революции, завоеваниями Октября. Она изучает произведения классиков марксизма-ленинизма — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, стремясь осознать и творчески использовать в своей работе историка их идейное наследие.

В то время, когда такой острой была идейная борьба на историческом фронте, когда развивающаяся советская наука должна была показать теоретическое банкротство буржуазной исторической мысли и осознать пути и перспективы собственного роста, особо актуальное значение приобретали проблемы историографии. И то обстоятельство, что Милица Васильевна обратилась к изучению этих проблем, было, конечно, не случайным. Это был отклик на очередной запрос со стороны советской исторической науки. М. В. Нечкина опубликовала статьи о таких крупных представителях буржуазной историографии, как Г. Эверс и В. О. Ключевский. Последний особенно привлек ее внимание. И это закономерно, так как творчество В. О. Ключевского было пределом поступательного развития русской буржуазной историографии. Затем, как известно, начался ее явный кризис. И поэтому так важно было именно на примере В. О. Ключевского показать несостоятельность теоретических позиций буржуазной методологии, оставаясь на которых, он, при всем своем таланте и мастерстве, не смог создать принципиально новой исторической концепции.

Занятия вопросами методологии исследования и историографией помогли М. В. Нечкиной и в теоретической разработке той исключительно важной проблемы, которая стала делом ее жизни и выбор которой был подсказан нашей эпохой, эпохой революционного переустройства общества,— проблемы истории русского революционного движения. Более специальной темой этой большой проблемы, темой, которой Милица Васильевна занялась вплотную, было восстание декабристов. Хотя движение декабристов изучали и до революции (В. И. Семевский, М. В. Довнар-Запольский), во всей его широте и в новой постановке оно стало разрабатываться лишь в советское время. Нет возможности перечислить все научные и популярные работы и публикации источников по указанной проблеме, которые выпустила Милица Васильевна уже в 20-х — первой половине 30-х годов. Она издает и исследует записки Лорера, занимается изучением взаимоотношений декабристов и А. С. Пушкина, много внимания уделяет «Южному обществу», выпускает работы «Семинарий по декабризму», «Декабристы» и др. Наибольшим достижением того времени в области разработки вопроса о декабристах явилась удостоенная премии ЦЕКУБУ книга М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян». Построенная на обширном архивном материале, книга восстанавливает фактическую историю «Общества соединенных славян», дает анализ его состава, деятельности и оценку его места в истории движения декабристов и вообще революционного движения в России.

В 20—30-х годах Милица Васильевна стала заниматься историей второго этапа революционного движения — разночинского. Особенный интерес проявляла она к деятельности Н. Г. Чернышевского. М. В. Нечкина была активным участником подготовки по подлинным рукописям, корректурам и первопечатным текстам первого тома «Избранных сочинений» Н. Г. Чернышевского. Она опубликовала в «Литературном наследстве» ранее неизвестные материалы великого русского революционера-демократа, дала в 1928 г. обзор юбилейной литературы о нем и т. д. Интересовал Милицу Васильевну и вопрос об отношении М. Е. Салтыкова-Щедрина к крестьянской реформе.

Проблема истории революционного движения тесным образом связана с темой борьбы крестьянства и работных людей крепостной России против феодально-крепостнического гнета. М. В. Нечкина уделила самое пристальное внимание этой теме. Она пишет популярные работы о Разине и Пугачеве, о том, «Как жили и боролись крестьяне в крепостное время», публикует в «Красном архиве», в «Истории пролетариата» материалы и статьи: «Восстание в селе Бездна в 1861 г.», «Из истории крестьянских

восстаний против «воли» 1861 г.», «Из истории рабочего движения эпохи декабристов», «Рабочие волнения в связи с реформой 1861 года» и т. д.

Великая Октябрьская социалистическая революция выдвинула на первый план такую важную проблему, как история рабочего класса. Ее разработка стала делом чести для советских историков. Но выполнить эту задачу можно было лишь коллективными усилиями. Милица Васильевна не могла остаться в стороне от того коллектива ученых, который бросил свои силы на сбор материалов, относящихся к жизни и борьбе рабочего класса. Она приняла участие в важном деле составления и редактирования «Библиографии по истории пролетариата в эпоху царизма».

Говоря о деятельности М. В. Нечкиной как историка в 20—30-х годах, нельзя не упомянуть и о ее работах, связанных с преподаванием истории в средней и высшей школе и распространением исторических знаний среди широких масс населения. Она всегда уделяла и поныне уделяет большое внимание методическим вопросам и делу создания учебных пособий. Будучи крупным исследователем, она в то же время отдает много сил пропаганде достижений исторической науки, сознавая громадную политико-воспитательную роль этой пропаганды. В 20—30-х годах М. В. Нечкина поднимает такие вопросы, как «Постановка исторического семинара в общественных вузах», «Структура учебника по истории классовой борьбы». Она принимает участие в составлении «Рабочей книги по обществоведению для школ II ступени» и т. д.

Важным этапом в развитии советской исторической науки явились 1934—1936 годы. В эти годы состоялись известные решения и были опубликованы важные документы Коммунистической партии и Советского правительства по вопросам истории, способствовавшие подъему на новую, высшую ступень исследовательской работы в этой области и правильной постановке дела исторического образования в нашей стране. Расцвету исторической науки в стране способствовала критика ошибочных положений школы Покровского, которые в свое время разделяли многие историки. В это время крупный ученый, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, профессор Московского университета М. В. Нечкина являлась активной участницей всех мероприятий, направленных на улучшение и углубление исследовательской работы советских историков и перестройку дела преподавания истории. Она приняла участие в подготовленных Институтом истории АН СССР двух сборниках, посвященных критике взглядов М. Н. Покровского по ряду вопросов, выступив на страницах этого издания со статьями «Восстание Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского» и «Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского». Появление в печати этих статей содействовало теоретическому осмысливанию проблем крестьянских войн и революционного движения в России.

Милица Васильевна откликнулась на призыв Коммунистической партии и Советского правительства — создать учебник по истории для начальной школы. «Элементарный курс истории СССР», одним из авторов которого она была, получил правительственную премию. Вместе с С. С. Дмитриевым М. В. Нечкина составила в качестве пособия для учителей «Хрестоматию по истории СССР», вышедшую в 1941 г. и затем дважды переизданную. Очень трудным и важным делом была подготовка учебника по истории СССР для высших учебных заведений. Милица Васильевна была одним из авторов и редактором второго тома этого учебника («Россия в XIX веке»). Вышедший первым изданием в 1940 г. и затем дважды переиздававшийся (причем каждое новое издание отражало движение науки вперед) учебник по истории СССР сыграл большую роль в подготовке специалистов-историков и распространении исторических знаний. По этой книге, отмеченной Почетной грамотой Президиума АН СССР, учились тысячи студентов.

Во время Отечественной войны М. В. Нечкина все свое дарование лектора и литературное мастерство ученого-публициста отдала политической пропаганде и тем внесла свою лепту в дело разгрома фашизма. Она выступала с лекциями в частях и учреждениях Советской Армии, за что неоднократно была награждена почетными грамотами. Она печатала статьи и брошюры, посвященные выдающимся полководцам прошлого (А. В. Суворову, М. И. Кутузову), знаменательным событиям русской военной истории (Отечественной войне 1812 г. и особенно Бородинскому сражению).

Научно-исследовательская работа Милицы Васильевны, не прекращавшаяся во время войны, приняла особенно широкий размах по ее окончании. Основным объектом исследовательских интересов М. В. Нечкиной по-прежнему остается движение декабристов. Милица Васильевна принимает участие в многотомном издании следственных дел о декабристах (в качестве редактора отдельных томов или автора вступительных статей к ним), редактирует «Записки, статьи и письма Якушкина», публикует новые материалы о декабристах в «Литературном наследстве», выступает с отдельными статьями о «Священной артели», о «Союзе спасения», о политической программе «Союза благоденствия» и т. д. В 1951 г. Милица Васильевна выпускает книгу «Восстание 14 декабря 1825 г.». Свою задачу автор видит в «восстановлении реального хода событий знаменитого дня в соответствии с показаниями первоисточников». Но «решение этой задачи сопровождается необходимым с точки зрения автора предварительным изучением замысла восстания», ибо «невозможно исследовать ход основных событий, не зная, каков был общий план задуманного декабристами восстания».

Результатом многолетнего творческого труда, подведением его итогов явилось капитальное двухтомное исследование М. В. Нечкиной «Движение декабристов». О большом научном значении этой монографии свидетельствует ряд откликов на нее как в советской, так и в зарубежной печати. Длительная работа Милицы Васильевны над изучением творчества А. С. Грибоедова и особенно его взаимоотношений с декабристами, основные вехи которой отражены в ряде очерков, завершилась изданием двух книг — «Следственное дело о А. С. Грибоедове» и «Грибоедов и декабристы» — труд, удостоенный Сталинской премии. Первая работа представляет собой блестящий источниковедческий этюд, в котором автор дал всестороннюю внутреннюю и внешнюю критику источника и на его основе попытался разрешить некоторые вопросы политической биографии А. С. Грибоедова. В книге «Грибоедов и декабристы» М. В. Нечкина проследила «личные, идейные, общественные связи писателя с самым передовым движением его времени». На эту книгу Милицы Васильевны живо откликнулись и писатели и ученые. Ее с интересом читают, о ней пишут, о ней спорят, никто из читателей не останется к ней безразличным.

В последнее время М. В. Нечкина занимается исследованием революционного движения 60-х годов XIX века. Она посвящает ряд статей и публикаций Н. П. Огареву, А. И. Герцену, Н. Г. Чернышевскому. По архивным следственным материалам она пишет работу о «Земле и Воле» 1860-х годов. Центром внимания Милицы Васильевны делается революционная ситуация в России 1859—1861 годов. С 1958 г. под ее непосредственным руководством над изучением этой важнейшей проблемы работает специальная группа исследователей. Это не только сотрудники АН СССР и не только историки Москвы, но также и ученые Ленинграда, Киева, Харькова, Вильнюса, Смоленска, Саратова, Ульяновска, Перми, Тобольска. В связи с 90-летием со дня рождения В. И. Ленина группа в 1960 г. выпустила в свет специальный сборник, который открывается вступительной статьей Милицы Васильевны. В этой ее работе намечены проблематика и основные задачи изучения революционной ситуации.

М. В. Нечкина внесла значительный вклад в дело создания «Истории Москвы», написав для третьего тома этого издания очерки «Москва в начале XIX в.», «Москва в 1812 году», «Общественное движение в Москве 1812—1825 гг.», «Москва и декабристы. Общественные течения 1826—1848 гг.».

Когда был поднят вопрос о подготовке нового трехтомного учебника по истории СССР для высших учебных заведений, М. В. Нечкина вошла в состав авторского коллектива и редколлегии I тома (охватывающего период с древнейших времен до 1861 г.), и при ее деятельном участии этот том был завершен и выпущен в свет в 1956 году.

Являясь с 1946 г. профессором кафедры истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС и одно время заведуя этой кафедрой, М. В. Нечкина сумела сплотить научный коллектив кафедры, направив его на решение важных научных задач. Под ее редакцией и с ее предисловием вышел сборник «Из истории революционного движения в России в XIX — начале XX века». Она организовала в АОН научную конференцию, посвященную критике тех фальсификаций истории СССР, которые появи-

лись в зарубежной буржуазной историографии. Труды конференции составили основу для последующей публикации.

Вопросы историографии, которые были подняты Милицей Васильевной еще на заре ее научной деятельности, сейчас снова приковывают ее внимание. Она является горячим пропагандистом той идеи, что нельзя заниматься наукой, не зная истории науки. Под ее руководством написаны 2-й и 3-й тома коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР», из которых второй (60—90-е годы XIX в.) только что вышел в свет, а 3-й (90-е годы XIX в.—1917 г.) подготовлен к широкому обсуждению. Тем самым завершена работа по написанию истории исторической науки в СССР вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Сейчас М. В. Нечкина вкладывает всю присущую ей энергию в дело разработки истории исторической науки в советское время, вдохновляя окружающих своим энтузиазмом. Ее статьей, опубликованной недавно на страницах журнала «История СССР», открылась интересно идущая дискуссия по вопросам периодизации советской исторической науки.

Выдающийся историк, заслуги которого высоко оценены общественностью, ученый, носящий высокое звание академика, Милица Васильевна Нечкина очень чутко откликается на те запросы, которые предъявляет советской науке Коммунистическая партия и Советское правительство. В связи с задачами, поставленными XX съездом КПСС, М. В. Нечкина в своих печатных статьях и устных выступлениях неустанно развивает мысли о народе как движущей силе истории. В связи с преобразованием системы школьного обучения, его приближением к жизни Милица Васильевна сделала очень многое и в Институте истории АН СССР и в Академии педагогических наук РСФСР, членом которой она является с 1947 г., для разработки учебных программ и выяснения ряда методических вопросов. Наконец, она включилась и в работу по подготовке нового учебника по истории СССР для средней школы.

М. В. Нечкина достойно представляет советскую науку за рубежом, где она пользуется уважением наших друзей, где с ее мнением вынуждены считаться наши идейные противники, как это было на XI Международном конгрессе исторических наук, на котором она дала должную отповедь носителям реакционной идеалистической методологии.

М. В. Нечкина многое делает для нашего народа, который оказывал ей большое доверие, избирая депутатом Московского областного Совета депутатов трудящихся и Моссовета. Советское правительство высоко оценило заслуги Милицы Васильевны, наградив ее орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями.

Свой славный юбилей Милица Васильевна Нечкина встречает в расцвете сил, полная новых замыслов и творческих планов. Ей, так много уже сделавшей, предстоит еще очень много сделать, и для этого у нее есть все: богатейший запас знаний, громадный опыт, большие творческие достижения, искреннее уважение товарищей по работе и многочисленных учеников, и тех, кто только начинает свою научную работу, и тех, кто уже вырос в серьезных ученых.

Л. В. Черепнин

Обзоры и рецензии

О КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

(Обзор дискуссии)

Начало XVII в. было ознаменовано первой в истории России крестьянской войной. Мощное антифеодальное движение охватило громадную территорию, под вопросом оказалось само существование крепостнического государства. Крайнее обострение классовых противоречий было вызвано тем, что к тому времени в стране в основном завершился процесс закрепощения крестьян [1].

Антифеодальная борьба начала XVII в. уже давно привлекает внимание советских историков. Наиболее плодотворными в изучении этого периода отечественной истории были послевоенные годы. В 1949 г. публикуется капитальная монография И. И. Смирнова [2]. За ней последовали работы других исследователей. В научный оборот вводятся новые документальные материалы о восстании Болотникова [3]. Все это позволило продвинуть вперед изучение антифеодальной борьбы русского крестьянства в начале XVII века. Однако, несмотря на успехи, достигнутые советскими историками, некоторые вопросы указанной проблемы продолжали оставаться слабо изученными, спорными.

Статьей А. А. Зимина, обратившего внимание исследователей на некоторые из этих вопросов, началась в 1958 г. в нашем журнале дискуссия [4]. В ходе ее в журнале были напечатаны статьи И. И. Смирнова [5], В. И. Корецкого [6], Р. В. Овчинникова [7], И. М. Скляра [8], а также отчет об обсуждении доклада И. И. Смирнова «Спорные вопросы борьбы классов в Русском государстве начала XVII в.» на расширенном заседании группы истории СССР Ленинградского отделения Института истории АН СССР [9].

Следует сразу же отметить, что в проведении дискуссии имелись существенные недостатки. В ней не принял участия ряд видных историков-специалистов. Некоторые участники дискуссии высказывались преимущественно по отдельным частным проблемам, ввиду этого ряд важных сторон крестьянской войны начала XVII в. оказался обойденным. Не было проявлено также должного внимания к теоретической разработке вопроса о крестьянских движениях в феодальной России. Несмотря на эти недостатки,

---

[1] На связь между крестьянской войной начала XVII в. и крепостнической политикой царского правительства указывал Б. Д. Греков (Крестьяне на Руси. Т. II. М. 1954, стр. 310).

[2] «Восстание Болотникова. 1606—1607». Первое издание — Л. 1949, второе — М. 1951. В 1953 г. вышел в свет «Краткий очерк истории восстания Болотникова» этого же автора.

[3] Все эти материалы вошли в составленный А. И. Копаневым и А. Г. Маньковым сборник «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы». М. 1959.

[4] А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 3.

[5] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 12.

[6] В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны в России начала XVII века. «Вопросы истории», 1953, № 3.

[7] Р. В. Овчинников. Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII века в России. «Вопросы истории», 1959, № 7.

[8] И. М. Скляр. О начальном этапе первой крестьянской войны в России. «Вопросы истории», 1960, № 6.

[9] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве начала XVII века». «Вопросы истории», 1958, № 12.

дискуссия все же нашла отклик у советской и зарубежной исторической общественности и принесла определенную пользу [10].

В настоящей статье сделан обзор проведенной дискуссии, а также обобщены некоторые ее итоги.

В ходе дискуссии прежде всего была сделана попытка решить вопрос о том, что такое крестьянская война, чем она характеризуется, в чем заключаются особенности этой формы классовой борьбы.

Ф. Энгельс, как известно, считал крестьянскую войну общенациональным крестьянским восстанием [11]. Выступая в 1954 г. на дискуссии о характере крестьянских движений в России, В. И. Лебедев определял крестьянскую войну как широкую гражданскую войну крестьян против феодалов. А. А. Зимин, согласившись с этим положением, пишет, что характерными чертами гражданской войны являются охват движением значительной территории и наличие большой повстанческой армии, систематически борющейся с войсками феодалов [12]. И. И. Смирнов предложил считать «наиболее существенной отличительной чертой крестьянской войны... то, что единая территория государства во время крестьянской войны в политическом отношении распадается на территорию, остающуюся под властью господствующего класса, и территорию, перешедшую под власть восставших крестьян» [13]. К числу характерных для крестьянской войны фактов И. И. Смирнов относит и захват восставшими крестьянами политических или административных центров государства [14]. Точка зрения И. И. Смирнова была поддержана некоторыми участниками обсуждения его доклада (например, А. Л. Шапиро), а также в статье И. М. Скляра [15].

Действительно, крестьянская война охватывает гораздо большую территорию, нежели обычное крестьянское восстание. Однако указанная И. И. Смирновым «наиболее существенная отличительная черта» фактически не выделяет крестьянскую войну из ряда других антифеодальных крестьянских восстаний, поскольку ни одно сколько-нибудь заметное восстание крестьян немыслимо вне определенной, пусть самой незначительной по своим размерам территории, на какое-то время переходящей под власть повстанцев. На это обстоятельство совершенно справедливо указал Р. В. Овчинников, считая, что явления географического порядка не могут служить основой для выделения крестьянской войны из числа других антифеодальных движений крестьян [16]. В отношении крестьянской войны правильнее было бы говорить не о распаде территории государства, а о расколе населения страны на два лагеря [17] — правительственный и повстанческий. При таком подходе к характеристике событий, связанных с крестьянской войной, находит, в частности, более полное объяснение проблема дворянских попутчиков восстания. Тезис об овладении повстанцами каким-нибудь политическим или административным центром страны также не может считаться характерной особенностью крестьянской войны, ибо он не отражает существа этой последней. Известно, например, что в начальный период крестьянской войны в Германии восставшие крестьяне довольно длительное время не могли захватить никаких административных центров.

Участниками дискуссии был высказан ряд соображений относительно содержания самого понятия «крестьянская война». Поскольку последняя является разновидностью гражданской войны, она характеризуется, по мнению В. В. Мавродина, борьбой за

---

[10] В частности, в Румынской Народной Республике были переведены статьи А. А. Зимина и И. И. Смирнова. См. «Probleme de istorie», 1958, № 2; «Analele Romino-sovietică», 1959, № 2(26).

[11] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 357.

[12] А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны..., стр. 98.

[13] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 116.

[14] Там же, стр. 117.

[15] См. «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 205; И. М. Скляр. Указ. соч., стр. 90.

[16] Р. В. Овчинников. Некоторые вопросы крестьянской войны..., стр. 81.

[17] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 192, 195. Об этом говорил, в частности, В. Н. Бернадский («О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 206) во время обсуждения доклада И. И. Смирнова.

власть[18]. Крестьянская война в отличие от разрозненных крестьянских восстаний направлена была не только против отдельных феодалов, но и против их власти в стране в целом. Тезис М. П. Вяткина о том, что крестьянская война не предполагает борьбу за государственную власть, поскольку это задача революции[19], противоречит такому историческому факту, как стремление восставших крестьян посадить на престол своего, «хорошего» царя. Кроме того, как правильно отмечал ныне покойный В. Н. Бернадский, если предположить, что крестьянская война не ставит вопроса о власти, то придется сделать вывод, что она не является гражданской войной между крестьянами и феодалами[20]. При феодализме каждое крестьянское восстание направлено в конечном счете против основ существующего строя. Однако только в ходе крестьянской войны восставшие крестьяне ставят вопрос о завоевании власти в стране. Нельзя представить себе без этого определяющего момента никакую гражданскую войну. Борьба за захват политической власти в общегосударственном масштабе — такова главная особенность крестьянской войны в России начала XVII века.

Некоторые участники дискуссии[21], говоря об особенностях крестьянских войн в России, указывали, что на высшем их этапе может начаться складывание в известной мере единого военно-политического руководства, пытающегося как-то направлять разрозненные действия отдельных повстанческих отрядов — словом, вносящего некоторые элементы организованности в стихийное крестьянское движение. Одной из функций этого, если можно так выразиться, единого центра крестьянской войны было, например, руководство главной повстанческой армией, сражавшейся с правительственными войсками. Однако нельзя преувеличивать значение отдельных элементов организованности в крестьянских войнах, поскольку они были еще настолько слабы, что вовсе не устраняли стихийности и разрозненности крестьянских выступлений и даже не преобладали над ними. Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на это. Так, во время крестьянской войны в Германии восставшие, по словам Ф. Энгельса, «действовали в каждой провинции на собственный страх и риск»[22]. «...Организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы),— указывал В. И. Ленин,— все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев только руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»[23]. Перечисленных В. И. Лениным условий успешной борьбы крестьянства со своими классовыми врагами, конечно, не было да и не могло быть в России в начале XVII в., так как в недрах феодального строя еще не сложился такой класс, который мог бы объединить усилия крестьян в их борьбе с крепостническими порядками. Крестьянская война в России начала XVII в. носила в общем стихийный характер, и только массовое участие в ней социальных низов деревни и города придавало силу, размах и остроту всему движению.

Наиболее острые споры вызвал вопрос о хронологических рамках крестьянской войны, о том, какие же события начала XVII в. следует связывать с нею.

А. А. Зимин выдвинул и попытался обосновать следующую схему крестьянской войны начала XVII в. Первым ее этапом, временем постепенного нарастания были события 1603—1605 гг., то есть восстание Хлопка и антифеодальное движение крестьян и посадских людей, совпадающие по времени с авантюрой Лжедмитрия I, инспирированной и поддержанной польскими феодалами. Кульминационным моментом крестьян-

---

[18] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 205, 208 (заключительное слово И. И. Смирнова). В изложение выступления В. В. Мавродина вкралась ошибка. Вместо слов «она характеризуется борьбой за власть, если даже и не преследует цель изменить природу существующего социального строя» следует читать «она характеризуется борьбой за власть, хотя и не преследует цель изменить форму ее (монархия)».

[19] Там же, стр. 206.

[20] Там же.

[21] Там же, стр. 205—206 (выступления В. В. Мавродина и В. Н. Бернадского); Р. В. Овчинников. Указ. соч., стр. 82.

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 7, стр. 435.

[23] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 181.

ской войны явилось восстание Болотникова. Третий же этап (1607—1614 гг.) характеризовался постепенным спадом движения, переплетением антифеодальной борьбы с борьбой против иноземного вторжения. Таким образом, по мнению А. А. Зимина, крестьянская война охватила «огромный комплекс событий примерно с 1603 по 1614 г.» [24]. Против этой точки зрения возражали И. И. Смирнов и некоторые историки, выступавшие по его докладу. Одна часть событий 1603—1614 гг., по их мнению, хотя и относится к сфере классовой борьбы, все же отличается от крестьянской войны; другая часть вообще принадлежит к иной области социально-политических отношений [25].

Следует отметить, что отнюдь не А. А. Зимин выступил впервые в советской историографии с тезисом о необходимости расширения хронологических рамок крестьянской войны начала XVII в. Еще четверть века тому назад акад. Б. Д. Греков рассматривал восстание Хлопка как «начало гражданской войны» [26]. В послевоенной литературе исходный рубеж первой крестьянской войны также не раз отодвигался к 1603 году. Например, в таком обобщающем труде, как «Очерки истории СССР», первым этапом ее признавалось восстание Хлопка, а следующим, новым этапом — движение под руководством Болотникова. Не оспаривался и тезис о том, что происходившей в стране крестьянской войной воспользовался ставленник польских магнатов Лжедмитрий I. Правда, в «Очерках» не была еще проведена последовательная точка зрения, и поэтому крестьянская война начала XVII в. сводилась иногда к восстанию Болотникова [27]. В последнем издании учебника для вузов по истории СССР периода феодализма также была проведена мысль о том, что восстание Болотникова следует считать лишь кульминационным моментом первой крестьянской войны в России; начало ее отодвигается практически к восстанию Хлопка, а разгром восстания Болотникова рассматривается не как окончание крестьянской войны, а как вступление ее в следующую фазу [28].

Таким образом, расширительное толкование хронологических рамок крестьянской войны начала XVII в. имеет уже свою историографию, и постановка этого вопроса А. А. Зиминым преследовала цель привести новые аргументы в защиту именно такого подхода к оценке отдельных событий антифеодального движения в указанный период. Но А. А. Зимин не всегда четко формулировал свою позицию и не показал достаточно ясно, что крестьянская война составляла хотя и важнейшую, но вовсе не единственную сторону сложного комплекса событий, происходивших в стране в начале XVII века. Именно это и дало основание И. И. Смирнову писать, в частности, о том, что «участие крестьян и других представителей социальных низов в восстании Болотникова коренным образом отличается от поддержки этими же силами движения самозванцев. В первом случае борьба угнетенных классов Русского государства была направлена на достижение задач, адекватных их классовым интересам, во втором — борьба социальных низов использовалась политическими авантюристами, ставленниками польских феодалов, в целях, чуждых и враждебных антифеодальным элементам русского общества. Поэтому нельзя объединять эти движения и рассматривать их лишь как отдельные этапы крестьянской войны» [29].

В приведенном рассуждении И. И. Смирнов допустил, однако, смешение двух разных вопросов. И в годы восстания Болотникова и в периоды, совпадающие по времени

---

[24] А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 98, 100, 113.

[25] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 116. «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 205, 207 (выступления В. В. Мавродина, А. Л. Шапиро, И. С. Шепелева).

[26] Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России. «Известия ГАИМК». Вып. 72. 1934, стр. 142.

[27] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.». М. 1955, стр. 13, 492, 495, 503. Отдельные параграфы гл. 3 «Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова. Польско-шведская интервенция начала XVII в.» писали В. Д. Королюк и И. И. Смирнов. А. А. Зимин принимал участие в редактировании тома

[28] «История СССР». Т. 1, М. 1956, стр. 280—290. Ср. также «История Москвы». Т. I. М. 1952, стр. 289, 294; L. Tcherepnine. Le rôle des Zemski Sobory en Russie lors de la guerre des Paysans au début du XVII-e siècle. «Album Helen Mond Cam (Études présentées à la Commission Internationale pour l'histoire des Assamblées d'États)». T. XXIII, 1960, p. 263.

[29] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 117.

с деятельностью обоих самозванцев, крестьяне активно боролись против крепостнического гнета. Попытки же отдельных групп феодалов (в том числе возглавляемых самозванцами) для достижения своих узкоклассовых целей использовать мощное крестьянское движение отнюдь не меняют его антифеодальную сущность. Ведь не изменилась же социальная природа восстания Болотникова оттого, что в нем принимали участие дворянские попутчики. Надо также учитывать, что восставшие крестьяне верили в возможность прихода к власти «хорошего» царя, который, по их представлениям, должен был принести им желанную свободу. Обманутые социальной демагогией Лжедмитриев, они оказывали поддержку этим авантюристам. Следует заметить также, что А. А. Зимин нигде в своей статье не трактует движения самозванцев как определенные этапы крестьянской войны, а, напротив, стремится подчеркнуть, что речь идет об антифеодальном движении в период, когда на политической сцене действовали эти авантюристы.

На то обстоятельство, что борьба крестьян за освобождение от пут крепостничества шла как в 1604—1605, 1608, так и в последующие годы и что ее пытались использовать в своих интересах чуждые крестьянам политические группировки, указывали в своих выступлениях А. Л. Шапиро, М. П. Вяткин, И. С. Шепелев. Несмотря на это, никто из них не поддержал выдвинутой А. А. Зиминым датировки крестьянской войны начала XVII века. Несколько иную позицию занял В. Н. Бернадский. Касаясь характера народного движения 1604—1605 гг., он подчеркнул его генетическую связь с восстанием Болотникова. Последним всплеском крестьянской войны, по его мнению, еще может в какой-то мере считаться 1608 г., в то время как в 1609—1610 гг. народного движения, носившего антифеодальный характер и проходившего под лозунгом «хорошего» царя, по его мнению, уже не было [30].

В русской буржуазной историографии, как известно, события начала XVII в. объединялись общим названием «смута», или «смутное время», точно так же, как это делали публицисты — современники событий, выражавшие интересы господствующего класса феодалов. Указав на это обстоятельство, Н. Е. Носов справедливо заметил, что советские историки, отказавшись от термина «смута», как не вскрывающего природу классовой борьбы указанного исторического периода, раздробили органически единый в своей основе комплекс событий 1605—1613 гг. на изолированные друг от друга этапы. Разумеется, что такой подход к изучению проблемы затруднил возможность выяснения движущих сил гражданской войны 1605—1613 годов. Не соглашаясь с тем, что события начала XVII в. следует рассмотреть под углом зрения крестьянской войны, Н. Е. Носов трактует их как гражданскую войну 1605—1613 годов [31]. Следовательно, он несколько сужает хронологические рамки рассматриваемого периода и дает ему несколько иное по сравнению с А. А. Зиминым общее название. И. М. Скляр, говоря о народном движении 1604—1605 гг., употребляет в одинаковом значении оба понятия — «крестьянская война» и «гражданская война» [32]. Следует отметить, что И. И. Смирнов также называет восстание Болотникова первой в истории феодальной Руси гражданской войной [33].

Правилен ли такой подход к определению существа происходивших в начале XVII в. событий и в каком отношении друг к другу находятся понятия «крестьянская война» и «гражданская война», если речь идет о классовой борьбе эпохи феодализма? Гражданская война во всяком классовом обществе представляет собой «естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы» [34]. В. И. Ленин определял ее как войну между враждебными классами, между угнетенными и эксплуататорами [35]. Он неоднократно подчеркивал, что нельзя считать гражданскую войну войной между двумя частями одного и того же класса только на том основании, что какие-то группы угнетенных поддерживают в ходе борьбы своих собственных угнетателей. «Никогда не бывало в истории и не может быть в классовом обществе гражданской войны эксплуатируемой массы с эксплуататорским меньшинством без того, чтобы часть эксплуатируемых не шла за

---

[30] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 206.
[31] Там же, стр. 208.
[32] И. М. Скляр. Указ. соч., стр. 90.
[33] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 122.
[34] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 67.
[35] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 293, 341; Т. 26, стр. 11, 361, 362.

эксплуататорами, вместе с ними, против своих братьев»[36]. Гражданская война, как указывал В. И. Ленин, отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью, поскольку в ходе ее население страны распадается на два лагеря, ведущих между собою вооруженную борьбу[37]. Однако несмотря на сложное переплетение событий и явлений, в основе гражданской войны всегда лежит борьба между классами, интересы которых в корне противоположны.

В эпоху феодализма основными противостоявшими друг другу классами являлись, как известно, крестьяне и феодалы. Гражданская война в этих условиях была возможна лишь в форме крестьянской войны. Следовательно, последняя есть не что иное, как гражданская война эпохи феодализма. «Вся эпоха крепостного права..,— говорил В. И. Ленин,—...полна постоянных восстаний крестьян. В Германии, например, в средние века достигла широких размеров и превратилась в гражданскую войну крестьян против помещиков борьба между двумя классами: помещиками и крепостными. Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России»[38]. Не прибегая здесь к самому понятию «крестьянская война», В. И. Ленин, ссылаясь на подобные крестьянской войне в Германии 1525 г. антифеодальные движения в России, имел в виду именно крестьянскую войну, примером которой может служить выступление народных масс в начале XVII века. В другом месте В. И. Ленин, говоря о той же крестьянской войне в Германии, берет термин «крестьянская война» в кавычки, употребляя ниже более общее понятие «гражданская война»[39].

Следовательно, Н. Е. Носов и И. М. Скляр поступают правильно, определяя события начала XVII в. термином «гражданская война». Точно так же прав И. И. Смирнов, применяя это понятие в отношении восстания Болотникова. Однако Н. Е. Носов противопоставляет свою точку зрения на указанные события как на гражданскую войну позиции А. А. Зимина, предлагающего рассматривать их под углом зрения крестьянской войны[40].

В гражданскую войну так или иначе оказываются вовлеченными все слои населения. Она, как отмечал В. И. Ленин, «не знает нейтральных»[41]. Все дело в том, каково классовое содержание этой войны. В эпоху феодализма основным содержанием гражданской войны являются антифеодальные выступления крестьян. А. А. Зимин отнюдь не предлагает подгонять под рубрику «крестьянская война» все без исключения события начала XVII в., пытаясь выявить именно те из них, которые свидетельствовали о незатухавшем в течение ряда лет открытом, массовом крестьянском движении, острием своим направленным против класса феодалов в целом, иными словами, о гражданской войне крестьян против своих извечных классовых врагов. Нельзя при этом не учитывать того факта, что крестьянская война начала XVII в. осложнялась рядом обстоятельств. Действия восставших крестьян, холопов, посадского люда и казачества, направленные против класса феодалов и их государства, использовались иногда авантюристами типа самозванцев, а после начала открытой польско-шведской интервенции эти действия сливались с борьбой против иноземцев. Все это в ряде случаев не могло не затемнить истинной сущности крестьянского движения начала XVII века.

Характеристику событий начала XVII в., данную А. А. Зиминым (крестьянская война 1603—1614 гг.) полностью поддержал Р. В. Овчинников. «В зависимости от внешних и внутриполитических условий,— пишет он,— менялись формы и тактика классовой борьбы. Это и определило три этапа в развитии крестьянской войны...»[42]. В. И. Корецкий и И. М. Скляр присоединились к определению А. А. Зиминым событий 1603—1605 гг. как начального этапа первой крестьянской войны в России[43]. На первом этапе крестьянское движение нарастало, затем оно достигло наивысшей точки, после которой наблюдался общий спад движения. Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что открытая антифеодальная борьба не прекращалась в течение многих лет, то затухая, то воз-

---

[36] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 505.
[37] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 356; см. также Т. 27, стр. 234.
[38] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 444—445.
[39] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 181.
[40] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 208.
[41] В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 431.
[42] Р. В. Овчинников. Указ. соч., стр. 83.
[43] В. И. Корецкий. Указ. соч., стр. 137; И. М. Скляр. Указ. соч., стр. 91, 101.

обновляясь, охватывая различные районы страны. Крестьяне вели настоящую гражданскую войну против своих угнетателей. «Такую войну,— писал В. И. Ленин,— нельзя себе мыслить иначе, как ряд немногих, отделенных большими сравнительно промежутками времени, крупных сражений и массу мелких стычек в течение этих промежутков» [44].

Вопрос о хронологических рамках первой крестьянской войны в России весьма сложен. Хронология, предложенная А. А. Зиминым (1603—1614 гг.), разумеется, нуждается еще в дальнейшем обосновании. Это касается в первую очередь конечной даты движения. Начиная с осени 1609 г. антифеодальная борьба в Русском государстве осложняется открытой военной интервенцией. Нельзя не считаться с тем, что в годы ополчений (1611—1612), особенно второго, ведущее место в событиях, происходивших в стране, принадлежало уже всенародной борьбе за освобождение страны от иноземных захватчиков. Это обстоятельство не привело, конечно, к автоматическому прекращению антифеодального движения. Однако возникает вопрос: насколько правомерно завершающую дату крестьянской войны отодвигать к 1614 г., как это предлагает А. А. Зимин?

Крестьянская война в России начала XVII в. носила длительный характер. Это объяснялось, в частности, теми условиями, в которых она проходила. Будучи подавленной на какое-то время в одних районах страны, она возобновлялась с новой силой в других. Наличие громадной территории в условиях политического кризиса, существовавшего в стране, давало, выражаясь военным языком, известную свободу маневра повстанческим силам. В связи с расколом в среде феодалов (особенно в период поддержанных извне авантюр Лжедмитриев I и II) им долго не удавалось направить всю свою военную мощь на подавление восставших крестьян. Некоторые группировки феодалов (главным образом провинциальное дворянство) примкнули к восстанию социальных низов в надежде использовать его в своих политических целях. Боязнью перед широким антифеодальным движением, не прекращавшимся в стране в течение многих лет, объясняется, по-видимому, и то, что верхушка господствующего класса встала осенью 1610 г. на путь государственной измены и втайне от народа впустила в Москву польских интервентов. Кроме того, основные базы крестьянской войны начала XVII в. находились в южных районах Русского государства, где крепостничество еще не утвердилось. Здесь скапливались в этот период тысячи беглых крестьян и холопов, здесь же находились поселения казаков, вносивших в стихийные крестьянские восстания элемент военной организованности.

Все это говорит о том, что предлагаемый А. А. Зиминым подход к изучению событий первых лет XVII в. как широкой крестьянской войны весьма интересен и заслуживает внимания.

Высказывая свои соображения о хронологических рамках крестьянской войны начала XVII в., участники дискуссии в связи с этим решали вопрос и о том, какие же события следует связывать с нею.

А. А. Зимин защищает, как известно, уже высказанное несколько лет назад П. П. Смирновым, Е. Н. Кушевой и В. Д. Королюком мнение о восстании Хлопка как начальном этапе крестьянской войны [45]. И. И. Смирнов отстаивает свою старую точку зрения, считая выступление Хлопка только грозным предвестником восстания Болотникова [46]. Оспаривая доводы А. А. Зимина, И. И. Смирнов пишет, что восставшие холопы в 1603 г. «не овладели ни одним политическим или административным центром Русского государства», а, по свидетельству И. Массы, якобы «укры-

---

[44] В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 195.

[45] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. М.-Л. 1947, стр. 338; Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII веков. «Исторические записки». Т. 15, стр. 92; «История Москвы». Т. 1, стр. 289.

[46] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 116—117.

вались в пустынях и лесах близ дорог»[47]. Однако И. И. Смирнов все же соглашается, что восстание Хлопка могло перерасти в крестьянскую войну.

В. В. Мавродин, В. Н. Бернадский, И. С. Шепелев также не считают движение Хлопка начальным моментом крестьянской войны. По словам В. В. Мавродина, неправомерно усматривать прямую связь между восстаниями Хлопка и Болотникова[48]. В. Н. Бернадский полагает, что в выступлении Хлопка отсутствовали существенные черты крестьянской войны (в частности не был выдвинут лозунг «хорошего» царя и не определился единый центр движения), а поэтому нельзя связывать его непосредственно с последующим ходом крестьянской борьбы[49]. Однако, как уже подчеркивалось выше, складывание в известной мере единого руководства может начаться только на высшем этапе крестьянской войны. В 1603 г. последняя лишь начиналась, и, естественно, тогда еще не мог появиться какой-то единый центр движения. Во время крестьянской войны в Германии, как известно, вообще не было даже подобия единого центра. Ф. Энгельс, отмечая это обстоятельство, подчеркивал именно раздробленность и обособленность революционных сил, позволившие «одним и тем же правительственным войскам подавлять одно восстание за другим»[50]. Для восстания Хлопка была характерной такая же распыленность отдельных очагов движения. Известно, что «за разбойники» царских воевод посылали во многие города центральной части страны[51].

И. С. Шепелев не включает движение Хлопка в рамки крестьянской войны на том основании, что повстанцы якобы не ставили тогда своей целью свержение царя и истребление феодалов[52]. Конечно, восстание 1603 г. изучено до сих пор очень мало, и сохранившиеся источники не позволяют в настоящее время выяснить те лозунги, под которыми выступали восставшие под предводительством Хлопка холопы и крестьяне. Однако Е. Н. Кушева уже отмечала ярко выраженный социальный характер этого движения, еще не связанного с именем Дмитрия[53]. О том, что восстание Хлопка «таило в себе реальную угрозу для самых основ социального строя Русского государства», писал и И. И. Смирнов[54]. И. С. Шепелев тоже не отрицает того, что восстание Хлопка могло перерасти в крестьянскую войну и только в силу сложившихся обстоятельств было разгромлено. Но он забывает о том, что, по словам «Нового летописца», восставшие, потерпев поражение в центральных районах страны, «уйдоша на Украйну»[55], куда вскоре переместился центр антифеодального движения. И. С. Шепелев вслед за И. И. Смирновым также отрицает антифеодальный характер выступлений крестьян, холопов, посадских людей и казаков в 1604—1605 годах. В результате получается значительный (примерно в три года) разрыв во времени между восстаниями Хлопка и Болотникова. Естественно, что в этом случае движение 1603 г. может рассматриваться лишь как предвестник крестьянской войны, начавшейся, по мнению И. И. Смирнова, только в 1606 году[56].

В действительности предвестниками крестьянской войны начала XVII в. были более ранние, чем восстание Хлопка, крестьянские выступления — 90-х годов XVI — первых двух-трех лет XVII в.,— о которых писал в своей монографии И. И. Смирнов и на которые еще раз обратил внимание В. И. Корецкий[57]. Эти выступления, в разное время происходившие в отдельных районах страны, были как бы пробой сил, создавали благоприятную почву для более широкого и мощного движения. Для того, чтобы последнее в конце концов переросло в крестьянскую войну, необходимо

---

[47] «Восстание И. Болотникова», стр. 56.
[48] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 205.
[49] Там же, стр. 206.
[50] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 119; см. В. И. Ленин. Соч. Т. 8, стр. 446.
[51] «Восстание И. Болотникова», стр. 77.
[52] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 207.
[53] Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 91—92.
[54] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607. М. 1951, стр. 77—80.
[55] «Восстание И. Болотникова», стр. 49.
[56] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 83.
[57] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, гл. I—II; В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны...; см. его же. Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII в. «Вопросы истории религии и атеизма». Т. VI. М. 1958; его же. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII вв. «История СССР», № 1, 1957, стр. 188.

было известное ослабление власти на местах, дезорганизованной частыми антифеодальными выступлениями. Именно такая обстановка сложилась в стране в 1601—1603 гг. в результате нараставшего недовольства социальных низов деревни и города, усугубляемого голодом, принявшим в связи с неурожаями катастрофические размеры [58]. Таким образом, налицо был общенациональный политический кризис, в условиях которого классовая борьба переросла в свою высшую форму — в гражданскую войну крестьян с феодалами.

На первом своем этапе, в период восстания Хлопка, движение по своему размаху, несомненно, отличалось от событий 1606—1607 гг., когда крестьянская война достигла своего апогея. Но это было лишь различие между началом и высшей точкой крестьянской войны. В. И. Корецкий в своей статье убедительно показал, что по своим движущим силам, антифеодальной направленности и арене действий повстанцев движение Хлопка было тесно связано с восстанием Болотникова. «Уже в это время,— пишет он,— определилась основная территория движения, возникла идея похода на Москву, организовалось войско восставших, вступившее в сражение с правительственными войсками» [59]. В. И. Корецкий показал также прямую связь указа 16 августа 1603 г. о холопах с восстанием Хлопка. Последнее приняло такие размеры, что правительство Бориса Годунова вынуждено было прибегнуть к мерам, которые, по его мнению, должны были расколоть повстанцев и тем самым облегчить борьбу с ними [60]. Отсутствие же лозунга «хорошего» царя в это время объясняется, по словам В. И. Корецкого, по-видимому, тем, что самозванческие идеи не проникли еще в это время в массы крепостного крестьянства [61]. Это предположение получит еще более веские основания, если учитывать, что первые «подметные письма» самозванца появились только летом 1604 г., а сам он перешел тогдашнюю русско-польскую границу лишь в октябре того же года, то есть год спустя после поражения основных сил Хлопка. Таким образом, в 1603 г. крестьянские иллюзии насчет самозванца не могли распространиться, поскольку не имели еще под собою никакой почвы.

Поскольку в датировке восстания Хлопка в среде советских историков мнения расходятся [62], В. И. Корецкий сделал попытку на основе сопоставления данных имеющихся источников определить дату решающего сражения под Москвой между отрядами Хлопка и царского воеводы И. Ф. Басманова. Бой, в котором восставшие потерпели поражение, а воевода погиб, произошел, по его расчетам, 9 сентября 1603 года [63]. Точность указанной даты, вернее, обоснованность вывода о том, что бой произошел именно 9 сентября, оспаривает С. С. Лурье [64]. Следует, однако, сказать, что после работы, проделанной В. И. Корецким по установлению этой даты, вряд ли есть серьезные основания относить движение Хлопка к 1604 г., как это делают С. С. Лурье и И. С. Шепелев [65]. Восстание происходило летом — осенью 1603 года.

В. И. Корецкий, разделяющий мнение А. А. Зимина о 1603 г. как начальной грани крестьянской войны, а вслед за ним И. М. Скляр привели в своих статьях факты, свидетельствующие о непосредственной связи восстания Хлопка как с движением Болотникова, так и с антифеодальными выступлениями 1604—1605 годов. Восстание Хлопка охватывало большую территорию, в состав которой входил район и к югу от Москвы, где впоследствии находились основные опорные пункты движения Болотникова. По сведениям местных историков-краеведов, отряды Хлопка двинулись на Москву из Комарицкой волости [66], а С. М. Соловьев считал, что восстание

---

[58] По свидетельству И. Массы, дороговизна хлеба продолжалась почти до 1605 года («Восстание И. Болотникова», стр. 56).

[59] В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны..., стр. 137.

[60] Там же, стр. 132—133, 137; см. также Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 90—91.

[61] В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны..., стр. 136.

[62] См. там же, стр. 129—130.

[63] Там же, стр. 130—132.

[64] Об этом свидетельствует письмо С. С. Лурье, поступившее в редакцию журнала в связи со статьей В. И. Корецкого.

[65] С. С. Лурье. К вопросу о восстании Хлопка. «История СССР», 1958, № 4, стр. 131—132; «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 207.

[66] Г. М. Пясецкий. Исторические очерки г. Севска и его уезда. «Сборник Орловского церковного историко-археологического общества». Т. II. Орел. 1906, стр. 23;

1603 г. началось именно на Северской Украйне[67]. К сожалению, ни один из этих историков не дает ссылок на источники, и поэтому достоверность приведенного выше факта трудно проверить. Однако некоторые сведения о крестьянских волнениях в этом районе в 1603 г. все же есть[68]. Кроме того, В. И. Корецкий не ставит под сомнение участие крестьян в движении Хлопка, тогда как И. И. Смирнов считает его выступлением холопов[69]. Подавление восстания 1603 г. привело лишь к известному спаду крестьянского движения в центре страны, но отнюдь не устранило причин, вызвавших крестьянскую войну. Остатки отрядов Хлопка ушли в южные районы государства, где осенью 1604 г. поднялась новая волна крестьянской войны.

Таким образом, восстание Хлопка, как и восстание Болотникова, было порождено одинаковыми причинами, связано единством движущих сил, территории и конечных целей, поставленных повстанцами. Все эти обстоятельства позволяют рассматривать антифеодальное движение 1603 г. как начальный момент крестьянской войны.

В статье А. А. Зимина был поставлен вопрос об антифеодальном характере выступлений социальных низов в 1604—1605 гг. как составной части первого этапа крестьянской войны. Однако при обосновании своей точки зрения автор уделил больше внимания не фактам выступлений крестьян, холопов, посадских людей и казаков в 1604—1605 гг., а законодательству Лжедмитрия I о крестьянах и холопах[70]. Это обстоятельство, а также некоторые нечеткие формулировки привели к тому, что между А. А. Зиминым и И. И. Смирновым развернулась полемика о сущности законодательства первого самозванца. И. И. Смирнов практически свел аргументацию своего оппонента относительно событий 1604—1605 гг. к ссылкам на приговоры о кабальных холопах и крестьянах 1606 года[71]. Но это не совсем верно, ибо А. А. Зимин указал на ряд антифеодальных выступлений 1604—1605 годов[72]. Основное отличие позиций И. И. Смирнова и А. А. Зимина в толковании ими приговоров 1606 г. состоит в следующем: А. А. Зимин видит в указанных актах показатель того, что правительство Лжедмитрия I было вынуждено считаться с ростом антифеодальной борьбы[73], в то время как И. И. Смирнов защищает свою старую точку зрения, изложенную им еще в 1938 году[74].

Правильная и всесторонняя интерпретация законодательства Лжедмитрия I о кабальных холопах и крестьянах имеет, конечно, большое значение. Но все же не она должна служить основным критерием для той или иной оценки движения социальных низов 1604—1605 годов. В. Н. Бернадский справедливо заметил, что нельзя подменять вопрос о характере народных выступлений этого периода вопросом о природе законодательства Лжедмитрия I[75]. И. И. Смирнов в отличие от А. А. Зимина трактует приговоры 1606 г., совершенно отвлекаясь от таких фактов, как восстания крестьян Комарицкой и Околенской волостей осенью 1604 г., выступления «черных людей» под Кромами в мае 1605 г. и Московское восстание 1 июня 1605 года.

Д. О. Святский. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел. 1908, стр. 37.

[67] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Книга IV (тома 7—8). М. 1960, стр. 401.

[68] В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны..., стр. 125.

[69] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 116—117. В своей монографии И. И. Смирнов, отмечая, что скудость источников не дает возможности выяснить, в какой мере восстание Хлопка затронуло крестьян, все же допускал, что среди восставших были и крестьяне (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 79 (примечание)). А. И. Копанев и А. Г. Маньков считают восстание 1603 г. выступлением холопов и крестьян («Восстание И. Болотникова», стр. 339).

[70] А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 99—100.

[71] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 117, 120.

[72] А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 99.

[73] Там же.

[74] См. И. И. Смирнов. К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета № 19, 1938.

[75] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 206.

Между тем в своей монографии о восстании Болотникова он оценивал их как антифеодальные[76]. В событиях 1604—1605 гг. И. И. Смирнов отвел крестьянам и холопам лишь роль силы, поддерживавшей ставленника польских феодалов Лжедмитрия I в его борьбе с Борисом Годуновым. Таким образом, оказалась затушеванной коренная разница между интересами и истинными целями народных масс и политических авантюристов, использующих выступления масс.

Следует отметить, что и понятия «движение» или «поход» Лжедмитрия, употребляемые И. И. Смирновым в отношении 1604—1605 гг., не отражают всей сложности происходивших в то время событий. Применение указанных терминов привело к тому, что в ходе дискуссии спорящие стороны говорили часто совершенно о разных вещах. Если А. А. Зимин и историки, разделяющие его точку зрения[77], имели в виду в первую очередь народное движение 1604—1605 гг., то И. И. Смирнов и те, кто согласен с ним, рассматривали главным образом действия самого самозванца, использовавшего это движение. Так или иначе в первом случае широким народным массам отводилась активная роль в происходящих событиях, во втором — они рассматривались как объект действий поддерживаемых из-за границы политических авантюристов. Этот, второй подход к оценке выступлений крестьян, холопов, посадских людей и казаков в 1604—1605 гг. нельзя признать правильным. К тому же без учета указанных антифеодальных по своей классовой сущности выступлений нельзя понять, почему и в период восстания Болотникова крестьянское движение продолжалось под лозунгом «за царя Дмитрия». Полемика между А. А. Зиминым и И. И. Смирновым по поводу оценки приговоров 1606 г. о крестьянах и холопах показывает необходимость дальнейшего изучения положения, сложившегося в стране в 1604—1605 гг., а в связи с этим и законодательства первого самозванца. Вопрос этот не является праздным, ибо он непосредственно связан с вопросом о распространении в среде социальных низов деревни и города лозунга «хорошего» царя, имевшего антифеодальное содержание.

С точкой зрения И. И. Смирнова относительно событий 1604—1605 гг. солидаризировались В. В. Мавродин и М. П. Вяткин[78]. А. Л. Шапиро отметил, что в отряды самозванца входили прежде всего крестьяне и холопы, что борьба их за свое освобождение не прекратилась в 1604—1605 гг. и что ее использовал в своих интересах Лжедмитрий I[79]. Таким образом, А. Л. Шапиро попытался занять несколько иную позицию по вопросу о крестьянском движении 1604—1605 годов. Однако определяющим признаком событий 1604—1605 гг. он считает все же не борьбу крестьян и холопов со своими поработителями, а интервенционистские устремления польских феодалов[80]. Сходное с А. Л. Шапиро мнение высказал И. С. Шепелев. Он считает, что после поражения Хлопка наступил новый этап движения, когда повстанцы не сумели уже направить свои силы против царя вследствие того, что началась иностранная интервенция[81].

В связи с оценкой событий 1604—1605 гг. только как реакционного и антинародного по своим целям движения, в корне отличного от народных антифеодальных восстаний, встает вопрос: не преувеличивается ли в данном случае роль польских феодалов в успехе авантюры первого самозванца? Известно, что положение в самой Речи Посполитой было в то время весьма напряженным. Король Сигизмунд III вступил в острый конфликт с шляхтой, вылившийся затем в рокош Зебжидовского (1606—1607 гг.)[82]. Польский король рассматривал поход на Русь и подчинение ее как средство усиления своей личной власти. Однако часть шляхты выступила против этих планов короля начать открытую интервенцию в пределы Русского государства. Поэтому силы, собранные Лжедмитрием I к моменту, когда он перешел тогдашнюю

[76] И. И Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 85—86, 98, 115, 119—121.

[77] Ср. Р. В. Овчинников. Указ. соч., стр. 83; И. М. Скляр. Указ. соч., стр. 100—101.

[78] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 205.

[79] Там же.

[80] Там же.

[81] Там же, стр. 207.

[82] «Historia Polski». T. II, cz. 2. Warszawa. 1957, str. 515—516. Следует отметить наличие в польской историографии большого числа работ по вопросам, имеющим прямое отношение к событиям, происходившим в начале XVII в. в России.

русско-польскую границу, были все же настолько незначительны[83], что он не мог рассчитывать на успех. Зимой 1604/1605 г. многие из поляков покинули самозванца, и в составе его войск остался лишь небольшой отряд польских наемников[84]. Никаких сведений о том, что к самозванцу прибывали позднее новые польские отряды, в источниках нет. И только развернувшаяся на юге страны крестьянская война помешала воеводам Бориса Годунова разгромить организованную польскими магнатами авантюру в самом ее начале. Картину антифеодального по своей сущности движения социальных низов деревни и города в 1604—1605 гг. рисует в своей статье И. М. Скляр. Он отмечает совпадение первоначальных очагов, социального состава участников этого движения и восстания Болотникова и указывает, что самозванец сумел воспользоваться для осуществления своих замыслов подъемом народного движения[85]. «Лишь всеобщее восстание на юге превратило Лжедмитрия в значительную силу»,— пишет И. М. Скляр[86].

Таким образом, нет веских оснований для того, чтобы рассматривать выступления народных масс, происходившие в 1604—1605 гг., только под углом зрения действий Лжедмитрия I и видеть в событиях этих лет лишь особую форму интервенции польских феодалов, ничего общего не имевшую с крестьянской войной, как это делает И. И. Смирнов[87]. Следует признать правильным высказывание В. Н. Бернадского о том, что движение 1605 г. сходно с восстанием Болотникова: здесь те же районы и те же люди, хотя и не нашедшие еще своего руководителя, который смог бы сплотить их для борьбы с крепостническим государством[88].

К сложным явлениям 1604—1605 гг. следует подходить диалектически, ибо в них переплетаются две глубоко противоречивые струи: с одной стороны, антифеодальное по своей сущности восстание крестьян, посадского и мелкого служилого люда, а с другой — авантюра Лжедмитрия I, являвшегося ставленником польских феодалов. В первом случае историк имеет дело с борьбой эксплуатируемых против своих угнетателей, в то время как во втором речь идет о борьбе внутри класса феодалов, разгоревшейся в связи с появлением на политической сцене самозванца. Мощная волна крестьянской войны была временно использована самозванцем и частью господствующего класса, перешедшего на его сторону, в политических целях, чуждых народу[89]. «Царистские иллюзии крестьянства и социальная демагогия самозванца,— справедливо замечает И. М. Скляр,—...привели к тому, что восставшие народные массы, выдвинув антифеодальные лозунги и действуя в соответствии с ними, вместе с тем возлагали надежды на то, что Лжедмитрий улучшит их положение»[90].

Антифеодальное движение 1604—1605 гг. носило широкий размах и было сходно по своим движущим силам, району действий и основному лозунгу повстанцев с восстанием Болотникова. Это служит веским основанием для признания выступлений крестьян, холопов, казаков и посадских людей, происходивших в 1604—1605 гг., одним из звеньев крестьянской войны начала XVII века. Следует отметить, что И. И. Смирнов, отвергавший в ходе дискуссии эту точку зрения, в одной из своих довоенных работ не отрицал того, что до 1606 г. в России имела место крестьянская война. Оценивая в 1938 г. приговоры 1606 г. о крестьянах и холопах, он писал, что законодательство Лжедмитрия I было «проникнуто тенденцией усилить крепостнический гнет и имело целью восстановить крепостнический «порядок», нарушенный крестьянской войной»[91].

Период 1604—1605 гг. характерен тем, что именно в это время впервые был сформулирован лозунг «за царя Дмитрия», под которым проходило затем и восстание Болотникова. А. А. Зимин неправ, когда фактически связывает иллюзии части

---

[83] Отряд Лжедмитрия I в октябре 1604 г. состоял преимущественно из казаков, поляков в нем было около 2 тысяч («Очерки истории СССР», стр. 493—494).

[84] Там же, стр. 495.

[85] И. М. Скляр. Указ. соч., стр. 94, 96, 97.

[86] Там же, стр. 97.

[87] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 117.

[88] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 206.

[89] См. И. М. Скляр. Указ. соч., стр. 98, 99, 101.

[90] Там же, стр. 99.

[91] И. И. Смирнов. К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I, стр. 200.

крестьян и холопов о «хорошем» царе только с законодательством первого самозванца[92]. Уже в период движения Хлопка возникла, по-видимому, идея похода восставших на Москву, взятия ее и установления в стране новой власти. В 1604—1605 гг. эта идея получила дальнейшее развитие. Неясные представления повстанцев о будущем политическом устройстве общества воплотились в это время в лозунге «хорошего» царя, чему способствовали «подметные письма» Лжедмитрия I, в которых содержались туманные обещания «свободы» и «благоденственного жития»[93]. Известную роль в распространении царистских иллюзий сыграли, очевидно, и приговоры 1606 г. о крестьянах и холопах. И. И. Смирнов отрицает такую возможность, ссылаясь на крепостническое содержание этих приговоров[94]. Однако во время дискуссии он, к сожалению, не высказал свою точку зрения по вопросу о причинах и времени появления лозунга «за царя Дмитрия», под которым проходило восстание Болотникова. Выступая по докладу И. И. Смирнова, В. Н. Бернадский говорил: чтобы доказать, что массовое движение крестьян под лозунгом «хорошего» царя началось не в 1605 г., необходимо привлечь более обстоятельную аргументацию, чем это сделал И. И. Смирнов[95].

Такую аргументацию приводит в своей статье И. М. Скляр, ссылаясь на источники. Летом 1604 г. в южных районах страны появились «подметные письма» самозванца, и «тогда великую любовь к царевичу народ возымел»[96]. Лозунгом вспыхнувшего осенью 1604 г. восстания стала борьба «за истинного царя Дмитрия». И. М. Скляр показывает, что восставшие, как и в период движения Болотникова, вкладывали в этот лозунг антифеодальное содержание[97]. Конечно, сам Лжедмитрий I вовсе не намеревался «бояр и дворян и приказных людей и гостей и всяких лучших людей побити»[98]. Слух о таком желании самозванца мог возникнуть только в среде восставших народных масс, а демагогические заявления Лжедмитрия I способствовали распространению этого слуха. Конечно, самозванец ни в коей мере не мог быть и не являлся вождем восставших крестьян. Напротив, он всячески стремился привлечь на свою сторону дворян и бояр. По мере укрепления своего положения он давал народу все более туманные обещания, о чем ярко свидетельствует сравнение его ранних прокламаций с его грамотой, привезенной 1 июня 1605 г. в Москву[99]. Двойная игра, которую вел самозванец, пытаясь заручиться для достижения своих целей поддержкой восставших низов деревни и города, нашла, по-видимому, какое-то отражение и в его законодательстве. Это поддерживало у некоторой части крестьян и холопов веру в «хорошего царя Дмитрия». Следует особо подчеркнуть, что признание указанных выше фактов рядом советских историков не дает никаких оснований для того, чтобы обвинять их в возрождении глубоко ошибочных взглядов Н. М. Покровского, считавшего самозванца «крестьянским царем»[100].

Демагогическая политика самозванца, по словам И. С. Шепелева, в известной мере ослабила остроту классовой борьбы в стране[101]. И действительно, после водворения Лжедмитрия I на царском престоле наблюдался, видимо, спад крестьянской войны, поскольку восставшие против своих классовых врагов крестьяне, холопы, посадские люди и казаки вправе были ожидать, что поддержанный ими самозванец выполнит свои обещания. Однако Лжедмитрий I и не собирался этого делать, его истинные цели были глубоко враждебны интересам народных масс. Восставшие не успели еще как следует убедиться в том, что они были обмануты в своих ожиданиях, как самозванец был свергнут в результате боярского заговора и восстания городского населения Москвы против польских шляхтичей, наводнивших столицу при Лже-

---

[92] А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 100.

[93] «Русская историческая библиотека» (РИБ). Т. XIII, стб. 723—724, 802; «Акты, собранные и изданные Археографической экспедицией» (ААЭ). Т. II, № 26.

[94] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 118.

[95] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 206.

[96] «Собрание государственных грамот и договоров» (СГГД). Ч. II, № 81.

[97] И. М. Скляр. Указ. соч., стр. 96.

[98] СГГД. Ч. II, № 140; РИБ. Т. XIII, стб. 77.

[99] См. ААЭ. Ч. II, № 26 и № 34; РИБ. Т. XIII, стб. 802.

[100] Н. М. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М. 1932, стр. 64—66.

[101] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 207.

Дмитрии I и презрительно относившихся ко всему русскому. Воцарение же в мае 1606 г. боярского царя Василия Шуйского означало крах всяких иллюзорных надежд на изменение положения трудящихся и, несомненно, послужило сильнейшим толчком к новому подъему антифеодального движения в тех же районах и под тем же лозунгом «за царя Дмитрия», имевшим антифеодальное содержание[102]. Болотников, как известно, двинулся со своими отрядами на Москву как «воевода царя Дмитрия». В только что закончившейся авантюре Лжедмитрия I восставшие видели в первую очередь указание на возможность снова свергнуть ненавистного боярского царя и посадить на престол своего, «хорошего», ассоциировавшегося в их представлениях с именем «истинного царя Дмитрия».

Идея «хорошего» царя, возникшая в ходе крестьянской войны, была связана с тем, что в этот период социальные низы русского общества впервые открыто противопоставили себя централизованному феодальному государству в целом. На место дворянско-боярского царя они хотели посадить своего, мужицкого. Восставшие крестьяне не могли себе представить тогда, каким будет политический строй общества после их победы, они мыслили его традиционно в виде монархии. В этих представлениях сказалось, в частности, влияние патриархальности русской деревни, а также господствовавшей в стране в то время монархической идеологии. Крестьянская война сделала идею «хорошего» царя очень популярной. Представление о том, что такие цари могут быть, глубоко проникло в широкие массы народа. О живучести этой идеи после крестьянской войны (вплоть до 1624 г.) приводит сведения И. И. Смирнов в своей монографии о восстании Болотникова[103]. Лозунг «хорошего» царя был, конечно, неосуществим, как всякая социальная утопия, не опиравшаяся на учет имеющегося уровня развития общества Восстания крестьян, писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— это «возмущение, которое не основывается ни на какой новой революционной производительной силе и которое направлено против господствующих отношений, основанных на существующих производительных силах, и против способа удовлетворения потребностей, соответствующего этим отношениям»[104].

Имеющиеся факты о массовых антифеодальных выступлениях крестьян, холопов, посадских людей и казаков в 1604—1605 гг. позволяют говорить о дальнейшем нарастании в стране начавшейся в 1603 г. крестьянской войны. Этот период в ее развитии характерен, во-первых, перемещением основных баз ее из центральных районов страны в южные; во-вторых, появлением антифеодального по своему содержанию лозунга «хорошего царя Дмитрия»; в-третьих, тем, что гражданская война была осложнена политической авантюрой Лжедмитрия I, подготовленной и поддержанной польскими феодалами.

Участники дискуссии уделили в своих выступлениях много места неясным или спорным моментам восстания Болотникова. Сюда относятся вопросы о роли холопов в этом движении и о дворянских «попутчиках», а также трактовка некоторых событий периода восстания 1606—1607 годов[105]. Обсуждение этих сюжетов показало, в частности, необходимость пересмотра и сопоставления уже известных, а также разыскания и введения в научный оборот новых источников как о самом восстании Болотникова, так и о событиях начала XVII в. вообще.

Оценка событий антифеодальной борьбы 1606—1607 гг. как крестьянской войны в настоящее время не вызывает разногласий. Однако если И. И. Смирнов и разделяющие его точку зрения историки ограничивают крестьянскую войну начала XVII в. одним только восстанием Болотникова, то А. А. Зимин и его сторонники рассматривают это восстание лишь как высший этап этой крестьянской войны.

Антифеодальное движение, связанное с именем Болотникова, носило массовый

---

[102] Там же; И. М. Скляр. Указ. соч., стр. 101. Ср. также И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 135.

[103] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 504.

[104] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 433.

[105] А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 108—113; И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 120—131; Р. В. Овчинников. Указ. соч., стр. 69—81.

характер, захватило громадную территорию. Борьба шла за уничтожение феодалов и феодальной собственности на землю и ликвидацию крепостнического государства. Активное участие в ней принимали крестьяне, холопы, посадские люди, казаки, а также народы Поволжья. Крестьянская война достигла в этот период своего апогея: повстанцы осенью 1606 г. в течение нескольких недель осаждали Москву. В уездах, охваченных восстанием, органы воеводского управления были уничтожены и власть осуществлялась от имени «царя Дмитрия». Таким образом, лозунг «хорошего» царя был идеологическим прикрытием борьбы против крепостнических порядков. Недаром правительство Василия Шуйского для того, чтобы дискредитировать самую идею «царя Дмитрия», прибегло летом 1606 г. к такой мере, как объявление «святым» убитого в 1591 г. в Угличе сына Ивана Грозного [106].

Характерной чертой восстания 1606—1607 гг. был сложный социальный состав повстанческого лагеря, значительная роль в котором принадлежала служилым людям. Участие южного и поволжского дворянства в движении объяснялось тем, что оно было недовольно политикой центрального правительства. Эта часть дворян выступала, в частности, за более краткие сроки сыска беглых, поскольку данный вопрос имел прямое отношение к развитию помещичьего хозяйства в южных районах страны и в Поволжье. Особенность движения 1606—1607 гг. в Поволжье состояла, например, в том, что местное дворянство оказалось здесь в этот период даже в роли руководителя восставших [107]. Несмотря на это, дворяне никогда не были настоящими союзниками народных масс [108], боровшихся за полную ликвидацию крепостнического строя в стране. В этих условиях дворяне оставались лишь временными попутчиками антифеодального по своему характеру движения, пытавшимися использовать его для достижения своих узкоклассовых целей.

В ходе дискуссии обсуждался также вопрос о характере классовой борьбы в первые годы после поражения восстания Болотникова.

По мнению А. А. Зимина, крестьянская война не завершилась с падением Тулы осенью 1607 г. и продолжалась вплоть до ликвидации в Астрахани отрядов Заруцкого в 1614 году [109]. Свое согласие с этой точкой зрения высказал Р. В. Овчинников [110]. Однако он не привел (за единственным исключением) новых фактов, подтверждающих ее. И. И. Смирнов, считая, что события, связанные с именем Лжедмитрия II, тождественны по своему характеру событиям 1604—1605 гг., отрицает наличие в них элементов антифеодальной борьбы. Определяя «движение Лжедмитрия II» как «своеобразную форму интервенции польских феодалов» [111], И. И. Смирнов оставляет без внимания многочисленные факты классовой борьбы, о которых писал А. А. Зимин, а еще раньше И. С. Шепелев в своей монографии [112]. Что касается походов И. Заруцкого, то И. И. Смирнов, также не приводя никаких аргументов, видит в них «яркий пример перерождения борьбы определенной части казачества в разбойные действия, направленные против народных масс» [113]. Тем самым он умалчивает об участии низов посада, казаков, холопов и крестьян в походах отрядов И. Заруцкого. «Разбойные действия», свойственные этому движению, как и многим другим крестьянским выступлениям средневековья, не должны, однако, заслонять от нас их классовую сущность. Характер разбойных казачьих походов был присущ, в частности, начальному этапу движения «царевича Петра», которое стало составной частью восстания Болотникова.

---

[106] «Восстание И. Болотникова», стр. 83—84.

[107] Об этом свидетельствуют документы, найденные В. И Корецким. (См. «Восстание И. Болотникова», стр. 207—210, а также стр. 394—398.)

[108] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 113—114.

[109] А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 98, 100—105, 113.

[110] Р. В. Овчинников. Указ. соч., стр. 83.

[111] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 120.

[112] И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск. 1957.

[113] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 120.

В. В. Мавродин, А. Л. Шапиро, М. П. Вяткин согласились с мнением И. И. Смирнова относительно событий, последовавших за восстанием Болотникова. Однако А. Л. Шапиро все же признал, что и в 1608 и в последующие годы имела место борьба крестьян за свое социальное освобождение, которую использовали в своих интересах Лжедмитрий II и И. Заруцкий[114]. М. П. Вяткин также указал на необходимость считаться с тем, что Лжедмитрий II пытался использовать движение народных масс в своих целях[115] В. Н. Бернадский склонен был включить в хронологические рамки крестьянской войны события 1608 года. С 1609—1610 гг., по его словам, положение меняется, так как народного движения, носившего антифеодальный характер и проходившего под лозунгом «хорошего» царя, в эти годы уже не было. Он выступил также против рассмотрения действий И. Заруцкого в Астрахани как одного из явлений последнего этапа крестьянской войны[116].

Следовательно, некоторые историки, поддержавшие мнение И. И. Смирнова относительно хронологических рамок крестьянской войны начала XVII в., не отрицали, что после поражения восстания Болотникова открытое антифеодальное движение продолжалось еще довольно длительное время. Однако они оценивали эти выступления только под тем углом зрения, кто их использовал, что нельзя признать правомерным.

И. С. Шепелев считает классовую борьбу 1608—1614 гг. лишь отголоском, а не продолжением крестьянской войны. По его мнению, в это время выступления крестьян по силе и по форме резко отличались от восстания 1606—1607 гг., они были разрозненными, неорганизованными, не имели единого руководящего центра[117]. Можно ли считать указанный аргумент решающим? Ведь и восстание Болотникова, несмотря на то, что именно в ходе его начало складываться (но так и не сложилось!) в известной мере единое руководство, продолжало оставаться в целом раздробленным. Между отдельными его очагами достаточной связи не было. Движение в Нижегородском крае с участием народов Поволжья, борьба между «меньшими» и «большими» людьми в Пскове, появление самозванных крестьянских «царевичей» (Ивана-Августа и др.) в Астрахани, поход «царевича Петра» к Путивлю — все эти локальные выступления, отличавшиеся своей неорганизованностью, имели место именно в 1606—1607 годах. Однако это отнюдь не мешает советским историкам рассматривать восстание Болотникова как крестьянскую войну(И. И. Смирнов) или как определенный ее этап (А. А. Зимин).

Коснувшись вопроса о походах И. Заруцкого, И. С. Шепелев призвал изучить вопрос о составе его отрядов, ибо в Астрахань ушли многие крестьяне из первого земского ополчения[118]. Необходимость дальнейшего тщательного исследования не только этого вопроса, но и всего круга проблем, связанных с событиями, происходившими после восстания Болотникова, очевидна, поскольку истолкование их вызывает споры между советскими историками. Так, Н. Е. Носов считает, что нельзя изображать рязанское и южное дворянство только как «попутчиков» восставших крестьян[119]. Социальное происхождение и положение помещиков южных окраин страны нуждается, следовательно, в дальнейшем изучении. Слабо изучена также и социальная сторона многочисленных народных выступлений в первые годы после восстания Болотникова. Гражданская война в стране в это время продолжалась, но с 1609—1610 гг. она была осложнена открытым вмешательством извне, польско-шведской интервенцией, использованием внутренней борьбы в антинациональных целях.

Анализ источников и имеющейся литературы о событиях, происходивших в России непосредственно после восстания 1606—1607 гг., позволяет сделать некоторые наблюдения относительно размаха и характера народного движения, имевшего место в период, когда действовал Лжедмитрий II, выдвинутый на политическую арену польскими феодалами. Новый самозванец появился, как известно, в то время, когда еще не закончилось восстание Болотникова. Имя «царя Дмитрия» привлекло к нему народные массы, обманутые его социальной демагогией. Он обещал «всем крестьянам

---

[114] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 205.
[115] Там же, стр. 206.
[116] Там же, стр. 207.
[117] Там же, стр. 207.
[118] Там же, стр. 207.
[119] Там же, стр. 208.

и холопам прежнюю вольность»[120]. Хотя вплоть до осени 1609 г. правительство Речи Посполитой не начинало открытой интервенции против Русского государства, роль польских феодалов в событиях, связанных с именем Лжедмитрия II, резко увеличилась в сравнении с событиями 1604—1605 годов. В этих условиях поддержка самозванца крестьянами, холопами, казаками и низами посада объяснялась царистскими иллюзиями, в которые вкладывалось антифеодальное содержание. Весьма любопытен в этом отношении рассказ такого свидетеля событий, как Авраамий Палицын. «Вси воры к нему собрашяся»[121],— писал он, имея в виду Лжедмитрия II. В данном случае речь идет о тех же социальных слоях, которые участвовали в восстании Болотникова. Цели этих людей А. Палицын раскрывает совершенно ясно: «раби убо господие хотяще быти, и неволнии к свободе прескачюще»[122].

Современники не отделяли восстания Болотникова от последовавших за ним новых выступлений крестьян и холопов. В «Ином сказании» говорится, что после падения Тулы восставшие «паки составиша рать, и паки воздвигоша рать болши первыя, и вместо тишины дохнуша бурю»[123]. Иными словами, не успел Шуйский вернуться в Москву, как возникла новая повстанческая армия. Необходимо отметить, что в 1608-м и последующие годы выступления крестьян и посада охватывали те же районы, что и на предыдущем этапе крестьянской войны. Найденное акад. М. Н. Тихомировым «Казанское сказание» содержит сведения о том, как брянские мужики («рабы»), поддержавшие ставленника польских феодалов Лжедмитрия II, расправились со своими господами, о бегстве тысячи местных помещиков из района восстания в Москву[124]. Калуга и северские города продолжали сопротивляться правительству В. Шуйского. В Пскове, Астрахани и рязанских городах восстания продолжались до 1612—1614 годов. Движение перекинулось в новые районы (Переяславль, Ярославль и др.).

О многочисленных проявлениях классовой борьбы в 1608—1610 гг. писал в 1957 г. И. С. Шепелев[125]. «Одной из форм, в которую выливалось возмущение народных масс феодальным строем в 1608—1610 гг.,— отмечал он в своей монографии,— является переход на сторону Лжедмитрия II... В 1608—1610 гг., как и в годы восстания Болотникова, угнетенные массы стремились сбросить с себя феодально-крепостнический гнет»[126]. Таким образом, было бы неправильно усматривать в событиях 1608—1610 гг. только своеобразную форму интервенции польско-литовских феодалов. В действительности дело обстояло гораздо сложнее. Известно, например, что бояре предпочли в августе 1610 г. «тушинскому вору», снова подошедшему к Москве и через своих агентов возбуждавшему городские низы столицы, переговоры с польским гетманом С. Жолкевским, решив признать царем Владислава, «нежели от холопей своих побитым быти»[127]. Автор воспоминаний-записок, относящихся к 1612 — началу 1613 г., говоря о восстании Болотникова, делает следующее характерное замечание: «А кровь льетца и до нынешнего дни 121-го, а вперед бог весть». Позже вместо этой фразы появилась несколько иная: «А кровь лилася после того до сто двадцать первого году»[128].

Заслуживает внимания характеристика крестьянского движения в Среднем Поволжье, данная В. А. Нестеровым, который установил три этапа этого движения. Первый приходится на 1606—1607 гг. и является непосредственным откликом на восстание Болотникова; второй охватывает осень 1608 и зиму 1608/1609 г., когда дворяне отходят от движения, а «крестьянство включилось наиболее активно». На третьем этапе (осень 1609 — октябрь 1610 г.) происходило «дальнейшее усиление антифеодального характера борьбы, полный отход от движения представителей дворянства и местной служилой верхушки. В то же время отмечается больше единства в восстании и повышение активности трудящихся русского происхождения — волжских казаков и стрельцов, которые впервые с начала движения в Среднем Поволжье сами возгла-

---

[120] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 458.
[121] «Сказание Авраамия Палицына». М.-Л. 1955, стр. 128.
[122] Там же, стр. 119.
[123] «Восстание И. Болотникова», стр. 103.
[124] Там же, стр. 106—107.
[125] И. С. Шепелев. Указ. соч., глава вторая.
[126] Там же, стр. 180—181; см. также стр. 521.
[127] РИБ. Т. XIII, стб. 1187.
[128] «Восстание И. Болотникова», стр. 367.

или борьбу»[129]. Эти факты свидетельствуют о том, что в ряде районов страны в 608—1610 гг. происходило усиление антифеодального движения.

В 1609—1610 гг., с началом открытой польско-шведской интервенции в Русском осударстве, классовая борьба не была просто отодвинута народно-освободительным вижением, а сначала сочеталась с ним. Только с осени 1610 г., по-видимому, происходил постепенный спад крестьянского движения в обстановке усиливавшейся борьбы а освобождение страны от иноземных захватчиков. События, связанные с действиями казацких таборов», находившихся под Москвой (1611—1612 гг.)[130], и крестьянско-азацкими выступлениями в Поволжье в 1612—1614 гг., конечно, не могут быть исключены из общей цепи антифеодальных движений начала XVII века.

Как уже отмечалось выше, вопрос о последнем этапе крестьянской войны нала XVII в., о ее завершающей грани нуждается еще в дальнейшем исследовании. По-видимому, вплоть до осени 1609 г. антифеодальное движение трудящихся масс играо определяющую роль в происходивших в стране событиях. После того как в сентябре 609 г. польский король Сигизмунд III начал войну против Русского государства, борьба захватчиками стала приобретать все большее значение, а с осени 1610 г. она играла же ведущую роль в событиях, происходивших в стране. Таким образом, период с сенября 1609 г. вплоть до сдачи боярами Москвы польским феодалам в сентябре 1610 г. ожно рассматривать как время, когда соотношение между крестьянской войной и орьбой с иностранным вмешательством в дела Русского государства изменилось в ользу последней. Однако это вовсе не означало, что антифеодальное движение с осени 610 г. полностью прекратилось, так как открытые выступления социальных низов родолжались.

В ходе дискуссии была поставлена задача выявить историческое значение рестьянской войны начала XVII века. А. А. Зимин высказал мысль о том, что крестьянкая война начала XVII в. затормозила примерно на половину столетия процесс оконательного закрепощения крестьян и холопов, что содействовало ликвидации последтвий интервенции и экономическому подъему страны в XVII веке. В этом, по его мнеию, прежде всего и состояло прогрессивное значение крестьянской войны. К числу оследствий ее, во многом способствовавших восстановлению и подъему экономики России, А. А. Зимин относит освоение беглыми южных окраин, начало крестьянской олонизации Сибири и рост казачества[131]. В присланной в редакцию статье А. Х. Горункеля на материалах Кирилло-Белозерского монастыря была показана временная табилизация феодальной ренты как одно из последствий крестьянской войны начала VII века. Ранее в литературе уже высказывалось мнение о том, что в результате рестьянской войны была расшатана феодальная собственность на землю[132].

О своем несогласии с положениями, выдвинутыми А. А. Зиминым, заявил А. Л. Шаиро. Он, в частности, сказал, что дальнейшее развитие феодального землевладения значительное распространение крепостничества вширь в первой половине XVII в. редставляются ему бесспорными и что неправомерно связывать с последствиями рестьянской войны крестьянскую колонизацию Сибири и Юга[133]. Но ведь А. А. Зимин, мея в виду законодательство о крестьянах и холопах указанного периода, писал о азвитии крепостничества не вширь, а вглубь. А приостановка развития в этом наравлении действительно имела место, что было связано, несомненно, с крестьянской ойной[134]. Мысль А. А. Зимина о том, что крестьянская война содействовала освоению южных районов и Сибири, также заслуживает внимания.

---

[129] «Материалы по истории Чувашской АССР». Вып. 1. Чебоксары. 1958, тр. 143—145.

[130] Н. П. Долинин. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-свободительном движении 1611—1612 гг. Харьков. 1958.

[131] А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 107, 108, 113.

[132] «Очерки истории СССР», стр. 597.

[133] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 205.

[134] А. А. Новосельский. К вопросу о значении «урочных лет» в первой полоине XVII века. Сборник статей «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидеятилетия». М. 1952, стр. 183; ср. И. И. Смирнов. Краткий очерк истории восстания олотникова, стр. 136; В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян..., стр. 191; Очерки истории СССР», стр. 598.

И. И. Смирнов считает, что место и историческое значение крестьянской войны начала XVII в. определяются не ее непосредственными результатами, а тем, что она была первым предвестником «крестьянской революции», которая должна была в конце концов смести крепостной строй[135]. Но такая постановка вопроса не позволяет выяснить прямые и осязаемые последствия крестьянской войны, не может решить вопроса о ее прогрессивном значении. В. Н. Бернадский подчеркнул в связи с этим, что наряду с оценкой крестьянской войны в плане широкой исторической перспективы необходимо рассмотреть вопрос о непосредственном значении и ближайших результатах ее[136]. Вряд ли можно согласиться также с высказываниями А. А. Зимина и И. И. Смирнова о том, что крестьянская война начала XVII в. нанесла сильнейший удар по феодально-крепостническому строю[137]. Говоря об этом, А. Г. Маньков подчеркнул, что крепостной строй продолжал существовать в России еще два с половиной века[138].

Прогрессивное значение крестьянской войны начала XVII в. нельзя сводить только к накоплению в народе антикрепостнических тенденций, как это делает, например, А. Л. Шапиро[139]. Следует искать конкретные данные о ее воздействии на социально-экономическое и политическое развитие страны. Как правильно отметил И. И. Смирнов, крестьянская война начала XVII в. совпадает в России с началом «нового периода» в ее истории[140]. Поэтому изучение конкретно-исторических последствий такой войны для социально-экономического и политического развития страны имеет важное научное значение. Тема эта, по мнению почти всех участников дискуссии, остается до сих пор наименее разработанной из всего круга вопросов, связанных с крестьянской войной начала XVII века.

★

Крестьянская война начала XVII в. была своеобразным итогом процесса становления крепостничества и самодержавия в Русском государстве и во многом предопределяла его дальнейшее развитие. Дискуссия, конечно, не могла охватить всех сторон этого важного события и решить все спорные вопросы. Нуждается, например, в углубленном изучении вопрос об особенностях крестьянской войны начала XVII в. и, в частности, о роли и месте в ней выступлений казачества, посадских людей и особенно мелкопоместного дворянства. Казачество, как известно, формировалось в основном из беглых крестьян и холопов[141]. Однако в его среде раньше проявились тенденции социального расслоения, что приводило к постепенному слиянию казачьей верхушки с господствующим классом. Что касается дворянства, то в отличие от восстаний под руководством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева дворянские «попутчики» сыграли значительную роль в событиях начала XVII в., что правильно отметил в свое время В. И. Шунков[142]. Это обстоятельство, а также в целом слабая организующая роль городских низов в движении были связаны с особенностями социально-экономического развития России. Остается также неизученной роль, которую сыграли в движении так называемые гулящие люди, категория населения, занимавшая в русском обществе того времени место, соответствующее месту люмпен-пролетариев в Западной Европе.

Все это показывает необходимость дальнейшего изучения истории классовой борьбы в средневековой России. Редакция выражает надежду, что проведенная на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия даст толчок к новым творческим исканиям советской научной мысли. Разработка вопроса о характере классовой борьбы в России в начале XVII в. должна быть продолжена.

---

[135] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 122.

[136] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 206.

[137] А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 107; И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 122.

[138] «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы...», стр. 207.

[139] Там же, стр. 205.

[140] И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 122.

[141] На этот вопрос обратил, в частности, внимание Н. П. Долинин в статье, присланной в редакцию журнала.

[142] «Известия» АН СССР. Отделение истории и философии. Т. VI, № 4, 1949, стр. 369.

М. Г. ВАХАБОВ. *Узбекская социалистическая нация* (на узбекском языке). Госиздат Узбекской ССР. Ташкент. 1960. 536 стр. Тираж 5 000. Цена 8 руб. 65 коп.

Проблема консолидации узбекской нации о последнего времени оставалась в литературе одной из слабо разработанных. книгах и брошюрах по истории Узбекистана она затрагивалась в краткой и общей форме, в связи с освещением других вопросов.

Среди историков по данному вопросу было несколько точек зрения. Долгое время, например, имело хождение мнение, что до ктябрьской революции узбеки были народностью, а в нацию оформились только а годы Советской власти[1]. Со временем то мнение было отвергнуто и были выскаены две другие точки зрения. Сторонни и первой утверждали, что к Великой Октябрьской социалистической революции узеки подошли как оформившаяся буржуазная нация[2]. Однако большинство исследоателей склонялось к мысли, что в дооктябрьский период происходил процесс склаывания узбекской нации, который к моменту Октябрьской революции не был завершен[3]. Последовательно и обоснованно эту последнюю точку зрения отстаивает М. Г. Вахабов, ведущий в течение ряда лет исследование истории формирования узбекской нации и опубликовавший по этому вопросу несколько статей[4].

Рецензируемая монография подводит итог большой исследовательской работе автора. Руководствуясь марксистско-ленинским учением, автор исследовал и обобщил многочисленные данные, извлеченные из архивов, опубликованных источников и периодической печати. Книга содержит немало ценных выводов и обобщений по избранной проблеме.

Первая глава монографии посвящена узбекской народности и ее этническому составу (стр. 9—83). Автор обстоятельно развивает тезис о том, что узбекская нация является исторически сложившейся устойчивой общностью людей, прослеживает становление узбекской народности в XI—XII вв., расширение ее этнического состава и развитие в XII—XIX веках. Автор выдвигает положение о том, что этническим костяком узбекской народности явились тюркоязычные сарты — оседлые земледельцы, ремесленники и торговцы, жившие на современной территории Узбекистана, с которыми постепенно сближались и смешивались два других этнических пласта — полукочевые тюрки Мавераннахра и

---

[1] В. Ю. Захидов. Борьба за марксистко-ленинское освещение вопросов истории истории культуры народов Узбекистана. борник «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана». Ташкент. 1951, стр. 66; . Н. Набиев. Против пантюркизма, анируизма и панарабизма в освещении опросов истории народов Средней Азии. ам же, стр. 42; С. А. Раджабов. Национальная консолидация и развитие соетской государственности народов Средней зии. М. 1949 (докторская диссертация); . В. Мансветов. О формировании и азвитии социалистических наций в СССР. Вопросы истории», 1955, № 7.

[2] А. К. Азизян. И. В. Сталин о возикновении и развитии социалистических наий в СССР. «Вопросы истории», 1952, № 9, тр. 17—39; см. также выступления . О. Овезбердыева, А. Ф. Якунина, И. П. Эйдельмана, А. М. Гуреича и др. «Материалы научной сессии, освященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташент. 1955, стр. 182 и сл.; И. Т. Никонук. К вопросу формирования узбекской оциалистической нации. «Ученые записки» ашкентского государственного педагогического института иностранных языков. ып. 2. 1957, стр. 19—38; его же. Борьба Коммунистической партии Советского оюза за формирование узбекской социалистической нации. М. 1958. Автореферат.

[3] См. С. И. Якубовская. Образование и расцвет социалистических наций СССР. «Коммунист», 1953, № 9, стр. 29—45; см. также выступления С. Б. Баишева, Х. Г. Расулева, К. Сабирова и др. «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», стр. 193—197, 208—212 и др.

[4] М. Г. Вахабов. Некоторые вопросы истории образования узбекской социалистической нации в свете ленинско-сталинской теории о нациях. «Известия» АН УзССР. Ташкент. 1952, № 5; его же. К вопросу о формировании узбекской буржуазной нации. «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период»; его же. О формировании узбекской буржуазной нации. «Вопросы истории», 1954, № 7; его же. Формирование узбекской социалистической нации. «Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г.». Ташкент. 1958 и др.

кочевники-узбеки. Слово «сарт», пишет автор, не является названием какой-то отдельной народности или пренебрежительным обобщающим названием местного коренного населения, данным царскими колонизаторами, а существует с XI в. (стр. 30).

Во второй главе — «Переход узбеков в полосу национальной консолидации» — М. Г. Вахабов убедительно показывает, что присоединение Средней Азии к России имело прогрессивное значение для ее народов. Отныне судьбы народов Средней Азии были крепко связаны с судьбами революционных трудящихся России. В результате присоединения край был вовлечен в водоворот всероссийского капиталистического рынка. Это ускорило его социальное и экономическое развитие и привело к зарождению национальных связей. Вместе с тем автор отмечает, что царское правительство проводило колонизаторскую политику в отношении народов Средней Азии. Население здесь страдало от двойного гнета: местных эксплуататоров и царских колонизаторов. Узбекский и другие народы Средней Азии вели борьбу за свое социальное и национальное освобождение. Эта борьба все более и более стала сливаться с революционным движением народных масс России.

Автор подробно освещает, как складывалась общность экономической жизни узбекского народа в дооктябрьский период и каковы были особенности этого процесса (стр. 125—138). Общность экономической жизни, как справедливо подчеркнуто в книге, имеет определяющую роль в образовании общности языка, территории и психического склада нации (стр. 125). Рассматривая этот важнейший вопрос, автор оспаривает выводы И. Т. Никончука, А. Ф. Якунина и других исследователей, утверждавших, что образование узбекской буржуазной нации завершилось в дооктябрьский период (в доказательство этого тезиса последние ссылаются на развитость и широкий размах торговли и обмена в Узбекистане).

М. Г. Вахабов пишет, что усиление торговли и расширение экономических отношений не всегда совпадают с процессом формирования нации. Такую картину можно наблюдать нередко в колониальных и зависимых странах. То же самое происходило и в дореволюционном Узбекистане (стр. 126).

Процесс складывания общности экономической жизни нации, отмечает М. Г. Вахабов, включает ломку экономической замкнутости районов, а также установление усиление регулярных, широких, всесторонних экономических связей между ними. В дореволюционном Узбекистане, как показано в книге, наблюдалась одна из сторон процесса — ломка феодальной замкнутости районов, но слабо была выражена другая сторона — развитие экономических связей между районами. Развитие торговли и рост товарного обращения в дооктябрьский период, по мнению М. Г. Вахабова, указывали скорей на степень втягивания Узбекистана во всероссийский рынок, чем на образование внутреннего национального рынка (этот процесс шел, но он далеко не был еще завершен).

В связи с этим автор делает вывод, что до Великого Октября у узбеков не был завершен начавшийся и углублявшийся процесс складывания признаков нации: общности экономической жизни, территории, языка и психического склада.

Во второй главе автор указывает на особенность развития колониального Узбекистана как рынка сбыта и источника сырья для царской России. Хозяйственное развитие Узбекистана протекало однобоко, процесс формирования национального рынка отставал от темпов роста торговли и обмена с районами России.

В книге дан обстоятельный анализ социального строя узбекского народа в колониальный период (60-е годы XIX в.— октябрь 1917 г.). На основе анализа статистических ежегодников, данных ревизии графа К. К. Палена и других материалов М. Г. Вахабов приводит следующие уточненные данные о социальных классах и группах в дореволюционном узбекском селе: сельских пролетариев и полупролетариев было 17,2%; бедняцкого крестьянства (чайрикеров и других бедняков) — 30,7%, среднего крестьянства — 32,7%; феодальных и буржуазных элементов — 19,4%. Последние включали примерно 13% крупных землевладельцев, 3,3% сельских торговцев и чиновников, 3% сельской буржуазии (стр. 189—192).

По мнению автора, ошибаются те исследователи, которые относят к разряду капиталистических все хозяйства, нанимающие мардикеров, и делают отсюда вывод о преобладании капиталистических отношений над феодальными в дореволюционном Узбекистане (стр. 192). В книге приведены убедительные цифровые данные (стр. 19[illegible]—195), впервые вводимые в научный оборот М. Г. Вахабовым, из которых видно, что

айонах Узбекистана, непосредственно во-
ледших в состав России, преобладали фео-
альные отношения, что здесь степень раз-
ития капиталистических отношений была
аметно ниже общероссийского уровня.

Много внимания М. Г. Вахабов уделяет
азоблачению деятельности реакционной
жадидской буржуазии. Он подчеркивает,
то узбекская национальная буржуазия во
лаве со своими идеологами — реакцион-
ыми джадидами — с первых же шагов
воей политической деятельности пошла на
отрудничество с царизмом и русской импе-
иалистической буржуазией в борьбе про-
ив национально-освободительного движе-
ия (стр. 208—213, 219—221).

На основе обширного фактического мате-
иала автор делает вывод о том, что рево-
юционное движение трудящихся узбеков,
отнюдь не деятельность национальной
уржуазии, сыграло решающую роль в за-
ождении и развитии национальных связей
дореволюционном Узбекистане. Нацио-
альные связи складывались в ходе борьбы
збекских трудящихся за социальное и на-
 иональное освобождение, против царизма,
усской буржуазии и местных эксплуата-
орских классов. В этой борьбе народные
ассы сплотились экономически, политиче-
ки и духовно. «Политическим и духовным
лочением узбекских трудящихся,— делает
ывод М. Г. Вахабов,— непосредственно ру-
оводили русские революционные рабочие и
х авангард — русские коммунисты». На
том основании автор рассматривает на-
иональные связи после Октября как про-
олжение и дальнейшее развитие тех свя-
ей, которые складывались среди узбеков
о 1917 г. (стр. 232, 486, 487). Это послед-
ее нам представляется неверным, так как
менно Октябрьская революция коренным
бразом изменила исторические судьбы на-
одов бывшей царской России. В после-
ующих главах М. Г. Вахабов обстоятель-
о рассматривает процесс формирования
збекской социалистической нации. Заслу-
ой автора является то, что в отличие от
екоторых других исследователей он
етко обозначает этапы этого процесса
тр. 247—248). Первый этап — вступление
збеков на путь социалистического разви-
ия и дальнейшее расширение национель-
ых связей (от октября 1917 до 1927—
928 гг.) (главы III и IV). Второй этап —
троительство социализма в СССР и завер-
ение формирования узбекской нации
1929—1937 гг.) (глава V).

М. Г. Вахабов правильно, по нашему мне-
нию, поступает, рассматривая образование узбекской социалистической нации как длительный и постепенный процесс, который завершается с полной победой социализма в стране. Он не согласен с теми исследователями, которые связывают образование социалистических наций в СССР с какой-либо конкретной датой (например, 1917 г.— победа социалистической революции, 1922 г.— образование СССР или 1929 г.— год великого перелома и т. д.).

М. Г. Вахабов подробно рассматривает работу Советской власти в первые годы существования Советского государства (1918—1920 гг.) по поднятию политической активности трудящихся узбеков (деятельность партийных организаций, Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, местных отделов Наркомнаца, Мусбюро, союза «Кошчи» и других организаций). Повышение политической активности трудящихся Советского Востока нашло яркое выражение в бурном росте числа коммунистов местной национальности. Если до Октябрьской революции в рядах партии почти не было представителей местных национальностей, то уже осенью 1918 г., перед открытием II съезда Коммунистической партии Туркестана, в Самаркандской области, например, из 3 500 коммунистов 1 500 были представителями местных национальностей (стр. 282—283). А в 1924 г. в рядах КП Туркестана среди членов и кандидатов в члены партии представители местных национальностей составляли 62% (стр. 361).

Национально-государственное строительство в Туркестане проходило в условиях ожесточенной классовой борьбы. Эксплуататорские классы оказывали бешеное сопротивление революционным преобразованиям Советской власти. В ходе национально-государственного строительства в Туркестане КПСС пришлось вести упорную борьбу против двух уклонов — великодержавного шовинизма и местного национализма. В книге много внимания отводится разоблачению националистов, которые вредили советскому и партийному строительству в крае, прикрываясь ширмой «борьбы за интересы единой тюркской нации» и «раскрепощение всех тюрков». Автор вскрывает подрывную и антисоветскую деятельность буржуазных и националистических группировок «Шурои Исламия», «Тюркская федерация» (Турк адами марказият), «Иттихад ва тараккият», переименованной затем в «Миллий Иттихад», «Чигатай гурунги», «Изчилар тудаси» и др.

В дальнейшем партийная организация республики росла и крепла в непрерывной борьбе с националистическими и антипартийными группировками в государственном и партийном аппарате, среди отсталых элементов интеллигенции («Группа 18-ти», иногамовщина, касымовщина, группа «Красный карандаш» и т. д.) (стр. 441—445 и др.). Автор убедительно показывает, что реабилитация отдельных националистов, необоснованно репрессированных в прошлом, не дает, однако, основания для замалчивания их неправильных или враждебных действий в тот или иной период.

В книге раскрыто историческое значение изменения административных границ внутри Туркестанской автономной республики и приведения их в соответствие с этническими и экономическими условиями, осуществленные в течение 1920 года. В это время вместо неправильных и научно не обоснованных названий «мусульмане», «тюрки» вводятся в обиход национальные самоназвания «узбеки», «казахи», «таджики», «туркмены» и «киргизы». Это явилось крупным шагом в подготовке национально-государственного размежевания и было законодательно закреплено в Конституции Туркестанской автономной республики в сентябре 1920 года (стр. 332—338).

В книге рассмотрены также развитие и победа народной революции в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, в которых проживала примерно треть всех узбеков. С превращением в дальнейшем Хивинской и Бухарской народных советских республик в социалистические советские республики все узбеки вступили на путь социалистического развития.

В книге показано значение национально-государственного размежевания 1924 г. в Средней Азии, которое было огромным историческим событием в жизни народов края и сыграло неоценимую роль в ускорении складывания социалистических наций Средней Азии, в подъеме их экономики и культуры.

Автор обстоятельно проанализировал глубокие изменения, которые произошли в Узбекистане за первое десятилетие после Октябрьской революции и которые привели к коренному изменению социального облика узбеков: доля трудящихся классов и прослоек (рабочие, служащие, крестьяне, ремесленники, колхозники) поднялась почти до 96%, доля эксплуататорских классов и прослоек (капиталистические элементы, крупные землевладельцы, ростовщики, торговцы и др.) составляла немногим более 4% (стр. 429).

На втором этапе, охватывающем первую и вторую пятилетки, как показывает автор, формирование узбекской социалистической нации было полностью завершено. Превращение узбекского народа в единый социалистический коллектив произошло в результате успешной индустриализации республики, коллективизации сельского хозяйства, победы культурной революции в Узбекистане и резкого возрастания политической активности узбекского народа.

М. Г. Вахабов прослеживает процесс формирования национального рабочего класса Узбекистана — организатора и руководителя узбекской социалистической нации. Если в начале первой пятилетки в Узбекистане насчитывалось 27 тыс. промышленных рабочих, то к концу второй пятилетки их число поднялось до 209 тысяч. За две пятилетки в республике было введено в эксплуатацию 831 предприятие. Доля промышленной продукции в народном хозяйстве поднялась с 32,6% в 1913 г. до 60,1% в 1938 г. (стр. 454—459). М. Г. Вахабов подробно останавливается на громадных изменениях в сельском хозяйстве республики. В результате полной победы коллективизации в некогда отсталой окраине в 1937 г. уже работали 163 МТС с 17 454 тракторами. 8 600 колхозов объединяли 95,9% крестьянских хозяйств и 99,4% посевной площади (стр. 459—465).

В процессе социалистического строительства происходило быстрое слияние трех этнических пластов в единую узбекскую нацию. Общенациональное понятие «узбек» вытеснило все региональные самоназвания коренного населения республики («тюрки», «курама», «кипчаки» и др.).

Коренные социальные, экономические и культурные сдвиги в жизни республики отразились на социальном составе узбекского народа: не стало эксплуататорских классов. В 1939 г. среди узбеков насчитывалось 12,7% рабочих, 8,8% служащих, 75,3% колхозников и кооперированных кустарей и 3,2% единоличных крестьян и кустарей (стр. 484).

На протяжении всей книги автор убедительно, с привлечением обширного фактического материала развивает важнейшее положение о том, что формирование узбекской социалистической нации проходило под неустанным руководством Коммунистической партии. Достоинство книги М. Г. Ва-

бова в том, что в ней широко показана мощь Центрального Комитета КПСС, Со-тского правительства, русского и других родов узбекскому народу на всех эта-х строительства социализма и развития бекской социалистической нации.

Нельзя, однако, не отметить ряд недора-ток и упущений в монографии.

В книге наиболее слабой оказалась, по шему мнению, важнейшая V глава, охва-ывающая 1929—1937 годы. Она перегруже-а цифровым материалом и бедна выво-ами. В ней не раскрыта руководящая роль бекского национального рабочего класса формировании узбекской социалистиче-кой нации. Автору не удалось конкретно оказать процесс развития и усиления эко-омических связей между районами рес-ублики за годы Советской власти, что яв-лось основой формирования нации. Фор-ирование узбекской социалистической на-ии рассматривается в главе в отрыве от роцесса дальнейшего углубления разделе-ия труда и развития кооперирования ме-ду союзными социалистическими респуб-иками. В связи с этим возникает вопрос о отношении и роли внутриреспубликанских межреспубликанских экономических свя-ей в формировании общности экономиче-кой жизни социалистических наций. Поста-овка и раскрытие этого вопроса позволили ы наглядно показать коренное отличие ежду социалистическими и буржуазными ациями в складывании общности экономи-еской жизни. Всесторонняя хозяйственная заимопомощь и братское сотрудничество зляются непременным условием складыва-ия общности экономической жизни социа-истических наций, в то время как у бур-уазных наций она оформляется путем бособления национальных рынков. К со-алению, этот вопрос остался вне поля рения автора.

М. Г. Вахабов не раскрывает в главе обенности психического склада узбекской оциалистической нации. Автор вскользь го-орит о новых чертах характера узбеков, явившихся в процессе строительства со-иализма. Это объясняется, видимо, тем, о М. Г. Вахабов ставит знак равенства ежду психическим складом нации и ее ультурой, сужая тем самым понятие пси-ического склада нации. Поэтому при рас-мотрении этого важного вопроса автор раничивается приведением цифровых ма-териалов о культурной революции в Узбе-кистане.

В V главу необходимо было включить, по нашему мнению, специальный параграф, посвященный дальнейшему сближению дру-жественных наций СССР в ходе строитель-ства коммунизма и перспективам развития наций в будущем. Это повысило бы еще более научный уровень книги.

Серьезным упущением является отсут-ствие в книге критики буржуазных «теоре-тиков», пытающихся опорочить националь-ную политику Советской власти, умалить достижения советских социалистических республик, освещать нашу действитель-ность в кривом зеркале.

Вопрос о советском патриотизме и ин-тернационализме узбекского народа непра-вомерно отодвинут автором в конец книги, в то время как следовало, на наш взгляд, показывать их постепенное зарождение, укрепление и рост во всех главах, посвя-щенных советскому периоду. Автор, по существу, оставил без внимания вопрос о взаимном сотрудничестве и братской по-мощи народов Средней Азии за годы Со-ветской власти, без чего немыслимо ста-новление социалистических наций.

Представляются несколько категорич-ными суждения автора о формировании на-ционального языка (стр. 157 и др.). Как известно, сильные диалектные различия еще не говорят о неоформленности национа-льного языка (вспомним, например, ханьскую, немецкую, мордовскую, марийскую и неко-торые другие нации).

Надо сказать о невысоком уровне изда-тельско-типографской подготовки книги, в чем частично виновен, очевидно, и автор: она изобилует опечатками, пропусками букв, знаков препинания (стр. 25, 26, 37, 49, 65, 66, 70, 104, 111, 115, 117 и многие другие). Эти недостатки иногда искажают смысл (стр. 108, 362, 399 и др.). Даже упоминае-мые в книге фамилии и географические на-звания даны иногда с опечатками и иска-жениями (стр. 89, 152, 153, 154, 265, 311, 316, 40 и 62, 158 и 328, 340 и 445, 311 и 339, а также некоторые другие).

Подводя итоги, следует сказать, что М. Г. Вахабов опубликовал ценную и нуж-ную книгу, являющуюся первым значитель-ным исследованием по истории формиро-вания узбекской социалистической нации.

К. Х. Ханазаров

Е. В. ГУТНОВА. *Возникновение английского парламента.* (Из истории английского общества и государства XIII века). Издательство МГУ. М. 1960. 570 стр. Тираж 1 500. Цена 25 руб.

Монография Е. В. Гутновой является фундаментальным исследованием, посвященным политической истории Англии XIII века. Главное внимание автор уделяет анализу причин возникновения феодальной монархии с сословным представительством в виде английского парламента. Ставя общий вопрос о возникновении этой монархии как особой формы феодального государства, складывавшейся в процессе его централизации, автор самым тесным образом связывает исследуемую им проблему с изучением социально-экономического развития английского феодализма, истории народных масс и их антифеодальной борьбы, а также с вопросом о том, как политическая надстройка оказывала обратное влияние на экономический базис общества. Такое широкое освещение темы позволяет автору не только показать специфику процесса складывания новой формы феодального государства в Англии, но и поставить, исходя из конкретного материала английской истории, некоторые общие вопросы, важные для понимания подобного же процесса в других европейских странах.

Тема, избранная Е. В. Гутновой для исследования, весьма важна и заслуживает самого пристального внимания советских историков, тем более что зарубежные исследователи (как это показывают, в частности, итоги X и XI Международных конгрессов исторических наук) отводят этой теме в своих работах очень большое место. Основной заслугой автора, на наш взгляд, является то, что, исследуя историю возникновения английского парламента, Е. В. Гутнова изучает этот вопрос в связи с более общей проблемой государственной централизации, явившейся результатом глубоких сдвигов, которые произошли к середине XIII в. в социально-экономической жизни Англии. Таким образом, исходя из марксистского понимания исторического процесса, автор ставит вопрос о возникновении английского парламента совершенно по-новому и позволяет прийти к принципиально иным выводам по сравнению с выводами многочисленных буржуазных исследователей, занимавшихся данной проблемой.

Научным методом автора определяется и структура его работы. Во введении рассматривается историография вопроса, дается постановка проблемы и характеризуются источники. Первая глава («Рост государственной централизации Англии в конце XII—XIII веке») посвящена краткому рассмотрению экономических и социальных предпосылок процесса государственной централизации и характеристике этого процесса. Главы II («Политика королевской власти по отношению к крестьянству в XIII — начале XIV века»), III («Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии в XIII — начале XIV века»), IV («Политика королевской власти по отношению к классу феодалов в XIII — начале XIV века») и V («Основные этапы социальной борьбы в Англии XIII века») посвящены рассмотрению вопроса о воздействии процесса государственной централизации на положение различных классов английского общества XIII века. В этих главах Е. В. Гутнова подробно анализирует политику королевской власти по отношению к различным социальным группам населения Англии, а также рассматривает социально-политическую борьбу, которая происходила там на протяжении XIII в. и в ходе которой закладывались основы исследуемых автором политических изменений. Главы VI («Социальный состав и сословная структура английского средневекового парламента (конец XIII — начало XIV века)»), VII («Политические функции английского парламента в конце XIII — начале XIV века») VIII («Социальная направленность деятельности парламента в XIII — начале XIV века») посвящены собственно истории парламента в первый период его существования. Е. В. Гутнова исследует в этих главах организацию, социальный состав, политические функции и классовую направленность деятельности парламента в Англии. В заключение автор подводит итоги своему исследованию и делает выводы как о месте парламента в политической системе феодальной монархии с сословным представительством, так и о роли парламента в дальнейшем развитии страны.

Остановимся более подробно на отдельных разделах монографии. Во введении к книге Е. В. Гутнова дает характеристику буржуазной историографии по изучаемому вопросу и отмечает основные линии ее развития с конца XIX в. по настоящее время

черк, посвященный буржуазной историо-рафии вопроса, является, в сущности, крат-им, но весьма ценным исследованием на анную тему, еще не производившимся до их пор в нашей исторической литературе. ассматривая труды буржуазных историков, втор самым убедительным образом показы-ает, как запутана и усложнена ими проблема возникновения английского парламента и ак называемой «сословной монархии» в це-ом, ибо она теснейшим образом связана с опросом о государстве, который, по словам . И. Ленина, «затрагивает интересы гос-одствующих классов больше, чем какой-ибудь другой вопрос» [1]. В самом деле, все уржуазные историки, занимавшиеся как в рошлом, так и в настоящем историей воз-никновения английского парламента, при-ерживаются таких методологических прин-ципов, которые не позволяют им правильно одойти к изучаемой проблеме и дать ее ействительно научное решение. Все они ассматривают историю английского сред-евекового государства в XIII—XIV вв. как сторию саморазвития политических идей и нститутов, не связывая политических изме-ений, происходивших в английском обще-тве, с изменениями в его экономическом ба-исе. Все они исходят из «надклассовости» нглийской монархии XIII—XIV вв., тем амым снимая вопрос о влиянии классовой орьбы на развитие средневекового государ-тва, равно как и вопрос о влиянии социаль-ых изменений, которые происходили в это ремя в английском обществе, на развитие ех или иных политических форм. Наконец ля буржуазной историографии характерно тремление подчеркнуть преемственную вязь между феодальной монархией с со-ловным представительством и буржуаз-ой конституционной монархией более зднего времени. Последняя тенденция собенно заметна в новейшей буржуазной нглийской историографии, тщетно пытаю-ейся доказать не только исконность исто-ических традиций буржуазного парламен-аризма для самой Англии, но и превос-одство «эволюционного» пути развития нглийской истории над революционным пу-ем развития других народов. Вот почему, следуя все детали структуры и органи-ации английского парламента, его права и бязанности по отношению к королю, осо-енности английского права, налоговую си-тему, военную организацию, механизм естного управления, отношения между церковью и государством и т. д. и нередко давая обширный и интересный фактический материал (полученный из архивов) по всем этим моментам, буржуазные историки не смогли дать ответа на кардинальные вопросы, касающиеся поставленной проблемы. Все, что было связано с социально-экономическими предпосылками государственной централизации в Англии, с антифеодальной борьбой народных масс, с классовой природой данной феодальной монархии, характеризуемой сословным представительством, осталось вне поля зрения буржуазных историков.

В свете этого становится особенно ясной заслуга Е. В. Гутновой, сумевшей поставить в центре своей работы об английском парламенте не изучение истории феодальных учреждений и феодального права, на что обращается преимущественное внимание в буржуазной историографии, а вопрос о взаимодействии экономического базиса и политической надстройки в Англии в XIII — начале XIV в., равно как и вопрос о роли народных масс в процессе централизации государства и в смене его политических форм.

В связи с этим хотелось бы отметить как одну из весьма положительных сторон монографии Е. В. Гутновой то обстоятельство, что она подвергает своевременной и обоснованной критике общепринятый термин «сословная монархия». Указывая на то, что буржуазные исследователи понимали и понимают под «сословной монархией», как правило, «ограниченную монархию», в которой будто бы осуществлялась гармония интересов короля и всех сословий, то есть всего «народа», и которая стояла «вне классов» или же «над классами» феодального общества, Е. В. Гутнова замечает, что советские историки вкладывают в это понятие совершенно иное содержание, считая «сословную монархию» одной из форм феодального государства, характерной для периода развитого феодализма. Полагая, что упомянутый термин неточен, а потому и неправилен, поскольку он как бы подчеркивает всесословный характер государственной власти, не соответствующий ее действительной сущности, Е. В. Гутнова ставит вопрос о необходимости заменить неудачный термин более точным. Она считает, что правильнее говорить об английском государстве XIII—XIV вв. как о «феодальной монархии с сословным представительством». Целиком соглашаясь с этим, нужно признать, что данное определение в такой же мере должно быть отне-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 435.

сено, помимо Англии, и к другим западноевропейским государствам периода развитого феодализма, ибо оно одновременно дает представление и о классовой сущности так называемой «сословной монархии» и о специфическом своеобразии ее формы в виде сословного представительства.

Очень большой интерес представляет первая часть монографии (гл. I—V), в которой автор ярко характеризует структуру английского общества с конца XII до начала XIV в. и на огромном фактическом материале рассматривает политику королевской власти по отношению к крестьянству, к городскому сословию и к классу феодалов. Отметив общие причины, которые вызывали рост государственной централизации в Англии, и установив исторически прогрессивный характер этого процесса, Е. В. Гутнова внимательно исследует те конкретные перемены, которые происходили в феодальном государстве Англии XIII в. и свидетельствовали о постепенном созревании его новых форм (концентрация военной и судебной власти в руках государства, развитие «общего права» в стране, перестройка финансово-налоговой системы, складывание центрального аппарата управления и т. д.).

Основным достижением автора в данных главах является совершенно новая постановка вопроса о том, каким образом постепенный процесс государственной централизации Англии отражался на различных слоях английского общества. Автор впервые дает анализ политики королевской власти в XIII в. по отношению к классу крестьян, показывая, что процесс политической централизации страны осуществлялся, как правило, за счет народных масс. От нажима со стороны королевской власти в XIII в. страдали и свободные английские крестьяне и особенно вилланы, составлявшие основную массу английского крестьянства. Ухудшалось юридическое положение крестьян, подавлялись все их попытки сопротивления, создавались условия для усиления их эксплуатации, и непрерывно росла централизованная феодальная рента в виде государственных налогов. «Какую бы сторону взаимоотношений феодального государства с крестьянством мы ни брали, всюду мы видим враждебность его политики по отношению как к крепостному, так и к широким массам свободного крестьянства» (стр. 174),— делает вывод Е. В. Гутнова на основе тщательного анализа фактов, относящихся к истории английских крестьян в XIII веке. Все это создавало в их среде основания для недовольства и вызывало дальнейшее расширение и углубление классовой борьбы в стране.

Не менее интересны наблюдения автора касающиеся политики королевской власти по отношению к городам, и те выводы, которые делает Е. В. Гутнова, вскрывая классовый характер этой политики (частая поддержка королем феодалов, боровшихся с городами; утилитарный подход к пожалованию городских вольностей; стремление постоянно контролировать политическую жизнь городов и т. д.). Автор, несомненно, прав, когда утверждает, что политика королевской власти по отношению к городам носила двойственный характер. С одной стороны, между королевской властью и городами существовал политический союз, в основе которого лежали совершенно реальные причины (города были более всех заинтересованы в ликвидации феодальной раздробленности); с другой стороны, королевская власть видела в городах объект бесконечных финансовых вымогательств и всемерно стремилась пресечь их стремление к политической самостоятельности. Раскрывая неравноправный характер (в чем проявлялась феодальная сущность английского государства) «союза королевской власти с бюргерством» и подчеркивая подчиненное положение городов, которым дорого приходилось платить за участие в этом «союзе», автор дает возможность полнее выявить сущность новой формы феодальной монархии и ту подчиненную роль, которую городское сословие играло в возникшем сословном представительстве.

Чрезвычайно плодотворной является постановка Е. В. Гутновой вопроса о политике королевской власти по отношению к классу феодалов. Автор отмечает, что этот вопрос имеет две стороны: взаимоотношения королевской власти с классом феодалов в целом (то есть вопрос о классовой природе феодального государства) и взаимоотношения королевской власти с разными группами господствующего класса при развертывании в его среде внутриклассовой борьбы. Буржуазные историки, не признавая феодальной природы английской монархии XIII—XIV вв., никогда не ставили вопроса о том, как она защищала классовые интересы феодалов. Исчерпывающую картину этого дает Е. В. Гутнова в своей монографии (стр. 230—254). В то же время, говоря об интересах класса феодалов в целом, автор показывает межгрупповые столкновения, иногда очень острые, внутри самого

осподствующего класса и вскрывает причи-
ы временного объединения отдельных
рупп феодалов в борьбе за политическую
ласть, за землю и феодальную ренту, про-
ив королевской власти.

Анализ политической борьбы в Англии
III в. приводит автора к выводу, что эта
орьба происходила в основном внутри гос-
одствующего класса; в условиях резкого
силения классовых противоречий в деревне
в городе она приняла исключительно ост-
ые формы во время гражданской войны
258—1267 годов. Здесь автор вплотную
одводит нас к вопросу о возникновении
нглийского парламента. Обострение классо-
ой борьбы в период неурядиц внутри са-
ого господствующего класса, страх перед
ыступлением широких народных масс не-
збежно толкали все феодальные группи-
овки к соглашению и компромиссу в целях
крепления своего классового господства.
езультатом такого соглашения и явился
нглийский парламент как политический
рган, удовлетворявший в то время интере-
ы и различных групп феодалов и королев-
кой власти. Этим важнейшим выводом за-
ершается первая часть монографии.

Во второй ее части, посвященной истории
амого английского парламента (на первом
тапе его существования), автор обращает-
я к детальному анализу его социальной
труктуры, его функций и социальной на-
равленности его деятельности. Для оценки
ого нового, что внес автор в науку, очень
ажна гл. VI, в которой выясняется соци-
льная природа парламента и показывается,
го он ни в какой степени не являлся пред-
тавительством от всех слоев населения, как
го утверждают многие буржуазные истори-
и. Основываясь на богатейшем материале
сточников, Е. В. Гутнова рисует парламент
ак политический орган, в который низшие
лои населения не были допущены совсем;
ередставители городской верхушки занима-
и в нем подчиненное положение; превали-
ующую роль играли феодальные элемен-
ы — баронство и мелкое рыцарство. Рабо-
а Е. В. Гутновой полностью разоблачает
нтиисторические конструкции буржуазных
сториков, стремившихся представить сред-
евековый английский парламент как «все-
ародное представительство», как внеклас-
овый или надклассовый «союз общества
государства».

Не менее ценными являются выводы ав-
ора, связанные с рассмотрением им поли-
ических функций парламента в конце
III — начале XIV века. Анализируя повсе-
дневную практику парламента (опять-таки на богатом историческом материале конкретных фактов), Е. В. Гутнова выясняет круг дел, подлежавших ведению парламента, его взаимоотношения с другими органами феодального государства и с королем. Весьма любопытны данные, показывающие, что финансовые функции парламента практически очень мало ограничивали фискальные возможности королевской власти. Слабое отношение парламент имел, по-видимому, и к подаче и разбору петиций (индивидуальных и исходивших от общин); к тому же эти петиции подавались непосредственно на имя короля. Политические функции парламента в смысле санкционирования новых законов или выступления парламента в качестве высшего судилища в изучаемый автором период еще не превратились в специфически парламентские функции, ибо указанными правами обладали и другие органы феодального государства. В то же время парламент имел и свои специфические функции. Он обладал правом разрешать взимание новых налогов и правом подачи «коллективных петиций».

Без сомнения, новым словом в науке являются выводы автора о политических функциях парламента. Е. В. Гутнова подходит к этому вопросу диалектически и рассматривает парламент в двух разных аспектах: в качестве самостоятельного учреждения, претендовавшего в известной степени на ограничение королевской власти, когда речь шла о межгрупповой борьбе внутри класса феодалов, и в качестве учреждения, несшего политические функции, которые парламент делил с другими органами феодального государства, когда речь шла о том, чтобы держать в повиновении угнетенные классы. Во втором случае парламент выступал как послушное орудие королевской власти, ее защитник и опора. Эта двойственность парламента очень удачно показана в монографии, что позволило автору нанести решительный удар по тем представителям буржуазной историографии, которые в зависимости от своей политической позиции пытались выдвинуть на первый план ту или иную сторону парламентской деятельности, абсолютизируя ее и искажая тем самым историческую правду.

Исследуя социальную направленность деятельности английского парламента, Е. В. Гутнова наглядно показывает, что мероприятия, укреплявшие центральную власть и феодальное государство, превалировали в этой деятельности над мероприятиями, имев-

шими своей целью контролирование королевской власти в интересах основных группировок господствующего класса. Что же касается городов и класса крестьян, то по отношению к ним английский парламент конца XIII — начала XIV в. всегда и во всем выражал интересы класса феодалов. Таким образом, возникновение английского парламента не может рассматриваться как ослабление или серьезное ограничение центральной власти. Напротив, парламент укреплял феодальное государство, способствуя консолидации господствующего класса, открывая возможность мирного урегулирования конфликтов внутри класса феодалов, а также ускоряя оформление городского сословия как нового сословия в феодальном обществе.

Итак, феодальная монархия с сословным представительством на определенном этапе исторического развития играла по сравнению с феодальным государством предыдущего периода прогрессивную роль, ибо она выступала как форма своеобразной централизации государства и содействовала в то время дальнейшему развитию производительных сил в рамках феодального строя. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что в парламенте довольно значительную роль играли рыцарство и его союзники — горожане, и поэтому сам парламент выступал в XIII — начале XIV в. еще и как такая организация, которая способствовала укреплению и консолидации названных слоев населения Англии, наиболее близко связанных с прогрессивными тенденциями в экономике страны.

Таковы основные проблемы, поставленные и разрешенные в монографии Е. В. Гутновой, превосходно владеющей материалом источников и литературой вопроса. Можно сказать, что каждый вывод автора основан на твердом фундаменте конкретных фактов, из которых многие введены в историческую науку впервые. В круг этих источников входят документы, относящиеся непосредственно к истории парламента и его организации, законодательные памятники, различные королевские распоряжения, протоколы королевских и сеньориальных судов, правительственные расследования разного рода, документация, исходившая от городов, налоговые списки и, наконец, многочисленные хроники, политические песни и трактаты конца XIII — начала XIV века. Умение использовать столь многообразный материал при воссоздании картины исторического прошлого — безусловно, одна из сильнейших сторон Е. В. Гутновой как ученого.

Отметим некоторые недостатки рассматриваемой работы. Наиболее крупным из них, на наш взгляд, является неточная постановка вопроса о роли городов и городского сословия в процессе формирования Англии феодальной монархии с сословным представительством. Автор правильно подчеркивает приниженное политическое положение английских городов, связанное с их относительно еще слабым экономическим развитием. Однако, увлекаясь этой стороной дела, автор явно недооценивает другую, когда, декларируя наличие тенденций к росту политического влияния городов в XIII—XIV вв., по существу, недостаточно выявляет их непосредственную связь с возникновением новой формы феодального государства и самого парламента. Вряд ли можно согласиться также с категорическим утверждением автора, что главные интересы городского сословия Англии в XIII и даже в XIV в. были связаны с борьбой за местные привилегии (стр. 227—228). Подобное утверждение, вполне применимое к более ранне-му периоду развития английских городов, будучи высказано автором по отношению к городам XIII—XIV вв., представляется нам неверным. Став на подобную точку зрения, вряд ли можно понять то новое, что внесло развитие города в политическую жизнь страны и что обусловило возникновение парламентского представительства от трех сословий. Приведенная выше формулировка противоречит и содержанию самой монографии, в которой показаны не только глубокие причины, обусловившие позицию горожан в борьбе за централизацию феодально раздробленной страны, и причины, по которым королевская власть искала союза с горожанами, но и роль горожан в палате общин, где в конкретных исторических условиях смогла найти выражение близость мелкого дворянства и горожан по вопросу о государственном единстве Англии. Как и во Франции, городское сословие в Англии являлось наиболее последовательным сторонником государственной централизации; если бы оно не приняло активного участия в политической борьбе XIII в. (отстаивая свои общесословные интересы) городские представители не стали бы активными участниками работы парламента, последний, очевидно, приобрел бы совсем иной характер.

С этим связан и другой вопрос: об относительной прогрессивности политической позиции парламента (как и королевской

асти) в XIII—XIV веках. Эта прогрессив-
сть отмечается автором в нескольких ме-
ах монографии и особенно в заключении,
конкретное содержание ее остается не-
статочно ясным. А ведь суть дела заклю-
ется в том, что исторически прогрессив-
ій характер деятельности парламента был
язан не только с тем, что он проводил в
изнь политику, выгодную массе рыцарства,
и с тем, что в нем постепенно росло по-
тическое влияние городского сословия,
к это обнаружилось довольно отчетливо
ке в XIV веке.

Недостаточной и несколько упрощенной
едставляется нам также и характеристика
циально-политической позиции баронства,
анная в монографии. В главах I, IV и V
тор все время настойчиво подчеркивает,
о в XII в. бароны Англии занимали се-
ратистские позиции, а с начала XIII в.
решли на позиции олигархические, то
ть стали действовать в пользу «центра-
изации», утверждавшей власть «барон-
ой верхушки» в стране. Основная тен-
нция в эволюции политических интересов
ронства подмечена здесь правильно. Но
льзя забывать о том, что в течение все-
XIII в. различные группы баронства
пытывали сильнейшие колебания и нере-
отклонялись от этой тенденции в сторо-
сепаратизма. И в 1215 г. и в 1258—
67 гг. имелись бароны, упорно поддержи-
вшие короля и его политику, но были и
кие, которые, подобно Симону де Монфо-
, предпочитали идти на союз с рыцар-
зом и горожанами. Чем объяснялись
зличия в политической позиции баронов,
к эти различия были связаны с их эко-
мическим положением, а также родст-
нными и династическими отношениями —
и вопросы не получили в монографии
В. Гутновой должного освещения.

Можно выразить также сожаление и по
воду того, что автор совершенно исклю-
л из сферы своего исследования такой
щественный вопрос, как взаимоотношения
ркви и государства в процессе централи-
ции последнего в XII—XIII вв. и, в част-
сти, вопрос о воздействии этих отноше-
й на формирование и характер парламен-
. Хотя, как правильно замечает автор, это
льшой и самостоятельный вопрос, кото-
й нельзя было решить в данной книге,
е же следовало бы уделить ему некоторое
имание в гл. IV, где речь идет о полити-
ке королевской власти по отношению к разным слоям феодалов, и в гл. VII, где речь идет о политических функциях парламента.

В книге не получили также освещения политические теории XIII в., отразившие реальные политические и социальные конфликты эпохи. Хотя теории неограниченной королевской власти и противоположные теории (в пользу ее ограничения) со всеми их нюансами не играли решающей роли в процессе формирования английского парламента, все же они оказывали известное влияние на ход политической борьбы в XIII—XIV вв., когда боровшиеся партии извлекали из этих теорий аргументы в пользу своих требований. Вот почему следовало бы остановиться особо на данном вопросе.

Досадно также, что в монографии отсутствует вводный раздел об экономических и социальных предпосылках процесса государственной централизации Англии. Несмотря на то, что этот раздел появился уже в печати в сборнике «Средние века»[2] и читатель имеет возможность к нему обратиться, все же отсутствие его в книге до известной степени нарушает общую целостность ее структуры. Краткие замечания, сделанные автором по этому поводу в гл. I, явно недостаточны, особенно для человека, незнакомого с указанной статьей.

Наконец, в работе, на наш взгляд, недостаточно показана фактическая сторона формирования парламента в конце XIII в.; следовало бы привести больше данных о городском представительстве в парламенте.

Разумеется, эти замечания не колеблют той общей высокой оценки, которой заслуживает данная книга, вне всякого сомнения, являющаяся ценным вкладом в советскую историографию. Развенчивающая антинаучные теории буржуазных историков, основанная на богатейшем материале источников, написанная хорошим литературным языком и содержащая четкие выводы по кардинальным проблемам политической истории Англии XIII в., книга Е. В. Гутновой будет прочитана с большим интересом не только медиевистами, но и историками других специальностей.

Н. А. Сидорова

---

[2] Сборник «Средние века». Вып. IX. М. 1957.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

«Строительство коммунизма и рост творческой активности масс». Сборник статей. Редакционная коллегия: доцент З. А. Астапович (ответственный редактор), кандидаты исторических наук К. В. Гусев, А. М. Дедов. Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС. М. 1960. 300 стр. Тираж 6 000. Цена 1 руб. 6 коп.

Рецензируемый сборник состоит из статей, подготовленных аспирантами кафедры истории советского общества Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В статье Л. В. Фокина «Рост активности и инициативы трудящихся в связи с реорганизацией управления промышленностью (По материалам Московского городского совнархоза)» на примере повседневной работы технико-экономического совета МГСНХ, производственно-технических советов и постоянно действующих производственных совещаний предприятий столицы показана их деятельность по распространению новых форм социалистического соревнования в нашей стране. Примечательно, что в проходившей при активнейшем содействии этих советов и совещаний разработке перспективного плана развития промышленности Москвы участвовало свыше 300 тыс. человек (стр. 23—24).

В статьях Ф. Г. Кротова «Движение новаторов в промышленности Ленинградского совнархоза» и Л. В. Рандметса «Рабочий класс Эстонии в борьбе за дальнейший подъем промышленности (1951—1957 гг.)» подробно характеризуется деятельность рационализаторов и изобретателей, направленная на ускорение технического прогресса и внедрение передовых методов труда во все отрасли индустрии.

В статье А. Г. Федорука «Социалистическое соревнование в промышленности в период развернутого строительства коммунизма» показана закономерность возникновения и быстрого распространения высшей для нашего времени формы соцсоревнования — движения за звание коллективов и ударников коммунистического труда. Характеризуя борьбу новаторов за технический прогресс, за наивысшую в мире производительность труда, автор в то же время затрагивает вопрос о социальном значении нового этапа соревнования, в ходе которого трудящиеся проходят замечательную школу хозяйствования и управления, учатся работать и жить по-коммунистически.

В статье Ю. Ф. Пономаренко «Расцвет социалистической культуры в западных областях Украины» освещается деятельность Коммунистической партии и Советского государства по воспитанию человека коммунистического общества.

В целом следует сказать, что авторами проделана полезная работа. Они собрали, систематизировали и в значительной мере обобщили интересный фактический материал, в основном извлеченный из текущих архивов заводов и учреждений. Хочется особенно отметить использование Л. В. Рандметсом документов на эстонском языке и Ю. Ф. Пономаренко — на украинском, а также привлечение Ф. Г. Кротовым в качестве источников брошюр ленинградских машиностроителей.

Непосредственное знакомство авторов с людьми, о которых они пишут, благотворно сказалось на ряде статей. Авторы показывают новаторов производства в действии.

Молодые исследователи стремятся не только изучить сущность новых форм и методов труда, но и в ряде случаев наметить пути их дальнейшего совершенствования. Изучая плодотворную деятельность технико-экономического совета МГСНХ, Л. В. Фокин ставит вопрос о слабой работе некоторых его секций, о необходимости широкого распространения накопленного опыта, указывает на целесообразность издания единого «Положения о технико-экономических советах совнархозов» (стр. 28, 31). Ф. Г. Кротов подчеркивает важность создания единого органа по руководству движением новаторов, который занимался бы не регистрацией изобретений и рационализаторских предложений, а ведал бы организованным внедрением их в производство в масштабах всей страны (стр. 176—177).

Это, разумеется, не означает, что со всеми выводами авторов можно согласиться. Вызывает, например, возражение высказывание А. Г. Федорука о том, что участники движения за коммунистический труд не обязательно должны стремиться к получению среднего или высшего образования (стр. 121). Спору нет, вопрос о повышении знаний и профессиональной выучки нельзя сводить только к получению аттестата зрелости или вузовского диплома. Ясно, что

зачем сажать за школьную парту всех одей пожилого возраста, обладающих подас высоким мастерством и громадным опыом. В таких случаях действительно можно граничиться народным университетом ультуры, заводскими курсами, сетью парйного просвещения и т. п. Другой подод должен быть к молодежи, растущей в ных условиях, чем их отцы и деды.

Борьба за повышение общеобразователього и культурного уровня приобретает ные все более широкий характер. Отнюдь не лучайно харьковские и свердловские комомольцы выдвинули лозунг «Каждому раочему — инженерные знания!». Следуя римеру коммунистов Купавинской тонкоуконной фабрики, многие предприятия траны разработали перспективные планы овышения культурно-технических знаний абочих. Так, на Нижнетагильском металургическом комбинате к 1965 г. все рабоие, за исключением рабочих старших возастов, будут иметь восьмилетнее образоание. Чтобы работать здесь горновым доенных печей, надо окончить 7—8 клас-ов, чтобы стать машинистом пресса или альцетокарем,— 10 классов и т. д. Ныне то требование дня, неразрывно связанное постоянным совершенствованием техники стремлением масс овладеть ею, улучшать е, быть творцами нового. Для этого техинимума уже недостаточно. Многие рабоие хотят усвоить основы науки, получить ирокое образование. Вот почему осенью 959 г. в школах рабочей молодежи комбиата занималось более 4 тыс. рабочих в 1958 г.— лишь 1 700) [1].

К сожалению, анализ статистических анных, характеризующих рост культурноехнического уровня трудящихся, является лабым местом сборника. Некоторое исклюение в этом отношении составляет статья Ю. Ф. Пономаренко. В остальных статьях ожно найти много цифр о росте произвоительности труда, валовой продукции, чита изобретателей и т. п., но совершенно ет обобщающих данных о производственом стаже рабочих, их образовательном овне, дальнейшей учебе и т. д. Поэтому некоторые высказывания авторов выглядят малоубедительными или спорными.

Говоря о других недостатках сборника, заметим, что большинство из них типично для всей нашей литературы, посвященной истории социалистического и коммунистического строительства в СССР.

Прежде всего вызывает недоумение отсутствие историографического элемента во всех пяти статьях сборника. Авторы (как, впрочем, и составители) не сочли нужным дать хотя бы краткий критический обзор ранее вышедших работ на аналогичные или весьма близкие темы. Должно быть, поэтому в ряде случаев в сборнике повторяются оплошности, свойственные ранее появившимся статьям, брошюрам и книгам.

Как, например, показаны в сборнике трудности движения новаторов, борьбы за коммунистический труд на современном этапе? По сути дела, этот вопрос не освещается. Между тем хорошо известно, что не мал еще удельный вес ручного труда в промышленности, что среди рабочих есть слабо подготовленные производственники. Имеются и другие трудности. Без учета этого показ наших побед становится односторонним и в определенной мере теряет специфику конкретно-исторического исследования. Касаясь вопроса о трудностях роста, авторы в отдельных случаях мимоходом упоминают о формалистах и волокитчиках, цепляющихся за вчерашний день. Так, Л. В. Фокин и Ф. Г. Кротов с помощью отдельных примеров стараются доказать, что если какое-нибудь рационализаторское предложение в производство не внедрено или не принято к реализации, то виновных надо искать среди руководителей предприятия. Действительно, нередко так оно и случается. Но ведь бывает и другое: предложение оказывается недостаточно обоснованным, требуется его доработка, иногда оно перекрывается другим, более совершенным изобретением и т. д. Эта сторона вопроса полностью выпала из поля зрения авторов. Никаких объективных трудностей они не анализируют.

Л. В. Рандметс и Ю. Ф. Пономаренко в своих статьях даже не попытались показать, какое упорное сопротивление социалистическому строительству в Эстонской ССР и западных областях Украины оказали буржуазные националисты и церковники, как они препятствовали проявлению творческой активности масс. Глубокое освещение этого вопроса позволило бы лучше

---

[1] М. Т. Иовчук. Культурно-техничеий рост рабочего класса СССР. «Вопроы философии», 1960, № 7, стр. 41—42. Не енее показательны данные о росте числа абочих Уралмашзавода, окончивших десялетку: на 1 января 1957 г. их насчитываось 1,6% от общего количества рабочих редприятия, а год спустя — уже 8%. «Фиософские науки», 1960, № 1, стр. 9—10.

понять особенности коммунистического воспитания трудящихся в названных районах.

В сборнике имеются, к сожалению, и другие погрешности. Встречаются неудачные, а порой и неправильные формулировки. Ю. Ф. Пономаренко употребляет, например, такое выражение: «отрасли социалистической индустриализации» (стр. 246). Ф. Г. Кротов неоднократно говорит о «государственном и административном руководстве» движением новаторов (стр. 141, 143 и др.). Он же ошибочно утверждает, что «уже к концу первой пятилетки промышленностью Ленинграда была освоена номенклатура всех изделий, которые ранее закупались за границей» (стр. 137).

А. Г. Федорук вопреки действительному положению вещей и изложенным им же самим фактам называет движение за звание ударников и коллективов коммунистического труда «коммунистической формой соревнования» (стр. 96). Это ошибочное утверждение повторяется и Ф. Г. Кротовым (стр. 135). Вопрос о сущности и формах современного этапа социалистического соревнования получил освещение в нашей печати. В частности, на страницах журнала «Коммунист» подчеркивалось, что соревнование коллективов и ударников коммунистического труда рождено социалистическими производственными отношениями и развивается на их основе, что его участники являются членами социалистического общества и что попытки называть новое движение коммунистическим соревнованием ошибочны [2].

Нельзя признать правильным и то, что, освещая рост творческой активности масс, авторы пишут только о моральных стимулах к труду. Принцип материальной заинтересованности забывается ими.

Отмеченные недостатки, однако, не могут изменить общей положительной оценки сборника. Издание его — полезный вклад в дело повседневного изучения закономерностей строительства коммунизма в СССР.

В. И. Касьяненко, В. С. Лельчук

---

[2] См. Л. Вознесенский, Ф. Волков. Замечательное движение современности. «Коммунист», 1960, № 8, стр. 49—60.

Н. А. СМИРНОВ. *Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках.* М. 1958. Соцэкгиз. 244 стр. Тираж 3 000. Цена 9 руб. 65 коп.

Политика России в отношении Кавказа всегда привлекала пристальное внимание историков. Свыше ста лет в исследованиях и сводных работах по истории Кавказа шла идейно-политическая борьба мнений о причинах и историческом значении для кавказских народов присоединения их к России. Попытки осветить этот вопрос были сделаны Н. Д. Чечулиным, В. А. Ульяницким, С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским и другими исследователями. Поскольку эти авторы были далеки от марксистского понимания истории, они описывали происходившие на Кавказе события с идеалистических позиций, односторонне и неточно.

Марксистско-ленинская наука, единственно способная научно объяснить исторические события, заложила фундаментальную основу правильной оценки присоединения Кавказа к России как прогрессивного явления. Советские историки А. В. Фадеев, Е. Н. Кушева, Е. И. Крупнов, Р. Магомедов, Х. О. Хашаев и др., вооруженные марксистско-ленинской методологией, сделали серьезный шаг вперед в изучении кавказского вопроса.

Недавно советское кавказоведение обогатилось еще одним трудом. Вышла в свет книга Н. А. Смирнова «Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках». В этой работе раскрыта классовая сущность кавказской политики держав, показана историческая обстановка, обусловившая присоединение Кавказа к России, зарождение, развитие и победу на Кавказе сил русской ориентации, боровшихся против влияния феодально-отсталых Ирана и Турции, которые угрожали народам Кавказа не только порабощением, но и физическим истреблением.

Одной из первых областей Кавказа, прочно связавших свою судьбу с Россией, была Кабарда. Положению дел на Кавказе в XVI в. и присоединению Кабарды к России посвящена первая из девяти глав рецензируемого труда. В главе широко освещены малоизвестные факты политических связей России с одним из самых устойчивых феодальных государств Азербайджана — Ширваном в XV столетии.

Особенно ожесточенная борьба между Ираном и Турцией за Кавказ происходила в XVII веке. В главе об ирано-турецком соперничестве в Закавказье и политике России в этот период показано, как в Грузии и других районах Кавказа росло тяготение отстоять свою самостоятельность, самое свое существование с помощью России. Н. А. Смирнов констатирует, что в этот период на Кавказе еще были силы

раждебно настроенные по отношению к оссии.

Защите Россией кабардинского народа т агрессии крымских ханов и турецких ултанов и походу русской армии в прикаспийские области в первой половине VIII в. посвящена третья глава книги.

следующей главе вскрывается острая орьба между сторонниками русской ориенации и представителями реакционных сил а Кавказе в период русско-турецкой войны 768—1774 годов. Известно, что некоторые акавказские феодальные правители, как, апример, Ираклий II, Фатали-хан Кубинкий и Ибрагим-хан Карабахский, стремись к сближению с Россией, к союзу с ею. Н. А. Смирнов приводит выдержку из исьма Ибрагим-хана, свидетельствующую о ом, что он считал необходимым вхождеие Карабаха в состав России. По свидельству очевидца, в то время «черный народ от Дербента до Баки и Салиана... прольша, радуется бытию в Персию оссийских войск, ждя чрез то тишины от еждоусобий» (стр. 125).

Автор пишет о большой остроте классоых противоречий на Кавказе, о том, как арские политики использовали их в своих интересах, находя с феодальной знатью авказа общий язык. Анализируя военно-ипломатические события, Н. А. Смирнов оказывает, что за спиной терявших свою амостоятельность Ирана и Турции стояи европейские капиталистические соперики России.

Наиболее значительным выступлением ыло восстание шейха Мансура на Севером Кавказе, начавшееся в 1785 году. Чез десять лет над Закавказьем пронеслась стребительная буря — нашествие иранских еодалов во главе с Ага Мухаммед-ханом аджаром. После этого тяготение народов акавказья к России быстро нарастало. конце XVIII — начале XIX в. Закавказье ыло присоединено к России; народные масы и даже определенная часть феодальной ати Азербайджана, Армении, Грузии и Серного Кавказа приняли активное участие защите Закавказья от Ирана и от Турии во время русско-иранской и русско-туецкой войн.

Кавказская проблема освещена автором общей системе восточной политики заадных держав. Восточный вопрос — комплекс острых внешнеполитических противочий между капиталистическими странами апада и Россией — затрагивал интересы вказских народов.

Н. А. Смирнов уделяет большое внимание раскрытию колониальной политики царской России на Кавказе в первой половине XIX века. В то же время он показывает, что эта политика находилась в полном противоречии с объективными результатами присоединения Кавказа к России (спасение от иранского и турецкого порабощения, ликвидация феодальной раздробленности, усиление влияния экономики, культуры и освободительной борьбы русского народа на историческое развитие народов Кавказа).

Народные движения на Кавказе, направленные против царизма, возрастали. Одним из таких движений было выступление горцев в Дагестане и Чечне, которое иногда неправильно называли «движением мюридизма», или «движением Шамиля». Эта тема раскрыта в восьмой главе книги. Автор точно описывает ход движения против местных феодалов и царского колониального режима, дает идейно-политическую оценку его исламской оболочки, вскрывает беспощадную карательную политику Шамиля по отношению к самим горцам (стр. 208—209 и др.). Массы убедились в бесперспективности борьбы, что и обусловило ее прекращение и военное поражение Шамиля в 1859 году.

Агенту турецкого султана Мухаммеду Амину, возглавившему движение на Западном Кавказе, старшина одного из сел на реке Худако Хамыз заявил: «Ты пришел сюда волновать народ, уговаривать его не передаваться на сторону русских, но народ лучше тебя знает, что для него выгоднее — постоянные тревоги и разорения или мирная жизнь под защитой русской артиллерии. Иди же своей дорогой и оставь нас в покое» (стр. 216).

Заключительная глава книги посвящена пореформенному периоду, в течение которого народы Кавказа теснее, чем прежде, экономически и политически связали свою судьбу с судьбой русского народа. В условиях буржуазно-помещичьего строя это не способствовало улучшению положения трудящихся масс. Однако освободительная борьба народов Кавказа поднялась на новую, революционно-демократическую ступень. В этот период развернулась деятельность Мирза Фатали Ахундова в Азербайджане, Хачатура Абовяна и Микаэла Налбандяна в Армении, Ильи Чавчавадзе в Грузии, Коста Хетагурова в Осетии, Шора Ногмова и Бекмурзы Пачева в Кабарде и целого ряда других прогрессивных деятелей

народов Кавказа. Отмена крепостного права, постройка железных дорог, широкое развитие (в масштабах всей России) географического разделения труда ускорили прогрессивное развитие Кавказа.

Анализируя политику России на Кавказе в XVI—XIX вв., Н. А. Смирнов раскрывает разное отношение к ней со стороны отдельных классов, ее экономическую и политическую обусловленность.

Книга Н. А. Смирнова сыграет значительную роль в научном освещении истории народов Кавказа и в укреплении дружбы народов нашей страны. В ней объективно показано, что Россия по уровню своего общественного развития — способу производства, культуре, просвещению — стояла выше Турции и Ирана. Поглощение Закавказья Турцией и Ираном означало бы закрепление там наиболее тяжелых форм феодального гнета и неминуемо привело бы к установлению здесь господства империалистических колонизаторов Запада.

Ф. Энгельс в 1851 г. писал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...» [1].

Присоединенные к России народы Кавказа и Закавказья были избавлены от иранских и турецких нашествий, от разорительных феодальных междоусобиц, препятствовавших их развитию. Присоединение Кавказа к России способствовало его экономическому и культурному подъему и переходу к более высокой ступени развития. Н. А. Смирнов указывает, что этот прогресс шел вопреки царской политике, являясь результатом культурно-экономических отношений и тесных связей народов Кавказа с русским народом, следствием объективного хода исторического развития. Признание этого прогресса вполне совместимо «с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима» [2].

Недостатки книги носят частный характер. Так, например, Н. А. Смирнов истории взаимоотношений Закавказья, в частности азербайджанских ханств, с Россией отводит очень небольшое место. Автор говорит, что вторжение полчищ Ага Мухаммед-хана Каджара в Закавказье сильно встревожило дагестанских ханов, которые просили помощи у России. Здесь обязательно надо было сказать и об обращениях карабахского, шемахинского, кубинского, бакинского и талышского ханств, просивших помощи и покровительства у русских, а также о последовавшем рескрипте Екатерины II по этому поводу.

В книге сказано, что поход русских войск в Закавказье в 1796 г. был предпринят с тем, чтобы не допустить объединения иранских и турецких сил, предотвратить развертывание войны в Закавказье и прежде всего избавить его народы от повторного нашествия. Следует подчеркнуть, что эта формулировка не отражает главной задачи похода. Цель похода русских войск ясно определена в секретных указаниях правительства, а также в записи главнокомандующего генерала В. Зубова, где говорится, что поход русских войск организован «для утверждения в том краю (Закавказье) власти нашей и торговли с Персией», для направления восточной торговли через Каспийское море в Россию [3].

На наш взгляд, больше внимания следовало бы уделить объединительной политике и русской ориентации Фатали-хана Кубинского, учитывая значительную роль этих факторов в судьбах Азербайджана и Дагестана во второй половине XVIII века.

Н. А. Смирнов делает упущение, когда не отмечает разницы между сложившимся в XVI столетии «в Азербайджане и Иране государством Сефевидов» (стр. 11) и иранским государством XVII в. (стр. 42 и след.), хотя он справедливо указывает на один весьма важный факт изменения характера сефевидского государства — перенесение его столицы «во внутренние области Ирана» (стр. 44).

Работа Н. А. Смирнова является ценным исследованием, содержащим богатый фактический материал и важные обобщения. Она представляет собой серьезный вклад в разработку вопроса об историческом значении присоединения народов Кавказа к России.

Г. Б. Абдуллаев, М. М. Эфендиев

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 211.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 523.

[3] Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 36, д. № 553, лл. 8—10.

. Н. ЧЕРНОВ. *У истоков русского освобо-ительного движения.* Избранные статьи по стории декабризма. Редакторы Б. Е. Сы-оечковский и И. В. Порох. Саратов. Изд-во аратовского университета. 1960, 424 стр. Тираж 3 000. Цена 14 руб. 50 коп.

Сборник статей «У истоков русского осободительного движения» включает в себя збранные работы покойного советского исорика Сергея Николаевича Чернова, повященные изучению движения декабристов. ольшая часть из них связана с рассмотреием разных сторон деятельности «Союза лагоденствия» («Несколько справок о Союзе благоденствия» перед Московским ъездом 1821 г.», «Из истории политических толкновений на Московском съезде 1821 г.» др.). О солдатских настроениях после «сееновской истории» рассказано в работе Из истории солдатских настроений в наале 20-х годов XIX в.». Вопросы следствия суда над декабристами рассмотрены авором в статьях «Одна из загадок Петроавловской крепости» и «Поиски «Русской Правды» П. И. Пестеля». Последняя из наванных работ — фрагмент многолетних и, к ожалению, утраченных штудий по истории Русской Правды». Частью другого обширого и тоже утраченного исследования С. Н. ернова, посвященного изучению общественой жизни после декабря 1825 г., является татья «Слухи 1825—1826 гг. (Фольклор и стория)». Сборник завершает последняя, еоконченная работа покойного историка — Из работ над показаниями С. П. Трубецкого на следствии».

Книга имеет краткое введение, сообщаюее основные данные о С. Н. Чернове, писок его научных трудов и комментарии.

Выход из печати сборника исторических сследований, написанных треть столетия ому назад (между 1924 и 1941 гг.),— событие, довольно редкое в нашей издательской практике. Читатель, интересующийся аучной литературой по истории движения декабристов, хорошо знает замечательные о тонкому анализу многих трудных вопросов истории дворянской революционности работы Сергея Николаевича Чернова. Для человека, находящегося в курсе истоии советской исторической науки, труды С. Н. Чернова в рекомендации не нуждаются. И все же читатель берет в руки ту книгу с невольным раздумьем. Не утрили ли исследования Чернова после повления многих новых трудов своего научого значения? Найдет ли современный исследователь русского революционного движения, преподаватель истории СССР, студент-историк что-то полезное для себя в этом чтении или книгу следует переадресовать историкам науки? Тридцать — двадцать лет — немалый испытательный срок для исследовательского труда при современном быстром развитии науки.

Чтение тома избранных сочинений С. Н. Чернова убеждает в том, что его исследования выдержали испытание временем. В книге есть положения, с которыми современный исследователь не согласится (как правило, они оговорены составителями), ряд мыслей С. Н. Чернова развит последующими исследователями. И все же выпущенная Саратовским университетом книга читается как современное исследование. Работы С. Н. Чернова, кроме общих, уже вошедших в научный оборот положений, содержат и большое число наметок, неразвитых указаний, вскользь высказанных идей, задуматься над которыми историку бывает полезно и сегодня. Например, исследуя до сих пор еще не выясненный до конца вопрос о ранних преддекабристских тайных обществах, С. Н. Чернов наметил пути, которые современного историка могут привести к плодотворным заключениям. Внимание С. Н. Чернова привлекает «среда молодых офицеров Главного штаба» эпохи 1812—1814 гг. (стр. 24) и общества Рамбурга и Мейендорфа. При полной утрате документальных источников, видимо, одним из путей проникновения в тайну этих ранних организаций явилось бы изучение масонских лож, возникавших в действующей армии в период заграничных походов.

Очень интересно не нашедшее развития в последующей научной литературе положение С. Н. Чернова об особой роли Дрездена как центра передового русского офицерства в годы заграничных походов и в послевоенное время. С. Н. Чернов цитирует агентурное донесение Дибича о существовании тайной организации в этом городе: «В Дрездене распространена пропаганда— № 3 и 4 там тесно связаны». Доноситель, как сказано в книге, принял «меры к удалению русских из Дрездена, который, повидимому, вообще его очень волновал» (стр. 29). К сожалению, состав кружка русских свободолюбивых офицеров в Дрездене все еще не изучен, а вопрос С. Н. Чернова «Кто этот № 3?» (стр. 29) остается без ответа. Чтобы уяснить себе важность

такого вопроса, достаточно вспомнить, что именно в ту пору в Дрездене развертывалась деятельность одного из наиболее интересных представителей раннего этапа декабризма — первого в их среде республиканца и учителя П. И. Пестеля, М. Н. Новикова. Он находился там в должности правителя канцелярии саксонского вице-короля кн. Репнина и (как позже в Полтаве) активно собирал вокруг себя свободолюбивую молодежь. Здесь Новиковым были заложены основы той организации, которая потом влилась в «Орден русских рыцарей». Делал это он через масонскую ложу (известно, что и П. Пестель, и Ф. Глинка, и Ф. Толстой были приняты в общество, будучи членами ложи). В Дрездене были приняты в ложу будущие «рыцари» Бибиков (в дружеском кружке и письмах Н. Тургенева — «Бибикогон») и Меньшиков. К дрезденскому окружению Новикова принадлежал и Лев Перовский. Наиболее интересно проследить связь с этим кругом лиц Николая и Сергея Тургеневых (особенно последнего) и таких близко связанных с ними людей, как Мериан. Дрезденский кружок был, видимо, связан с тургеневской группой, на что указывали А. Н. Шебунин[1] и В. В. Пугачев[2]. Если учесть, что обе группы поддерживали связь с М. Орловым, то вырисовывается в достаточной мере интересная картина. Выяснить этот вопрос окончательно невозможно без дальнейших архивных разысканий, в орбиту которых, вероятно, следует вовлечь и собрания документов Германской Демократической Республики.

Мы привели лишь один пример того, какие пути открывает перед исследователем та или иная мысль или наблюдение С. Н. Чернова. А подобных наблюдений в книге много.

Но еще бо́льшую пользу современному читателю может принести, пожалуй, другой аспект изучения трудов покойного историка. Широкий размах развития советской исторической науки на ее современном этапе, появление значительного числа новых исследований, в частности по истории декабристов, имеет и свою оборотную сторону: наряду со зрелыми трудами, внесшими подлинный вклад в советскую историческую науку последних лет, все еще появляются слабые в исследовательском плане работы. Давно пора обобщить накопленный советской наукой опыт исследовательских приемов, различных форм и путей анализа документов. С. Н. Чернову присущи строгая научность доказательств, объективность выводов, умение найти ключ к истолкованию сложного и разнородного исторического материала. С этой точки зрения чтение трудов С. Н. Чернова в высшей степени поучительно. С. Н. Чернов — блестящий мастер истолкования и комментирования исторического источника. В своих работах «Несколько справок о «Союзе благоденствия» перед Московским съездом 1821 г.», «К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г.», «Из истории борьбы за армию в начале 20-х годов XIX в.» он показывает, как нужно сопоставлять и взаимно проверять различные источники. Научное комментирование одного-двух абзацев из записок Якушкина, оказывается, требует осмысления широкого круга теоретических вопросов, привлечения огромного количества материалов, и все это приводит автора к созданию оригинальной научной концепции.

Интересна и другая сторона научного метода С. Н. Чернова. Имея в виду общие закономерности развития декабристского движения, он не превращает свои труды в повествование о безликих исторических процессах. С. Н. Чернов исходит из того, что объективные законы истории действуют не оторванно от живых людей, подлинных творцов истории. Подобный подход к историческим событиям заставляет исследователя не только уделять внимание вопросам смены политических концепций, но и рисовать научно точные, яркие портреты участников движения. Таковы блестящие характеристики Булатова, Граббе, Орлова, окружения Пестеля и других. Умение увидеть за документами живого человека необходимо исследователю. И мастерство С. Н. Чернова в этой области делает его труды до сих пор интересными и поучительными. К тому же С. Н. Чернов владел замечательным мастерством массовой характеристики. Обратившись одним из первых к анализу солдатских и народных настроений 20-х годов XIX в. («Из исто-

[1] «Декабрист Н. И. Тургенев, письма к брату С. И. Тургеневу». М.-Л. 1936, стр. 20 — 21.

[2] В. В. Пугачев. Из предыстории декабристского движения. Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. «Научный ежегодник за 1955 год». Саратов. 1958.

ии солдатских настроений в начале 0-х годов XIX в.», «Слухи 1825—1826 гг. Фольклор и история)», он продемонстрировал недюжинное исследовательское скусство анализа документов, требующих ругого методического подхода, чем те, с оторыми обычно сталкивается историк декабризма.

Методика исторического исследования . Н. Чернова виртуозна. Полицейское донесение и дружеское письмо, мемуары и оказания на следствии, солдатский разговор в доме «гостеприимных женщин» и поры сыновей Орлова и Якушкина — весь ирокий круг источников, с которыми сталкивается исследователь, используется им с аким разнообразием приемов, которое озволяет в каждом документе уловить его пецифику и извлечь историческую истину. Подобное умение тем более поучительно потому, что мы не имеем обобщающих етодических обзоров по вопросу о том, аких приемов исследования требуют те ли иные типы источников. Приведем пример. Основным документальным фондом ля историка декабризма являются материалы следственной комиссии. Когда-то едоступные и манившие историков, они еперь хорошо изучены, частично опубликованы и широко привлекаются в работах азличных авторов. К сожалению, не вседа при этом проявляется достаточное понимание исследовательских приемов, которые необходимы всякому, обращающемуся столь своеобразному документарию. Упомянутый фонд исключает частичное, цитатное использование отдельных показаний ли вырывание лишь каких-то дел и требует от изучающего знания всего материала и понимания всего хода работ следственного комитета, учета ежедневных поворотов событий и конкретных изменений тактике судей и их жертв — каждой в тдельности. В этом смысле исследование, котором рассматривался бы весь ход ледствия день за днем, принесло бы е только большую научную, но и методическую пользу. Огромные результаты сулит ропотливый труд по обзору материалов, роведенному не в порядке лиц и дел, а ронологически — день за днем, а где возможно — и час за часом. Такого рода работа даст в руки исследователя необходимые оэффициенты поправок точности тех или ных документальных свидетельств.

Следует отметить высокое качество редакционной подготовки рецензируемого тома. Удачен подбор статей, объединяющих основные сохранившиеся работы С. Н. Чернова по истории декабризма и эпохе 1820-х годов. Небольшой по объему комментарий неизменно точен и вооружает читателя важными в издании подобного типа ссылками на новейшую литературу и последние исследовательские точки зрения. Значительную ценность имеет список научных трудов С. Н. Чернова. Это важное библиографическое пособие вместе с тем невольно вызывает грустные размышления: уж очень велик список утраченных исследований и работ, не опубликованных до сих пор.

Чтение книги С. Н. Чернова снова убеждает и еще в одном: у советской исторической науки есть свои работы, ценность которых проверена временем. К сожалению, издательская практика такова, что огромный круг молодых специалистов-историков на местах, поколение ученых, формировавших свои личные библиотеки в 1940—1950-е годы, практически лишен возможности обращаться к этим трудам. Где возьмет студент-историк провинциального вуза, изучающий воззрения Пестеля, работу Н. М. Дружинина «Масонские знаки П. И. Пестеля»? Нам думается, необходимо издание советской исторической библиотеки, куда вошли бы сопровожденные комментарием и ссылками на новейшие исследования и точки зрения избранные труды покойных советских историков, например, А. Е. Преснякова, П. Е. Щеголева, А. Н. Шебунина и многих других, а также вышедшие в 1920—1930-е годы труды ныне здравствующих советских историков. Подобная серия нужна широкому кругу читателей.

В ряду подобных изданий свое почетное место займет и книга избранных трудов С. Н. Чернова.

Ю. М. Лотман

И. С. ГАЛКИН. *Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг.* М. Изд-во МГУ. 1960. 266 стр. Тираж 1 750. Цена 12 руб. 50 коп. (1 руб. 25 коп.).

Дипломатическая борьба, развернувшаяся в начале XX в. вокруг не поделенного до конца «турецкого наследства», неоднократно привлекала внимание многих исто-

риков и политиков. Сложный клубок национальных и межгосударственных противоречий в Юго-Восточной Европе пытались распутать и объяснить с наибольшей пользой для буржуазии «своих» стран С. Протич, В. Джорджевич, Г. Гуч, С. Фай, Р. Пуанкаре, Г. Вендель, В. Шредер[1] и другие. Дипломатической историей, вернее, историей переговоров, споров и переписки руководящих деятелей европейских держав в связи с положением в Европейской Турции, буржуазные исследователи занимались много и весьма тенденциозно. В буржуазной историографии проводилась мысль о том, что великие державы (как известно, грубо вмешивавшиеся в вопросы государственного устройства балканских территорий) не встречали якобы противодействия со стороны населения, спокойно «ожидавшего» решения своей судьбы.

Историки Советского Союза, стран народной демократии, прогрессивные исследователи Запада по-иному подходят к оценке сложного периода кануна первой мировой войны. Разоблачение империалистической политики европейских государств в отношении народов, населявших Европейскую Турцию, сосредоточение внимания на национально-освободительной борьбе — таковы основные направления исследований, предпринятых этими историками.

Рецензируемая книга И. С. Галкина является плодом кропотливого и глубокого изучения национально-освободительной борьбы на Крите, в Албании и Македонии, а также балканской политики европейских государств накануне первой мировой войны. Наряду с многотомными публикациями дипломатических документов[2] автор использовал материалы Архива внешней политики России и Центрального государственного военно-исторического архива. Документы русского посольства в Стамбуле и русских консульств, находившихся в ряде городов Македонии, Албании и на Крите, позволили осветить некоторые малоизученные стороны национально-освободительного антитурецкого движения. Несомненной заслугой автора является подробное описание (впервые в советской исторической литературе) национально-освободительной борьбы на Крите и политики империалистических держав в критском вопросе.

В монографии рассматривается дипломатия европейских держав в тесной связи с освободительным движением народов Европейской Турции, развернувшимся как раз накануне Балканских войн. Европейские провинции Оттоманской империи стали в начале XX в. объектом наиболее ожесточенного соперничества империалистических держав. Спор о сферах влияния в этом районе приобрел особенную остроту в связи с усилением экспансии германского империализма на Ближнем Востоке и итальянского империализма — в бассейне Средиземного моря. Активизация политики «новых» колониальных держав там, где превосходство Великобритании со времен войны за испанское наследство было, как полагали ее государственные деятели, неоспоримым[3], привела к новой расстановке сил в Турции и на Балканах. Живейшую заинтересованность в разделе «турецкого наследства» наряду с упомянутыми странами проявляли Франция, Австро-Венгрия, Россия, а также правящие круги Болгарии, Сербии, Греции и Черногории. Стремясь к осуществлению своих захватнических целей, шовинистическая буржуазия балканских стран пыталась «заключить сделки с одной из соперничающих империалистических держав ради осуществления своих грабительских целей (политика мелких государств на Балканах и т. п.)»[4]. Вот почему на заключительном этапе дележа владений Турции судьба ее европейских территорий на какое-то время стала одной из центральных проблем европейской политики. Вполне понятно и объяснимо поэтому внимание автора книги к перипетиям сложной дипломатии

---

[1] Балканикус (С. Протич). Албанская проблема, Сербия и Австро-Венгрия. СПБ. 1913; V. Georgewitsch. Die Albanesen und die Grossmächte. Leipzig. 1913; G. Gooch. Before the War. Studies in Diplomacy. London. 1938; С. Фай. Происхождение мировой войны. Тт. I—II. М. 1934; R. Poincaré. Au service de la France. Neuf années de souvenirs. Vol. 1—10. Paris. 1926—1933; H. Wendel. Südosteuropäische Fragen. Berlin. 1918; W. Schröder. England, Europa und der Orient, Stuttgart. 1938.

[2] «British Documents on the Origins of the War. 1898—1914». Vol. I—XI. London. 1926—1938; «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1874—1914». Bd. 25—33. Berlin. 1927; «Documents diplomatiques français relatifs aux origines de la guerre de 1914 (1817—1914)». 2-me, 3-me série. Paris. 1929—1935; «Österreich-Ungarns Aussenpolitik von bosnischen Kriese 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914». Bd. 1—9. Wien — Leipzig. 1930, и др.

[3] См., например, P. Silva. Italia, Francia, Inghilterra nel Mediterraneo. Varese — Milano. 1939, p. 155.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 137.

ческой борьбы вокруг вопросов о независимости Албании, воссоединении Крита и льнейшей судьбе Македонии.

Книга состоит из трех крупных частей, ложение событий в которых подчинено новной цели — показу определяющей ро народных масс в борьбе за национальне и экономическое освобождение Крита, бании и Македонии. Автор анализирует литику европейских держав на различных апах национально-освободительного движения в Европейской Турции, консолидаю двух основных империалистических уппировок в Европе и их взаимоотношеия в связи с дележом европейских владей Турции. И. С. Галкин справедливо подркивает немаловажное значение албаного и македонского вопросов в обострени империалистических противоречий на лканах в тот период.

Первая часть книги («Критский вопос и позиция европейских держав в 05—1912 гг.») посвящена народной борьз за воссоединение о-ва Крит с Грецией. оследовательно, на убедительных примеих автор разоблачает политику Англии критском вопросе, правящие круги котоой, пожалуй, с наибольшим рвением по авнению с другими «державами-освобоительницами» стремились закрепиться на ой чрезвычайно важной в стратегическом ношении территории.

И. С. Галкин показывает, как от восания к восстанию множились ряды учаников национально-освободительного двиения, которое расширялось главным обзом за счет крестьянства, боровшегося ликвидацию национального и экономиского гнета турецких помещиков, турецой администрации. Народное движение, провождавшееся острыми политическими олкновениями различных партий и групировок как на самом Крите, так и в Грении, привело к воссоединению острова с рецией.

Нам представляется, что в главах, посвященных Криту, необходимо было более одробно осветить экономические вопросы. этой части книги основное место уделено олитическим событиям — дипломатичеой борьбе и движению за национальное вобождение. Поэтому тезис о том, что мым главным в национально-освободиьной борьбе было стремление к экономическому освобождению, в какой-то степени остается декларативным, недостаточо подкрепленным конкретными фактами. акое впечатление складывается также и потому, что о положении крестьян, об их взаимоотношениях с помещиками-турками говорится не в начале работы, а в конце, в первом параграфе главы третьей («Политическая борьба на Крите в 1911—1912 годах и провозглашение воссоединения с Грецией»).

Вторая и третья части книги посвящены борьбе албанцев и македонцев с турецким господством, а также политике европейских держав. Автор подчеркивает новые явления в освободительном движении Албании и Македонии: создание организаций, осуществлявших общее руководство этим движением (Центральный повстанческий комитет в Албании; Внутренняя македонская революционная организация) и ставивших своей целью подготовку и проведение всеобщего восстания. Автор приводит интересные факты о контактах между албанскими и македонскими повстанцами, их стремлении к совместной антитурецкой борьбе (стр. 238—239).

Подъем национально-освободительного движения порабощенных турецкими феодалами народов вызвал заметное оживление дипломатии европейских держав. Последние уже не могли задержать, приостановить эту борьбу и прилагали поэтому максимум усилий для того, чтобы использовать ее в своих интересах. В данной книге дипломатическая история предвоенного периода изложена более подробно, чем в других работах, посвященных той же или смежной тематике [5].

Антитурецкая борьба народов Албании и Македонии в конечном итоге не завершилась завоеванием подлинной независимости. Но если албанцы смогли все же добиться создания национального государства, независимость которого была провозглашена 28 ноября 1912 г., то судьба Македонии сложилась иначе. В силу ряда внутренних и внешних условий, которые подробно анализирует автор, борьба македонского народа не привела в исследуемый период к его национальному освобождению. Македонский вопрос решался не демократическим путем, а междоусобными войнами «малых» балканских государств при прямом вмешательстве европейских империалистических держав (стр. 246).

Несколько затрудняет пользование книгой отсутствие карт. Карты необходимы, тем

---

[5] Ср., например, И. Г. Сенкевич. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М. 1959.

более что автор нигде не оговаривает несоответствие современных государственных границ с условными границами прежних территорий Албании и Македонии. Читателю трудно избежать путаницы в определении принадлежности таких, например, районов, как Дибрский санджак, Янинский и Монастирский вилайеты, и других.

В книге имеются и некоторые неточности. Так, вряд ли справедливо утверждение, что в XIX в. национальное движение албанцев выражалось только в «культурно-просветительной деятельности» (стр. 109). История Призренской лиги свидетельствует о том, что в определенные периоды антитурецкое движение еще в XIX в. принимало формы вооруженной борьбы. Не следовало, как нам кажется, без соответствующего комментария ссылаться на мнение русского консула Калмыкова о том, что в 1912 г. албанская революция «принимает характер турецкой революции», особенно применительно к событиям лета 1912 г., за которыми названный консул «внимательно наблюдал» (стр. 166).

Несколько вразрез с общей характеристикой, данной в книге Исмаилу Кемалю как одному из лидеров албанского освободительного движения, выглядит освещение его позиции во время событий в августе 1912 г., когда Кемаль-бей охотно согласился оказать услугу турецкому правительству и выступить посредником в переговорах с албанскими повстанцами с целью «замирения» последних (стр. 174).

Эти частные недостатки не снижают общего благоприятного впечатления, складывающегося при чтении монографии. Данная книга, являющаяся солидным научным исследованием, представляет несомненный интерес для всех историков, занимающихся проблемами, связанными с национально-освободительным движением на Балканах.

Н. Д. Смирнова

«Тайпинское восстание. 1850—1864 гг.». Сборник документов. Составители В. П. Илюшечкин, О. Г. Соловьев. Переводчики Ду И-синь, В. П. Илюшечкин, Линь Цзюнь-и, О. Г. Соловьев, Н. Х. Ян. Изд-во восточной литературы. М. 1960. Тираж 1 200 экз. 325 стр. Цена 1 руб. 50 коп.

Крестьянская война в Китае середины XIX в.— Тайпинское восстание — вызывает большой интерес историков как одно из наиболее важных событий новой истории Китая.

Многие вопросы истории Тайпинского восстания проанализированы в работах Ло Эр-гана [1], Фань Вэнь-ланя [2] и других китайских исследователей. В изучение крестьянской войны тайпинов внесли свой вклад и советские историки, прежде всего Г. С. Кара-Мурза [3]. Однако некоторые важные проблемы истории движения тайпинов разрешены еще далеко не полностью; существует немало спорных оценок и характеристик.

Большое значение для дальнейшего исследования движения тайпинов имеет публикация документов и других источников. Китайские ученые в течение ряда лет издают материалы по истории Тайпинского восстания. Крупной работой такого рода является восьмитомник «Тайпинское государство» («Тайпин тяньго»), выпущенный в 1952 г. «Обществом по изучению истории Китая» [4].

В 1960 г. Институт народов Азии подготовил, а Издательство восточной литературы выпустило в свет на русском языке сборник документов по истории Тайпинского восстания, составленный В. П. Илюшечкиным и О. Г. Соловьевым.

Предисловие к книге, написанное В. П. Илюшечкиным, содержит общий обзор литературы и источников по истории Тайпинского восстания и характеризует документы и материалы, включенные в рецензируемое издание.

Сборник состоит из 42 документов и материалов, которые (в том числе и наиболее крупные, такие, как «Земельная система Небесной династии», «Новое сочинение в помощь управлению», глава из книги «Свод сведений о положении в стане мятежников», «Показания Ли Сю-чэна» и др.) взяты из опубликованных в Китае сборников [5]. Документы сгруппированы в шести

---

[1] О работах Ло Эр-гана см. «Вопросы истории», 1954, № 9, стр. 160—164; 1957, № 3, стр. 187; «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 148—155.

[2] Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М. 1955 (перевод с китайского).

[3] Г. С. Кара-Мурза. Тайпины. М. 1941.

[4] Подробно об этом издании см. «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 162—167.

[5] «Тайпин тяньго». Пекин. 1952; «Тайпин тяньго вэнь-сюань». Шанхай. 1956; «Тайпин тяньго шиляо дии цзи». Пекин. 1926; «Тайпин тяньго шиляо». Пекин. 1950; «Тайпин тяньго гэмин вэньу тулу». Шанхай. 1952; «Тайпин тяньго гэмин вэньу тулу сюйпянь». Шанхай. 1953; «Тайпин тяньго дэ вэнь». Шанхай. 1916; Ло Эр-ган. Тайпин тяньго шиляо каоши цзи. Пекин. 1956.

тематических разделах: «Программные документы», «Внутренняя политика», «Военное дело», «Внешняя политика», «Идеология», «Показания тайпинских вождей на допросах».

Материалы сборника говорят о патриотическом и антифеодальном характере восстания. Ненавистью к маньчжурским феодалам — поработителям китайского народа — пронизаны многие документы, написанные тайпинскими руководителями (например, «Манифест о необходимости уничтожения северных варваров по воле неба», авторами которого были выдающиеся вожди тайпинов Ян Сю-цин и Сяо Чао-гуй). В книге приводится обращение знаменитого тайпинского полководца Ли Сю-чэна, в котором говорится о «борьбе с тиранией» (стр. 71).

Включенные в сборник документы неопровержимо свидетельствуют о том, что Тайпинское восстание представляло собой грандиозную попытку покончить с маньчжурским господством и феодальным гнетом, что тайпины мечтали создать национальное китайское государство, в котором должно было быть «полное равенство», а все люди должны были иметь достаточно пищи и одежды (стр. 30). Последние слова взяты из главного программного документа тайпинов «Земельная система Небесной династии», составленного в 1853 г. в Нанкине, столице Тайпинского государства. Содержание этого документа свидетельствует о том, что глава Тайпинского государства Хун Сю-цюань и его соратники считали своей главной задачей демократическое разрешение аграрного вопроса, передачу крестьянству помещичьих земель.

Документы рецензируемого сборника показывают сильные и слабые стороны Тайпинского восстания. Их анализ помогает понять, как монархическая система Тайпинского государства вступала в противоречие с демократическими установками тайпинов, а религиозные воззрения тайпинов затрудняли ведение ими борьбы против угнетателей-феодалов и иностранных агрессоров. Тайпины совершили также ряд чисто военных ошибок. В их лагере начали возникать элементы перерождения. Об этом говорится, в частности, в «Показаниях Ли Сю-чэна», где указывается, например, что по вине отдельных тайпинских командиров были сожжены деревни и убиты мирные жители в долине реки Янцзы, тогда как «прежде, когда восстание только распространилось на эти районы, не было ни одного случая скверного отношения к местному населению» (стр. 216).

В сборнике есть интересные материалы, характеризующие социально-политические установки тайпинов (в том числе «гимны» и «поучения» Хун Сю-цюаня). Они имеют важное значение для всестороннего исследования истории Тайпинского восстания, ибо отражают всю сложность, а иногда и противоречивость отношения тайпинов к основным социальным и политическим проблемам Китая середины XIX века. Большой интерес представляют также материалы допросов плененных тайпинских вождей. Чрезвычайно любопытно содержащееся в показаниях Лай Вэнь-гуана упоминание о том, что в 1866 г. он приказал трем тайпинским командирам идти со своими войсками на северо-запад для соединения с участниками дунганского восстания в провинциях Ганьсу и Шэньси, «чтобы создать для противника угрозу с двух сторон» (стр. 287). Документы, помещенные в разделе «Военное дело», говорят о том, что тайпины сумели создать относительно дисциплинированную и сильную армию, что стало одной из предпосылок многих блестящих побед, одержанных ими над войсками маньчжуро-китайских феодалов и иностранных агрессоров.

К числу достоинств сборника надо отнести наличие комментариев к документам, постраничных примечаний, справок о тайпинских титулах и рангах, аннотированного именного указателя, а также указателя географических названий.

На наш взгляд, следует упрекнуть составителей сборника в некоторых упущениях. В предисловии к сборнику сравнивается программа реформ буржуазного характера, предложенная Хун Жэнь-ганем в его «Новом сочинении в помощь управлению», с «Земельной системой Небесной династии», намечавшей уравнительное распределение земли среди крестьян. При этом предпочтение отдается программе Хун Жэнь-ганя как «более реалистической». С этим нельзя согласиться, ибо именно требование полного равенства мелких производителей всегда являлось могучим стимулом в борьбе против феодализма и, следовательно, было глубоко прогрессивным и реалистичным.

Известно, что тайпины защищали интересы крестьян и были грозой для помещиков. Не случайно в книге реакционера Чжан Дэ-цзяня «Свод сведений о положении в стане мятежников» (10-я глава ко-

торой включена в сборник) сообщается, что в занимаемых тайпинами районах «богатые и образованные люди были обречены на гибель, а сильные и здоровые бедняки добровольно примыкали к мятежникам...» Там же отмечалось, что «сельское население, не имеющее средств к существованию, примыкает к мятежникам без какого бы то ни было принуждения» (см. стр. 85). Однако, если читатель сравнит это свидетельство с документом № 18 (стр. 75—76) и особенно с комментарием к нему, у него может возникнуть недоумение. В комментарии говорится, что в уездах Уси и Цзиньгуй «местными помещиками с разрешения тайпинских властей» было создано бюро «для выколачивания арендной платы с арендаторов» (стр. 296). Подобная характеристика отношения тайпинов к помещикам, с одной стороны, и к крестьянам-арендаторам — с другой, явно противоречит не только свидетельству Чжан Дэ-цзяня, но и другим данным. Комментарий следовало бы в данном случае сделать более подробным, подчеркнув, что этот отдельный факт не может считаться типичным для всей политики тайпинов по отношению к крестьянству.

Спорной является содержащаяся в предисловии к сборнику оценка отношения тайпинов к иностранным агрессорам. «Хотя некоторые руководители восстания иногда выражали возмущение вероломством иностранцев,— пишет В. П. Илюшечкин,— однако, судя по показаниям Ли Сю-чэна и Хун Жэнь-ганя, они только перед самой своей гибелью поняли агрессивную сущность политики капиталистических держав и огромную опасность этой политики для Китая» (стр. 17). Действительно, некоторые места в этих документах да и в переписке тайпинов с иностранными дипломатами и военными, дают основание к такому заключению. Однако нельзя игнорировать тот факт, что в течение ряда лет тайпины воевали с иностранными войсками. Нельзя абстрагироваться от тех побед, которые одерживали тайпинские войска под руководством Ли Сю-чэна в боях с войсками американца Уорда, англичанина Гордона, француза Проте и т. д. Да и в самом сборнике встречаются сообщения, не совпадающие с мнением, приведенным выше. Так, в именном указателе о тайпинском командире Линь Шао-чжане говорится, что он «с весны 1862 г. ведал иностранными делами, последовательно боролся против агрессии капиталистических держав в Китае» (стр. 305).

Не вполне продуман составителями вопрос о хронологии Тайпинского восстания. В названии сборника имеются даты: 1850—1864 годы. Восстание в Цзиньтяне относится составителями примечаний и именного указателя к 1850 году. Действительно, вооруженная борьба тайпинов началась в 1850 г., однако, по данным китайских историков, начало восстания против Цинов было провозглашено в Цзиньтяне 11 января 1851 года[6]. В связи с этим столетие Тайпинского восстания отмечалось в КНР не только в 1950 г., но и 11 января 1951 года. Между прочим, в «Показаниях Хун Жэнь-ганя» также говорится о том, что повстанцы в Цзиньтяне нарекли текущий (1851) год «первым годом Небесного государства великого благоденствия» (стр. 278).

В именном указателе отмечено, что Хун Сю-цюань «в 1850 г. стал главою Тайпинского государства» (стр. 309). А в комментариях к документам №№ 1, 2, 3 указано, что Тайпинское государство было основано 17 декабря 1851 года.

В целом надо сказать, что выход в свет рецензируемого сборника — положительное явление в советском китаеведении.

М. Ф. Юрьев

---

[6] См. статью Ло Эр-гана в газете «Жень-минь жибао», 11 января 1951 года.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Абдунабиев А. *В. И. Ленин о коммунистическом воспитании молодежи.* К сорокалетию выступления В. И. Ленина на III съезде комсомола. Ташкент. «Еш гвардия». 1960. 48 стр. 10 000 экз. 5 коп.

Абу Дулаф. *Вторая записка.* Изд. текста, перевод, введ. и коммент. П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М. Изд-во вост. лит. 1960. 111, 77 стр. 1 800 экз. 80 коп.

Алексеев В. Н. *Накопление капитала и обнищание пролетариата.* Очерк марксистско-ленинской теории. Минск. Изд-во Белорусск. ун-та. 1960. 243 стр. 1 600 экз. 88 коп.

Андреев П. П. и Тельпуховский Б. С. *Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны. Июнь 1941 г.— 1945 г.* М. Изд-во ВПШ и АОН. 1961. 208 стр. 36 000 экз. 22 коп.

Бобович И. М. и Пажитнова Т. К. *Лекции по истории народного хозяйства СССР. Эпоха капитализма.* Л. Изд-во Ленинград. ун-та. 1961. 152 стр. 8 000 экз. 30 коп.

Большевики Смоленщины до Октября 1917 года. Сборник документов. Сост. М. В. Воробьев, Н. П. Галицкая и Р. И. Островская. [Введ. Д. Будаева]. Смоленск. Кн. изд-во. 1961. 316 стр. 2 000 экз. 52 коп.

Борисов М. *Подготовка партией наступления социализма по всему фронту. 1926—1929 гг.* М. Госполитиздат. 1961. 160 стр. 35 000 экз. 20 коп.

Буренин Н. Е. *Памятные годы.* [Предисл. Е. Стасовой. Послесл. С. Полесьева]. Л. Лениздат. 1961. 200 стр.; 1 л. портр. 25 000 экз. 47 коп.

Воспоминания большевика, активного участника революционной борьбы, встречавшегося с В. И. Лениным, А. М. Горьким, Л. Б. Красиным и другими деятелями партии.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. В 4-х т. Т. 3. 26 июля — 11 сентября 1917 года. Сост. С. Л. Дмитренко и Б. М. Кейрим-Маркус. М. Изд-во АН СССР. 1960. 590 стр. 4 000 экз. 3 р. 15 к.

Воспоминания о Владимире Ильиче. Ч. 3. М. Госполитиздат. 1961. 446 стр.; 8 л. илл. 100 000 экз. 85 коп.

Гернет М. Н. *История царской тюрьмы.* В 5 т. Изд. 3-е. [Вступит. статья А. Герцензона]. Т. 1. 1762—1825. М. Госюриздат. 1960. 384 стр.; 11 л. илл. 18 000 экз. 1 р. 46 к.

Глаголева В. А. *Борьба Коммунистической партии за развитие социалистической революции и упрочение Советской власти.* Октябрь 1917 г.— 1918 г. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1961. 82 стр. 32 000 экз. 9 коп.

Годы и люди. Статьи и очерки об участниках борьбы за Советы в Забайкалье. Чита. Кн. изд-во. 1960. 415 стр. 7 000 экз. 60 коп.

Даниялов Г. Д. *Социалистические преобразования в Дагестане. 1920—1941 гг.* Махачкала. Дагкнигоиздат. 1960. 543 стр. 2 000 экз. 2 р. 30 к.

Дорогой борьбы и славы. [Предисл. А. А. Гречко]. М. Госполитиздат. 1961. 543 стр.; 4 л. илл. 42 000 экз. 90 коп.

Сборник воспоминаний советских воинов — участников Великой Отечественной войны.

XXI съезд КПСС и вопросы развития Советского государства. Сборник статей. М. Госюриздат. 1960. 212 стр. 2 000 экз. 68 коп.

Драгилев М. и Руденко Г. *Монополистический капитализм. Очерки основных черт империализма.* М. Соцэкгиз. 1961. 479 стр. 10 000 экз. 1 р. 12 к.

Еренов А. Е. *Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов.* Алма-Ата. Изд-во АН КазССР. 1960. 158 стр. 2 065 экз. 65 коп.

Ерицян Х. А. *Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции.* М. Соцэкгиз. 1960. 191 стр. 4 000 экз. 40 коп.

За власть Советов. Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Сост. Ф. П. Байчиков и др. Под ред. Х. С. Сайранова и др. Уфа. Башкнигоиздат. 1961. 371 стр. 10 000 экз. 62 коп.

Из истории Калининской области. Статьи и документы. Калинин. Кн. изд-во. 1960. 195 стр. 3 000 экз. 27 коп.

Из истории новосибирских заводов и фабрик. [Сборник статей]. Сост. А. Никульков. Новосибирск. Кн. изд-во. 1961. 130 стр. 5 000 экз. 17 коп.

Климушев В. Я. *Борьба Коммунистической партии за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства.* Победа социализма в СССР. 1933—1937 гг. Материалы к лекциям по истории КПСС. М. «Высш. школа». 1961. 68 стр. 12 900 экз. 10 коп.

Колосов П. И. *Коммунистическая партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. 1918—1920 гг.* М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 136 стр. 33 800 экз. 15 коп.

Коммунистическая партия — организатор победы социалистической революции. Март — октябрь 1917 г. Документы и материалы. М. Госполитиздат. 1961. 503 стр. 35 000 экз. 82 коп.

Корзун И. Д. *Первые шаги социалистической индустриализации. Из истории борьбы тверских коммунистов за социалистическую индустриализацию в период между XIV и XVI съездами партии.* Калинин. Кн. изд-во. 1960. 110 стр. 3 000 экз. 14 коп.

Кревских Е. Г. *Коммунистическая партия Туркменистана в борьбе за выполнение III пятилетнего плана.* 1938 — июнь 1941 г. Ашхабад. Туркменгосиздат. 1960. 187 стр. 2 000 экз. 49 коп.

Лесной В. М. *Руководящая роль КПСС в Советском государстве.* М. Изд-во Моск. ун-та. 1961. 56 стр. 7 500 экз. 10 коп.

Маковельский А. О. *Авеста.* Баку.

Изд-во АН АзССР. 1960. 144 стр. 1 100 экз. 60 коп.

Мерперт Н. Я. и Шелов Д. Б. *Древности нашей земли.* М. Изд-во АН СССР. 1961. 240 стр. 5 000 экз. 1 руб.

Мкртчян С. и Широян Р. *Они живут в наших сердцах.* Ереван. Айпетрат. 1960. 115 стр. 2 000 экз. 22 коп.

Очерки о борцах за установление Советской власти в Армении.

Молодая гвардия. Сборник документов и воспоминаний о героической борьбе подпольщиков Краснодона в дни временной фашистской оккупации (июль 1942 — февраль 1943). Сост. А. П. Ващенко и др. Киев. «Молодь». 1961. 281 стр.; 12 л. илл. 35 000 экз. 54 коп.

На Пресненском валу. М. «Моск. рабочий». 1961. 186 стр. 4 000 экз. 32 коп.

Книга об истории московского завода литейных машин «Красная Пресня».

Нарский И. С. Очерки по истории позитивизма. М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 200 стр. 6 000 экз. 66 коп.

Нейштадт С. А. *Экономическое развитие Казахской ССР. Период социализма и развернутого строительства коммунизма.* Алма-Ата. Казгосиздат. 1960. 384 стр. 8 000 экз. 68 коп.

Некоторые вопросы истории КПСС. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1961. 183 стр. 4 000 экз. 82 коп.

Некоторые вопросы ленинского философского наследства. Материалы конференции, посвященной 50-летию книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Отв. ред. А. П. Бунтин. Томск. Изд-во Томского ун-та. 1960. 192 стр. 1 000 экз. 98 коп.

Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата. Изд-во АН КазССР. 1960. 225 стр.; 2 л. илл. 1 040 экз. 1 р. 62 к.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7-ми т. Под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 7. Заключительные речи главных обвинителей. Последние слова подсудимых. Приговор. М. Госюриздат. 1961. 760 стр.; 6 л. илл. 46 000 экз. 1 р. 85 к.

Очиров Ц. О. *Партийная организация Бурятии в борьбе за новый подъем культуры. 1956—1960 гг.* Улан-Удэ. Бурят. кн. изд-во. 1960. 244 стр. 1 500 экз. 39 коп.

Павлов К. П. *Роль государственной монополии внешней торговли в построении социализма в СССР. 1918—1937.* М. Соцэкгиз. 1960. 184 стр. 4 000 экз. 67 коп.

Партия большевиков в период реакции. 1907—1910 гг. Документы и материалы. М. Госполитиздат. 1961. 416 стр. 35 000 экз. 68 коп.

Первый съезд женщин Бурятской АССР. 8—9 июля 1960 г. Материалы съезда. Улан-Удэ. Бурят. кн. изд-во. 1960. 114 стр. 13 коп.

Перло В. *Экономическое соревнование СССР и США.* Пер. с англ. М. Изд-во иностр. лит. 1960. 164 стр. 32 коп.

Автор — американский экономист, в течение двух месяцев изучавший в СССР советскую экономику.

Пештич С. Л. *Русская историография XVIII века.* Ч. 1. Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1961. 276 стр. 1 900 экз. 1 р. 22 к.

Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926—1932 гг. [Под ред. И. А. Гладкова]. М. Изд-во АН СССР. 1960. 574 стр. 4 000 экз. 2 р. 30 к.

Постановления январского Пленума ЦК КПСС 1961 года. М. Госполитиздат, 1961. 31 стр. 1 000 000 экз. 3 коп.

Профсоюзы в борьбе за технический прогресс. [Сборник статей]. М. Профиздат. 1960. 336 стр. 9 000 экз. 58 коп.

Ростовцев М. *Рязанская область.* Экон.-геогр. очерк. Рязань. Кн. изд-во. 1960. 226 стр.; 2 л. карт. 5 000 экз. 53 коп.

Сафаргалиев М. Г. *Распад Золотой Орды.* Саранск. Мордовск. кн. изд-во. 1960. 276 стр.; 2 отд. л. илл. 1 500 экз. 1 р. 11 к.

Слабкий А. С. *Мировоззрение Н. В. Шелгунова.* Харьков. Изд-во Харьк. ун-та. 1960. 194 стр.; 1 л. портр. 2 000 экз. 67 коп.

Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. [Сборник статей]. Ред.-сост. В. Е. Быстров. М. Госполитиздат. 1960. 831 стр. 50 000 экз. 1 р. 22 к.

СССР и США. Цифры и факты. М. Госполитиздат. 1961. 134 стр. 250 000 экз. 20 коп.

Тишков И. А. *Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенный период.* 1945—1953 гг. М. «Высш. школа». 1960. 123 стр. 13 000 экз. 19 коп.

Трудящиеся Харьковской области в Великой Отечественной войне. Харьков. Кн. изд-во. 1960. 204 стр. 2 200 экз. 43 коп.

Фрунзе М. В. *Пятая годовщина Советской власти.— О союзном объединении Советских республик.— 25 лет РКП(б).* М. Госполитиздат. 1960. 52 стр. 56 000 экз. 6 коп.

Чагин Б. А. *Ленинский этап в развитии марксистской философии.* Л. 1960. 140 стр. 17 000 экз. 27 коп.

Шамагдиев Ш. А. *Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине.* Ташкент. Изд-во АН УзССР. 1961. 388 стр. 1 000 экз. 1 р. 99 к.

Всеобщая история

Африка. 1960. Краткий справочник. Территория. Население. Экономика. Государственный строй. Внешняя политика. Авт. предисл. и отв. ред. П. И. Глушаков. М. Изд-во ИМО. 1960. 138 стр. 60 000 экз. 20 коп.

Алиман А. *Доисторическая Африка.* Пер. с франц. М. Изд-во иностр. лит. 1960. 503 стр.; 21 л. илл. 2 р. 57 к.

Библиография Юго-Восточной Азии. Дореволюционная и советская литература на русском языке, оригинальная и переводная. Сост. А. М. Гришина и др. Библиогр. ред. Д. А. Бирман. М. Изд-во вост. лит. 1960. 256 стр. 1 600 экз. 1 р. 10 к.

Вопросы истории и экономики стран Юго-Восточной Азии. М. Изд-во вост. лит. 1960. 84 стр. 1 300 экз. 50 коп.

Гомулка В. *Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма. Под руководством марксистско-ленинской партии к победе социализма.* Отчетный доклад Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии III съезду ПОРП. Знамя нашей эпохи. М. Госполитиздат. 1960. 191 стр. 51 500 экз. 24 коп.

XII съезд Коммунистической партии Финляндии. Хельсинки. 15—18 апреля 1960 г. Пер. с фин. М. Госполитиздат. 1961. 160 стр. 20 коп.

Дмитриев Б. *Пентагон и внешняя политика США.* М. Изд-во ИМО. 1961. 286 стр. 10 000 экз. 90 коп.

До Мья Тин. *К вопросу о землевладении в Бирме.* Пер. с англ. Послесл. В. Ф. Васильева. М. Изд-во иностр. лит. 1961. 133 стр. 42 коп.

Индия и Пакистан. М. Изд-во вост. лит. 1961. 119 стр. 1 300 экз. 64 коп.

Кауфман А. С. *Рабочий класс и национально-освободительное движение в Бирме.* М. Изд-во вост. лит. 1961. 144 стр. 1 300 экз. 45 коп.

Рассматривается период с 20-х годов XX в. до завоевания Бирмой независимости в 1948 году.

Лидин А. *Государственный строй Канады.* М. Госюриздат. 1960. 69 стр. 16 000 экз. 8 коп.

Локк Д. *Избранные философские произведения.* В 2 т. [Пер. с англ.]. Т. 2. М. Соцэкгиз. 1960. 532 стр. 5 000 экз. 2 р. 12 к.

Мирский Г. И. *Ирак в смутное время. 1930—1941.* М. Изд-во вост. лит. 1961. 186 стр. 2 400 экз. 50 коп.

Митбрейт Б. А. *Очерки истории Коммунистического Союза молодежи Китая.* М. Изд-во вост. лит. 1961. 190 стр. 3 100 экз. 63 коп.

Попов В. А. *Крестьянское движение в Японии после второй мировой войны.* М. Изд-во вост. лит. 1961. 186 стр. 1 200 экз. 65 коп.

Савельев Н. *Филиппины.* Экон. очерк. М. Соцэкгиз. 1960. 144 стр. 5 000 экз. 18 коп.

Соединенные Штаты Америки. Словарь-справочник. Под общ. ред. А. А. Арзумяна и др. М. Госполитиздат. 1960. 612 стр. 75 000 экз. 1 р. 50 к.

III съезд Румынской рабочей партии. Бухарест. 20—25 июня 1960 г. Пер. с румын. М. Госполитиздат. 1961. 240 стр. 50 коп.

XVI Национальный съезд Коммунистической партии Канады. Торонто. 9—12 октября 1959 г. [Пер. с англ.]. М. Госполитиздат. 1961. 127 стр. 14 коп.

Шуцкий Ю. К. *Китайская классическая «Книга Перемен»* [Предисл. Н. Конрада]. М. Изд-во вост. лит. 1960. 424 стр. 1 400 экз. 2 р. 20 к.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«История СССР» № 1, 1961. «Марксистско-ленинский анализ современной исторической эпохи». Передовая; Ю. А. Поляков, Л. В. Черепнин. Вопросы истории СССР на XI Международном конгрессе историков; Г. М. Максимов. Движение и состав населения СССР; У. И. Сидамонидзе. К истории Закавказской федерации советских республик; Я. П. Крастынь. О характере младолатышского движения; Ф. А. Грекул. О «реформе» 1749 года в Молдавии; М. Е. Найденов. Проблемы периодизации советской исторической науки; Г. И. Чернявский, Д. Даскалов. Судьбы русской белоэмиграции в Болгарии; В. Г. Серебренникова. Демократический журнал «Дело» в годы общественного подъема (Конец 70— начало 80-х годов XIX в.); А. И. Юхт. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII века; Г. Е. Рейхберг, Б. С. Шапик. Об участии американских рабочих в восстановлении народного хозяйства Советской республики; Умберто Черрони. Изучение истории СССР в Италии; А. Андерле, З. Квилич. Бывший зонерфюрер в погоне за «исторической правдой».

«Новая и новейшая история» № 1, 1961. Вальдек Роше. Сорок лет Коммунистической партии Франции; А. А. Губер. Некоторые проблемы новой и новейшей истории на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме; Луис Балагер. Компартия Испании живет и борется (К выходу в свет «Краткого курса истории Коммунистической партии Испании»); В. Э. Кунина. Роль К. Маркса и Ф. Энгельса в создании и упрочении Британского федерального совета (1871—1873 гг.); В. М. Далин. Социальные идеи Бабефа накануне революции (К 200-летию со дня рождения Бабефа); А. Д. Галкина. Борьба КПГ за вовлечение крестьянства в антифашистское движение в 1930—1932 годах; Д. П. Прицкер, Е. М. Тепер. Вооруженное восстание пролетариата Астурии в октябре 1934 года; Л. Н. Еремин. Против фальсификации истории создания ООН; Андрей Оцетя. Объединение румынских княжеств; В. С. Эйсымонт. Фальсификация западногерманскими историками польско-германских отношений.

«Исторический архив» № 1, 1961. Документы: «Из истории советско-американских культурных и экономических связей (1931—1937 гг.)». Подг. Ф. К. Межлаук, А. А. Новикова; «Золотой эшелон» (Возвращение золотого запаса РСФСР. Март — май 1920 г.)» Подг. А. П. Кладт, В. А. Кондратьев; «Литовские буржу-

азные националисты и захват Клайпеды фашистской Германией». Подг. И. А. Раугалайте, Г. П. Сувейздене; «Записка П. А. Валуева Александру II о проведении реформы 1861 г.». Подг. О. Н. Шепелева. Дневники: Л. Д. Шевяков. Люди науки на Урале в дни войны (1941—1943 гг.). Г. А. Белов. Международный конгресс архивистов в Стокгольме; Н. А. Ивницкий. О некоторых вопросах публикации документов по истории советского общества; Б. В. Левшин. Из истории деятельности ученых в восточных районах страны (1941—1943 гг.); В. Г. Кзартмян. Из опыта работы армянских архивистов; В. П. Николаева, И. Я. Трифонов. Обзор документов центральных архивов о борьбе за утверждение советского строя в Средней Азии.

«Советская археология» № 1, 1961. В. Е. Ларичев. Бронзовый век Северо-Восточного Китая (По материалам раскопок китайских и японских археологов); В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века; К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей; Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе; М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.—I в. н. э.; Э. О. Берзин. Горгиппийский агонистический каталог; Х. А. Алпысбаев. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане; И. И. Аханов. Геленджикские подкурганные дольмены; В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.; Г. Тончева. Новые сосуды-тигли в Варненском музее; В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550—650 гг.); Е. А. Давидович. Канибадамский клад караханидских монет (К характеристике обращения медных посеребренных дирхемов в конце XII—начале XIII вв.); Л. А. Голубева. Могильник X—середины XI в. на Белом озере; В. А. Уртан. Древние щиты на территории Латвийской ССР; Е. В. Мышковский. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV—XVI вв.; Е. А. Румянцев. Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая.

«Советская этнография» № 1, 1961. «По ленинскому победному пути (К 40-летию советских республик Кавказа)». Передовая; М. Г. Левин. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник (К методологии изучения истории бесписьменных народов); А. И. Робакидзе. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища; Б. А. Калоев. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей; С. М. Абрамзон. Преобразования в хозяйстве и культуре казахов за годы социалистического строительства; С. А. Арутюнов, А. И. Мухлинов. Материалы по этнолингвистической классификации народов Вьетнама; В. Я. Кацман. Рост имущественной дифференциации среди африканского крестьянства Танганьики после второй мировой войны; Е. А. Тарвердова. О некоторых специфических особенностях ислама в Западном Судане в XIII—XVI вв.; Я. А. Федоров. К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана; В. П. Алексеев. О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры; К. Г. Гуслистый, В. Ф. Горленко. О периодизации истории украинской этнографии; А. Г. Трофимова. Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем; Л. Е. Куббель. Древнейшее сообщение об обычае соправления брата и сестры у африканских народов; Г. А. Пугаченкова. Бронзовое зеркало из Термеза.

«Военно-исторический журнал» № 2, 1961. А. Гречко. Военная история и современность; А. Тодорский. Думы участника гражданской войны; Б. Бэлтяну. Влияние Сталинградской битвы на политическое положение в Румынии; В. Ванеев. Из истории «войны в эфире» на Западе; Е. Молотков. Военный вопрос на X съезде партии (к 40-летию съезда); И. Краснов. Советские броневые части в гражданской войне; В. Янкович. К истории возникновения радиоразведки в русском флоте.

«Вестник АН СССР» № 12, 1960. М. Г. Левин. Конгресс антропологов и этнографов в Париже.

«Вестник АН СССР» № 1, 1961. «Выдающийся документ научного коммунизма». Передовая; Б. Н. Аракелян. Археологические работы в Армении; А. В. Топчиев. Ученые в защиту мира; «Заявление VI Пагуошской конференции ученых».

«Вестник истории мировой культуры» № 1(25), 1961. В. А. Туманов. «Государство всеобщего благоденствия»: миф или действительность? В. А. Куманев. Опыт ликвидации неграмотности в СССР; Прасанта Чандра Махаланобис. Развитие научных учреждений в Индии; Ю. Ф. Новиков. Из истории пахотных орудий в России; И. В. Можейко. Зарождение и истоки бирманской культуры; Ю. А. Зубрицкий. Латинидад и его сущность; Е. В. Чистякова. Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история».

«Вестник Ленинградского университета» № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1, 1961. Н. С. Брель. Новые документы В. И. Ленина; М. А. Ковальчук. Разработка В. И. Лениным парламентской тактики большевиков в годы реакции; А. Ф. Калинин. Массовая работа Советов в период обсуждения и принятия Конституции СССР 1936 года (По материалам Ленинграда и Ленинградской области); В. С. Монахов. Из опыта работы партийных организаций Северо-Запада РСФСР в борьбе за подъем сельского хозяйства (1953—1956 гг.). (Подбор кадров и усиление политической работы в льноводческих колхозах); Н. В. Юхнева. На-

кануне Обуховской обороны (Первомайская стачка в Петербурге в 1901 году); И. В. Степанов. К истории крестьянской войны под предводительством Степана Разина (Смотренный список № 38 как исторический источник); В. В. Штокмар. К вопросу об экономической политике Тюдоров (Статут об учениках 1563 года); Т. П. Знамеровская. Севильские бодегонес Веласкеса (К 300-летию со дня смерти).

«Известия АН Армянской ССР». Общественные науки № 11, 1960. А. К. Джагацпанян. Развитие промышленности Советской Армении за 40 лет; Ц. П. Агаян. Освещение истории установления Советской власти в Армении в советской армянской историографии; Г. М. Хачатрян. Социалистическая интеллигенция армянского народа (на армян. яз.); Х. А. Барсегян. Из истории организационного оформления Коммунистической партии Армении; А. М. Егиазарян. «Итальянские» статьи Иосифа Атабекяна.

«Известия АН Армянской ССР». Общественные науки № 12, 1960. К. С. Худавердян. Культурное строительство в Советской Армении в годы предвоенных пятилеток; С. М. Акопян. Из истории экономической деятельности американских монополий в Западной Армении (на армян. яз.); Г. М. Еганян. Англо-персидский договор 1919 г. в оценке английской и иранской историографии (на армян. яз.); А. И. Юхт. Правовое положение астраханских армян в первой половине XVIII века.

«Известия АН Казахской ССР». Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 3(14), 1960. Ф. И. Колодин. О сближении колхозно-кооперативной и государственной форм собственности в Казахстане; В. Я. Басин. Социалистическое соревнование в тяжелой промышленности Казахстана в 1941—1945 годах; Л. А. Пинегина. Из истории Балхашского медеплавильного комбината в годы Отечественной войны; К. Нурпеисов. О деятельности Советов Северо-Восточного Казахстана в культурном строительстве до начала гражданской войны (октябрь 1917 — лето 1918 гг.); Л. Ю. Маньковская. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви в г. Туркестане; Э. А. Масанов. Труды Г. Н. Потанина — важный источник по этнографии казахского народа; М. Х. Асылбеков. Революционные прокламации 1905 г. на казахском языке (на казах. яз.); Ю. А. Зуев. Китайские известия о Суябе; Т. Н. Сенигова. Иконографическое изображение из Тараза.

«Известия АН Латвийской ССР» № 10, 1960. Н. Шендрик, А. Холмогоров. Претворим в жизнь решения июльского Пленума ЦК КПСС и III Пленума ЦК КП Латвии; П. Макеев. Об участии латышских стрелков в защите Петрограда осенью 1919 года; И. Лейнасаре. Сельские кузнецы в Видземе в период разложения барщинного хозяйства и утверждения капитализма (на латыш. яз.).

«Известия АН Латвийской ССР» № 11, 1960. K. Graudiņš. A. Sprēslis. Против латышских меньшевиков-эмигрантов — фальсификаторов истории (на латыш. яз.).

«Известия АН Латвийской ССР» № 12, 1960. П. Кудрявцев. Критика буржуазных фальсификаторов «нового течения» (1920—1940 гг.).

«Общественные науки в Узбекистане. АН Узбекской ССР» № 1, 1961. «Великая хартия мира и прогресса». Передовая; З. И. Цунц. О назревших вопросах и перспективах развития пищевой промышленности Узбекистана; Ф. Орипов. О бригадах и передовиках коммунистического труда (на узбек. яз.); Х. Ш. Иноятов. Против фальсификации истории Советской Средней Азии; Х. Мухамедов. «Стена Канпирак». Из истории древних народных оборонительных сооружений в Узбекистане; В. Чеботарева. В. И. Ленин об освободительной борьбе афганского народа; У. Исламов. Открытие неолитической культуры на Махан-Дарье.

«Известия АН Туркменской ССР». Серия общественных наук № 5, 1960. Ш. А. Атаклычев. Борьба за осуществление всеобщего обязательного начального обучения в Туркменской ССР (1930—1937); Н. Кулиев. Из истории философской и социологической мысли в Туркмении (1900—1917 гг.); Л. А. Курбанов. Некоторые вопросы развития экономики и культуры Туркменской ССР; К. Нурмухаммедов. Из истории формирования туркменского населения Ахала.

«Известия АН Туркменской ССР». Серия общественных наук № 6, 1960. Х. Б. Мередов. Развитие экономики и культуры Туркменской ССР в годы семилетки (1959—1965 гг.); П. Реджепов. Из истории строительства Кизыларватских главных железнодорожных мастерских; Н. Кулиев. Утверждение марксистско-ленинского мировоззрения в сознании и культуре туркменского народа в период от Октябрьской революции до победы социализма.

«Известия АН Эстонской ССР». Серия общественных наук № 4, 1960. О. Сепре. О реальной заработной плате низкооплачиваемых рабочих в буржуазной Эстонии (на эстон. яз.); Э. Янсен. О корреспонденции газеты «Сакала» и отражении экономических отношений помещиков и крестьян в ней (на эстон. яз.); Э. Эпик. О шведских военных повинностях эстонского крестьянства в годы Северной войны (на эстон. яз.); Э. Тарвел. Об экономическом развитии государственных фольварков южной Эстонии в конце XVI — начале XVII веков (на эстон. яз.).

«Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР». Вып. X. 1960. З. Н. Ванеев. В. И. Абаев и вопросы истории Осетии; З. Д. Гаглоева. Этнография осетин в трудах В. И. Абаева; Б. З. Плиев. О культурном строительстве в Юго-Осетии в восстановительный период (1921—1925 гг.); Б. В. Техов. Об итогах археологических работ в с. Стыр-

фаз; Б. В. Техов. О монетах античной эпохи из с. Стырфаз (Юго-Осетия).

«Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР». Вып. X, 1960. А. П. Черныш. К вопросу о мустьерских жилищах; Ю. Г. Колосов. Стратиграфия Романковского палеолитического местонахождения; И. Я. Абрамов. Резная орнаментированная кость из с. Романкова; И. Г. Пидопличко. О геологическом возрасте орнаментированного метаподия дикого осла из с. Романкова; Ю. Г. Колосов. Раскопки пещеры Кара-Коба в Крыму; М. Л. Макаревич. Исследования в районе с. Стена на среднем Днестре; М. А. Новицкая. Узорные ткани трипольской культуры; С. С. Березанская. Культуры средней бронзы в левобережном Полесье Украины; В. А. Ильинская. Поселение комаровской культуры у с. Мошны; И. Н. Шарафутдинова. Литейные матрицы на поселениях эпохи поздней бронзы в Нижнем Поднепровье; Ф. М. Заверняев. Поселения эпохи бронзы на Десне; А. М. Лесков. Раскопки каменных ящиков в Байдарской долине в Крыму; А. И. Фурманская. Памятники скульптуры из Тиры; Л. И. Чуистова. Надгробия рубежа н. э. из Керчи; В. В. Лапин. Эллинистические колодцы в прибрежной части Ольвии; В. А. Богусевич. Погребение черняховской культуры в г. Сумы; М. Ю. Брайчевский. Новые находки VII—VIII вв. н. э. на Пастырском городище; Е. В. Веймарн. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму; М. П. Кучера. Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска; Р. И. Выезжаев. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска.

«Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия». Т. LXIII. Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. 1, 1960. В. И. Козлов. Расселение мордвы (Исторический очерк); М. С. Акимова. Краниологическая характеристика мордвы — эрзи; К. Ю. Марк. Этническая антропология мордвы; Б. А. Васильев. Проблема буртасов и мордва; В. П. Ежова. О некоторых этнографических особенностях в культуре мордовского населения Теньгушевского района Мордовской АССР; В. Н. Белицер. Мордва-каратаи и их культура (К вопросу о происхождении).

«Ученые записки Красноярского государственного педагогического института». Кафедра философии и кафедра истории. Т. 18, 1960. Бессмертная сила идей ленинизма. Ю. И. Семенов. В. И. Ленин о категории «общественно-экономический уклад»; П. Н. Павлов. В. И. Ленин и проблема классовой структуры русского общества; В. А. Степынин. В. И. Ленин о колонизации Сибири в эпоху капитализма; Ю. В. Журов. В. И. Ленин о крестьянстве Сибири в 1917—1920 гг.; А. И. Блинов. В. И. Ленин о гражданской войне в США и ее последствиях.

«Ученые записки Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А. А. Жданова» № 289. Кафедра истории КПСС. Серия исторических наук. Вып. 33, 1960. Вопросы истории КПСС. М. И. Лихоманов. Массово-политическая работа Ленинградской партийной организации в первый период Великой Отечественной войны; П. Р. Шевердалкин. Коммунисты — организаторы народной вооруженной борьбы в тылу вражеской армии (По материалам Ленинградской области); Т. А. Ситникова. Коммунисты Выборгского района Ленинграда во главе трудового героизма рабочих в период блокады города; Ф. И. Сирота. Борьба Ленинградской партийной организации за сохранение жизни населения города в период блокады; Н. Д. Худякова. Коммунистическая партия Советского Союза — организатор всенародной помощи блокированному Ленинграду.

«Ученые записки Саратовского юридического института имени Д. И. Курского». Вып. IX, 1960. М. И. Байтин, В. В. Пугачев. Политические идеи Андрея Лоцманова. К истории развития политической мысли выходцев из крепостных рабочих России в первой половине XIX века; Р. А. Лапова. К вопросу роли Советов в Ноябрьской революции 1918 г. в Германии; Б. В. Виленский. Подготовка судебной реформы в России и «Колокол» А. И. Герцена; В. С. Покровский. Древнейшее княжество «Славия» (К вопросу о значении Севера в образовании древнерусского государства).

«Правые социалисты — против социализма». Сборник статей. 1960. Л. Леонтьев. Современный капитализм и правые социалисты; М. Волков. Правые лейбористы — защитники монополистического капитализма; Ю. Рубинский. Французские правые социалисты и буржуазное государство; Е. Амбарцумов. Правые лидеры итальянской социал-демократии — противники единства рабочего движения; А. Вебер. Западногерманская социал-демократия и теория и практика «соучастия» трудящихся в управлении производством; В. Коллонтай. Правые социалисты и колониализм; Г. Ардаев. Новая программа австрийских правых социалистов.

«Сборник студенческих работ Московского государственного библиотечного института». Вып. 2, 1960. О. Д. Елисеева. Отражение событий франко-прусской войны и французской революции 4 сентября 1870 года в русской публицистике.

Хроника научной жизни

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 40-ЛЕТИЮ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Академия общественных наук, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институт истории Академии наук СССР 29—30 декабря 1960 г. провели объединенную научную сессию, посвященную 40-летию Французской коммунистической партии.

Сессию открыл ректор Академии общественных наук, чл.-корр. АН СССР Ю. П. Францев. Во вступительном слове Ю. П. Францев охарактеризовал основные этапы истории Французской коммунистической партии. Оратор подчеркнул, что ФКП всегда была верной продолжательницей дела парижских коммунаров, достойной наследницей боевых, революционных традиций французского рабочего и демократического движения. ФКП высоко несет победоносное знамя марксизма-ленинизма. Она накопила богатый опыт борьбы за дело рабочего класса, за кровные интересы трудящихся, за счастье народа Франции, обеспечила успехи Народного фронта в 30-е годы, выступила в годы второй мировой войны инициатором и организатором движения Сопротивления и своей героической борьбой за освобождение родины от фашистских захватчиков завоевала любовь и уважение всего французского народа.

В послевоенные годы ФКП неустанно боролась и борется за жизненные интересы рабочего класса и всех трудящихся, за социальный прогресс и демократические свободы, за прекращение развязанной колонизаторами войны против Алжира, за мир и дружбу между всеми народами. ФКП, последовательно отстаивая принципы мирного сосуществования стран с различным общественным строем, и сейчас стоит в первых рядах борцов за всеобщий мир и полное разоружение. Она вела и ведет непримиримую борьбу с антикоммунизмом, ревизионизмом и другими враждебными марксизму-ленинизму течениями, всемерно укрепляет связь с рабочим классом и всеми трудящимися.

Участники сессии тепло приветствовали члена ЦК Французской компартии Ги Бесса и с большим вниманием прослушали его доклад, посвященный борьбе Французской компартии против фашизма и войны в период с 1920 по 1940 год. От имени ЦК ФКП Ги Бесс поблагодарил советскую общественность за проведение научной сессии в честь 40-летия Французской компартии.

Докладчик рассказал о роли В. И. Ленина и значении решений конгрессов Коминтерна для укрепления рядов ФКП, о борьбе французских коммунистов против реакции и войны. Ги Бесс подробно рассказал о деятельности ФКП в период экономического кризиса 1929—1933 годов. ФКП направляла борьбу масс за претворение в жизнь непосредственных экономических требований трудящихся, организовывала отпор любым посягательствам на права рабочего класса. Французская компартия, последовательно действуя на основе революционной тактики, приводила в движение миллионы простых людей, решительно боролась за единый фронт коммунистов, трудящихся-социалистов и всех антифашистских сил страны.

Большая заслуга Французской компартии состоит в том, что она объединяла вокруг рабочего класса средние слои общества для защиты демократии и борьбы с фашизмом. Это явилось решающим условием того, что в 1934 г. фашистам не удалось захватить власть во Франции. Преодолевая сопротивление реформистов, руководителей партий радикалов и социалистов, ФКП всемерно укрепляла единый Народный фронт, сплачивала вокруг него все здоровые силы нации. Политика свободы и мира, единства рабочего класса и демократического союза внутри Народного фронта, проводимая ФКП, нашла отклик в широких слоях трудящихся. В стране развернулось мощное движение за осуществление демократических требований народа, против политики нищеты и войны.

Когда в Европе возникла опасность второй мировой войны, ФКП усилила свою антивоенную деятельность; она организовала политические кампании протеста против захвата агрессорами Эфиопии и против Мюнхенского сговора, в поддержку республиканской Испании, разоблачала антисоветскую политику буржуазных правителей страны, вела напряженную борьбу за свободу, за мир.

В конце своего доклада Ги Бесс раскрыл реакционную сущность политики нынешних правящих кругов Франции. Уроки французской истории говорят о том, подчеркнул докладчик, что сторонники личной власти стремятся ослабить революционные силы внутри страны. ФКП борется за расширение демократии, за защиту жизненных интересов французского народа, она призывает всех французов доброй воли обеспечить союз французской нации против войны, за сохранение и укрепление мира; партия последовательно борется за единство действий между коммунистами и социалистами, защищает и поддерживает национально-освободительное движение, активно содействует ускорению великого процесса возрождения народов, находившихся под гнетом колонизаторов.

С докладом «Возникновение Французской коммунистической партии» выступил кандидат исторических наук Е. Н. Соколов.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на развитие рабочего движения во всех странах, в том числе и во Франции. Докладчик рассказал о глубоких сдвигах внутри тогдашней социалистической партии, свидетельствовавших о полевении партийных масс, о широком забастовочном движении в 1919—1920 гг., о создании в 1918 г. Французской коммунистической группы РКП(б), состоявшей из французских интернационалистов в Советской России.

Докладчик особо подчеркнул роль В. И. Ленина в создании III Интернационала и напомнил о его действенной помощи французским, немецким, итальянским коммунистам. Указания и советы В. И. Ленина помогли французским коммунистам в их борьбе за создание массовой пролетарской партии. Важным этапом на пути создания ФКП явился Страсбургский съезд социалистической партии (февраль 1920 г.), который большинством голосов принял решение о выходе партии из II Интернационала.

29 декабря 1920 г. на съезде ФСП в Туре было принято решение о создании Французской коммунистической партии и присоединении ее к III, Коммунистическому Интернационалу. В ФКП влилась основная масса членов бывшей социалистической партии; из 96 местных федераций в нее вступило 89. Во всех крупнейших промышленных центрах страны организации социалистической партии перешли в ряды ФКП, которая с самого начала стала массовой партией, тесно связанной с рабочим классом и крестьянством. Докладчик подчеркнул роль Марселя Кашена, Поля Вайяна-Кутюрье, Мориса Тореза, Жака Дюкло и других выдающихся деятелей французского рабочего движения в борьбе за создание и укрепление ФКП.

С докладом «Борьба ФКП за единый Народный фронт в 1932—1936 гг.» выступил кандидат исторических наук Л. П. Лавров, осветивший борьбу ФКП с фашизмом и реакцией, за единство демократических действий и победу Народного фронта.

Л. П. Лавров подчеркнул огромное международное значение Народного фронта во Франции, указав, что это был классический пример борьбы рабочего класса с фашизмом под руководством коммунистов.

Доклад на тему «ФКП — организатор, вдохновитель и руководитель движения Сопротивления» сделал И. А. Колосков. Докладчик показал деятельность ФКП как инициатора и организатора движения Сопротивления нацистским захватчикам, особенно выделив три следующих периода: первый (от начала второй мировой войны до нападения Германии на СССР) — организация движения Сопротивления; второй (от нападения Германии на СССР до успешного развития наступления советских войск летом 1944 г. и открытия второго фронта) — подготовка коммунистами национального восстания во Франции; третий (от открытия второго фронта до освобождения Франции от гитлеровских захватчиков) — руководство национальным восстанием и освобождение страны от фашизма.

На основе конкретных данных докладчик опроверг буржуазную клевету о том, что коммунисты вступили в борьбу с гитлеровцами якобы только после нападения Германии на СССР. Большое внимание И. А. Колосков уделил деятельности ФКП в ее борьбе за укрепление среди французов чувства дружбы к советскому народу и организацию помощи СССР в войне с фашизмом.

На сессии был заслушан также доклад Л. М. Видясовой о роли подпольной печати Французской компартии в движении Сопротивления за годы второй мировой войны. Подпольная печать Коммунистической партии, организаций Национального фронта и нелегальных профсоюзов являлась одним из важнейших средств подъема народных масс на борьбу за освобождение Франции. Л. М. Видясова привела интересные данные о работе многих подполь-

ных газет. Общий тираж «L'Humanité» за годы подпольной деятельности составил 50,6 млн. экземпляров. Кроме того, издавались брошюры, журналы, бюллетени, листовки по важнейшим политическим и теоретическим вопросам. Коммунистическая печать была первой подпольной печатью, появившейся во Франции в годы Сопротивления. Широкая программа деятельности Национального фронта сделала необходимым также создание печати молодежной, крестьянской, женской и т. д. Большую известность в движении Сопротивления приобрел орган Национального совета писателей — газета «Lettres Françaises». Среди подпольных изданий наиболее значительную часть составляли печатные органы ФКП, а также организаций, созданных по инициативе и под руководством ФКП.

В дни сессии в Академии общественных наук была организована интересная выставка, посвященная 40-летию ФКП. На выставке были широко представлены документы и материалы, характеризующие деятельность ФКП за 40 лет, в том числе легальная и нелегальная печать.

В. К. Габуния

К 40-летию ИТАЛЬЯНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

20 января 1961 г. состоялась совместная научная сессия Академии общественных наук при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института истории Академии наук СССР, посвященная сорокалетию со дня образования Итальянской коммунистической партии. В работе сессии приняла участие делегация ИКП в составе члена Руководства партии А. Коломби, члена ЦК Л. Группи и члена ЦКК Б. Бертини.

Во вступительном слове директор Института истории, член-корреспондент АН СССР В. М. Хвостов говорил о богатом историческом опыте борьбы Итальянской коммунистической партии.

С докладом о боевом пути ИКП до второй мировой войны выступил А. Коломби. Докладчик подчеркнул, что на протяжении всей своей истории ИКП неуклонно выполняла интернациональные и патриотические обязанности авангарда итальянского пролетариата.

После раскола социалистической партии в Ливорно в январе 1921 г. была создана Итальянская коммунистическая партия. Образование в Италии пролетарской партии нового типа явилось поворотным пунктом в истории итальянского рабочего движения. Лучшие представители революционных марксистов А. Грамши и П. Тольятти возглавили борьбу за полную победу в ИКП марксистско-ленинской идеологии, за объединение всех революционных сил страны.

Важной вехой в истории Итальянской компартии явился VII конгресс Коминтерна, который открыл новые перспективы антифашистской революционной борьбы. Ведя борьбу за единство действий рабочего класса и создание Народного фронта, ИКП сумела заключить пакт о единстве действий с ИСП. Это имело огромное значение для организации совместной борьбы трудящихся Италии в последующие годы, особенно в период второй мировой войны. Компартия возглавила движение Сопротивления, укрепила связи с массами.

Затем был заслушан доклад кандидатов исторических наук К. Ф. Мизиано и Б. Р. Лопухова об образовании Итальянской коммунистической партии.

Член-корреспондент АН СССР Ю. П. Францев выступил с докладом «Антонио Грамши и проблема идейного воспитания масс». Он указал, что А. Грамши уделял большое внимание проблеме ликвидации противоречия в сознании людей, связанного с влиянием на них традиций старого общества, противостоящих борьбе трудящихся за лучшее будущее, и идеологии нового общества. По мнению Грамши, господствующие в обществе традиции, быт, уклад жизни формируют у человека так называемый «житейский смысл»; новая идеология, зовущая на борьбу за лучшее будущее, воспитывает в человеке «здравый смысл». Победу здравого смысла над житейским Грамши считал необходимым условием победы марксистского мировоззре-

ния и неизменно подчеркивал единство теории и повседневной практики в деле марксистского воспитания трудящихся. Заветы Грамши о необходимости идейно воспитывать народные массы легли в основу пропагандистской деятельности ИКП среди трудящихся.

Л. Группи сделал доклад «Стратегия и тактика ИКП на современном этапе». Он отметил, что компартия, руководившая на протяжении сорока лет освободительной борьбой итальянских трудящихся, завоевала столь большое влияние в массах, что никто и никогда не мог и не сможет подорвать или ликвидировать его. Компартия видит залог победы над реакцией в единстве всех демократических сил страны. Основываясь на том, что главный враг демократии и прогресса в стране — итальянский монополистический капитал, ИКП наметила основные проблемы повседневной работы и взялась за их решение. Как указал докладчик, партия детально разработала вопросы: о значении борьбы рабочего класса Италии за соблюдение конституции; о значении переходных лозунгов; о сочетании борьбы за реформы в существующих условиях с борьбой за власть рабочего класса; определила общие цели рабочего класса Италии. Особое значение в условиях Италии имеет вопрос о положении на Юге, по существу — вотчины помещиков и северо-итальянских монополий. ИКП требует общего возрождения Юга страны, предоставления автономии Сицилии и Сардинии.

Компартия разоблачает новые формы эксплуатации трудящихся монополистами; она определяет прямую связь борьбы за социализм с повседневной борьбой против монополий, за демократию; выступает против пропаганды теории так называемых «человеческих отношений» между эксплуататорами и эксплуатируемыми, которая имеет целью отвлечь трудящихся от классовой борьбы. VIII съезд ИКП (1956 г.) указал, что борьба за существующую конституцию есть борьба за сохранение и расширение демократии в стране, за аграрную реформу, против монополий. Определяя пути дальнейшего развития коммунистического движения в Италии, съезд подчеркнул, что рабочий класс должен укреплять союз не только с беднейшим крестьянством, но и со средними слоями города и деревни, угнетаемыми монополистическим капиталом. Компартия выступает также за реформу народного образования. Взяв в свои руки знамя развития национальной культуры, ИКП учитывает в своей деятельности влияние достижений социалистических государств на сознание трудящихся масс страны. Итальянские коммунисты стараются широко знакомить трудящихся с новыми успехами социалистических стран.

IX съезд ИКП (1960 г.) подвел итоги деятельности партии со времени VIII съезда и отметил, что единство партии упрочилось. Съезд разработал принципы применения стратегических лозунгов партии в новых условиях.

Участникам сессии были представлены письменные доклады: Г. С. Филатовым — «Руководящая роль ИКП в движении Сопротивления»; кандидатом исторических наук Н. П. Комоловой — «Борьба ИКП за союз рабочего класса с крестьянством».

В Академии общественных наук была открыта приуроченная к сессии документальная выставка «40 лет ИКП». Документы, представленные Архивом ИМЛ при ЦК КПСС и Музеем Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, отразили героический путь ИКП в годы ее формирования, в период борьбы против фашистского режима и в послевоенное время. Особое внимание привлекли рукописи произведений В. И. Ленина и А. Грамши, а также подпольные издания ИКП времен фашистского господства в Италии. Фотоматериалы выставки иллюстрировали героическую борьбу итальянских коммунистов в рядах интернациональных бригад в Испании (1936—1939 гг.), в партизанских отрядах движения Сопротивления (1940—1944 гг.), а также ее деятельность в настоящее время.

К. С. Трофимов

НОВЫЕ КНИГИ ГОСПОЛИТИЗДАТА ПО ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Государственное издательство политической литературы за последние годы значительно расширило издание книг по истории международных отношений, внешней политики СССР и новейшей истории. По этим вопросам ежегодно выпускается в свет 25—30 книг общим тиражом 2—2,5 млн. экземпляров. Средний тираж изданий, увеличивающийся из года в год, составил в 1960 г. почти 90 тыс. экз. против 60 тыс. в 1959 году.

Из выпущенных в 1960 г. книг надо прежде всего отметить имеющий огромное значение для изучения внешней политики СССР сборник «Ленин о внешней политике Советского государства», куда включено более 100 ленинских работ. Сборник позволяет судить о многогранной деятельности В. И. Ленина как величайшего государственного деятеля, борца за мир, основоположника советской внешней политики. Он поможет широким кругам читателей глубже уяснить сущность внешней политики СССР, историю борьбы Советского Союза за мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем.

В 1960 г. Госполитиздат выпустил в свет ряд сборников речей и выступлений Н. С. Хрущева по международным вопросам. Из них прежде всего необходимо отметить изданный по просьбе читателей двухтомный сборник «Мир без оружия — мир без войн», в который вошли речи и выступления Н. С. Хрущева, интервью и беседы с иностранными деятелями.

Кроме того, в 1960 г. были выпущены книги Н. С. Хрущева «Разоружение — путь к упрочению мира и обеспечению дружбы между народами» — доклад и заключительное слово на IV сессии Верховного Совета СССР, «За прочный мир во имя счастья и светлого будущего народов» — речь на Всероссийском съезде учителей 9 июля 1960 г., а также сборник выступлений на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН «За мир, за разоружение, за свободу народов!».

Книги Н. С. Хрущева, охватывающие важнейшие вопросы современности, раскрывают существо миролюбивой политики Советского государства и Коммунистической партии. Они с огромным интересом встречены советскими людьми и зарубежным читателем.

Важное значение имеют документальные издания Госполитиздата «Советско-французская дружба — залог мира!» — о пребывании Н. С. Хрущева во Франции 23 марта — 3 апреля 1960 г. и «Дружественный визит» — о пребывании Н. С. Хрущева в Австрии 30 июня — 8 июля 1960 года.

В 1960 г. Госполитиздат продолжал выпуск серийных изданий документов. Среди них 4-й том серии «Документы внешней политики СССР», включающий документы с 19 марта по 31 декабря 1921 года. В середине 1961 г. выйдет 5-й том этой серии. Из содержащихся в томах архивных документов многие публикуются впервые. Указанное издание — наиболее полное собрание внешнеполитических документов Советского государства. В вышедших томах имеется ряд впервые публикуемых писем и телеграмм В. И. Ленина. Эти книги документально подтверждают, что Советское государство с момента своего возникновения последовательно выступало за мир и мирное сосуществование, за установление широких экономических связей со всеми странами. В серию включены полностью или частично и некоторые иностранные документы. Серия издается Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР.

Указанная комиссия выпускает также подписное издание «Внешняя политика России XIX и начала XX века (Документы Российского министерства иностранных дел)». В него входят в основном документы, хранящиеся в Архиве внешней политики России, а также документы на русском и французском языках из других архивов, в том числе и иностранных. Первый том этого издания вышел в 1960 г. под редакцией А. Л. Нарочницкого (отв. ред.), С. И. Дивильковского, С. Д. Сказкина, В. П. Якубовского. Он включает документы с сентября 1802 по апрель 1804 года. Второй том сдан в набор и выйдет в свет в 1961 году.

В 1960 г. вышел первый том второго, дополненного и переработанного издания «Истории дипломатии». В отличие от первого, трехтомного издания, где анализ событий доведен до кануна второй мировой войны, второе издание будет состоять из 5 томов, охватывающих также период второй мировой войны и послевоенные годы.

Второе, переработанное и дополненное издание «Истории дипломатии» выходит под общей редакцией В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина и В. М. Хвостова.

Первый том нового издания характеризует период от древнейших времен до 70-х годов XIX века. В составлении тома приняли участие виднейшие советские дипломаты и ученые. Авторский коллектив тома: В. П. Потемкин, С. В. Бахрушин, А. В. Ефимов, Е. А. Косминский, А. Л. Нарочницкий, В. С. Сергеев, С. Д. Сказкин, Е. В. Тарле, В. М. Хвостов.

Готовятся к изданию и будут сданы в набор в 1961—1962 гг. второй и третий тома «Истории дипломатии».

Кроме упомянутых выше подписных серий, издается серия «Действующие договора, соглашения и конвенции, заключенные СССР с иностранными государствами». В 1961 г. выйдет в свет ее XX выпуск.

Наряду с перечисленными изданиями Госполитиздат выпустил в 1960 г. ряд научно-популярных книг о государствах современного Востока и несколько монографических исследований.

В 1960 г. вышла в свет книга о народах современного Востока «Разбуженный Восток», написанная группой советских журналистов, сопровождавших Н. С. Хрущева в его исторической поездке по странам Азии в феврале — марте 1960 года. Это очерк-репортаж о людях Востока, об их борьбе за политическую и экономическую независимость, об их жизни и чаяниях. В книге описываются встречи и беседы Н. С. Хрущева с представителями рабочих, крестьян и интеллигенции Индии, Индонезии, Афганистана и Бирмы. Авторы наглядно показывают любовь и внимание Н. С. Хрущева к простому человеку, его страстную борьбу за взаимопонимание, за мирную жизнь всех людей. В книге содержится большой познавательный материал о современной истории, экономике, а также быте народов Индии, Индонезии, Афганистана и Бирмы.

1960 год называют годом Африки. В этом году в Африке образовалось шестнадцать новых государств. Откликаясь на эти события, издательство начало выпуск книг серии «Африка сегодня», которые знакомят читателей с самыми последними данными об освободительной борьбе африканских народов, с новыми государствами, их политикой и экономикой, партиями и организациями, с людьми новой Африки.

В этой серии вышла книга С. Датлина «Африка сбрасывает цепи», дающая общую характеристику национально-освободительной борьбы африканских народов. В 1961 г. выйдет сборник «СССР и обновленная Африка», состоящий из нескольких статей об основных проблемах взаимоотношений СССР с африканскими странами, а также ряда статей о взаимоотношениях СССР с отдельными странами — Эфиопией, ОАР, Ганой, Гвинеей, Суданом, странами Магриба, Либерией и др. Кроме того, в этой серии готовятся книги о Гане, Конго, Гвинее, Эфиопии, Мальгашской республике и ряд других. Серия выходит под общей редакцией И. В. Милованова, И. И. Потехина, А. А. Шведова и В. А. Брыкина.

Госполитиздат продолжит издание книг о зарубежной прессе. В дополнение к изданным в 1958—1959 гг. книгам В. Живейнова «Капиталистическая пресса США» и «Современная пресса Канады» читатели получили в текущем году книгу В. Матвеева «Империя Флит-стрит» — о прессе Англии. Готовятся в этой серии также книги о прессе Франции и других капиталистических стран.

В 1961 г. издательство уделяет особое внимание выпуску книг по вопросам национально-освободительной борьбы народов Востока и Латинской Америки. Подготовлен к набору и выйдет во второй половине года сборник «Ленин о дружбе с народами Востока». В него включены отдельные работы В. И. Ленина, его речи на съездах партии и конгрессах Коминтерна по национальному и колониальному вопросам, его заметки, письма и высказывания.

Выйдет в свет также сборник документов и материалов «СССР и арабские страны. 1917—1960 гг.», подготовленный Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР. Объем книги около 50 листов. Этот сборник всесторонне освещает политику Советского государства в отношении арабских стран; он содержит документы, свидетельствующие о бескорыстной научно-технической и экономической помощи СССР арабским странам.

В 1960—1961 гг. издательством выпущено несколько монографий и популярных брошюр о внешней политике и внутренних проблемах США. Самая крупная среди них — монография Н. Иноземцева «Внешняя политика США в эпоху империализма». Это первая в СССР обобщающая работа о внешней политике США за 1900—1960 годы. В данном капитальном труде рассматриваются основные внешнеполитические концепции американского империализма. Автор, в частности, показывает агрессивную сущ-

ность концепций «американской исключительности», «доктрин» Монро, «открытых дверей», «доброго соседа», «политики силы», «сдерживания» и ряда других.

Большая часть монографии освещает послевоенную внешнюю политику США. Читатель найдет в книге подробную библиографию как советских, так и зарубежных изданий по различным проблемам внешней политики США.

В 1960 г. вышли также две книги о жизни народов стран народной демократии: А. Луковца «В народной Польше» и Ф. Шабшиной «Со скоростью чхонлима» (о Корейской Народно-Демократической Республике).

Как и в прошлом году, международная редакция Госполитиздата будет уделять главное внимание выпуску книг для массового читателя, в том числе для слушателей сети партийного просвещения. Несколько увеличится по сравнению с 1960 г. выпуск монографий. Больше будет издано книг, посвященных советской внешней политике, а также вопросам новейшей истории.

И. С. Динерштейн

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ *

Пятнадцать лет назад, в 1946 г., стал издаваться «Вестник Московского университета». Однако до последнего времени его сравнительно небольшую «площадь» вынуждены были делить между собой все науки, представленные в Московском университете. Это создавало определенные трудности, а главное, значительно сужало возможность публикации исследовательских работ. Отныне «Вестник» реорганизован, и историки университета — сотрудники исторического факультета, кафедр истории КПСС и Института восточных языков при МГУ — получили свой журнал.

В его первых шести номерах, вышедших в 1960 г., опубликовано двадцать пять статей. Это немало, особенно, если учесть, что объем каждого номера относительно невелик (5 печатных листов). В статьях рассматриваются самые различные вопросы отечественной и зарубежной истории. Однако есть общее, что объединяет их,— для всех статей (в одних это сказалось в большей степени, в других в несколько меньшей) характерен исследовательский подход к рассматриваемым проблемам. Как правило, авторы опираются на прочную базу источников, дают оригинальное толкование вопросов. Этим сразу же, с первых номеров, определилось лицо нового журнала как исследовательского, публикующего оригинальные работы, основанные на широком привлечении свежего материала.

Что касается тематики «Вестника», то и здесь наметилась тенденция, которую всячески следует развивать. Почти две трети статей (четырнадцать из двадцати пяти) посвящены вопросам истории СССР. Такое внимание к отечественной истории вполне закономерно вообще, а для данного журнала тем более: ведь старейший русский университет является одним из крупнейших центров изучения прошлого нашей Родины. Вместе с тем журнал уделил значительное внимание и всеобщей истории, опубликовав более десяти статей по этой проблематике. Это также вполне оправдано, так как в какой-то мере отражает ту большую исследовательскую работу, которую ведут кафедры всеобщей истории Московского университета.

Давая общий обзор «Вестника», невозможно, разумеется, рассмотреть и подробно проанализировать каждую статью в отдельности. Однако, на наш взгляд, целесообразно выделить некоторые группы статей с тем, чтобы шире показать содержание журнала в целом.

Прежде всего следует отметить, что журнал поместил ряд интересных статей о деятельности В. И. Ленина. Все они опубликованы во втором номере, который полностью посвящен 90-летию со дня рождения великого вождя пролетарской революции. В числе этих работ назовем статьи И. С. Галкина «В. И. Ленин о единстве рабочего класса», Ю. Б. Гертмана «Вопросы аграрной программы пролетарской партии в произведениях В. И. Ленина 90-х годов XIX века», Б. Е. Штейна «В. И. Ленин и Генуэзская конференция 1922 года»,

* *«Вестник Московского университета».* Серия IX. Исторические науки. 1960, №№ 1—6. Изд-во МГУ. Выходит раз в два месяца. Главный редактор — чл.-корр. АН СССР А. В. Арциховский.

И. М. Сорокованой «Ленинский план реорганизации ЦКК — РКИ», В. С. Голубцова «В. И. Ленин и образование «автономной индустриальной колонии Кузбасс».

Последние три статьи связаны с историей советского общества. Эта проблематика получает регулярное освещение на страницах журнала. Так, некоторым вопросам расслоения советской деревни в годы восстановительного периода посвящена статья А. И. Калмыковой (№ 3). Слабо изученные вопросы истории советского общества рассматривают Ю. С. Кукушкин — «Участие рабочих в выборах сельских Советов в 1930—1931 гг.» (№ 1), О. И. Митяева — «Н. К. Крупская и культурно-просветительная работа в первой пятилетке» (№ 4), К. Г. Левыкин — «К вопросу об итогах механизации колхозного производства в годы второй пятилетки» (№ 1).

Внимательное отношение журнала к проблемам послеоктябрьского периода истории нашей Родины можно только приветствовать. В постановлении ЦК КПСС от 9 января 1960 г. о партийной пропаганде в современных условиях обращено большое внимание на освещение актуальных вопросов отечественной истории, помогающее практике конкретной пропаганды. В этой связи необходимо отметить, что тематика помещенных в журнале статей по истории советского общества еще ограничена. Она охватывает главным образом историю первого двадцатилетия Советской власти. Пока еще не опубликовано ни одной статьи по истории Великой Отечественной войны, а также послевоенного периода. Мало статей и по истории Коммунистической партии. А ведь именно этим вопросам придается особое значение в постановлении ЦК КПСС. Надо полагать, что журнал сосредоточит свои усилия на публикации в первую очередь статей по этим проблемам.

Говоря об освещении «Вестником» истории советского общества, следует остановиться на одном досадном пробеле, характерном для всех статей данной проблематики: в них обойдены вопросы историографии. При знакомстве со статьями остается впечатление, будто они создавались, так сказать, на «пустом месте», а их авторы не имели предшественников. Такой подход в корне неправилен, ибо он затушевывает ту огромную работу, которую уже проделала советская историческая наука. Отмеченный недостаток тем более досаден, что он находится в противоречии с высоким научным уровнем, который характерен для первых номеров журнала.

Наряду с перечисленными работами журнал поместил несколько статей по истории СССР периодов феодализма и капитализма: М. Т. Белявского «Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян в России (1766—1768 гг.)» (№ 6), Н. И. Филимоновой «Экономический отдел «Прибавлений к Московским ведомостям» Н. И. Новикова» (№ 4), Н. П. Бородина «Крестьянская аренда в Орловской губернии в конце XIX века» (№ 3), К. Ф. Шацилло «Монополии и строительство подводного флота в России накануне и в период первой мировой войны» (№ 3). Особо хочется отметить статью В. Я. Лаверычева «Антирабочие союзы капиталистов в 1917 году» (№ 3). Эта работа значительно расширяет наши представления о деятельности буржуазной контрреволюции.

Ряд содержательных материалов опубликован и по некоторым вопросам всеобщей истории. Это прежде всего статьи Л. Н. Еремина «Из истории политики США в отношении Юго-Восточной Азии в начале войны на Тихом океане» (№ 5) и Б. В. Носкова «О политике правительства консерваторов по отношению к национализации промышленности и транспорта в Англии (1951—1957 гг.)» (№ 4). Публикацией данных статей журнал сделал серьезную заявку на освещение вопросов новейшей истории. Думается, что «Вестник» приложит все силы к тому, чтобы и впредь освещать вопросы, тесно связанные с важнейшими проблемами современности.

Медиевистика в рассматриваемых номерах «Вестника» представлена статьями Ю. М. Сапрыкина «О причинах Ирландского восстания 1641 года» (№ 4), Л. М. Поповой «Хроника Мартина Галла как источник по ранней истории Польши» (№ 5), В. В. Самаркина «К вопросу о формировании политических взглядов Франческо Гвиччардини» (№ 5) и др.

С интересом читается историографический этюд В. С. Соколова «Евтропий, римский историк IV в. н. э.» (№ 6). Подлинным исследованием, основанным на тщательном анализе источников, является статья В. И. Кузищина «Цицерон — домовладелец (К вопросу о концентрации имуществ в Риме в конце Республики)» (№ 5).

Известно, что в Московском университете плодотворной научной деятельностью занимаются кафедры источниковедения

истории СССР, этнографии народов СССР, археологии. К сожалению, работа этих коллективов не нашла еще отражения в журнале. В 1960 г. была опубликована только одна статья — археолога Л. Р. Кызласова «Тува в период тюркского каганата (VI—VII вв.)» (№ 1). Тем самым журнал невольно обеднил свою тематику. Было бы целесообразно широко публиковать статьи, связанные с проблематикой названных коллективов, а также труды работников кафедры истории южных и западных славян и историков Института восточных языков при МГУ.

Некоторые номера «Вестника» дают хронику научной жизни Московского университета (№№ 3, 4, 6). На наш взгляд, ее следует вести систематически. К жизни Московского университета приковано внимание самых широких кругов научно-педагогической общественности. Поэтому необходима периодическая информация на страницах «Вестника» о научных дискуссиях в университете, о заседаниях ученых советов, Ломоносовских чтениях, защите диссертаций и дипломных работ и т. д.

Хочется высказать пожелание о введении в журнале нового отдела — рецензий. Почти в каждом номере «Вестника» публикуются сообщения о выходе в свет новых книг, принадлежащих перу как отдельных авторов, так и коллективов историков — сотрудников Московского университета. За последние годы только на историческом факультете было выпущено не менее двух-трех десятков таких работ, а если к этому прибавить опубликованные лекции и учебно-методическую литературу, то данная цифра значительно возрастет. Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что наши центральные журналы не имеют возможности рецензировать все выходящие в свет работы. Вот почему мы считаем, что долг нового журнала — организовать рецензирование по крайней мере тех книг, которые выходят из стен Московского университета.

Систематическое ведение хроники научной жизни и рецензирование выходящих в свет работ позволят журналу полнее и глубже отражать многообразную научную жизнь Московского университета.

Резюмируя все изложенное, надо сказать, что новый журнал стоит на верном пути. Можно надеяться, что, опираясь на один из самых крупных коллективов советских историков, он будет всячески добиваться углубления своего научного содержания, повышения теоретического уровня.

Д. К. Шелестов

ПОЕЗДКА СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В ЮГОСЛАВИЮ

Группа научных сотрудников Института славяноведения АН СССР в составе доктора филологических наук Н. И. Кравцова, кандидата исторических наук Г. М. Славина и автора этих строк выезжала в ноябре 1960 г. в научную командировку в Югославию. В Югославии группа находилась в течение месяца. Она ставила перед собой следующие основные задачи: ознакомление с материалами, документами и литературой, находящимися в югославских архивах и библиотеках, которые могут быть использованы при подготовке в СССР двухтомной «Истории Югославии» и «Очерков истории югославской литературы»; приобретение на началах взаимности научной литературы и публикаций, а также заказ микрофильмов с исторической и литературоведческой документацией; консультация с югославскими специалистами — историками и литературоведами — по подготовленным Институтом славяноведения отдельным главам «Истории Югославии»; установление контактов с научными историческими и литературоведческими учреждениями Югославии.

За время пребывания в Югославии делегация посетила Белград, Загреб и Любляну.

В Белграде группа имела встречи и беседы с руководителями союзного Совета по делам науки (генеральный секретарь В. Миланович), Совета исторических обществ Югославии (президент проф. И. Тадич, вице-президент Б. Павичевич), Института истории Сербской Академии наук (директор проф. М. Костич), Института истории рабочего движения Сербии (директор Е. Хасанагич), с сотрудниками Института общественных наук (зав. сектором истории

проф. Д. Янкович, сотрудники сектора И. Марьянович, Т. Никчевич), руководителем кафедры истории Белградского университета проф. В. Чубриловичем и кафедры литературы проф. В. В. Латковичем.

В Институте общественных наук нас ознакомили с работой исторического отдела Института. Здесь ведется подготовка IV тома «Истории Югославии». Для этого составлена большая библиография и картотека фондов югославских архивов. В IV томе «Истории Югославии» будет освещен период с 1918 по 1958 год. Работа над томом будет закончена через 8—10 лет, то есть к 1970 году.

В Военно-историческом институте ведется работа по публикации документов и материалов периода второй мировой войны. Подготовлено и опубликовано 90 томов публикаций; всего будет издано около 120 томов.

Г. М. Славин и автор данной заметки работали в архиве Военно-исторического института, в архиве Государственного секретариата по иностранным делам ФНРЮ, проф. Н. И. Кравцов — в библиотеке Белградского университета и Национальной библиотеке.

6 декабря на собрании Сербской Академии наук руководитель группы И. А. Хренов выступил с сообщением о научной деятельности Института славяноведения Академии наук СССР, Н. И. Кравцов 23 декабря в Белграде прочел доклад о творчестве Л. Н. Толстого.

В Загребе группа имела встречи и беседы с президентом Хорватской Академии наук проф. Г. Новаком, руководителем Хорватского общества историков проф. Я. Равличем, директором Государственного архива Хорватии Б. Стулли, видными хорватскими историками и литературоведами (проф. Ф. Чулинович, М. Гросс, Н. Клаич). Группа работала в Государственном архиве и библиотеке Загребского университета.

В Любляне группу принимал Генеральный секретарь Словенской Академии наук проф. М. Кос, президент Исторического общества проф. Ф. Цвиттер, декан философского факультета университета проф. Э. Штампар, директор библиотеки университета проф. Рупель. Группа посетила Институт истории рабочего движения Словении, ознакомилась с его архивом, а также с музеем истории народно-освободительной борьбы.

Во время пребывания в Югославии советской делегации удалось выявить значительное количество архивных материалов и документов, которые будут полезны для дальнейшего изучения истории Югославии и югославской литературы, ознакомиться с состоянием исследовательской работы в стране, проконсультироваться с югославскими специалистами и получить рецензии на переданные им для ознакомления рукописи отдельных глав I и II томов «Истории Югославии». Рецензии содержат ряд замечаний, которые помогут авторам в их дальнейшей работе.

Во время встреч и бесед советских и югославских историков обсуждались проблемы научного характера, представляющие интерес для обеих сторон.

И. А. Хренов

К 60-летию АНАТОЛИЯ ФИЛИППОВИЧА МИЛЛЕРА

28 февраля 1961 г. на заседании сектора по подготовке «Всемирной истории» Института истории АН СССР отмечалось шестидесятилетие доктора исторических наук, профессора Анатолия Филипповича Миллера.

Профессор А. Ф. Миллер, талантливый и разносторонний ученый, является крупным специалистом в области новой и новейшей истории стран Ближнего Востока и международных отношений. Своими работами он внес значительный вклад в разработку этих проблем. Первые его научные труды вышли в свет более 35 лет тому назад. С тех пор А. Ф. Миллером написано около 120 печатных работ. Его перу принадлежат известные широким кругам историков книги «Турция», «Республиканская Турция», «Мустафа-паша Байрактар», «Очерки новейшей истории Турции», «Краткая история Турции» и другие. А. Ф. Миллер является также автором ряда глав по истории Турции в томах «Всемирной истории» и в вузовских учебниках по истории стран Востока.

Профессор Миллер ведет большую и разностороннюю работу в качестве ответственного редактора ряда монографий и члена редколлегий журнала «Проблемы востоковедения», а также таких изданий, как «Дипломатический словарь» и «Документы внешней политики СССР».

Сочетая исследовательскую работу с плодотворной педагогической деятельностью — сначала в Институте востоковедения имени Н. Нариманова, затем в Московском институте истории, философии и литературы, Московском государственном университете и других высших учебных заведениях,— А. Ф. Миллер внес большой вклад в дело воспитания научных и педагогических кадров, подготовив большую группу специалистов по истории Ближнего Востока и международных отношений.

Работая в качестве заведующего сектором и члена Главной редакции многотомной «Всемирной истории», А. Ф. Миллер отдает много знаний и сил подготовке этого фундаментального издания. В приветствии юбиляру от Главной редакции «Всемирной истории» особо отмечается большая научно-организационная работа Анатолия Филипповича по координации всего многообразного процесса создания этого первого в марксистской историографии обобщающего труда, охватывающего историю человечества с древнейших времен до наших дней. В приветствии от Национального Комитета историков Советского Союза выражается удовлетворение активной работой А. Ф. Миллера в деле развития зарубежных связей советских историков. В приказе по Институту истории АН СССР дирекция приносит благодарность Анатолию Филипповичу Миллеру за плодотворную научную деятельность и желает ему доброго здоровья и больших творческих успехов.

Хроникальные заметки

◆ В Ташкенте состоялось совещание составителей и членов редколлегии сборника документов «Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917—1924 гг.)». В совещании приняли участие представители ряда научно-исследовательских институтов, Музея истории АН Узбекской ССР, Ташкентского государственного университета, научные сотрудники архивных управлений и центральных государственных архивов Казахстана и республик Средней Азии.

Доклад о макете I тома сделал доктор исторических наук Х. Ш. Иноятов (АН Узбекской ССР). Он указал, что архивные материалы, отображающие эту тему, слабо изучаются исследователями, остаются малоизвестными или неизвестными широкой общественности. Поэтому подготовка макета I тома сборника является своевременной. Участники совещания с интересом заслушали сообщение старшего научного сотрудника Центрального государственного архива Узбекской ССР Р. С. Ерзиной о принципах археологической обработки документов тома. Кандидат исторических наук Г. Н. Чабров (Ташкентский государственный университет) выступил с сообщением о проекте плана II тома сборника, который охватывает период с 1920 по 1924 год. Кандидат педагогических наук Н. П. Архангельский (Узбекская ССР) предложил шире использовать в сборнике документы на местных восточных языках, местную печать, документы и воспоминания участников и очевидцев событий. Отдельные замечания по археографической обработке документов сборника высказала В. М. Кузьмина (Архивное управление МВД Туркменской ССР). В. П. Дьяченко и А. М. Рыбник (Институт искусствознания АН Узбекской ССР) подвергли критике раздел сборника «Искусство», в котором отсутствуют основополагающие документы, например, о национализации театров. Профессор И. А. Райкова (Ташкентский государственный университет) посвятила свое выступление документам по истории организации Туркестанского университета. А. Г. Багрянцев (Архивное управление Казахской ССР) проанализировал рецензии на макет I тома. Н. А. Герцман (начальник Центрального государственного архива Таджикской ССР) выдвинула ряд конкретных предложений по улучшению координации усилий архивистов Средней Азии и Казахстана.

Совещание в целом одобрило подготовленный макет первого тома и утвердило план II тома сборника.

◆ В конце января с. г. состоялись пленарные и секционные заседания Уральского филиала Научно-технического совета по гуманитарным наукам при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР. Были заслушаны сообщения об итогах и планах научной работы кафедр истории КПСС, истории СССР, политэкономии, философии ряда вузов Урала. Выяснилась возможность подготовки со-

вместных научных работ (сборник статей по истории рабочего класса зарубежных стран, очерки по истории партийных организаций Урала и др.). Историки подняли вопрос об укреплении научных связей кафедр истории вузов с местными архивами и музеями.

◆ В феврале с. г. Свердловский областной краеведческий музей и Госархив Свердловской области провели совместно день открытых дверей, посвященный 90-летию со времени открытия Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), много сделавшего для организации исследований природных богатств Урала и его истории, а также в области укрепления международных научных связей (в деятельности УОЛЕ принимали участие ученые Венгрии, Швеции, Франции, Германии, Италии, США, Австралии, Японии, Китая и др. стран). Деятельность УОЛЕ имела большое значение для возникновения на Урале целого ряда научных и культурных учреждений, существующих в настоящее время. В архиве была устроена выставка материалов фонда УОЛЕ и документов из других фондов, в том числе — автографы И. И. Ползунова, П. П. Аносова, А. П. Карпинского, А. Е. Ферсмана, Д. И. Менделеева, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. М. Горького, К. Т. Новгородцевой-Свердловой.

◆ В Малом фельдмаршальском зале Эрмитажа бригада паркетчиков-реставраторов, восстанавливая узоры полов, сняла декоративную дверь, которая много десятков лет была заперта на замок. За дверью оказалась глухая ниша с деревянными полками, на которых лежали стопки пожелтевших от времени газет дооктябрьского периода. На каждой газете,— а их более двух тысяч номеров,— штамп с надписью: «Петроград. Зимний дворец. Чрезвычайная следственная комиссия» (Временного правительства). Среди газет — 91 экземпляр разных номеров «Правды» за 1917 г., во многих из которых напечатаны статьи В. И. Ленина, несколько номеров большевистской газеты «Солдат», комплект за 1917 г. «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Найденные газеты переданы в Музей Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде.

◆ В последнее время в архивах страны обнаружены новые документы, рассказывающие об участии казахского народного героя Амангельды Иманова в Тургайском областном съезде Советов в марте—апреле 1918 г., расписка Амангельды в получении от Чрезвычайного комиссара Степного края А. Т. Джангильдина средств на организацию Красной Армии и т. д. В Центральном государственном архиве Советской Армии, в делах штаба Актюбинского фронта, найдена телеграмма Амангельды в Тургайский губвоенкомат: «Согласно приказанию вашего и губисполкома, последовавшего по прямому проводу 18 апреля, мною отдан приказ к выступлению 20 апреля в 12 часов дня как гарнизону, так и всем учреждениям. Местному Совету предложено к означенному времени подготовить подводы... Распоряжение по прямому проводу от 18 апреля прошу подтвердить официальной телеграммой срочно. Военком Иманов». Однако переброску советских войск из Тургая в Челкар осуществить не удалось. В результате вероломного выступления алаш-ордынцев Амангельды был арестован и зверски убит. Очевидно, приведенная выше телеграмма была его последним донесением перед трагическими событиями апрельских дней 1919 г. в Тургае.

◆ В фондах Центрального государственного исторического архива УССР во Львове обнаружен ранее неизвестный автограф А. И. Герцена. Он представляет собой распоряжение печатнику Вольной русской типографии в Лондоне набрать некролог на смерть Тараса Григорьевича Шевченко, написанный украинским политическим эмигрантом А. Гончаренко, проживавшим в то время в Англии. В апрельском номере «Колокола» за 1861 г. вслед за сообщением о смерти великого сына украинского народа, написанным Герценом, опубликован упомянутый некролог на украинском языке. Отклик «Колокола» на кончину Тараса Григорьевича — яркое свидетельство большой любви Герцена к Шевченко.

◆ Тагильский краеведческий музей организовал выставку, посвященную 100-летию отмены крепостного права в России. На ней были представлены подлинные документы, показывающие бесправие, тяжкую долю подневольных крепостных демидовских мастеровых. Среди экспонировавшихся материалов — купчая крепость, в которой значится, что Н. Н. Демидов купил в 1828 г. у помещиков Черниговской губернии 9 573 крепостных и перевез их на свои заводы. Восемь сел вокруг Нижнего Тагила были основаны этими переселенцами: Николо-Павловское, Шиловка, Бобровка и другие. Интересны документы, повествующие о волнениях мастеровых и приписных крестьян, об их борьбе против крепостного права. Особенно большие размеры приняли волнения в 1762 году. Мастеровые и крестьяне бросили работу и потребовали отмены непосильных уроков и справедливой оплаты труда.

◆ В Государственном архиве Ульяновской области хранятся редкие документы, свитки, дела, раскрывающие историю Симбирского края XVII—XVIII веков. Среди них — жалованные и наказные грамоты, указы, челобития, писцовые и межевые книги. В ряде документов упоминаются события, связанные с крестьянскими войнами Степана Разина и Емельяна Пугачева. Здесь же хранятся фонды инспектора и директора народных училищ Симбирской губернии. В них немало документов, характеризующих деятельность отца В. И. Ленина, выдающегося русского педагога Ильи Николаевича Ульянова. Большую ценность представляют фонды Первой симбирской мужской классической гимназии, в которой учились дети Ульяновых — Александр, Владимир и Дмитрий. Многие документы рассказывают о Владимире Ильиче Ленине, его учителях, школьных товарищах. Имеют-

ся также материалы о подпольной деятельности симбирской большевистской организации, о революционной работе в Симбирской губернии Дмитрия Ильича Ульянова.

◆ На берегу озера Югла в Риге расположился Музей крестьянского быта Латвии. На площади 94 га размещены 54 старинные постройки, привезенные из различных районов республики. В 1961 г. намечено расширить экспозицию музея. Здесь будут оборудованы овин, привезенный из Валмиерского района, и жилой дом курземского крестьянина-бедняка. Посетители смогут увидеть и хутор видземского рыбака со всеми хозяйственными и жилыми постройками. Сюда намечено перевезти также клеть курземского рыбака и жилой дом ткача из Яунпиебалги.

◆ Грузинские археологи обнаружили в Юго-Западной Грузии, на горе, носящей имя героя грузинского эпоса Амирани, остатки древнейшего поселения, относящегося к третьему тысячелетию до нашей эры. Остатки поселения, в частности, старинные каменные стены, были обнаружены здесь еще летом 1955 г. во время археологической разведки. Особенно плодотворной была пятая кампания раскопок, организованная в минувшем году Институтом истории АН Грузинской ССР и Управлением по охране и реставрации памятников культуры при Совете Министров республики. В результате раскопок обнаружены древнейшее поселение, могильники, культовое место скотоводческо-земледельческого племени.

◆ На протяжении нескольких последних десятилетий ученые обнаруживают на территории Армении, близ озера Севан, стелы — вертикально стоящие каменные плиты с надписями или рельефными изображениями. Однако ни содержание текстов, ни язык, на котором они начертаны, определить не удавалось, так как стелы были повреждены, надписи на них полустерты. В 1957 г. была обнаружена еще одна каменная плита с надписью, которая полностью сохранилась. Профессору Ленинградского университета И. Винницкову удалось расшифровать текст этой надписи. Сопоставив его с ранее обнаруженными письменами, ученый установил, что язык всех этих надписей — арамейский. Более тысячи лет, вплоть до VI в. н. э., этот язык являлся универсальным для письменности Востока. Профессор Винницков предполагает, что найденные в Армении стелы с арамейскими надписями были пограничными или межевыми камнями. Расшифрованные тексты повествуют о том, что армянский царь Арташес I (II в. до н. э.) делил в этих местах земли.

СПИСОК ТЕМ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ, УТВЕРЖДЕННЫХ В 1954—1960 ГОДАХ.

(Продолжение. Начало см. «Вопросы истории» № 12 за 1954 г. и № 3 за 1961 г.).

Рындзюнский Павел Григорьевич. *Городское гражданство дореформенной России.* Ин-т истории АН СССР. Защ. 11. VI. 1959 г., утв. 1960 г.

Яковлев Николай Никифорович. *Вооруженные восстания в декабре 1905 года.* Ин-т истории АН СССР. Защ. 5. II. 1959 г., утв. 1960 г.

СПИСОК ТЕМ ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ЗАЩИЩЕННЫХ В 1958 ГОДУ *

История СССР.

Абрамов М. М. *Исторический очерк союза «Кошчи» в Самаркандской области (1919—1927 гг.).*— Узбекский гос. ун-т.

Абуладзе Г. Я. *Возникновение грузинской нации и ее социалистическое преобразование.*— Тбилисский гос. ун-т.

Агаширинова С. С. *Очерки материальной культуры лезгин конца XIX — начала XX в.*— Ин-т этнографии АН СССР.

Акбердин Р. К. *Партийная организация Северо-Казахстанской области в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенный период (1946—1956 гг.).*— МГУ.

* В перечне применены следующие сокращения:
АОН — Академия общественных наук при ЦК КПСС.
ВПА — Военно-политическая академия имени В. И. Ленина.

Александрова Т. С. *Рабочий класс Москвы в борьбе за развитие тяжелой промышленности в годы второй пятилетки.*— АОН.

Алещенко И. Б. *Деятельность КПСС по обобщению и распространению передового опыта в сельском хозяйстве (1953—1956 гг.).*— АОН.

Алещенко И. М. *Борьба Коммунистической партии Советского Союза за трудовой подъем рабочего класса в восстановительный период (1923—1925 гг.). (На материалах Московской парторганизации).*— МГПИ имени В. И. Ленина.

Алиев С. Х. *Большевистская газета «Бакинский пролетарий».*—Азербайджанский гос. ун-т.

Амангалиев З. *КПСС в борьбе за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в процессе коллективизации сельского хозяйства в годы первой пятилетки (1927—1932 гг.).*— Ин-т языка и литературы и Ин-т истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.

Аннаклычев Ш. *Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага. (Историко-этнографический очерк).*— Ин-т этнографии АН СССР.

Антоненко Б. А. *Подготовка массовой коллективизации в сельском хозяйстве Таджикистана.*— Таджикский гос. ун-т.

Апевалов А. И. *Борьба Коммунистической партии за создание советского государственного аппарата (октябрь 1917 г.— январь 1918 г.).*— МГУ.

Аранчын Ю. Л. *Тува в годы Великой Отечественной войны Советского Союза.*— Иркутский гос. ун-т.

Арутюнян А. М. *Революционное движение в Армении в 1905—1907 гг.*— МГУ.

Аскеров Л. Г. *Нефтяники Азербайджана в борьбе за выполнение первой пятилетки.*— Азербайджанский гос. ун-т.

Атамукас С. А. *Борьба Коммунистической партии Литвы против фашизма, за Советскую власть в Литве в 1935—1940 гг.*— Ин-т истории Литовской ССР.

Аттокуров С. *Развитие народного хозяйства Киргизии в период социалистической индустриализации (1926—1929 гг.).*— Киргизский гос. ун-т.

ВПШ — Высшая партийная школа при ЦК КПСС.

ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.

ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ЛГПИ имени А. И. Герцена — Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова.

МГПИ имени В. И. Ленина — Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина.

МГПИ имени В. П. Потемкина — Московский городской педагогический институт имени В. П. Потемкина.

МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Ауэзова Л. М. *Развитие земледели[illegible] Казахстане во второй половине XIX* [illegible] Ин-т языка и литературы и Ин-т истор[illegible] археологии и этнографии АН Казахс[illegible] ССР.

Афанасьев Ю. С. *Коллективные хоз[illegible]ства в костромской деревне в 1917—1925 г[illegible]* ЛГУ.

Ахмедов Г. М. *Неполивная быто[illegible] керамика Азербайджана IX—XIII вв.* ([illegible] *материалам раскопок Оренкала).* — Ин-т [illegible]тории материальной культуры АН СССР.

Ачилов Д. А. *Коммунисты Узбекист[illegible] в борьбе за развитие хлопководства в [illegible]той пятилетке (1951—1955 гг.).*— ЛГУ.

Бабаханов М. *К вопросу о зарож[illegible]нии и развитии капиталистических отно[illegible]ний в северных районах Таджикистана [illegible] второй половине XIX и начале XX в.*— Т[illegible]жикский гос. ун-т.

Бабичев М. М. *Аграрный вопрос и к[illegible]стьянское движение на Кубани в пер[illegible] первой русской буржуазно-демократичес[illegible] революции 1905—1907 гг.*— МГПИ им[illegible] В. И. Ленина.

Багирзаде А. З. *Комсомол Азерб[illegible]джана — верный помощник Коммунисти[illegible]ской партии в период Великой Отечесте[illegible]ной войны 1941—1945 гг.*— Азербайдж[illegible]ский гос. ун-т.

Байрачный К. А. *Борьба КПСС [illegible] дальнейшее укрепление советского госуд[illegible]ственного аппарата (1953—1956 гг.)* [illegible] Харьковский гос. ун-т.

Бамбитис П. Б. *Борьба СССР про[illegible] агрессивных планов империалистичес[illegible] держав в отношении Латвии (193[illegible] 1940 гг.).*— АОН.

Баран В. Д. *Поселение первой поло[illegible]ны I тысячелетия н. э. у с. Черепин, Льв[illegible]ской области.*— Отд. общественных наук [illegible] УССР.

Бартанов П. И. *Борьба Бурятс[illegible] партийной организации за развитие на[illegible] в республике в период четвертой и пя[illegible] пятилеток (1946—1955 гг.).*— ЛГПИ им[illegible] А. И. Герцена.

Белан В. Ю. *Комсомол Украины — [illegible]тивный помощник Коммунистической пар[illegible] в борьбе за восстановление промышлен[illegible]сти республики в годы Великой Отечесте[illegible]ной войны (1943—1945 гг.).*— Киевс[illegible] гос. ун-т.

Беленкина Т. И. *Борьба коми к[illegible]стьян в период разложения и кризиса к[illegible]постного строя в России (конец XVII [illegible] первая половина XIX в.).*— МГУ.

Белов В. А. *Деятельность КПСС [illegible] укреплению МТС и колхозов руководя[illegible]ми кадрами и специалистами сельского [illegible]зяйства (1953—1956 гг.).*— АОН.

Берзиня А. Я. *Положение ученико[illegible] подмастерьев в рижском цеховом ремесл[illegible]* Ин-т истории и материальной культуры [illegible] Латвийской ССР.

Берикетов Х. Г. *Деятельность В. [illegible] Ленина по повышению руководящей р[illegible] Коммунистической партии при переход[illegible] новой экономической политике (1921 [illegible] март 1922 г.).*— АОН.

Бешанов А. Н. *Ленинская полит[illegible] электрификации страны и деятельность К[illegible]*

тической партии по ее осуществлению ы пятой пятилетки.— АОН.

зяева М. М. *Рабочие-металлисты в за обеспечение фронта вооружением припасами в период гражданской войны 918—1919 гг.).*— АОН.

изнюк В. Ф. *Рабочий класс угольромышленности Донбасса и его борьвыполнение пятой пятилетки.*— АОН.

лтухин Н. П. *А. П. Щапов как исСибири.*— Томский гос. ун-т.

ндарчик В. К. *Е. Р. Романов как усский этнограф.*— Отд. общественных АН БССР.

ндарь В. Я. *Партийно-организаторработа по мобилизации коллективов шленных предприятий на внедрение техники (июль 1955 г.— 1957 г.).*—

рбат К. *Секейская община в XVI в.*—

онович К. Я. *Деятельность Коммуческой партии Молдавии по дальнейразвитию социалистической культуры евоенные годы (1946—1956 гг.).*—АОН.

ылев К. А. *КПСС в борьбе за подку и воспитание квалифицированных их кадров в системе трудовых резергоды Великой Отечественной войны —1945 гг.).*— Иркутский гос. ун-т.

кин М. А. *Деятельность Коммунистиой партии Советского Союза по развертию строительства Сталинградской гидктростанции (1950—1955 гг.).* — МГПИ В. И. Ленина.

лдаков К. А. *Государственные крее Костромской губернии от реформы Киселева до отмены крепостного пра39—1866 гг.).*—МГПИ имени В. П. Пона.

рджанадзе Е. А. *Борьба коммуниЗакавказья за осуществление национой политики партии (1917—1924 гг.).*—сский гос. ун-т.

йсберг И. Д. *Совет объединенного нства и его влияние на политику сажавия (1906—1914 гг.).*— Московский пед. ин-т.

лисевич И. С. *Борьба большевиков и за крестьянство в годы иностранвоенной интервенции и граждан войны (1918—1920 гг.).*— Иркутский н-т.

рдапетян А. В. *Помощь Советской и Армянской ССР (1920—1925 гг.).*— нский гос. ун-т.

доватов Ф. Я. *Крестьянское дви в Самарской губернии в революции -1907 гг.*— Казанский гос. ун-т.

лошинов Ф. Ф. *Революционная а рабочих Главных мастерских Владизской железной дороги в период подки и проведения Великой Октябрьской листической революции.*— Харьковский н-т.

скресенский Ю. В. *Коммунистиая партия — вдохновитель и организаолитического и трудового подъема раго класса в 1926—1929 гг.*— МГУ.

стоков Е. И. *Военные музеи СССР работа по политическому и воинскому танию советских воинов.*— ВПА.

Гандилов С. Т. *Борьба КПСС за сохранение и укрепление единства своих рядов (1926—1929 гг.). (По материалам Азербайджанской партийной организации).*— Азербайджанский гос. ун-т.

Гаркуша Ю. А. *Бурят-монгольская партийная организация в борьбе за осуществление социалистического преобразования сельского хозяйства в 1927—1934 гг.*— МГУ.

Гвоздовер М. Д. *Авдеевская стоянка и ее место среди других памятников позднего палеолита.*— ИИМК.

Гилилов С. С. *Роль В. И. Ленина в создании Советского многонационального государства (1917—1923 гг.).*— АОН.

Глаголев В. П. *Классовая борьба в России в конце 70-х — начале 80-х годов XVII в.*— МГПИ имени В. И. Ленина.

Глазков А. Л. *Борьба партии большевиков за профсоюзы в 1917 г. (март — октябрь).*— Харьковский гос. ун-т.

Глазунов Д. И. *Комсомол Мордовии в годы Великой Отечественной войны.*— МГПИ имени В. И. Ленина.

Гогулин В. Ф. *Борьба КПСС за повышение действенности партийного контроля на промышленных предприятиях (июль 1955 г.— 1957 г.).*—АОН.

Голев В. М. *Борьба за социалистическое переустройство сельского хозяйства Подолии (1928—1933 гг.).*— Ин-т истории АН УССР.

Гранов Н. А. *Руководящая роль Коммунистической партии в области строительства в годы пятой пятилетки.*— МГУ.

Грдзелидзе Р. К. *Национальная политика Коммунистической партии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (март — октябрь 1917 г.).*— Тбилисский гос. ун-т.

Григорьянц А. К. *Новый подъем революционного движения в Армении и роль большевиков по руководству борьбой трудящихся масс (1910—1914 гг.).*— Ереванский гос. ун-т.

Григорян В. Р. *Ереванское ханство в конце XVIII столетия (1780—1800).*— Ин-т истории АН Армянской ССР.

Гриценко А. П. *Рабочее и крестьянское движение в Донецком бассейне в годы первой мировой империалистической войны (июль 1914 — февраль 1917 г.).*— Ин-т истории АН УССР.

Губанов В. П. *Борьба Коммунистической партии Советского Союза за повышение культурно-технического уровня рабочего класса в годы пятой пятилетки (1951—1955 гг.).*— АОН.

Гусейнов Г. Г. *Вопрос о черноморских проливах в 1917—1923 гг.*— Азербайджанский гос. ун-т.

Денисова Р. Я. *Антропологический состав восточных латышей и восточных литовцев.*— Ин-т этнографии АН СССР.

Джалагания И. Л. *Из истории монетного дела в Грузии XIII в.*— Ин-т истории АН Грузинской ССР.

Джибладзе Д. Н. *Вооруженное восстание в Грузии в 1919 г.*— Тбилисский гос. ун-т.

Джиджиешвили М. Г. *Борьба за Советскую власть в Аджарии (1917—1921 гг.).*— Ин-т истории АН Груз. ССР.

Джикиев А. *Туркмены Юго-Восточного побережья Каспийского моря. (Историко-этнографический очерк).*— Ин-т этнографии АН СССР.

Егоров Ю. Н. *Русские университеты и студенческое движение во второй половине 30—50-х годов XIX в.*— ЛГУ.

Едемский П. И. *Партийно-политическая работа в частях и соединениях 3-й ударной армии в Берлинской операции (март — май 1945 г.).*— ВПА.

Ерицян Х. А. *Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции.*— АОН.

Ермаганбетов К. К. *Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за дальнейшее развитие тяжелой промышленности в пятой пятилетке (1951—1955 гг.).*— Ин-т истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.

Ермаков Ф. И. *Коммунистическая партия в борьбе за дальнейший подъем совхозного производства в 1953—1956 гг. (На материалах Северного Кавказа).*— МГПИ имени В. П. Потемкина.

Ершов Н. Н. *Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. (Историко-этнографический очерк).*— Ин-т этнографии АН СССР.

Еськов Г. С. *Роль газеты «Правда» в борьбе за укрепление связей партии с массами в период между XIV и XV съездами ВКП(б) (декабрь 1925 — декабрь 1927 г.).*— Харьковский гос. ун-т.

Ефименко Н. Г. *Большевики Приморья в годы первой русской революции (1905—1907 гг.).*— МГУ.

Жакупбеков С. К. *Организация и укрепление машинно-тракторных станций Казахстана и их роль в социалистическом переустройстве сельского хозяйства в первой пятилетке.*— Казахский гос. ун-т.

Жарихин Л. С. *Аграрная политика большевистской партии в Великой Октябрьской социалистической революции («Ленинский декрет о земле»).*— ВПШ.

Журавлева Л. А. *Ленинская «Искра» и Петербургская социал-демократическая организация (1900—1903 гг.).*— АОН.

Зайцев Е. В. *КПСС — организатор дальнейшего укрепления союза рабочего класса с колхозным крестьянством в годы третьей пятилетки (1938 г.— июнь 1941 г.). (На материалах Дона и Кубани).*— Ростовский-на-Дону гос. ун-т.

Залялов А. М. *Ленинский кооперативный план и борьба трудящихся масс за его осуществление в Татарии в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.).*— Казанский гос. ун-т.

Замараева Т. Б. *Борьба большевистских организаций России за осуществление ленинской тактики превращения войны империалистической в войну гражданскую (1914 — февраль 1917 г.).*— МГУ.

Занд Е. *Борьба большевистской партии за массы в обстановке двоевластия (27 февраля — 4 июля 1917 г.).*— АОН.

Зеленовский Ф. А. *Коммунистическая партия в борьбе за союз рабочего класса и беднейшего крестьянства в период подготовки и проведения социалистической революции и упрочения Советской власти (февраль 1917 г.— начало 1919 г.). (На материалах Белоруссии).* — Белорусский гос. ун-т.

Золотарев М. С. *Ленинский принцип мирного сосуществования двух систем и борьба КПСС и Советского правительства за его осуществление на современном этапе (1953—1956 гг.).*— Киевский гос. ун-т.

Зузыкина Н. С. *Проведение столыпинской аграрной реформы в Рязанской губернии (1907—1914 гг.).*— МГПИ имени В. П. Потемкина.

Ибрагимов С. С. *Коммунистическая партия — организатор социалистического соревнования в сельском хозяйстве в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.). (По материалам Азербайджанской партийной организации).*— Азербайджанский гос. ун-т.

Иваненко Ф. М. *Борьба КПСС за подготовку квалифицированных рабочих кадров промышленности в годы пятой пятилетки (1951—1955 гг.).*—МГПИ имени В. И. Ленина.

Иващенко П. И. *Борьба партийной организации Алтая за повышение производительности труда в зерновом производстве 1953—1957 гг.*— АОН.

Игнатьев Г. С. *Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Москве и Московской губернии.*— ВПШ.

Иерусалимская А. А. *К истории племен эпохи бронзы Степного Предкавказья (Предкавказский вариант катакомбной культуры).*— ИИМК.

Ионе Г. И. *Керамическое производство Древнего и Средневекового Азербайджана. (По данным раскопок Мингечаура).*—ИИМК.

Калчаев И. *Культурное строительство в Киргизии в годы предвоенных пятилеток.*— Отд. общественных наук АН Киргизской ССР.

Карпенко В. И. *Деятельность Коммунистической партии Советского Союза по дальнейшему укреплению связей с массами в годы пятой пятилетки (1951—1955 гг.)* — МГУ.

Карчава В. И. *Из истории революционной борьбы грузинских крестьян. (Борьба за Советскую власть в 1918 г.)* — Ин-т истории АН Грузинской ССР.

Касаткин М. А. *Приморская организация КПСС в борьбе за народное просвещение в период завоевания и укрепления Советов на Дальнем Востоке (1917—1925 гг.).*— МГПИ имени В. И. Ленина.

Катунцева Н. М. *Роль рабочих факультетов в создании кадров народной интеллигенции в СССР в 1926—1930 гг.*— Ин-т истории АН СССР.

Каштанов С. М. *Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI в.*— Ин-т истории АН СССР.

Климов П. И. *Рабочий класс в борьбе за союз с крестьянством в первой русской революции 1905—1907 гг. (По материалам губерний Центрально-промышленного района).*— АОН.

Клубов И. С. *Вопросы тактики в работе В. И. Ленина «Детская болезнь «ле-*

изны» в коммунизме». — Иркутский ос. ун-т.

Ключева З. И. *Коллективность руко-одства большевистской партии во главе с З. И. Лениным — важнейшее условие осу-ществления Великой Октябрьской социали-тической революции.*— АОН.

Кобаидзе А. Н. *Борьба Коммунисти-еской партии за осуществление ленинского лана мирного развития русской революции (март—июль 1917 г.).*—Тбилисский гос. ун-т.

Кобычев В. П. *Жилище народов Во-точного Закавказья в XIX в.*— Ин-т этно-рафии АН СССР.

Ковалевский Б. П. *Упрочение союза абочего класса и колхозного крестьянства условиях борьбы КПСС за крутой подъем ельского хозяйства (1953—1957 гг.).*— АОН.

Ковальский Н. П. *Связи западноук-раинских земель с Русским государством (вторая половина XVI—XVII в.).*— Львов-кий гос. ун-т.

Кожемякин П. П. *КПСС в борьбе за укрепление своих рядов в период между XIX и XX съездами партии (1952—1956 гг.).*— МГПИ имени В. И. Ленина.

Козырев П. В. *Руководящая роль ра-бочего класса в установлении и укреплении Советской власти в деревне в 1917—1918 гг. (По материалам центральных губерний РСФСР).*— АОН.

Колесников П. А. *Город Тотьма в XVII веке. (К вопросу о социально-экономи-ческой истории русского поморского горо-да).*— Ин-т истории АН СССР.

Комиссарова В. И. *Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Тверской губернии (март 1917 — июнь 1918 г.).*— Московский обл. пед. ин-т.

Кондратьева Л. Н. *Петроградский пролетариат в борьбе за революционный выход из первой мировой империалистиче-ской войны (февраль 1917 г.— март 1918 г.).*— АОН.

Кондрашов В. И. *Идеологическая ра-бота партии в Советских Вооруженных Си-лах в период войны против империалисти-ческой Японии.*— ВПА.

Коровина М. Н. *Коммунистическая партия в борьбе за улучшение материально-го положения рабочего класса в восстанови-тельный период (1921—1925 гг.).*— МГУ.

Кос В. И. *Борьба Коммунистической пар-тии Советского Союза за улучшение работы МТС как решающей материально-техниче-ской базы колхозного производства в пя-той пятилетке. (На материалах Украины).*— Киевский гос. ун-т.

Котенко И. А. *Освободительная борь-ба молдавского народа против турецких по-работителей и укрепление русско-молдав-ской дружбы (1768—1774 гг.).*— Кишинев-ский гос. ун-т.

Кравец В. А. *Борьба Коммунистической партии Украины за укрепление союза рабо-чих и крестьян в первый год новой эконо-мической политики.*— Харьковский гос. ун-т.

Крастыня А. К. *Крестьянское жилище в Видземе в период разложения барщинно-го хозяйства и укрепления капитализма.*— ИИМК АН Латвийской ССР.

Криницын Ф. С. *Первая архипелаж-ская экспедиция русского флота (1769—1774 гг.).*— ЛГУ.

Круглов А. А. *Роль газеты «Правда» в развитии массового социалистического со-ревнования в промышленности СССР в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.).*— ВПШ.

Ксенофонтов С. В. *Коммунисты Ал-тая в борьбе за оказание всесторонней по-мощи фронту в годы Великой Отечествен-ной войны.*— ЛГУ.

Кудряшов В. С. *Развитие машино-строительной промышленности БССР в по-слевоенный период (1946—1955 гг.).*— АОН.

Кузнецкий Н. С. *Борьба коммунистов Бурят-Монголии за проведение ленинской национальной политики в восстановитель-ный период (1921—1925 гг.).*— Иркутский гос. ун-т.

Кузыев Р. У. *Культурное строительство в Башкирской АССР в годы четвертой пя-тилетки (1946—1950 гг.).* — Казанский гос. ун-т.

Куликова Н. А. *Деятельность Совета Труда и Обороны под руководством В. И. Ленина в 1920 г.*— АОН.

Купреева А. П. *Профсоюзы Белорус-сии в борьбе за выполнение первого пяти-летнего плана республики в области про-мышленности (1928—1932 гг.).*— Отд. об-щественных наук АН БССР.

Кучер А. Е. *Борьба рабочего класса за восстановление тяжелой промышленности Украины (1923—1925 гг.).*— Харьковский гос. ун-т.

Кучма И. П. *Организационно-партийная и массово-политическая работа на пред-приятиях горнорудной промышленности Ук-раины (1944—1950 гг.).*— Киевский гос. ун-т.

Лагунов К. Я. *Комсомол Таджикиста-на — активный помощник Коммунистиче-ской партии в борьбе за послевоенный подъем хлопководства республики (1945—1954).*— Таджикский гос. ун-т.

Лазутка С. А. *Революционная ситуа-ция 1859—1862 гг. в Литве. (Предпосылки восстания 1863—1864 гг.).*— АОН.

Леббин Г. А. А. *Коммунистическая пар-тия Эстонии в борьбе за единый фронт тру-дящихся (1920—1924 гг.).*— Тартуский гос. ун-т.

Левит С. Э. *Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистских захватчиков (1941—1945 гг.).*— Кишиневский гос. ун-т.

Лейнасаре И. А. *Земледельческие орудия латышей в XVIII и первой половине XIX в. (В связи с изучением этнической ис-тории народа).*—Ин-т этнографии АН СССР.

Лиги Х. М. *Положение и классовая борь-ба эстонского крестьянства в начале Ли-вонской войны (1558—1561 гг.).*— Отд. об-щественных наук АН Эстонской ССР.

Лобазов П. К. *Борьба КПСС за по-вышение производительности труда в про-мышленности в период третьей пятилетки (1938 г.— июнь 1941 г.).*— МГУ.

Лобанов И. С. *Большевистская партия в борьбе за превращение Советов из орга-нов мобилизации масс в органы государ-ственной власти (февраль 1917 — январь 1918 г.).*— МГУ.

Ломашвили П. Н. *Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — зачаток марксистской партии в России.*— Тбилисский гос. ун-т.

Лордкипанидзе О. Д. *Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. н. э. (К изучению экономики городов Иберии античного периода).*— Тбилисский гос. ун-т.

Люцарева Л. В. *Борьба Коммунистической партии за укрепление связей с массами в период мирной передышки 1920 г.*— МГПИ имени В. П. Потемкина.

Магомедов А. М. *Борьба большевистской партии за дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.).*— МГУ.

Мадатов И. М. *Забастовочное движение бакинского пролетариата в 1905 г.*— Азербайджанский гос. ун-т.

Мазурова Я. С. *Государственные трудовые резервы БССР и их роль в подготовке квалифицированных кадров рабочих (1944—1950 гг.).*— Отд. общественных наук АН БССР.

Маилян И. А. *Распространение марксизма и образование ленинско-искровских организаций в Грузии (1880—1901 гг.)* — Киевский гос. ун-т.

Максименко М. М. *Отмена крепостного права и крестьянское движение в Таврической губернии в 1861—1863 гг.*— Киевский гос. ун-т.

Маматкулов К. *Развитие социалистической промышленности в Самаркандской области за период трех предвоенных пятилеток (1928—1941 гг.).*— Узбекский гос. ун-т.

Мамедов А. М. *Борьба Коммунистической партии за восстановление сельского хозяйства в Азербайджане (1921—1925 гг.).*— Азербайджанский гос. ун-т.

Мангутов Н. Р. *К вопросу о землепользовании и земельных отношениях в Бурят-Монгольской автономной области ДВР.*— Иркутский гос. ун-т.

Масанов Э. А. *Домашние промыслы и ремесла казахского народа во второй половине XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк по материалам северных областей Казахстана).*— Ин-т этнографии АН СССР.

Маслов Н. Н. *Борьба Коммунистической партии за обеспечение промышленности квалифицированными рабочими кадрами в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.).*— ЛГУ.

Медведев А. Б. *Деятельность В. И. Ленина по организации управления социалистической промышленностью в первый период Советской власти (ноябрь 1917 г.— июль 1918 г.).*— АОН.

Медведев Б. Б. *Осуществление Коммунистической партией принципа пролетарского интернационализма в период борьбы за упрочение Советской власти (ноябрь 1917 г.— 1918 г.).*— ВПШ.

Мелешко А. Г. *Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX вв.*— Ин-т истории АН СССР.

Мельников В. В. *Комсомол — активный помощник Коммунистической партии в культурном строительстве СССР в первой пятилетке.*— МГУ.

Милов Л. В. *Об экономических примечаниях к генеральному межеванию второй половины XVIII — начала XIX в. (Некоторые вопросы источниковедения).*— МГУ.

Минаева Н. В. *Петрашевцы и идеи утопического социализма.*— МГПИ имени В. П. Потемкина.

Мироненко В. М. *Большевистская партия в борьбе за подготовку и проведение Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г. (август — октябрь).*— МГПИ имени В. И. Ленина.

Митупов Б. М. *Руководство Коммунистической партии социалистической индустриализацией и формированием рабочего класса в Бурят-Монголии (1928—1937 гг.).*— МГУ.

Михайлина П. В. *Города Украины в освободительной войне 1648—1654 гг.*— Ин-т истории АН УССР.

Мищенко Г. П. *Комсомол Украины — активный помощник Коммунистической партии в развитии общественного животноводства (1952—1955).*— Киевский гос. ун-т.

Могильницкий Б. Г. *Д. М. Петрушевский как историк западноевропейского феодализма.*— МГУ.

Молочко А. Д. *Борьба Коммунистической партии за победу принципов пролетарского интернационализма в рабочем движении России накануне первой мировой войны.*— Белорусский гос. ун-т.

Моргошия А. В. *Деятельность Сергея Мироновича Кирова в Закавказье (1920—1925 гг.).*— Тбилисский гос. ун-т.

Муртазин М. Б. *Коммунистическая партия Советского Союза — организатор создания нефтяной промышленности в Башкирии (1938—1945 гг.).*— Московский обл. пед. ин-т.

Мушегян Х. А. *Денежное обращение и торговые связи Двина по монетным данным.*— ИИМК.

Нагаев А. С. *Золотопромышленность Восточной Сибири в 30—50-е годы XIX в. и ее влияние на социально-экономическое развитие края.*— МГПИ имени В. П. Потемкина.

Нагрузов Д. И. *Работа партийных организаций Сибири в деревне в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.).*— АОН.

Натмеладзе М. В. *Рабочий класс Грузии в борьбе за осуществление первого пятилетнего плана развития промышленности (1928—1932 гг.).*— Ин-т истории АН Грузинской ССР.

Наумов В. П. *Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в России до первого похода Антанты.*— АОН.

Неживенко А. Р. *К истории развития капитализма в сельском хозяйстве хлопковых районов Узбекистана в XX в. (1907—1917 гг.). (На материалах Ферганской долины).*— Отд. общественных наук АН Узбекской ССР.

Некрасова И. М. *Борьба Коммунистической партии Советского Союза за осуществление ленинского плана электрификации страны (1921—1931 гг.).*— МГУ.

Немцова В. И. *Партия большевиков в борьбе за революционный выход из войны в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.*— Московский обл. пед. ин-т.

Несмелов О. В. *Научные основы внешней политики Коммунистической партии Советского Союза.*— МГУ.

Никитин П. А. *КПСС в борьбе за повышение культурно-технического уровня рабочей молодежи в послевоенный период (1946—1956 гг.).*— АОН.

Нифталиев М. Б. *Культурное строительство в Нахичеванской АССР в период 1921—1925 гг.*— Ин-т истории АН Армянской ССР.

Новик А. С. *Восстановление и развитие МТС на Украине и их роль в возрождении сельского хозяйства в четвертой пятилетке (1946—1950 гг.).*— Киевский гос. ун-т.

Новиков И. А. *Борьба Коммунистической партии Советского Союза за дальнейшее укрепление дружбы народов в период проведения новой Конституции СССР и завершения строительства социализма в предвоенные годы (1935 — июнь 1941 г.).*— ВПА.

Норейкене С. *Революционное движение в буржуазной Литве (конец 1919—1926 гг.).*— МГУ.

Нуруллин Р. А. *Борьба трудящихся Туркестанской АССР за укрепление местных Советов в годы гражданской войны (1918—1920 гг.).*— Отд. общественных наук АН Узбекской ССР.

Оганесов Г. С. *Идейно-политическая и организационная работа большевиков в годы столыпинской реакции.*— Киевский гос. ун-т.

Оганесян Н. О. *Борьба большевиков против армянского буржуазного национализма 1907—1914 гг.*— Ереванский гос. ун-т.

Ольшанский П. Н. *Декабристы и польское национально-освободительное движение (двадцатые годы XIX в.).*—АОН.

Павлов Г. Г. *Партийно-политическая работа в войсках 42-й армии в период блокады Ленинграда (сентябрь 1941 — январь 1943 г.).*— ВПА.

Павлов Н. П. *Борьба КПСС за укрепление кадров машинно-тракторных станций в период пятой пятилетки (1951—1955 гг.).*— МГПИ имени В. И. Ленина.

Павлюченко Ф. К. *Борьба большевиков за солдатские массы Юго-Западного фронта в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.*— Киевский гос. ун-т.

Панабергенов А. *Культурная революция в Кара-Калпакии в 1917—1937 гг.*— Отд. общественных наук АН Узбекской ССР.

Папава Г. З. *Из истории русско-грузинских взаимоотношений в первой половине XVIII в.*— Ин-т истории АН Грузинской ССР.

Пащенко А. Я. *Деятельность Коммунистической партии по завершению коллективизации сельского хозяйства и укреплению колхозного строя в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.).*— ВПШ.

Первак Н. Ф. *Борьба рабочих Донбасса за установление Советской власти (март 1917 г. — январь 1918 г.).* — Ин-т истории АН УССР.

Першин Н. И. *Газета «Правда» в борьбе за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в годы первой пятилетки.*— МГУ.

Петров Д. Д. *Колхозное крестьянство Якутии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.).*— Ин-т истории АН СССР.

Петряков Г. В. *«Правда» 1912—1914 гг. как массовая рабочая газета.*— ИМЛ.

Плиев Б. З. *Трудящиеся Юго-Осетии в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).*— Ин-т истории АН Грузинской ССР.

Плотников И. П. *Национальная политика Коммунистической партии в 1917—1924 гг.*— Уральский гос. ун-т.

Погудин В. И. *Историография коллективизации в РСФСР (1929—1932 гг.).*— АОН.

Поздняков О. А. *Местная печать большевистской партии в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.).*— ЛГУ.

Полетаева М. Н. *Борьба Коммунистической партии Советского Союза за повышение производительности труда в тяжелой промышленности в период четвертой пятилетки (1946—1950 гг.).*— АОН.

Половинчук Е. Н. *Из истории культурного строительства в Дальневосточном крае в 1917—1925 гг. (Борьба за советскую школу в Приамурье).*— МГПИ имени В. П. Потемкина.

Попов Т. Т. *Коммунистическая партия в борьбе за улучшение работы машинно-тракторных станций и усиление их роли в колхозном производстве в пятой пятилетке. (На примере деятельности Рязанской областной партийной организации).*— Московский гос. экономический ин-т.

Приставкин В. А. *Московская партийная организация в борьбе с контрреволюцией в период упрочения Советской власти (ноябрь 1917 — июль 1918 г.).*— МГУ.

Проскурин М. П. *Сталинградская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.*— МГУ.

Рагимов К. Н. *Борьба Коммунистической партии за дальнейшее укрепление Советов (1926—1929 гг.). По материалам Азербайджанской партийной организации).*— Азербайджанский гос. ун-т.

Рамазанов Х. Х. *Крестьянская реформа в Дагестане.*— Ин-т ист. АН СССР.

Решетняк Б. К. *Борьба Коммунистической партии и Советского правительства за сохранение мира и укрепление безопасности Советского Союза (1933—1937 гг.).*— Харьковский гос. ун-т.

Родионов П. А. *Ленинский принцип коллективности партийного руководства и его осуществление партией в период перехода к нэпу (1921—1922 гг.).*— АОН.

Рохлин Ю. М. *Коммунистическая партия — организатор и вдохновитель героического труда советской интеллигенции в помощь фронту в начальный период Великой Отечественной войны.*— Высший военно-педагогический институт.

Рыбин П. А. *Развитие В. И. Лениным марксистского учения о вооруженном восстании.*— ВПА.

Савицкая Л. А. *Рост материального благосостояния рабочего класса Белоруссии в годы третьей пятилетки (1938 — июнь 1941 г.).*— Отд. общественных наук АН БССР.

Саженюк С. Н. *Укрепление братского союза и дружбы русского и украинского народов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.).*— Киевский гос. ун-т.

Самолюбова С. Ш. *Столыпинская аграрная реформа в Смоленской губернии и крестьянское движение в период ее проведения (1907—1915 гг.).*— Московский обл. пед. ин-т.

Санжиев Г. Л. *Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства Бурят-Монгольской АССР (1929—1937 гг.).*— МГУ.

Сарбей В. Г. *Исторические взгляды А. М. Лазаревского.*— Ин-т истории АН УССР.

Свешников И. К. *Памятники племен бронзового века Прикарпатья и Западной Подолии.*— ИИМК.

Синенко Ф. С. *Политика Коммунистической партии по укреплению союза рабочего класса и крестьянства в восстановительный период и ее значение для усиления оборонной мощи Советского государства (1921—1925 гг.).*— ЛГУ.

Сидоров В. А. *Борьба КПСС за дальнейшее упрочение союза рабочего класса с середняком в 1925—1927 гг.*— МГУ.

Скрынников Р. Г. *Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV—XVI в.*— ЛГПИ имени А. И. Герцена.

Сливка Ю. Ю. *Революционно-освободительная борьба трудящихся Закарпатья в годы мирового экономического кризиса (1929—1933).*— Ин-т истории АН УССР.

Соколова З. П. *Обско-Угорское жилище и его история.*— Ин-т этнографии АН СССР.

Соколовская Т. Г. *Культурное строительство в западных областях УССР в первые годы Советской власти (сентябрь 1939 —июнь 1941 г.).*— Львовский гос. ун-т.

Солдатенко Е. И. *XV съезд ВКП (б) и укрепление обороноспособности СССР.*— ВПА.

Соловьев Л. Н. *Первобытные стоянки Очамчири и Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология.*— ИИМК.

Сорокина В. В. *Роль женщины-крестьянки в общественно-политической и культурной жизни белорусской деревни в восстановительный период (1921—1925 гг.).*— Отд. общественных наук АН БССР.

Сорокин С. С. *Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы.*— ИИМК.

Сотникова М. П. *Серебряные плетежные слитки великого Новгорода. (Вопросы техники и эпиграфики).*— ИИМК.

Старостин А. В. *Партийно-политическая работа в частях и соединениях 42-й армии в наступательных боях по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом (январь 1944 г.).*— ВПА.

Степанов А. М. *Партийная работа в деревне в период между VIII—IX съездами РКП(б) (март 1919 — март 1920 г.).*— АОН.

Степачев С. И. *Коммунистическая партия — организатор борьбы производственно-технической интеллигенции за выполнение четвертого пятилетнего плана (в промышленности).*— МГУ.

Степичев И. С. *Борьба КПСС за осуществление ленинского кооперативного плана в 1928—1930 гг. (По материалам Иркутской партийной организации).*— Иркутский гос. ун-т.

Стеценко С. А. *Аграрные отношения в Ходжентском уезде после присоединения его к России (вторая половина XIX з.).*— Таджикский гос. ун-т.

Сурнина В. И. *КПСС — организатор всенародной помощи освобожденным районам (1943—1945 гг.).*— МГПИ имени В. И. Ленина.

Суслова Ф. М. *«Союз борьбы за освобождение рабочего класса» во главе рабочего движения в Петербурге (1895—1897 гг.).*— ЛГУ.

Сушков В. М. *Разработка В. И. Лениным основ строительства Советских Вооруженных Сил и борьба партии за их осуществление (1918—1920 гг.).*— ВПА.

Терехов И. С. *Укрепление большевистской партии в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания 1917 г.*— АОН.

Техов Б. В. *Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна.*— Ин-т истории АН Грузинской ССР.

Ткешелашвили О. В. *Памятники материальной культуры раннефеодальной эпохи из самтаврского могильника (IV—VIII вв.).*— Ин-т истории АН Грузинской ССР.

Троицкий С. М. *Финансы и финансовая политика в России в середине XVIII в.*— Московский гос. историко-архивный ин-т.

Трофимов К. С. *Борьба В. И. Ленина за основание и укрепление III, Коммунистического Интернационала (1918 г.— декабрь 1922 г.).*— АОН.

Трукан Г. А. *Положение рабочего класса России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. (По материалам Московского промышленного района).*— АОН.

Туголуков В. А. *Эвенки Охотского побережья.*— Ин-т этнографии АН СССР.

Убайдуллаев Л. *Дальнейший рост материального благосостояния трудящихся Узбекистана в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.).*— Отд. общественных наук АН Узбекской ССР.

Фалакян А. Г. *Большевистская армянская периодическая печать в борьбе за победу Советской власти (1917—1920 гг.).*— Ереванский гос. ун-т.

Федоров К. Г. *ВЦИК в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.).*— МГУ.

Филимонова Л. В. *Хлопчатобумажная промышленность Московской и Владимирской губерний накануне отмены крепостного права. (К истории промышленного переворота в России).*— МГУ.

Фоменко П. М. *Роль трудящихся Воронежской губернии в разгроме белогвардейских банд Мамонтова и Шкуро под Воронежем и Касторной в 1919 году.*— Киевский гос. ун-т.

Фурер Л. Н. *Волжское судоходство в 50—60-х годах XIX в. (К истории промышленного переворота в России).*— Казанский гос. ун-т.

Хабиев Х. *Культурное строительство в Казахстане в период социалистической реконструкции народного хозяйства и создания экономического фундамента социализма (1926—1932 гг.).*— Казахский гос. ун-т.

Худайбердиев Я. *Оформление и идейно-организационное укрепление Коммунистической партии (большевиков) Туркменистана (1924—1925 гг.).*— АОН.

Цейтлин Б. С. *Большевики в борьбе за пролетарские массы в 1907—1910 гг.*— МГУ.

Цимерманис С. Я. *Быт сельскохозяйственных рабочих в Курземе и Земгале во второй половине XIX в.*— ИИМК.

Чербуленас К. К. *Развитие литовского народного жилища (с древнейших времен до конца XIX в.).*— Ин-т истории АН Литовской ССР.

Черненко А. М. *Борьба В. И. Ленина за создание партийных кадров в период образования РСДРП (1893—1903 гг.).*— Львовский гос. ун-т.

Чернявский Ф. Ф. *Начало социалистических преобразований в Закарпатье (октябрь 1944 — январь 1946 г.)*— Ин-т истории АН УССР.

Чижов И. Г. *Матросские и солдатские массы Кронштадта в борьбе за власть Советов (февраль — октябрь 1917 г.).*— Томский гос. ун-т.

Чилашвили Л. А. *Город Рустави. (Историко-археологический очерк).*— Ин-т истории АН Грузинской ССР.

Чкадуа В. К. *Политотделы МТС за 1933—1934 гг. (По материалам Грузинской ССР).*— Тбилисский гос. ун-т.

Чокушов Б. *Северные области Советской Киргизии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.*— Киргизский гос. ун-т.

Чубаров Ю. Н. *Крестьянское движение под руководством Коммунистической партии в период первой гражданской революционной войны в Китае (1924—1927 гг.).*— АОН.

Шацилло К. Ф. *Финансовый капитал в морской судостроительной промышленности России (1910—1917 гг.).*— МГУ.

Шварев В. А. *Великая Октябрьская социалистическая революция в Пензенской губернии.*— Томский гос. ун-т.

Шелудько С. А. *А. И. Герцен в советской историографии (1917—1957 гг.).*— АОН.

Шилохвостов В. М. *Партийно-политическая работа в деревне по организационно-хозяйственному укреплению колхозов (1933—1934 гг.).*— АОН.

Шихлинский З. Б. *Укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства в Азербайджане в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.).*— Азербайджанский гос. ун-т.

Шкаратан О. И. *Изменения в составе фабрично-заводских рабочих г. Ленинграда (1917—1928 гг.).*— ЛГПИ имени А. И. Герцена.

Шноре Э. Д. *Асотское городище по данным археологических раскопок 1949—1954 гг.*— ИИМК АН Латвийской ССР.

Шумилов Г. И. *Борьба трудящихся Чувашской АССР за выполнение первой пятилетки.*— Казанский гос. ун-т.

Щербаков С. А. *Города Западной Белоруссии в составе Речи Посполитой в первой половине XVII в.*— Львовский гос. ун-т.

Этенко Л. А. *Тактика большевистских организаций Терека в борьбе за установление Советской власти (1917—1918 гг.).*— Ростовский-на-Дону гос. ун-т.

Юсупов И. И. *Участие трудящихся дунган в борьбе за установление Советской власти и гражданской войне в Семиречье (1917—1922 гг.).*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Юсуфов Р. Ю. *Борьба трудящихся Дагестана за осуществление второго пятилетнего плана развития народного хозяйства (1933—1937 гг.).*— Азербайджанский гос. ун-т.

Якобсон И. И. *Повышение уровня партийной пропаганды на основе решений XX съезда КПСС. (По материалам КП Эстонии).*— АОН.

Яковенко Л. И. *Роль контрактации сельскохозяйственных продуктов в организации и укреплении колхозов Таджикистана (1927—1937 гг.).*— Таджикский гос. ун-т.

Всеобщая история

Андросов В. П. *Формы и методы борьбы монополистического капитала США против рабочего движения (1953—1956 гг.).*— АОН.

Бабенчиков В. П. *Некрополь Неаполя скифского.*— Отд. общественных наук АН УССР.

Багиров И. Г. *Всемирно-историческое значение борьбы народов за предотвращение войн в современную эпоху.* — Азербайджанский гос. ун-т.

Балог Шандор. *Борьба Венгерской коммунистической партии за создание кадров социалистической интеллигенции (1945—1948 гг.).*— МГУ.

Бартикян Г. М. *Источники для изучения истории павликианского движения.*— ЛГУ.

Баскаков С. И. *Коммунистическая партия Болгарии в борьбе за создание и укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства.*— АОН.

Баскес Байон П. *Коммунистическая партия Испании в борьбе за массы накануне национально-революционной войны*

испанского народа (1932—1936 гг.).— Харьковский гос. ун-т.

Бауэр Р. *Предпосылки и основные черты Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. (На первом этапе).*— АОН.

Белегу М. *Реакционная политика феодально-буржуазного правительства Ахмета Зогу в период реакционной Албанской республики (1925—1928 гг.).*— МГУ.

Бессмертный Ю. Л. *Хозяйство крупных вотчин в Лотарингии во второй половине XII в. и в XIII в. (К вопросу о развитии социально-экономических отношений в крупных вотчинах Лотарингии во второй половине XII в. и в XIII в.).*— МГУ.

Бзаев К. К. *Источники послевоенного возрождения западногерманского монополистического капитала.*— АОН.

Васильев Л. С. *Аграрные отношения и община в Китае в начале I тыс. до н. э.*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Влашанек Мирослав. *Борьба Коммунистической партии Чехословакии за крестьянство в период угрозы фашизма и гитлеровской агрессии (1935—1937 гг.).*— ЛГУ.

Галл Йон. *Революционный подъем в Трансильвании 1917—1919 гг. под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.*— ЛГУ.

Ганковский Ю. В. *Очерки государственного строя и военной системы державы Дуррани (1747—1819).*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Георгиев Г. Р. *Борьба Болгарской коммунистической партии за единство рабочего класса как базы народного антифашистского фронта (1934 — 1939 гг.).*— МГУ.

Гиясов Т. *Индия и борьба за ослабление напряженности в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Гошко Ю. Г. *Восточная Галиция в начале XIX в. (По материалам Тернопольщины).*— Ин-т истории АН УССР.

Грабовецкий В. В. *Крестьянское движение в Галицком Прикарпатье во второй половине XVII ст.*— Ин-т истории АН УССР.

Гржибек Йозеф. *Борьба Коммунистической партии Чехословакии за создание национального фронта в 1939—1945 гг.*— ЛГУ.

Григулевич И. Р. *Ватикан.*— Ин-т истории АН СССР.

Дворецкая В. А. *Польские крестьяне с конца XVI по конец XVII в.*— ЛГПИ имени А. И. Герцена.

Елипашева Р. А. *Борьба придунайских племен с Римом во второй половине II в. н. э. (Последняя римская агрессия на Дунае).*— МГПИ имени В. И. Ленина.

Завадовский Ю. Н. *Абу Али Ибн Сина. (Опыт критической биографии).*— Отд. общественных наук АН Узбекской ССР.

Заказникова Е. П. *Рабочее движение в Индонезии в 1918—1927 гг.*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Залышкин М. М. *Внешняя политика Румынии накануне войны за независимость (1875—1877 гг.).*— МГУ.

Зарина Л. Л. *Экспансия британского империализма в Китае в 1896—1899 гг.*— МГПИ имени В. П. Потемкина.

Искендеров А. А. *Феодальный город Японии XVI столетия.*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Карлинер М. М. *Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны (1914—1918).*— МГПИ имени В. И. Ленина.

Карцев А. А. *Борьба американских и германо-итальянских империалистов за господство над Северной Африкой в период второй мировой войны (Алжир, Французское Марокко, Тунис) (1940—1943).*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Кауфман А. С. *Рабочий класс и национально-освободительное движение в Бирме (1937—1948 гг.).*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Клеванский А. Х. *Классовая борьба чехословацкого пролетариата в годы послевоенного революционного подъема (1918 — 1920 гг.).* — МГУ.

Коваль Б. И. *Классовая борьба в Бразилии в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.*— Ин-т истории АН СССР.

Копнов Е. В. *Национально-освободительная борьба чилийского народа после второй мировой войны (1946—1955 гг.).*— Ин-т истории АН СССР.

Корнеев А. С. *Вступление Италии в первую мировую войну.*— ЛГУ.

Коробов Н. Д. *Политическое консультативное совещание 1946 г. и его место в борьбе Коммунистической партии Китая за победу народной революции.*— Ин-т китаеведения АН СССР.

Королев Н. В. *Англо-французское соглашение 1904 г.*— АОН.

Кулинич И. М. *Положение и борьба рабочего класса Болгарии в начале XX в. (1908—1912 гг.).*— Ин-т истории АН УССР.

Лаврищев А. А. *Индокитайский вопрос и США.*— Ин-т мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Ланда Р. Г. *Национально-освободительное движение в Алжире после второй мировой войны (1945—1954 гг.).*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Логин А. И. *Коммунистическая партия Румынии в борьбе за завоевание масс и укрепление своих рядов. II съезд КПР (1922 г.).*— МГУ.

Лопухов Б. Р. *Борьба трудящихся масс Италии против наступления сил реакции и фашизма (1921—1922 гг.).*— Ин-т истории АН СССР.

Лундин А. Г. *Южная Аравия в VI в.*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Мазуров В. М. *Антияпонская вооруженная борьба корейского народа 1931—1940 гг.*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Майданик К. Л. *Борьба Коммунистической партии Испании за единство рабочего движения в 1936—1937 гг. (Первый период национально-революционной войны).*— Ин-т истории АН СССР.

Малафеев К. А. *Позиция оппортунистических лидеров германской социал-демократии в вопросе о подготовке и развя-*

вывании первой мировой войны в 1911—1914 гг.— МГПИ имени В. П. Потемкина.

Мальков В. Л. *Положение промышленного пролетариата и массовое рабочее движение в США в период мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.).*— Ин-т истории АН СССР.

Махатка О. *Взаимоотношения России, Австрии и Польши в связи с антитурецкой войной в 1683—1699 гг.*— ЛГУ.

Микоян С. А. *Британский империализм в Индии и Кашмирская проблема.*— Московский гос. ин-т международных отношений.

Мыльников А. С. *Чешская политическая и историческая мысль в библиографических трудах чешских ученых и публицистов (20 — 40-е годы XIX в.).* — ЛГУ.

Назаров Х. *Очерк истории Кухистана во второй половине XIX и в начале XX в.*— Таджикский гос. ун-т.

Новодран В. А. *Борьба польского народа за национальное и социальное освобождение в годы второй мировой войны и фашистской оккупации (1939—1943 гг.).*— АОН.

Олейниченко Г. Н. *Советско-индийские отношения (1954—1956 гг.).*— АОН.

Очак И. Д. *Участие югославян в борьбе за победу Советской власти в России в 1917—1921 гг.*— МГУ.

Пашаева Н. М. *Крупное поместье и формы эксплуатации крестьян в Чехии XVII в.*— Ин-т славяноведения АН СССР.

Пожарская С. П. *О роли социалистической рабочей партии Испании в буржуазно-демократической революции (1931—1933 гг.).*—МГУ.

Реутов Г. Н. *Ближневосточная политика Великобритании в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и подготовка захвата Кипра.*— ЛГПИ имени А. И. Герцена.

Ростовский С. Н. *Всемирная федерация профсоюзов и профсоюзное движение стран Азии 1945—1949 гг.*— ВПШ.

Семенов Л. С. *Русско-персидские отношения после Гюлистанского мира (1813—1826).*— ЛГУ.

Славин С. Н. *Польское восстание 1848 г. в Познани и общественное мнение Германии.*— ЛГПИ имени А. И. Герцена.

Слободенко А. М. *Борьба СССР за создание коллективной безопасности в Европе (1933—1939 гг.).*— Киевский гос. ун-т.

Смирнов В. П. *Внутренняя политика французских правительств и их борьба с рабочим движением во время «странной войны» (сентябрь 1939 — май 1940 г.).*— МГУ.

Стоянов Ц. Н. *Деятельность Болгарской коммунистической партии по мобилизации болгарского народа на защиту и оказание братской помощи Российской советской республике (1917—1922 гг.).*—АОН.

Стражас А. Ш. *Германская политика колонизации и германизации Литвы в первые годы первой мировой войны.*— ЛГПИ имени А. И. Герцена.

Тодоров Г. И. *Деятельность Болгарской коммунистической партии по расширению и укреплению связи с массами в годы второй пятилетки (1953—1957 гг.).*— АОН.

Томшин Ю. К. *Борьба Коммунистической партии Румынии за единство рабочего класса 1944—1948 гг.*— Ин-т истории АН СССР.

Тудэв Б. *Рабочий класс Монгольской Народной Республики в борьбе за выполнение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры 1948—1952 гг.*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Файнберг Л. А. *Общественный строй индейских земледельческих племен бассейна Амазонки. (Состояние вопроса).*— Ин-т этнографии АН СССР.

Флоря К. *Основные решения IV съезда Коммунистической партии Румынии и их значение.*— ЛГУ.

Фришенберг С. И. *К вопросу о национальной политике господствующих классов габсбургской Австрии в конце XIX — начале XX в. (1896—1901 гг.).*— Тбилисский гос. ун-т.

Хазанов А. М. *Освободительные движения в Бразилии в колониальный период 1661—1792 гг. (К вопросу о предпосылках борьбы за независимость).*— МГУ.

Христова Т. А. *Борьба Коммунистической партии Болгарии за единый антифашистский народный фронт в 1935—1941 гг.*— АОН.

Шапошниченко П. П. *ФРГ и Западноевропейский союз (1954—1958 гг.).*— АОН.

Швачко С. С. *Болгарский земледельческий народный союз и его эволюция (1944—1948 гг.).*— МГПИ имени В. П. Потемкина.

Шилинцев Н. М. *Стачка рурских металлистов в ноябре 1928 г.*— АОН.

Шилтова А. П. *Национально-освободительное движение во Вьетнаме в период второй мировой войны и победа Августовской революции.*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Юзбашян К. Н. *Византия накануне IV крестового похода. (К вопросу о причинах поражения в 1204 г.).*— Ин-т истории АН СССР.

Юмжав Д. *X съезд МНРП и его историческое значение.*— Ин-т востоковедения АН СССР.

Юсифов Ю. Б. *Царское ремесленное хозяйство в Эламе и Мидии (VI в. до н. э.).*— ЛГУ.

Обзоры и рецензии

ИОАХИМ ЛЕЛЕВЕЛЬ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

(К столетию со дня смерти)

Во второй половине XVIII в., когда идеологи поднимавшейся французской буржуазии развернули всеобщее идеологическое наступление на мораль, традиции, правовые нормы и верования феодального общества, что сказалось и на развитии исторической науки в целом, польская историческая наука все еще оставалась скованной догмами теологии. Однако падение независимого Польского государства вплотную поставило перед передовыми польскими учеными вопрос о причинах перемен, происшедших к концу XVIII в. в общественном устройстве страны, и выдвинуло задачу изучения главных факторов, которые определили эти перемены. На основе анализа прошлого историки пытались определить пути будущего развития страны, найти дорогу к ее национальному возрождению.

Но переход к изучению этих проблем происходил постепенно. Исследовательская школа Адама Нарушевича, опираясь на традиции классицизма, концентрировала свое внимание на хронологическом изложении истории королей, войн и дипломатии при крайне недостаточной критике источников, беглом анализе социальных явлений и без заметных усилий найти причинно-следственную обусловленность последних. Предстояло перейти к всестороннему изучению истории общественного устройства и материальных условий жизни населения, к анализу экономики и культуры — всего многообразия общественных, политических и экономических проблем прошлого.

Миссию серьезного пересмотра методов исторического исследования, создания новой, более прогрессивной методики исторического анализа и синтеза, сделавшей возможным более успешное развитие в Польше истории как науки, взял на себя Иоахим Лелевель (1786—1861) — выдающийся польский историк-демократ, борец за республику, активный деятель и глава буржуазно-демократического направления в польской исторической науке XIX века.

В условиях борьбы польского народа за национальную независимость Лелевель считал занятия исторической наукой подлинно актуальным делом, патриотическим долгом. Отвергая бездушный объективизм и бесстрастность, он стремился изучить прошлое для того, чтобы успешнее вести пропаганду республиканско-демократических взглядов и идей борьбы за национальную свободу, разоблачать виновников народных бедствий. Отсюда страстность, присущая ряду трудов Лелевеля, акцентирование им известного положения, гласящего, что нет интереса к истории, свободного от задач и запросов современности и будущего.

Лелевель рассматривал некоторые элементы прошлого в истории польского народа, особенно древнепольскую демократию — «гминовладство» как пример, достойный подражания, как знамя борьбы за восстановление Польши на основах «социальной справедливости». Наряду с рациональным моментом, состоявшим в правильном подчеркивании значения демократии для политической борьбы народа, в подобной идее имелась и ложная сторона, поскольку воскресить в новой Польше черты архаического общества было невозможно. Касаясь деятельности в 1850-х годах «Демократического общества» польских эмигрантов, воспринявшего в значительной степени историко-социологические

взгляды Лелевеля, К. Маркс отмечал, что один из лидеров организации, Людвиг Мерославский, «посредством исторической дедукции... пытается показать, что истина — в восстановлении старой земельной общины»[1].

Исторический опыт Лелевель считал вдохновляющей силой, способной воодушевить широкие народные массы на борьбу за возрождение познанной уже в прошлом системы «народовластия». Для народа Лелевель и писал о «славном прошлом» родины, ибо именно народу предстояло возродить независимость страны. «Поскольку не паны, а бедняки покупают наши труды..,— писал он в 1828 г. графу Дзялыньскому, отстаивая идею дешевого издания своих исторических книг,— мы должны их печатать для бедняков, а не для панов»[2]. Однако Лелевелю была присуща в то же время известная ограниченность взглядов. «Гминовладство» в широком смысле он считал не общеисторическим явлением, а моментом, искони характерным для славянства и исчезнувшим не в результате естественного развития процесса классообразования, а вследствие завоевания, произведенного лехитами, подчинившими кметов и ставшими шляхтой. Не случайно ряд «последователей» Лелевеля из реакционных кругов польского дворянства впоследствии ухватился за эти идеи с целью пропаганды «благой роли» шляхты в истории. Идеалистическая концепция Лелевеля послужила тем самым искажению той части его учения, которая носила подлинно революционный, демократический характер.

Лелевель был убежден, что выводы из прошлого и сравнение с прошлым неизбежно подтвердят обоснованность и справедливость повседневной борьбы польского народа с угнетателями[3]. Актуальная трактовка Лелевелем исторического прошлого вызывала раздражение и грубые выпады против него со стороны реакционных шляхетских кругов. Либерально-помещичий журнал «Przegląd Poznański» обвинял в 1848 г. Лелевеля в превращении им исторической науки в орудие политической борьбы и требовал отказа от использования исторического материала для оценки современного положения. «В какой связи с нами находится положение, существовавшее восемь веков тому назад? — негодовала редакция этого органа.—...Не в наших силах возродить давних кметов и лехитов!». Отмечая, что Лелевель «беспрерывно создает условия для сравнений между современностью и давними веками», журнал обвинял его в том, что он мешает слиянию классов польского общества в «единую силу» и разжигает классовую рознь. В подтверждение приводились высказывания крестьян из Галиции, «которые постоянно повторяют: земля ранее принадлежала нам, но паны ее захватили». И журнал ставил в вину Лелевелю «беспорядки», утверждая, что именно он «обеспечивает аргументами бунтующие толпы»[4].

Лелевель считал профессию историка важной и ответственной и высоко оценивал этот труд, который является «делом доблестным и благородным! Историки трудятся над сооружением памятников, которые бывают долговечнее непобедимых твердынь»[5]. Лелевель отвергал право называть историческим трудом произведение, состоящее из неосмысленного нагромождения фактов. «Есть,— писал он,— плохие, подлые, извращенные фальшью исторические рассказы, и они блистают почетным званием исторического труда. Это сухие, холодные, без души и жизни записанные факты, украшенные названием «история»... Это мулы, нарядившиеся в шкуру льва»[6]. Высокое звание историка может заслужить лишь тот, кто способен распознать «причины и последствия человеческих деяний», «влияние места и времени на деятельность людей»; кто способен видеть человека не изолированным, а в окружении ему подобных, не идеализированным, а со всеми его слабостями; кто видит и понимает главное, совершившееся в прошлом[7]. «Приобретение звания историка,— подчеркивал Лелевель,— звания подлинного историка, является делом редким, крайне трудным и, вследствие этого, подлинно величественным»[8].

Новый подход к профессии историка потребовал прежде всего нового определения

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 159.
[2] «Korespondencja J. Lelewela z Tytusem hr. Działyńskim». Poznań. 1884, str. 11.
[3] J. Lelewel. Wybór pism historycznych. Wrocław. 1950, str. 283.
[4] «Przegląd Poznański». T. VII. 1848, str. 615—618.
[5] «Северный архив». Ч. 4, 1822, декабрь, № 23, стр. 408.
[6] J. Lelewel. O historji, jej rozgałęzieniu i naukach związek z nią mających. Warszawa. 1826, str. 89.
[7] J. Lelewel. Polska. dzieje i rzeczy jej. T. XIII. Poznań. 1863, str. XII—XIII.
[8] J. Lelewel. Polska, dzieje i rzeczy jej. T. XVIII. Poznań. 1865, str. 200.

предмета исследования. Выясняя содержание понятия «история», Лелевель указывал, что эта наука изучает «состояние человеческого рода, его способностей и наклонностей, изучает расцвет или деградацию способов его труда..., общественные отношения и связи», правовое положение людей, «борьбу, которую ведут зависимые против правящих», все стороны деятельности человека [9]. История многостороння, а труд историка «подлинно необъятен» [10].

Лелевель был решителен в мнении, что целью исторической науки должно быть восстановление подлинной правды о прошлом человечества. Ввиду этого история не может выходить «из пределов опыта или подлежать простому разгадыванию... уподобляться теориям, произвольно вымышленным...» [11]. Эмпирический подход должен предшествовать теоретизированию; априорные же теории нуждаются в проверке и подтверждении источниками. Лелевель неоднократно подчеркивал «основу истинности, на которую должна опираться история» [12]; необходимость поисков в прошлом «только чистой правды» [13], которая постигается путем познания объективной действительности.

Поиски исторической истины предполагали отказ от использования басен и легенд в качестве главного источника. Задача заключалась в выявлении серьезных, достоверных источников, в значительном расширении их круга и их доскональном использовании. «Пока это не будет сделано,— писал Лелевель,— нельзя надеяться, что прошлое народа будет извлечено из тьмы и восстановлено» [14]. Это убеждение оставалось у него неизменным, и в течение всей своей долгой жизни он терпеливо и неутомимо собирал хроники, рукописи, древние книги, используя все возможности для получения новых материалов. Тем не менее на 66 году жизни он с сожалением отмечал, что всегда испытывал недостаток в источниках [15].

Лелевель не просто расширил источниковедческую базу польской исторической науки. Он обогатил ее новыми составными частями. На службу историческим исследованиям им были поставлены достижения ряда вспомогательных наук, а также многих наук, имеющих самостоятельное значение. Например, географию Лелевель считал наукой, содействующей «продвижению по труднопроходимым тропам истории»; сочетание со статистическими материалами делает ее «не просто географией, а политической наукой», ибо она уже вникает в дела людей и становится тем самым и историей [16]. Высоко оценивалась Лелевелем и хронология. Сама по себе насыщенная историзмом, хронология, поскольку она регистрирует события из жизни и деятельности людей, служит истории и затем становится ее составной частью [17].

Особое внимание Лелевель уделял археологии, которая «изучает памятники древности, их аутентичность и оригинальность, объясняет их значение, исследует состояние искусств...». Но историку этого мало. «Он хочет уяснить себе значимость этих памятников..., познать народы, создавшие их» [18]. Исторические памятники не только содействуют раскрытию «понятий, стремлений и жизни людей..., в них отражена история народа» [19]. Разделами археологии Лелевель считал «иероглифику» (изучающую «образное письмо»), эпиграфику и нумизматику [20]. Он писал относительно последней, что монеты, «как правило, указывают на политическое направление государств и часто свидетельствуют об успехах или поражениях той или иной страны... Тщательно исследуя монету, можно найти в ней объяснение многих совершившихся событий» [21]. Широко использовал он также дипломатику, сфрагистику, палеографию и геральдику.

---

[9] J. Lelewel. O potrzebie gruntownej znajomości historji i na czem ta gruntowność zależy. Wilno. 1815, str. 160, 165, 168.

[10] J. Lelewel. Jakim ma być historyk. Wybór pism historycznych, str. 29.

[11] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 734, оп. 1, д. 20415, л. 185.

[12] J. Lelewel. O potrzebie gruntownej znajomości historji..., str. 160.

[13] J. Lelewel. O historji, jej rozgałęzieniu, str. 61.

[14] J. Lelewel. Polska wieków średnich. T. I. Poznań. 1885, str. 150.

[15] Там же. Т. IV, стр. 464.

[16] J. Lelewel. O historji, jej rozgałęzieniu, str. 44—46.

[17] Там же, стр. 46.

[18] J. Lelewel. Nauki dające poznawać źródła historyczne, str. 294.

[19] J. Lelewel. Grobowe królów Polskich pomniki. Polska, dzieje... T. V. Poznań. 1856, str. 503.

[20] J. Lelewel. Nauki dające poznawać źródła historyczne, str. 294—301.

[21] J. Lelewel. O monecie polskiej. Polska, dzieje..., T. VI. Poznań. 1863, str. 235.

Что касается исторических книг и исследований, то они, по его мнению, нуждаются в осторожном подходе, ибо многие из них лишены «критического духа», насыщены «фантастическими гипотезами» и путаницей, «оскорбляющей здравый смысл»[22]. Выше всего оценивались Лелевелем материалы «первой руки», сообщения очевидцев, свидетелей изучаемых событий. Ценность труда определялась им по степени критичности использования источников и по наличию логических связей между «историческими обстоятельствами»[23].

Введение в научный оборот большого количества новых материалов явилось громной заслугой Лелевеля перед польской исторической наукой.

Лелевель первый в Польше разработал технику критики источников, приемы для определения степени их достоверности и полноты отражения событий, правдоподобности и объективности, общей ценности. Первоначально, указывал он, все источники подлежали проверке, и задача историка заключалась в выявлении той их части, которая была результатом «свободного творчества летописца». Некоторая часть материалов иронизана «раболепием перед богатыми»; в других авторы «сосредоточивали внимание лишь на описании битв и церковных свидетельствах..., не пытались исправить ошибки в хрониках или исторических повествованиях»[24]. Рационалистический подход к изучаемым проблемам диктовал Лелевелю признание «разумности» единственным доводом при исследовании источника. Историческая истина постигалась им при помощи трезвого и тщательного изучения источника в сочетании с «комбинационным мышлением». Такой эмпирико-рационалистический метод исследования вытекал из его глубокой вражды к теологии, а также из убеждения, что история есть дело самих людей, их непосредственной деятельности, их разума.

Лелевель учил, что историк-исследователь на пути к выводу, к истине проходит три этапа. Первый из них состоит в научной критике источника, в нахождении ответа на вопрос: «Как, что, где и когда в действительности происходило?»[25]. Ответ достигается прежде всего крайне добросовестным отношением к источнику. Лишь располагая абсолютно достоверными данными о самом источнике, можно сопоставлять события, обнаруживать противоречия, выяснять соответствие фактов «духу времени и нравам» и определять, не уводит ли источник от исторической правды[26].

Точный анализ и интерпретация данных источника исключает возможность произвольного толкования. Лелевель решительно утверждал, что «прошедшее нельзя постигнуть умствованием, рождающим одни только гипотезы (всегда ложные, хотя иногда и похожие на правду)». Опорой историка должны быть «коренные, а не искаженные выражения летописцев»[27]. Он даже опасался, что свободный стиль изложения может извратить правдивый источник и, отдавая должное «красоте слога и языка», убежденно требовал: «Нарушение истины слишком важно, чтобы могло быть извиняемо блестящим повествованием»[28].

Глубокое изучение источника, по мнению Лелевеля, обостряет «чувство историзма» у исследователя, переносит последнего в атмосферу изучаемого периода, уменьшая опасность модернизации истории. В то же время это освобождает автора от излишнего влияния извне, от «унизительного пути» популяризации чужих взглядов и мыслей. Самостоятельность критических суждений Лелевель считал высоким даром историка и тщательно «оберегал слух от чужих нашептываний, не присваивал себе того, что ему не принадлежало»[29]. Историк польской литературы Ю. Бартошевич отмечал, что в отличие от других ученых Лелевель даже «излишне часто покидал утоптанные тропы и смело продвигался по бездорожью...»[30]. Действительно, порой стремление к полной

---

[22] J. Lelewel. Polska wieków średnich. T. II. Poznań. 1856, str. VII; его же. Nauki dające poznawać źródła historyczne, str. 355.

[23] Там же, стр. 357.

[24] J. Lelewel. Herby w Polszcze. Polska, dzieje... T. IV, str. 221—222.

[25] J. Lelewel. Historyka, tudzież o łatwem i pożytecznem nauczaniu historji. Wilno. 1815, str. 7.

[26] J. Lelewel. Kronika Polska Prokosza. Polska, dzieje... T. XVII, str. 179.

[27] «Северный архив». Ч. 8. 1823, октябрь, № 19, стр. 48.

[28] Там же. Ч. 4, стр. 421.

[29] J. Lelewel. Polska wieków średnich. T. III. Poznań. 1859, str. 465.

[30] J. Bartoszewicz. Dzieła. Historja literatury polskiej. T. II. Kraków. 1887, str. 216.

самостоятельности мешало Лелевелю использовать полностью данные, накопленные наукой ранее. Так, о себе он писал: «Мало обращая внимания на то, что кто-то познал до меня, я формулировал свои собственные взгляды» [31].

Но задача историка не могла ограничиться изложением одних лишь видимых, пусть и достоверных фактов. Возникла необходимость связать их в цепь причин и следствий, что требовало анализа и оценки событий. Здесь наступает второй этап исследовательской деятельности — «этиологика». История не равнозначна фактографии, а является «комбинационной» наукой в широком смысле слова: критически и философски осмысленным и обобщенным прошлым. Она не просто регистрирует факты, она есть наука о прошлых деяниях людей. Объективное научное мышление помогает историку, оказавшемуся перед «путаницей» фактов и противоречивых событий, восстановить прошлое в логической последовательности, систематизировать «беспорядочные нагромождения», установить разумные связи и «естественную целостность». Уметь анализировать события, не поддаваться искушению возводить случайные явления в закономерные, всесторонне изучать исторический процесс и при этом понимать общий исторический фон, «дух и наклонности времени», а лишь затем давать общую оценку — вот путь, достойный добросовестного историка [32]. На втором этапе, как считал Лелевель, исследователь обязан уже создать «узлы», исходя из внутреннего единства событий, познавать сущность целых периодов истории и импульсы человеческих деяний, всю динамику общественного развития народов [33]. Добиться успеха в «этиологике» можно лишь «философским обследованием» каждого крупного события прошлого, создавая логический цикл: причина — событие — следствие. «Каждое событие,— писал Лелевель,— является результатом многих причин, каждая причина — началом различных последствий» [34]. «Мыслящий исследователь», познавая весь комплекс исторических явлений, отвергает метафизическую неизменность и застой и вырабатывает способность диалектически теоретизировать.

В центре истории Лелевель видел человека, живущего в «общественном состоянии», разумного, постоянно совершенствующегося. В его прогрессе — подлинный смысл истории, ее красная нить. Поскольку человек является членом общества и действует в его рамках, историю следует рассматривать как результат коллективного творчества широких общественных сил, масс. Человек вне общества не может быть объектом рассмотрения «философской историей», ибо последняя интересуется общественной жизнью людей, то есть изучает не отдельных выдающихся деятелей, а массы народа. «Дееспособность и сила,— писал Лелевель,— находятся в самих массах; деятельность отдельных лиц тонет в общей деятельности народов; толпы, руководимые идеей, являются подлинными творцами истории» [35]. Не случайно сам он с глубоким уважением и симпатией относился к трудовому люду — создателю всех материальных благ. Уже в первой своей книге, написанной им еще в студенческие годы, Лелевель осуждал древних рыцарей Скандинавии за то, что они «с великим презрением относились к... рабам, хотя все изделия и блага создавались их руками. Так же было и в средние века, когда презирались ремесленники, торговый люд, ученые» [36]. А за два года до смерти, в апреле 1859 г., он писал своему другу и биографу Леонарду Ходько: «Я не филантроп и не покровитель народа, я частица народа, пролетариата» [37].

Изучение истории народа вызывало у Лелевеля интерес к проблемам социальной борьбы. Поэтому он был убежден, что главным предметом его трудов должно быть изучение «изменения взаимоотношений между классами», между шляхтой и крестьянством, и считал, что именно эти взаимоотношения «требуют особенно пристального внимания» [38]. При этом он не опасался пропаганды решительной расправы с магнатами.

---

[31] J. Lelewel. Przygody w poszukiwaniach i badaniu rzeczy narodowych polskich. Polska, dzieje... T. I. Poznań. 1858, str. XIX.

[32] J. Lelewel. Polska, dzieje... T. XVII, str. 253, 265—266.

[33] ЦГИАЛ, ф. 734, оп. 1, д. 20415, л. 184.

[34] J. Lelewel. Historyka..., str. 51.

[35] J. Lelewel. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. Polska, dzieje... T. III. Poznań. 1855, str. 253.

[36] J. Lelewel. Edda to jest księga religii dawnych Skandynawii mieszkańców. Wilno. 1828, str. 16.

[37] J. Lelewel. Listy emigracyjne. T. IV. Wrocław-Kraków. 1954, str. 412.

[38] J. Lelewel. Polska wieków średnich. T. III, str. 374—375.

«Это не столь уж страшные вещи; они,— отмечал он,— возникают естественно, из жизненной ситуации, когда одним говорят: отдайте, ибо это не ваше, а те отвечают: не отдадим, ибо оно в наших руках» [39]. Особенно характерны были подобные взгляды для Лелевеля в период 1831—1848 гг., когда его мировоззрение менялось в направлении все более решительного признания революции как главного средства борьбы [40].

Признавая важную роль классовой борьбы в истории, Лелевель считал все же, что исторический процесс в основе своей является процессом духовным, зависящим от специфического «духа народа», его интеллектуальных качеств, общих «струй культуры». «Во всей Европе и во всем мире,— говорил он,— идет борьба принципов, борьба идей» [41]. Этот идейный антагонизм, считал он, выливается в общественную борьбу. Оставаясь идеалистом в определении закономерностей исторического процесса, Лелевель в то же время полагал, что идеи, как бы величественны они ни были, сами по себе бесплодны. Лишь овладев народными массами, они становятся двигателем вечного и беспрерывного процесса «совершенствования человечества».

Поставив в центре внимания историю народа, сделав народ главным действующим лицом исторического исследования, Лелевель обогатил, «демократизировал» польскую историческую науку. Теперь польская наука уже не могла более заниматься «описанием войн и дипломатии», ибо трудовой люд есть «жизненная сила, от которой во все времена зависела судьба всего народа и государства» [42]. И поэтому Лелевель заявлял, что «не совершенен и не отвечает своему призванию тот историк, который подробно рассматривает историю государства и нации, но упускает из поля зрения историю народных масс и пренебрегает ею» [43]. Не случайно в 30-е и 40-е годы XIX в. в своей практике повседневной борьбы за республику Лелевель в противовес правым кругам польского дворянства стоял, безусловно, на демократических позициях и был одним из наиболее революционных лидеров организаций «Молодая Польша» и «Зъедночене».

Обращение к истории народа явилось результатом решительной ревизии самой исследовательской проблематики, поскольку ранее — Лелевель отмечал это с сожалением — «объектом изучения была история правящего класса» [44]. В лелевелевской интерпретации история как наука приобретала новые черты; границы ее исследований значительно расширялись; она становилась на путь изучения «прогресса и упадка» народов, их деятельности и классовой борьбы, всей «истории культуры», как называл Лелевель историю народов в целом [45].

«Философский» подход к изучению прошлого помог одаренному историку выделить из массы событий главное, создать общее представление об историческом процессе. Он считал, что «комбинационный» метод позволяет познать прошлое в «очищенном» виде. Отсюда проистекал его оптимизм в вопросах познания; ведь критичность Лелевеля никогда не перерастала в скептицизм или удручающие сомнения в отношении возможностей познания вообще. Уверенность он черпал в возможности бесконечных поисков и открытий новых источников, способных осветить или по-новому разъяснить события. Преградой мог явиться только консерватизм в науке, слепая приверженность к установившимся понятиям, «тесные рамки» догм и формул.

«Комбинационная» часть работы приводит историка к третьему, последнему этапу труда — «историографии». Она включает в себя «искусство писать историю», умение «искренне, правдиво, серьезно, связно» рассказать о жизни народов и госу-

---

[39] J. Lelewel. Listy emigracyjne. T. III. Kraków. 1952, str. 256.

[40] См. «История Польши». Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. Т. I. 2-е изд. М. 1956, стр. 591.

[41] J. Lelewel. Mowy i pisma polityczne. Polska, dzieje... T. XX. Poznań. 1864, str. 192.

[42] J. Lelewel. O potrzebie gruntownej znajomości historji..., str. 174.

[43] J. Lelewel. Uwagi nad dziejami Polski..., str. 32.

[44] J. Lelewel. Panowanie króla polskiego S. A. Poniatowskiego, str. 164.

[45] Последующие польские буржуазные историки отвергли лелевелевский тезис об общественной борьбе как движущей силе истории, считая его опасным, чреватым серьезными потрясениями в будущем. Например, Антони Малецкий писал, что «социальные противоречия в лелевелевской интерпретации разрешались только вооруженным путем», и вынужден был с сожалением констатировать: «Со времен Лелевеля в нашей историографии на долгий период установилось горестное, желчное понимание исторического прошлого». A. Malecki. Lechici w świetle nauki historycznej. Lwów. 1897, str. 163.

дарств, «воздействуя при этом на сердца людей»[46]. Беспристрастное изложение не исключает, конечно, оценок со стороны самого автора, трактовки событий в духе его мировоззрения, защиты автором «справедливых дел», «отвращения к злу». Но это следует делать «незаметно», сдерживая эмоции и избегая «чрезмерно сгущенных красок», в спокойном тоне, «оживляя рассказ, но не угрожая правде», с тем, чтобы избежать обвинения автора в «приспособлении истории к его взглядам»[47].

Разрабатывая «приемы историографии», Лелевель уделял много внимания искусству создания целостной повести, украшенной «подлинно историческим стилем» изложения, которое не должно быть «ни нудным, ни распыленным, ни многословным»[48]. «Пасмурная» форма изложения «утомляет, надоедает и усыпляет»[49]. Но непозволительно применять также «грубый стиль и подлые выражения»[50]. Лелевель требовал красочности, «яркого повествования и слога», убеждал, что историк должен быть одновременно поэтом и живописцем, ибо умелая, занимательная переработка источника «оживляет дух и мысли истекших веков», документы становятся «свидетелями при повествовании писателя», и таким образом «даже историческая достоверность (источников.— *А. Б.)* представляется более доказательной»[51].

Исследовательская методика Лелевеля открывала широкие возможности перед польскими учеными и способствовала более правильному истолкованию не только отдельных событий, но и важнейших общественно-экономических и политических явлений. Лелевель учил своих коллег критически анализировать исторические материалы и оставил им завещание, суть которого гласила: неутомимо расширять источниковедческую базу исторической науки и на этой основе раскрывать подлинную правду о прошлом. Недаром К. Маркс, говоря о книге Лелевеля «Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne et sur l'histoire de son peuple» (Paris, 1844), отмечал: «Своим тщательным исследованием экономических условий, превративших польского крестьянина из свободного в крепостного, старик Лелевель сделал гораздо больше для выяснения причин порабощения своей родины, нежели целый сонм писателей, весь багаж которых сводится просто к ругательствам по адресу России»[52].

Не преувеличивая значения деятельности Лелевеля, помня о мелкобуржуазной ограниченности, утопичности его взглядов, должно в то же время подчеркнуть, что приход Лелевеля к пониманию роли народных масс в истории приблизил его и в жизни к позициям революционных демократов, а его научное и литературное наследство сделал достоянием наиболее прогрессивной части польских историков XIX столетия.

А. М. Басевич

---

[46] J. Lelewel. Historyka..., str. 54.
[47] Там же, стр. 55—57.
[48] J. Lelewel. O historji, jej rozgałęzieniu..., str. 109.
[49] J. Lelewel. Historyka..., str. 59.
[50] Там же, стр. 58—59.
[51] «Северный архив». Ч. 8. 1828, октябрь, № 19, стр. 77—78.
[52] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 435.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Za armádu lidu. Sborník dokumentů k bojovým tradicím našeho lidu a vojenské politice KSČ. 1918—1945». Praha. Naše vojsko. 1960. 347 str.

За народную армию. Сборник документов о боевых традициях нашего народа и военной политике КПЧ. 1918—1945».

Сборник документов «За народную армию», посвященный истории борьбы Коммунистической партии Чехословакии за армию в 1918—1945 гг., представляет большой интерес. Публикация содержит 174 документа, сгруппированных в хронологическом порядке по четырем разделам. В сборнике использованы сочинения К. Готвальда, материалы Военно-исторического архива, архива Института истории КПЧ, периодическая печать, парламентские протоколы, а также некоторые специальные издания. Подавляющее большинство документов публикуется впервые. Материалы сборника дают широкое представление о революционной борьбе коммунистов в буржуазной Чехословакии за армию, за превращение ее в орудие прогрессивных сил страны.

В первом разделе («Красноармейские традиции чешских и словацких солдат») раскрывается влияние Великой Октябрьской социалистической революции на чешских и словацких солдат, находившихся в плену в России, и на подъем революционного движения в Чехословакии. Наиболее сознательная часть бывших военнопленных активно защищала завоевания Октября, понимая, что на фронтах гражданской войны в Советской России решается также и судьба трудящихся чехов и словаков. В сборнике опубликованы листовки и обращения чехословацких коммунистов к бывшим военнопленным с призывом участвовать в защите Страны Советов [1].

Материалы первого раздела наглядно иллюстрируют бурный революционный подъем в Чехословакии под влиянием идей Октября. Наиболее ярким проявлением этого подъема было возникновение в июне 1919 г. Словацкой Советской Республики. В сборнике помещен ряд документов, свидетельствующих об откликах в чехословацкой армии на провозглашение Словацкой Советской Республики и паническом страхе правящих кругов Чехословакии в связи с усилением влияния революционных идей на армию (стр. 43).

Второй раздел сборника посвящен революционной работе КПЧ в армии буржуазной Чехословакии до середины 30-х годов. Здесь помещены листовки; статьи из нелегальных коммунистических газет, распространявшихся среди солдат; директивы коммунистических партийных органов; тексты выступлений коммунистов в парламенте, а также некоторые официальные материалы чехословацких властей: циркуляры, отчеты, донесения и т. д. Документы КПЧ свидетельствуют о четкой позиции партии по отношению к буржуазной армии. Чрезвычайно интересны публикуемые в сборнике тезисы доклада ЦК КПЧ областным комитетам партии о большевизации методов и содержания партийной работы в армии (июль 1929 г.). В тезисах подчеркивалось, что важной задачей Коммунистической партии Чехословакии является активная борьба с милитаризмом. «Необходимо во главу всей агитации и пропаганды против буржуазного милитаризма поставить свои собственные лозунги: роспуск буржуазной армии; разоружение буржуазии; вооружение пролетариата; поражение в войне собственной буржуазии; переход армии на сторону революции; превращение империалистической войны в войну гражданскую; установление пролетарской диктатуры» (стр. 92).

Документы сборника раскрывают конкретные формы и методы революционной агитации среди солдат, показывают, как компартия стремилась донести до них идеи пролетарской солидарности. Эта деятельность КПЧ имела важное значение в борьбе за повышение классового сознания солдат чехословацкой армии и за интернациональное воспитание трудящихся.

В листовках и газетах, нелегально распространявшихся в армии, компартия призывала к поддержке революционной борьбы рабочих, к протесту против тяжелого положения солдат и издевательств со стороны офицеров. В дни знаменитой Мостецкой стачки северочешских горняков в апреле 1932 г. в листовке, обращенной к солдатам, говорилось: «Не позволяйте использовать себя против ваших классовых братьев! Братайтесь с бастующими, если вас бросят против них! Отказывайтесь подчиняться, если вас будут принуждать к убийству ваших классовых братьев! Солдаты! Ваше место—

[1] Отметим, что некоторые документы по этим вопросам опубликованы в сборнике «Ohlas Velké říjnové socialistické revoluce v Československu». Sborník dokumentů z let 1917—1921. Praha. 1957.

на стороне бастующих, а не на стороне угольных магнатов!» (стр. 113).

Следует подчеркнуть, что усиление влияния партии в солдатских массах, неразрывно связанное с подъемом революционной борьбы чехословацких трудящихся, неоднократно проявлялось в отказе солдат выступить против демонстрантов, в многочисленных фактах, свидетельствовавших о солидарности солдат с трудящимися. Так было во время проведения в Чехословакии 25 февраля 1931 г. Международного дня борьбы с безработицей, во время забастовок в Фалькнове в 1930 г. и Доудлебах в 1931 г., при выступлении крестьян Закарпатской Украины, забастовках в Кежмароке, Попраде и Оломоуце в 1932 г. и т. д.[2]. К сожалению, в рецензируемой работе отсутствуют сведения об упомянутых выступлениях солдат, что является серьезным упущением. Следовало бы также поместить больше материалов, показывающих структуру и методы работы нелегальных партийных организаций, непосредственно действовавших среди солдат и солдатских партийных ячеек[3].

В связи с приходом к власти фашизма в Германии и нарастанием угрозы фашистской агрессии компартией выдвигались на передний план задачи защиты демократических свобод, национальной независимости страны, борьбы с гитлеризмом. Документы третьего раздела сборника показывают, как действовала КПЧ в этой обстановке, организуя оборону республики, поддерживая решимость трудящихся масс отстаивать до конца независимость страны. «Коммунисты Чехословакии — в первых рядах защитников республики!» — говорилось в заявлении ЦК КПЧ от 21 мая 1938 г. (стр. 149). Документы сборника подчеркивают, что в дни, когда решалась судьба Чехословакии, трудящиеся массы и прежде всего их боевой авангард — КПЧ — самоотверженно выступали в защиту независимости страны, в то время как правящие классы совершили позорное предательство, отказавшись от сопротивления фашистской агрессии и капитулировав перед Гитлером. Значительный интерес представляют публикуемые в этом разделе документы об участии чехословацких добровольцев в войне испанского народа против фашистских интервентов и мятежников. В сборнике помещены некоторые отрывки из газет чехословацких добровольцев в Испании, рассказывающие об их боевых делах на фронте.

Четвертый, самый обширный раздел сборника составляют документы 1941—1945 годов. Они раскрывают перед читателем картину деятельности коммунистов по созданию чехословацких воинских частей на территории Советского Союза; освещают помощь Советского Союза национально-освободительной борьбе чехов и словаков, участие чехов и словаков в боях с фашистскими захватчиками и в освобождении территории СССР и Чехословакии, а также в партизанском движении; описывают Словацкое народное восстание 1944 г. и майское восстание 1945 г. в Праге. Здесь же помещены документы, раскрывающие политико-воспитательную работу КПЧ в национальных воинских соединениях в годы второй мировой войны. Партия последовательно добивалась превращения их в ядро народной армии. «Наша воинская часть является для нас символом во многих отношениях,— говорил 2 мая 1943 г. К. Готвальд, обращаясь к солдатам одной воинской чехословацкой части в СССР.— Прежде всего символом братских отношений наших народов с народами Советского Союза... Наша воинская часть является также символом единства народов Чехословакии...» (стр. 213).

Документы сборника показывают, как компартия преодолевала сопротивление представителей буржуазной эмиграции, стремившихся поддерживать в новых частях традиции старой буржуазной армии, оторвать эти части от народа. В ходе войны партия закладывала основы новой армии, которая являлась бы защитницей интересов трудящихся Чехословакии. Воины Чехословацкого корпуса помогали героиче-

---

[2] «Rudý dělník», 16.III.1931, č. 6, s. 90; «Internacionala mladeže», 1931, č. 2, s. 6; «Интернациональный маяк», 1932, № 5, стр. 13; № 6, стр. 9; «Карпатьска правда» № 3, 17 января 1932 г.; «Интернационал молодежи», 1932, № 17—18, стр. 62.

[3] Укажем лишь некоторые источники, откуда можно было заимствовать данные материалы: Закарпатский областной государственный архив, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 257, лл. 19—20; ед. хр. 373, л. 40; «XII пленум ИККИ». Стенографический отчет. Т. III. М. 1933, стр. 77; «Интернационал молодежи», 1932, № 21—22, стр. 43; там же, 1933, № 7—8, стр. 42; см. также публикации, использованные в нашей статье «Борьба Коммунистической партии Чехословакии за завоевание большинства рабочего класса в 1930—1932 годах». «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени Потемкина. Т. XCIII. Вып. 5. 1959, стр. 74—75.

кой Советской Армии освободить Чехосло-
кию от фашистских захватчиков.

В горниле войны с фашистскими захват-
ками, в ходе народно-демократической
еволюции Коммунистическая партия Чехо-
ловакии выковывала ядро армии трудя-
ихся, превратившейся ныне в надежную
ору социалистических завоеваний чехо-
ловацкого народа и могучего стража
ССР. Документы сборника «За народную
омию» рисуют яркую картину истории
той деятельности КПЧ. Данный сборник
вится ценным подспорьем для изучения по-
итики Коммунистической партии Чехосло-
кии и истории революционно-освободи-
ельной борьбы чехословацкого народа.

Ф. И. Фирсов

. HEIDORN. *Monopole-Presse-Krieg. Die olle der Presse bei der Vorbereitung des er-en Weltkrieges. Studien zur deutschen Aus-npolitik in der Periode von 1902 bis 1912.* Berlin. Rütten und Loening. 1960. 362 S.

. *ХЕЙДОРН. Монополии, пресса, война. оль прессы в подготовке первой мировой йны. Исследования по истории внешней олитики Германии в период с 1902 г. по 1912 г.*

Книга Гюнтера Хейдорна интересна срав-
ительной новизной рассматриваемых в ней
опросов. Автору удалось раскрыть различ-
ые формы и методы влияния буржуазной
рессы Германии на общественное мнение
раны в 1902—1912 гг., прежде всего роль
емецких буржуазных газет в подготовке
ервой мировой войны. Основываясь на
сторических фактах, автор показывает со-
иальную роль прессы в буржуазном обще-
тве, полное подчинение буржуазно-юнкер-
кой печати монополиям и правительству.
ктуальность рецензируемой работы не-
омненна. Известно огромное обществен-
ое значение прессы как в наши дни,
ак и в рассматриваемый автором период,
огда при отсутствии радио, телевидения
других современных средств пропаганды
ечать являлась одним из самых мощных
рудий идеологического воздействия прав-
ющих классов на народные массы.

Работа Хейдорна, основанная на солид-
ой документальной базе, состоит из 7 глав.
втор начинает изложение с анализа эко-
омического развития Германии в конце
IX — начале XX в., прослеживает процесс
урного роста германской промышленности
и развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, дает развернутую характеристику особенностей германского империализма и подчеркивает его хищнический, агрессивный характер. Эта часть работы Хейдорна является исходным пунктом дальнейших научных изысканий автора. Плодотворность такого метода исследования не подлежит сомнению. Ведь именно с развитием империализма и усилением власти монополий в Германии происходит целый ряд изменений в деятельности печатных органов. Увеличиваются государственные ассигнования на нужды прессы, начинают использоваться телеграфные бюро и компании, расширяются функции отдела печати ведомства иностранных дел и т. д.

Отметив возросшую общественную роль прессы на рубеже XIX—XX вв., Г. Хейдорн раскрывает главную цель правительственной политики в этой области — использование органов печати в качестве орудия идеологического порабощения трудящихся. Буржуазно-юнкерская пресса стремилась скрыть от общественности военные приготовления правительства к битве за «место под солнцем», подготовить немецкий народ к захватническим войнам. Эти задачи были возложены в основном на отдел печати ведомства иностранных дел Германии. В книге разоблачается преступная деятельность руководителя этого отдела, «специалиста по общественному мнению» О. Хаммана.

Приступая к конкретному анализу состояния германской прессы в начале XX в., Г. Хейдорн особое место отводит исследованию вопроса об образовании монополий в газетно-издательском деле, в котором уже с 70-х годов XIX в. занимают прочное место промышленные и банковские магнаты. Так, в 1872 г. «Дисконто-Гезелльшафт» — одна из крупных монополий Германии — купила газету «Post»; в том же году Прусский кредитно-земельный банк приобрел газету «Spenersche Zeitung» (с 1874 г.— «National-Zeitung»). Возникновение в Германии газетно-издательских объединений стало возможным благодаря финансовой поддержке богатейших промышленников, банкиров и юнкеров. С 90-х годов XIX в. крупные издательства и газеты финансировались такими ведущими монополиями, как «Гуте Хоффнунг Хютте», «Феникс», «Бохумер Ферейн», «Дисконто-Гезелльшафт» и другими. Особенно бурную деятельность развернула фирма Круппа, финансировавшая и контролировавшая

многие издательства и газеты. В книге приводится документальный материал о возникновении и развитии таких издательских монополий, как концерн А. Шерля, предприятия Р. Моссе и Л. Ульштейна. Гигантский концерн Шерля субсидировался «Дисконто-Гезелльшафт», «Аллгемейне Дейче Кредитанштальт», «Норддейче Банк», «Миттельдейче Кредитбанк», во главе которых стояли крупнейшие монополисты и милитаристы Германии: Эмиль Кирдорф, Альфред Гугенберг, Альберт Феглер. Автор приводит цифровой материал, свидетельствующий о колоссальном росте дивидендов концерна Шерля. В 1913 г. капитал концерна составлял свыше 33 млн. марок.

Хейдорн вскрывает и другое, не менее важное явление — наличие тесного союза между монополистами-газетчиками и правительством. На основе обильного документального материала, собранного автором главным образом в Центральном архиве (Потсдам), в книге показаны связи канцлера Бюлова, статс-секретаря Посадовского и других государственных деятелей с владельцами газет, редакторами и стоявшими за спиной отдельных газет монополистами. Именно благодаря их поддержке правительство могло оказывать большое влияние на печать. Буржуазные и юнкерские газеты, при всех, в общем, незначительных разногласиях в оценке ими тех или иных конкретных событий, всегда выступали с оправданием агрессивной внешней политики германских империалистов. Наряду с представителями газетно-издательских и промышленных монополий активными проповедниками этой захватнической политики являлись многочисленные реакционные организации и буржуазные партии шовинистского толка: Пангерманский союз, Флотский союз, Колониальное общество, Имперский союз против социал-демократии, Германское Восточное общество. Членами этих организаций были князья, промышленники, помещики, генералы и офицеры, многие из которых имели мандат депутата рейхстага. При активной поддержке Кирдорфа, Гельфериха и других монополистов названные организации сумели основать многочисленные газеты, во главе которых они поставили своих доверенных лиц. Один лишь Флотский союз издавал три газеты, специальный календарь и ежегодник. На страницах своих печатных органов империалистические организации вели самую безудержную пропаганду войны и разбойничьих колониальных захватов; одновременно они печатали статьи, полные социальной демагогии и направленные на раскол рабочего класса и профессионального движения, на изоляцию крестьянства от пролетариата. Автор разоблачает уловки хозяев буржуазных газет, в целях создания у читателей видимости правдивой информации и объективности объявлявших свои органы «политически независимыми», «объективными» и «нейтральными».

Г. Хейдорн анализирует и социал-демократическую печать Германии, освещая ее позицию по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики. Он весьма аргументированно критикует воззрения центристов по вопросам войны и мира и прослеживает по малоизученным печатным материалам тактику «немецкой левой» — тактику революционной классовой борьбы, направленной на защиту интересов рабочего класса и всего германского народа. В книге показан рост социал-демократической прессы после отмены «исключительного закона против социалистов». Отмечая усиление влияния оппортунистов в центральном органе партии — газете «Vorwärts», автор подчеркивает, что «Leipziger Volkszeitung», где сотрудничали левые (Ф. Меринг, К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ю. Мархлевский), проводила последовательную антиимпериалистическую политику и стала печатной трибуной всех последовательных революционеров в СДПГ.

К сожалению, в книге отсутствует сколько-нибудь подробный анализ партийной деятельности тогдашнего лидера германской социал-демократии Августа Бебеля, как известно, неоднократно выступавшего с яркими речами против милитаризма и колониализма. В то же время большинство социал-демократических газет заняло в предвоенные годы, подчеркивает автор, беспринципную позицию и не дало действенного отпора буржуазной шовинистической прессе. И если в августовские дни 1914 г., резюмирует Хейдорн, рабочие оказались охваченными милитаристским угаром, то в этом немалая вина правых лидеров СДПГ, которые в течение ряда лет дезориентировали рабочий класс, пока наконец не предали его открыто в самом начале войны.

Отметим также, что некоторые разделы книги перегружены второстепенным фактическим материалом. Это обстоятельство, а также отсутствие широких обобщений за-

рудняет чтение книги и снижает ее познавательную роль.

Нам представляется, что данной работе необходимо было предпослать историографическое введение. У читателя была бы возможность определить место монографии в ряду исследований, с одной стороны, посвященных более раннему периоду истории. Иоахим Кирхнер [1]), а с другой — анализирующих состояние немецкой прессы со времени первой мировой войны вплоть до наших дней (Карин Херрманн — о печати в 1918 г., Петер Флисс — в 1918—1933 гг., монография «Пресса в оковах» — о 1933—1945 гг., Франц Гросс — о 1945—1949 гг.) [2]. Конечно, это потребовало бы от Г. Хейдорна существенной дополнительной работы и серьезной полемики с буржуазными авторами, но подобное дополнение было бы вполне оправданно. В настоящее же время данный недостаток монографии бросается в глаза. Автор не счел нужным остановиться даже на книге Изольды Ригер, непосредственно затрагивающей исследуемый им период [3].

Было бы очень полезным провести в книге более широкие сопоставления с современностью. Ведь те же германские монополии, та же германская пресса вновь сыграли свою еще более зловещую роль в подготовке второй мировой войны.

Ныне, в условиях усиления власти западногерманских монополий и открытой подготовки реакционных правящих кругов ФРГ к реваншистской войне, когда реакционная западногерманская буржуазная печать целиком поставлена на службу милитаризму, актуальность работы Гюнтера Хейдорна становится особенно явственной. Его книга займет не последнее место в ряду исследований, служащих благородному делу борьбы за мир.

Ю. М. Григорьян

---

[1] I. Kirchner. Das deutsche Zeitschriftenwesen, seine Geschichte und seine Probleme. Wiesbaden. 1958.

[2] K. Herrmann. Der Zusammenbruch 1918 in der deutschen Tagespresse. Münster. 1958; P. I. Fliess Freedom of the Press in the German Republic 1918—1933. Louisiana. 1955; «Presse in Fesseln. (Das Zeitungsmonopol im Dritten Reich)». Berlin. 1948; F. B. Gross. Freedom of the Press under Military Covernment in Western Germany, 1945—1949. Cambridge. 1952.

[3] I. Rieger. Die wilhelminische Presse im Überblick, 1888—1918. München. 1957.

HOARD. *L'attitude de l'eglise dans la guerre d'Algérie. 1954—1960.* Bruxelles. 1960, 123 p.

ОАР. Позиция церкви в алжирской войне. 1954—1960.

Книга Оара — одна из многих, что выходят из-под пера реакционеров-католиков, стремящихся замаскировать истинную позицию Ватикана и обелить роль церкви в алжирском вопросе.

Автор оперирует папскими энцикликами, епископскими посланиями, письмами священников. Читателю подается искусно подобранный материал, призванный иллюстрировать «благородство» позиции церкви в алжирском вопросе.

Нельзя, конечно, отрицать то, что протесты отдельных католических священников против войны в Алжире имели и имеют место во Франции. Но в большинстве своем эти протесты — лишь дань общественному мнению, и не они определяют истинную позицию католической церкви в алжирском вопросе.

В 1956 г. алжирский епископат провозгласил: «Мы не отрицаем права на законную оборону в случае действительной агрессии» (стр. 17). Но встает вопрос: вправе ли был алжирский народ взяться за оружие во имя независимости? Католическая церковь давно и самым категорическим образом определила свою позицию в этом вопросе. И автор книги не в состоянии это скрыть. Во всех приведенных им документах алжирцы именуются не иначе как «мятежники». Стало быть, им отказано в праве на «законную оборону» против агрессора — французского империализма, поработившего их родину более 130 лет назад.

Миллионы рядовых католиков требуют, чтобы церковь заняла справедливую позицию по отношению к одному из самых могучих прогрессивных движений современности — борьбе за мир. Католическая церковь разрывается между необходимостью создавать видимость, будто она шагает в ногу с прогрессом, и стремлением верно служить империализму.

В книге утверждается, что католическая церковь «защищает» алжирцев. Но как? Оар пространно пишет о том, как духовенство «борется» против методов ведения войны (а не против самой войны!). В книге помещено письмо 35 армейских священников от 5 марта 1959 г., протестующих

против пыток. Этот документ ничего не прибавляет к тому, что уже давно известно мировой общественности о диких расправах, которые учиняют французские колонизаторы над алжирскими патриотами. Оар приводит и доклад Родэна, секретаря «католической помощи», о концлагерях, где томятся десятки тысяч алжирских женщин, стариков и детей.

Некоторые авторы протестов, несомненно, искренни в своем гневе против изуверств колониальной армии. Однако это не заслоняет той истины, что для католической церкви ламентации о негуманном обращении с алжирцами — чистое фарисейство. 35 священников заканчивают вышеупомянутое письмо признанием, что они остаются «лояльными по отношению к нашей армии», то есть той самой армии, которая опозорила себя гестаповскими методами расправы с алжирцами. Парижский архиепископ кардинал Фельтен в мае 1957 г. публично засвидетельствовал свое уважение к армии колонизаторов. Фельтен медоточиво призвал помнить о «жертвах», какие несет французская армия, о ее «благодеяниях» в Алжире. Он и не скрывает, что свою проповедь отказа от насилия церковь в большей степени обращает к алжирцам, желая воспитать в них идеалы христианского милосердия. «Каждый человек доброй воли должен сказать «нет» ненависти, мести, несправедливости» — таков лозунг духовенства (стр. 16). Не кощунство ли народу, потерявшему 600—700 тыс. своих сыновей в войне за независимость, проповедовать, что «одна любовь созидательна, любовь может все спасти» (стр. 17).

Для выяснения истинной позиции католической церкви поучителен раздел работы Оара, в котором трактуется вопрос: должен ли солдат повиноваться приказам начальства, если в них нарушается «христианская мораль»? Здесь, как и всюду, автор изображает католицизм носителем высшей справедливости. В то же время в книге приводится документ, в котором церковная знать призывает юношей идти в армию колониалистов, участвовать в «умиротворении и восстановлении порядка» в Алжире. Да, восклицает католическая «La Croix», наш солдат будет убивать и разрушать! Но он выполняет свой долг гражданина, «вдохновляемый любовью ко всем жителям Алжира» (стр. 34).

Материал рецензируемой книги вопреки желанию автора свидетельствует о том, что верхушка католической церкви стоит всецело на стороне колонизаторов. Кардинал Фельтен продемонстрировал это во время своей инспекционной поездки по Алжиру осенью 1959 года. Под предлогом необходимости повидать армейских священников и семинаристов он устроил настоящий «смотр» армии французских империалистов, побывал на военных базах, аэродромах, завтракал с именитыми генералами, беседовал с пресловутым Массю, принимал главарей парашютистов, воздал должное «героизму и мужеству иностранного легиона», восхвалял «великую миссию умиротворения».

Автор брошюры не скрывает своей горячей приверженности к нынешнему режиму личной президентской власти во Франции. Резко отозвавшись о «полной деградации режима» IV республики, он патетически восклицает: «Остается одна надежда: де Голль!» (стр. 62). В соответствии с этим и решение алжирской проблемы предлагается им в духе официального курса правительства. За общими панегириками по адресу президента следуют восхваления его империалистической политики в Алжире.

Основная цель книги Оара — внушить читателю, будто бы католическая церковь — лучший друг пробуждающихся наций, что под ее эгидой в Алжире и других местах якобы могут объединиться два мира — христианский и исламский. Первый долг католицизма, лицемерно заявляет автор, обеспечить «сотрудничество» с африканскими народами, алжирским в особенности (стр. 103).

При всем старании казаться объективным Оар не в состоянии скрыть свою заинтересованность в том, чтобы Алжир остался французским. Автору не удается обелить католическую церковь. Она остается верным идейным помощником гибнущего колониализма, врагом народов, ведущих борьбу за национальную независимость.

М. Я. Домнич

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

ulletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. ria shkencat shoqërorë». Tiranë. 1960, № 1.

М. Чами. Подъем национально-освобо-тельного движения в Албании после пер-й мировой войны. Конгресс в Люшни; Д. Блаватский, С. Ислами. Рас-пки в Аполлонии и в Овихуме в 1958 г.; Руси. Развитие сельского хозяйства и ложение албанского крестьянства в канун родной революции; Ф. Прела. Австро-нгерская политика в Албании в послед-й четверти XIX в.

ulletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqërorë». 1960, № 2.

И. Зампути. Страницы албанской тории (1506—1574); Ю. А. Иванова. тюмы Леки Дукагини; Р. Вульпе. Пе-чень иллиро-адриатических бронзовых то-ров; Д. Фуллани. Папа Кристо Него-ни — патриот и ученый; С. Анамали, Будина, Н. Чека, С. Пшениосл-о. Раскопки в некрополе Дирахий (иссле-вания 1957 года); их же. Крепость айти.

«Beiträge zur Geschichte der deutschen beiterbewegung». Sondernummer zum 15. hrestage der Gründung der SED. Berlin. 1961.

Статьи: Основание СЕПГ — победа мар-изма-ленинизма. Постановление Полит-оро ЦК СЕПГ к 15-летию объединения ПГ и СДПГ; Г. Геликов, К. Мам-ах. О задачах специалистов по исто-и партии в связи с некоторыми вопроса-Московской Декларации; З. Вицке. Не-торые проблемы борьбы за демократию решениях Брюссельской конференции ПГ; В. Хорн. Борьба СЕПГ в 1951—52 гг. за развертывание массовой инициа-вы рабочих в выполнении заданий пяти-тнего плана; А. Бухманн. О влиянии ДР на борьбу миролюбивых сил в Запад-й Германии; В. Мюллер. Единство дей-вий СДПГ и КПГ в Мюнхене (1945—46 гг.); Г. Бензер. Достопримечатель-е признания (как правые лидеры СДПГ рются с единством рабочего класса); Кольбе. Эволюция СДПГ между Го-сбергским и Ганноверским конгрессами; Циммерманн. Помощь Фридриха гельса немецкой социал-демократии борьбе с оппортунизмом по аграрному просу в 90-е годы XIX века; Р. Вагнер. емницкая конференция и сопротивление ксонских рабочих масс рейхсверу в ок-бре 1923 г.; Э. Лининг, В. Виммер. ервые недели антифашистских действий. Документы и материалы. Статья В. Ульбрихта об антифашистском едином фронте от 15 февраля 1933 г.; К. Вребель. Документы борьбы западногерманских рабочих за СЕПГ после учредительного конгресса СЕПГ; «Ты — единственный из всех, на кого я возлагаю надежды...» (Неизвестное письмо Августа Бебеля к Карлу Либкнехту от 10 ноября 1908 г.). (М. Глобих).

«Przegląd Historyczny». Warszawa. 1961, № 1.

С. Руссоцкий. Мазовецкие родовые гнезда в XV в.; М. Маловист. Проблемы Балтики в освещении новейшей португальской историографии; М. Вежховский. Из истории польских подпольных организаций (1837—1841); В. Сливовская. Польские студенческие кружки в Москве и Петербурге в 40-х годах XIX в.; М. Дроздовский. Экономическая политика последнего кабинета II Речи Посполитой; П. Брок. Новые источники по истории Громады Грудзёнж (1837); И. Спутек. Проф. Ян Бодуэн де Куртенэ и царская цензура; Х. Ловмянский. Замечания о генезисе литовского государства (в связи с выходом книги Пашуто); З. Сперальский. О мнимом молдавском походе Казимира Великого (1359 г.); Т. Лепковский. Издание записок Валериана Лукасинского; И. Ихнатович. О правилах издания исторических источников XIX и XX веков.

«Historicky časopis». Bratislava. 1960, № 4.

М. Вартикова. О развитии рабочего класса в Словакии в народно-демократический период (1945—1960); М. Виетор. К вопросу о фашистском характере так называемого Словацкого государства; Э. Ледерерова. Структура венгерского общества в период раннего средневековья; И. Влахович. Среднесловацкие шахтерские города и антигабсбургское восстание в первой трети XVII в.; Б. Варсик. Заселение Кошиц и их окрестностей в свете двух неизвестных грамот первой половины XIII в.; М. Стрган. Проблематика разработки истории промышленных предприятий; И. С. Кон. Вопросы теории исторической науки в новейшей буржуазной историографии.

«Historica». Praha. 1960. T. II.

Б. Судски. Неолитическое стойбище в Билани; И. Добиаш. Где обитали маркоманны? Ф. Граус. Торговые связи Чехии с Германией и Австрией в XIV—начале

XV века; И. Мацек. Революционная программа крестьянской войны в Германии в 1526 г.; И. Горак. Феодальные пережитки в старинных словацких народных балладах; М. Тейх. Чешское Королевское научное общество и начальный период научного прогресса в Чехии; Я. Пурш. Промышленный переворот в чешских землях; В. Краль. О политике онемечивания чешских и моравских земель, проводившейся немецкими захватчиками в годы второй мировой войны.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Возникновение чифтликов в Албании

«Bulletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqërorë». Tiranë. 1960, № 3, ff. 91—120.

Вопросы разложения военно-ленной системы Османской империи, замены условного землевладения частнофеодальной собственностью на землю в форме чифтликов привлекают в последние годы внимание историков различных стран. Этот интерес вполне оправдан. Без глубокого изучения социально-экономических процессов в Османском государстве XVII—XVIII вв. невозможно понять серьезные политические перемены, которые произошли в XIX в. в судьбах населявших его народов, прежде всего балканских.

Закономерности перехода от военно-ленной системы к чифтликчийской системе в Османской империи изучены пока недостаточно. Нет еще полной картины того, как проходил этот процесс в различных областях империи. Поэтому статья албанского историка Ставри Начи «К вопросу о феодальном чифтлике в Албании в XVII—XVIII вв.» представляет большой интерес. В ней впервые в исторической литературе рассматривается формирование чифтликчийской системы в Албании. Исследование целиком основано на турецких судебных документах Берата и Эльбасана и других неопубликованных материалах, хранящихся в Центральном историческом архиве Народной Республики Албании.

Автор отмечает, что интерес к хозяйственной эксплуатации земли появился у албанских феодалов после того, как в результате ослабления военной мощи турецкого государства сократились возможности обогащения от завоевательных походов. Одним из главных факторов, содействовавших разложению военно-ленной системы в Албании, было развитие товарно-денежных отношений, которому способствовало возрождение албанских городов, разрушенных во время турецкого нашествия. Значительное место в экономике городов заняли феодалы — аги и беи,— выступавшие как ростовщики, владельцы лавок, торговых кораблей, откупщики налогов. Первые данные о применении откупной системы в Албании относятся к началу XVII века. В XVII—XVIII вв. эта система была распространена почти на все государственные сборы как в городе, так и в деревне. Откупная система, открывавшая простор для злоупотреблений, широкое распространение реквизиций и чрезвычайных налогов, проникновение ростовщиков в деревню тяжело отразились на положении крестьян. Многие из них, уступая нажиму феодалов, должны были отказаться от своих владельческих прав на землю. Феодалы превращали эту землю в свои хозяйства — чифтлики.

Образование системы чифтликов началось в Албании в первой четверти XVII века. В XVIII в. эта система стала господствующей социально-экономической системой в Албании.

Основываясь на изучении документов за два века, автор делит процесс образования чифтликов на два этапа. Вначале феодалы образовывали чифтлики посредством лишения крестьян владельческих прав на землю. Сравнительно небольшие по размерам чифтлики находились в этот период в руках значительного круга феодальных собственников. Для второго этапа характерно то, что эти мелкие чифтлики концентрировались в руках незначительной горстки крупных феодалов. Хотя во времени эти этапы переплетались, все же образование крупной чифтликчийской собственности приняло наибольший размах в XVII веке. В то же время, отмечает автор, процесс лишения феодалами крестьян владельческих прав

одолжался и в XVIII веке. Характерным тением для второй половины XVIII в., не речавшимся ранее, было то, что феода- накладывали руку на владельческие ава групп крестьян или целых деревень. ешне процесс образования чифтликчий- й собственности имел форму операций купле-продаже земли. Однако за види- м соблюдением норм турецкого правопо- дка скрывались произвол, обман, наси- е в самых различных формах. Убедитель- й иллюстрацией этого является история одальной семьи Бичаку (Эльбасан), про- живаемая автором на протяжении почти ух веков.

Образование чифтликчийской системы ело важные экономические и политиче- ие последствия для Албании. Сделало г вперед сельское хозяйство. В чифтли- к соха была заменена железным плугом. рокое распространение получили новые льскохозяйственные культуры. Быстро звивались товарно-денежные отношения. то же время усилились противоречия утри феодального класса, в особенности жду новой прослойкой феодального клас- — владельцами чифтликов — и военными никами. Так были созданы предпосылки я больших политических перемен в Алба- и во второй половине XVIII — первой чет- рти XIX в., когда вся страна фактически дпала под власть могущественных албан- ix феодалов Бушати и Али-паши Тепеле- , вступивших в открытую борьбу с сул- ном.

Г. Л. Арш

роды Африки в борьбе против германских колонизаторов в конце XIX — начале XX века

issenschaftliche Zeitschrift der Karl-rx-Universität Leipzig». Gesellschafts- l sprachwissenschaftliche Reihe. Leipzig. 959/60. Heft 3, S. 395—400, 401—412.

ерманские империалисты в планах со- ния германской колониальной империи вную роль отводили Африке.

азгром германского империализма в вой и второй мировых войнах означал есте с тем и полное крушение его экспан- нистских планов в Африке. Однако бонн- е наследники германского колониализма извлекли из этого должных уроков. Меч- о реванше, империалистические, мили- истские круги ФРГ вновь ринулись на риканский континент для того, чтобы под льшивым лозунгом «западногерманского антиколониализма» осуществить свои старые цели — порабощение и ограбление народов Африки.

За последние годы в Западной Германии заметно активизировалась деятельность созданных после второй мировой войны или возродившихся многочисленных институтов и обществ по изучению колониальных вопросов, в частности обществ по «освоению Африки». На страницах своих печатных органов эти учреждения ведут самую разнузданную пропаганду колониальных захватов в Африке, прибегая при этом к весьма сомнительным историческим параллелям для обоснования своих экспансионистских планов.

Фальсификаторские приемы идеологов боннских неоколониалистов, стремящихся доказать «благотворное влияние» германского господства на развитие африканских народов, их попытки оправдания германского колониализма встречают отпор со стороны ученых Германской Демократической Республики, горячо поддерживающих героическую, справедливую борьбу народов Африки за свою независимость.

В статье Зигфрида Кребса «Принудительный труд в бывших германских колониях в Восточной Африке» показаны зверские методы, применявшиеся германскими колонизаторами для обеспечения хозяйств германских плантаторов рабочей силой, своеобразие форм эксплуатации населения Восточной Африки, тяжелое положение африканцев и др.

Центральной проблемой, вставшей перед германскими колонизаторами при эксплуатации африканских земель, являлся вопрос о рабочей силе. Для достижения своих целей колонизаторы прибегли к насильственным мерам, грубому произволу; десятки и сотни тысяч африканцев принудительно сгонялись на работу в хозяйства германских колонизаторов.

На протяжении ряда лет германские колонизаторы варварски разрушали ее производительные силы. Однако, говорится в заключении статьи, народы Африки никогда не мирились с колониализмом.

Одной из страниц героической борьбы африканских народов против колонизаторов посвящена статья Генриха Лота «Еретические движения в Юго-Западной Африке, их предыстория и роль в освободительной войне 1905—1906 гг.».

Буржуазные ученые клеветнически изображают борьбу африканских народов про-

тив колонизаторов как выражение неблагодарности африканских «бунтовщиков» за «благодеяния» колониальных захватчиков. Подобным же образом они рассматривают, в частности, и борьбу африканцев в 1905—1906 гг. в бывших германских колониях в Юго-Западной Африке.

В статье Г. Лота освещается вопрос о насильственном распространении христианства среди народов Юго-Западной Африки и о борьбе коренного населения против европейских миссионеров.

В порабощении народов Африки европейские миссионеры, являвшиеся частью колониального аппарата, сыграли немалую роль. Насаждавшаяся европейцами новая религия встретила решительное сопротивление народов Африки, среди которых было распространено язычество. Эта борьба в известной мере отражала противоречие между стоявшими еще на докапиталистической стадии развития независимыми африканцами и европейскими капиталистами. Возникшее в Южной Африке и распространившееся затем на другие области движение сопротивления колонизаторам не ограничилось чисто религиозной борьбой, оно переросло в борьбу против колониального господства.

Движение против германских захватчиков в Южной Африке поднялось на более высокую ступень в связи с англо-бурской войной. После этой войны во многих районах Южной Африки имели место волнения, а в 1906 г. в Зулуленде началось народное восстание. Мощное народное движение, вызванное теми же причинами, что и в Южной Африке, развернулось также в Юго-Западной Африке, где поднялись негритянские племена гереро.

Рисуя размах освободительной борьбы народов Африки против германских колонизаторов, автор показывает ее особенности и историческое значение, выясняет причины ее поражения. Несмотря на исторически обусловленную ограниченность этой освободительной борьбы, она усилила чувства единства африканцев. Их героическая борьба против германских колонизаторов служит доказательством того, что народы Африки, вопреки гнусным измышлениям идеологов империализма о якобы пассивной роли «черной расы», никогда не мирились с колониальным гнетом. Ныне один за другим народы Африки в упорной борьбе с империализмом добиваются своей свободы и независимости.

Ю. М. Юрьев

Восстановление политической жизни в Берлине после краха фашизма

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» Berlin. 1960. Heft 6, S. 1310—1341.

В статье Зигфрида Томаса «Возрождение политической жизни в Берлине и единство действий пролетарских партий (май — июль 1945 г.)» на большом фактическом материале рассматриваются события в Берлине после его освобождения Советской Армией до вступления в город оккупационных войск западных держав в июле 1945 года.

В статье говорится о большой помощи, оказанной жителям Берлина Советской Армией. Двухмиллионное население Берлина было спасено Советской Армией и героическими усилиями немецких антифашистов от голода и эпидемий. Еще во время боев за Берлин, 28 апреля 1945 г., советским командованием была создана комендатура, направлявшая свои усилия на скорейшую нормализацию жизни города. С 6 мая берлинцы стали снабжаться продовольствием, которое доставлялось из Советского Союза. Советские инженеры и техники приняли активное участие в восстановлении важнейших коммунальных предприятий города.

Решающую роль в быстром преодолении катастрофического положения в Берлине сыграла группа немецких антифашистов, испытанных функционеров Коммунистической партии Германии во главе с В. Ульбрихтом. «Группа Ульбрихта» развернула огромную работу по мобилизации населения на борьбу за скорейшую нормализацию жизни в Берлине. Сразу же после освобождения во многих районах города стали создаваться антифашистские народные комитеты, развернул свою деятельность Национальный комитет «Свободная Германия». Задача «группы Ульбрихта» заключалась в объединении деятельности всех этих народных комитетов. 19 мая 1945 г. был утвержден Берлинский магистрат во главе с обер-бургомистром профессором А. Вернером. Органы городского самоуправления строились на основе совместной работы всех антифашистско-демократических групп под руководством рабочего класса.

10 июня 1945 г. советская военная администрация объявила о разрешении легальной деятельности антифашистско-демократических партий и свободных профсоюзов в советской оккупационной зоне и во всем Берлине.

Коммунистическая партия Германии стала устанавливать контакт с другими поли-

ескими партиями. 12 июня 1945 г. Ульбрихт по поручению ЦК партии выпил на собрании, на котором присутвовало 200 представителей различных анашистских групп. На этом собрании дставитель социал-демократической парв своем выступлении выразил полное пасие с основными положениями проммы действий КПГ.

осстановление Социал-демократической тии Германии происходило в Берлине иных условиях, чем восстановление Г, так как после 8 мая ни внутри страни за ее пределами не существовало тийного руководства германской социалократии. Независимо друг от друга сол-демократы в Нейкёльне и Шёнеберге зу же после освобождения начали обдение вопроса о восстановлении партии. Шёнебергском округе, где ведущую роль ал Отто Гротеволь, начались дискуссии рограммных принципах партии. В конце произошло слияние обоих округов, а июня оформился Центральный Комитет иал-демократической партии. В руководий центр партии входили почти исклюельно представители нового поколения иал-демократов, которые до 1933 г. не тояли в партийном руководстве. На перобщеберлинской конференции партии, которой присутствовали социал-демокрак как из советской зоны, так и из западк оккупационных зон, было объявлено о становлении партии.

ПГ повела борьбу за установление нства действий германского рабочего сса. Это единство достигалось, конечно, путем механического слияния обеих парт, а могло быть установлено лишь на чной идейно-теоретической основе марзма-ленинизма. 12 июня 1945 г. начаь переговоры между руководителями их партий, в результате которых 19 июня паритетных началах был создан коми. Задачей этого комитета было установие единства действий. Руководящей си в едином фронте рабочего класса была Г. Единство действий коммунистической социал-демократической партий было одным пунктом и основой для создания ифашистского Народного фронта в фор блока антифашистско-демократических тий. 14 июня 1945 г. произошли первые местные переговоры всех политических тий и было принято решение об усталении единого фронта антифашистскоократических партий.

Автор статьи отмечает, что в результате огромной работы, проведенной антифашистско-демократическими силами города во главе с КПГ, к моменту прихода западных оккупационных войск в соответствующие секторы наиболее тяжелые последствия военных разрушений были преодолены и достигнуты определенные успехи в строительстве единого демократического Берлина. После прихода западных оккупационных войск началась новая фаза в послевоенной истории Берлина. Антифашистско-демократическое строительство в западных секторах Берлина сначала было сильно затруднено, а затем и полностью прекращено. С помощью клики западноберлинских и западногерманских правых социал-демократических вождей империалистические круги сорвали полное объединение берлинской социал-демократии с КПГ. В Западном Берлине была создана коалиция правых социал-демократических лидеров с руководителями буржуазных партий. Подобная политика привела к реставрации сил германского империализма и милитаризма в экономике, политике и администрации Западного Берлина, который в результате усилий западных оккупационных властей превратился в базу для шпионажа, диверсий и провокаций. В демократическом же секторе Берлина под руководством СЕПГ были успешно осуществлены антифашистско-демократические преобразования и развернулось социалистическое строительство. Задача трудящихся всего Берлина заключается в том, чтобы добиться превращения Западного Берлина в демилитаризованный вольный город, обуздать милитаристские и реваншистские силы, окопавшиеся в Западном Берлине.

Б. М. Туполев

Особенности рабства и формы классовой борьбы рабов в эпоху античности

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960. Heft 1, S. 104—112.

Проблемы эволюции античного рабства привлекают сейчас особенно пристальное внимание как буржуазных ученых (см. доклад С. Ляуффера[1] на XI Международном конгрессе исторических наук в Сток-

[1] S. Lauffer. Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt. «Rapports du XIe Congrès International des sciences historiques». Vol. 2. Göteborg-Stockholm-Uppsala. 1960.

гольме), так и советских исследователей (специальная конференция в Институте истории АН СССР с 12 по 14 декабря 1960 года). В этой связи статья Р. Гюнтера представляет определенный интерес. Она делится на две части. В первой из них речь идет о сущности античного рабства и его особенностях, во второй — о формах классовой борьбы рабов в период античной истории.

Порабощение непосредственного производителя, указывает автор, осуществлялось в эпоху греко-римского преобладания в различных формах. Илоты в Спарте, пенесты в Фессалии и клароты на Крите — все это недоразвитые рабские статусы, соответствовавшие социально-экономическим условиям в названных районах. «Только в областях с высокой цивилизацией, в которых процветали торговля, особенно морская, ремесло и латифундиальные хозяйства и где развивалась частная собственность отдельных граждан на землю, возникла высшая, классическая форма рабства». Автор справедливо говорит о том, что нет оснований каждую форму рабства генетически выводить из предшествующей ей формы. Часто различные формы рабства сосуществовали. Так, в эпоху эллинизма в египетских городах имела место классическая форма рабства, а на сельской территории в основном сохранилось рабство в его древневосточной, патриархальной форме.

В первой части работы вызывает сомнение высказывание автора о кризисе рабовладельческого способа производства в Греции в конце V в. до н. э. Ведь рабовладельческий способ производства просуществовал после этого еще несколько столетий, и говорить о его кризисе в V в. до н. э., безусловно, рано. Можно и должно говорить о социальном, о политическом кризисе в Греции того времени, но не о кризисе экономическом. Напротив, дальнейшее бурное развитие рабовладения разорвало в конце IV в. до н. э. узкие рамки полиса, и рабовладение в его классической форме распространилось в результате походов Александра Македонского на Восток. Кризис рабовладельческого способа производства начался в античном мире лишь с конца II в. н. э. К этому же времени можно относить и появление ранних ростков феодальных отношений. Усматривать же их в период позднего эллинизма, как это делает автор, невозможно.

Во второй части статьи Р. Гюнтер характеризует основные формы классовой борьбы рабов. По его мнению, существовали три формы борьбы: экономическая, политическая и идеологическая. Преобладала экономическая форма борьбы, которая проявлялась в порче и уничтожении орудий труда, плохом выполнении работы и т. д. Политическая борьба вспыхивала, как полагает Р. Гюнтер, только при наличии наиболее сильной эксплуатации рабов. Тогда те немногие рабы, которые осознавали свое социальное положение, организовывали вооруженные восстания и становились во главе их. Но у рабов, как правильно указывает автор, не было революционной теории, революционной классовой организации, централизованного руководства. Рабы не являлись классом, который оказался бы в состоянии собственными силами свергнуть рабовладельческий строй и создать новое общество.

В эпоху поздней империи, говорит автор, руководство в борьбе с рабовладельческими отношениями переходит в руки крупной земельной аристократии. Последняя сливается с аристократией завоевателей — «варваров». Образуется новый господствующий класс. Рабство перестает играть серьезную роль в дальнейшем развитии производительных сил. Сходная точка зрения в советской исторической литературе принадлежит Е. М. Штаерман (отметим, что Гюнтер не ссылается на ее статьи и монографию). Подобная оценка роли крупных землевладельцев в эпоху позднеримской империи не может не вызвать интереса у исследователей; тем не менее считать данное положение общепризнанным вряд ли возможно, поскольку существуют и иные точки зрения. Поэтому трудно согласиться с Р. Гюнтером, который говорит об упомянутом тезисе, как о само собой разумеющемся и не требующем доказательств.

Сомнения вызывает также мысль автора о формах борьбы рабов с рабовладельцами в области идеологии. По мнению Р. Гюнтера, эта борьба сказывалась в поклонении рабов сирийско-эллинистическим богам в восприятии ими мистических пророчеств и мессианизма и в том интересе, который проявляли они к социальным утопиям. Идеологической классовой борьбе рабов, указывает автор, рабовладельцы противопоставляли различные формы официальной античной религии. Чтобы укрепить свою власть, рабовладельцы наделили императора Августа атрибутами бога солнца Аполлона. А в представлениях рабов и бедных слоев свободного населения с именем этого бога

вязывалась надежда на возвращение «зо-
этого века».

Но ведь во всех подобных случаях ника-
ой борьбы рабов с рабовладельцами не
аблюдалось. Поэтому лучше говорить об
ражении классовой борьбы в сфере идео-
огии, тем более что рабы, воспринимая во-
очные культы, вряд ли сознавали, что они
м самым «борются с господствующим
ассом». Их интерес к этим культам,
христианской религии в эпоху Римской
мперии объяснялся стремлением угнетен-
ых уйти от тяжелой действительности
мир мистики и утопии. Неудачи восста-
ий убеждали рабов в безвыходности их
ложения «на этом свете». Восприятие но-
ых верований рабами — это скорее выра-
ение их пассивного отказа от официаль-
ых культов, но называть это прямой
ормой идеологической борьбы вряд ли
равильно. По-видимому, данные сюжеты
одлежат широкому обсуждению. Лишь по-
е дискуссии можно будет прийти к более
очным выводам.

Н. И. Голубцова

роблема периодизации феодализма в китайской исторической науке

«Лиши яньцзю». Пекин. 1960. № 6, стр. 67—71.

В течение последних двух лет историки
НР ведут оживленную дискуссию по про-
леме периодизации истории китайского
еодального общества. Статья Ши Шао-
ня «Обсуждение периодизации феодаль-
ого общества Китая» знакомит читателя с
азличными точками зрения, высказанными
о этой важной проблеме в ходе последних
искуссий. В настоящее время у китайских
еных еще нет единого критерия периоди-
ации истории феодального общества.

Группа историков считает, что основным
ритерием периодизации должна являться
лассовая борьба, поскольку именно она от-
ажает в концентрированной форме обще-
ственные противоречия. Большинство сто-
онников этого направления подразделяет
азвитие китайского феодального общества
а три этапа. Первый начинается с периода
орющихся царств и длится вплоть до по-
ажения восстания Желтых повязок
475 г. до н. э.— 184 г. н. э.). На этом этапе
лассовая борьба крестьянства носила глав-
ым образом характер борьбы свободных
емледельцев против превращения их в фео-
дально зависимых крестьян. В результате многочисленных крестьянских войн были ликвидированы остатки рабовладельческих отношений, тормозивших дальнейшее развитие общества, окрепла и стала развиваться феодальная экономика, значительно выросли производительные силы. Второй этап охватывает период со времени поражения восстания Желтых повязок до подавления восстания Хуан Чао (184—884 гг. н. э.). Основная особенность классовой борьбы крестьянства на этом этапе заключалась в следующем: крестьяне боролись против тяжелого налогового гнета со стороны феодалов и феодального государства, они сражались за освобождение от феодальной зависимости. Восстание Хуан Чао потрясло танскую империю, сильно подорвало позиции феодальной знати и привело к соответствующим изменениям как в области феодальной земельной собственности, так и в отношениях феодальной зависимости. Третий этап — от поражения восстания Хуан Чао до Опиумных войн (884—1840 гг.). На этом этапе наблюдается постепенное ослабление феодальной государственной земельной собственности, ведущую роль начинает играть помещичья земельная собственность. Крестьяне имеют очень мало земли или вообще лишены ее, широко развиваются арендные отношения, начинает ослабевать личная зависимость, появляются ростки капиталистических отношений. Происходят изменения и в лозунгах восставших крестьян: начиная с X в. н. э. и вплоть до XVII в. крестьяне выступают уже за уничтожение помещичьей феодальной собственности и власти помещиков; в этот период классовая борьба крестьянства приобретает наиболее острый характер.

Другая группа историков считает, что при периодизации истории феодального общества необходимо исходить из развития форм производства, учитывая при этом изменения в классовой борьбе крестьянства. Основываясь на этом, они подразделяют историю китайского феодализма на четыре этапа. В первый период становления феодализма в Китае — 475 г. до н. э.— 184 г. н. э.— наблюдается сосуществование государственной и помещичьей феодальной собственности. Крестьянские восстания направлены на защиту прав свободного земледельца, против порабощения, за восстановление хозяйств мелких производителей. Феодальная земельная собственность укрепляется, в то время как роль рабского труда,

препятствовавшего развитию производства, уменьшается. Второй этап: укрепление феодализма — с конца II в. н. э. до VIII в. н. э. На этом этапе происходит усиление позиций феодальной аристократии; крестьянские восстания направлены против феодальной эксплуатации и феодальной зависимости. Третий этап: период расцвета феодализма — с 755—763 гг. до XIV века. Для этого этапа характерны: рост могущества феодальной знати, развитие товарного производства, укрепление центральной власти, обострение классовой борьбы. Четвертый этап: упадок феодального общества — со времени крестьянских восстаний конца эпохи Юань до начала Опиумных войн (1840 г.). В этот период происходит зарождение капиталистических отношений.

В китайской историографии существует также мнение, что основой периодизации феодального общества должны являться изменения, происходящие в сфере производственных отношений. Большинство сторонников этого направления подразделяет развитие феодального общества на три этапа, причем второй этап состоит из двух периодов. На первом этапе (в XI—IV вв. до н. э.) ведущей формой эксплуатации в сельском хозяйстве являлась эксплуатация крепостных крестьян, труд рабов хотя и применялся в земледелии, но не играл такой решающей роли, как в ремесле. В первый период второго этапа — III в. до н. э.— VI в. н. э.— основной формой эксплуатации в земледелии являлась эксплуатация помещиками крестьян, рабы по-прежнему использовались в сельском хозяйстве, но их труд не играл существенной роли. В ремесле были заняты свободные ремесленники; помещики и крупные купцы имели ремесленные мастерские, в которых применялся труд рабов. Во время второго периода второго этапа (VI—XIV вв.) труд рабов уже не препятствовал развитию мелкого частного хозяйства ни в земледелии, ни в ремесле. Наблюдается развитие городского ремесла. Третий этап — XIV—XIX века. Основной формой эксплуатации в сельском хозяйстве по-прежнему являлась эксплуатация помещиками крестьян, в ремесле же стали появляться ростки капиталистических отношений.

Некоторые китайские историки считают, что за основу периодизации феодального общества следует взять изменение форм феодальной земельной собственности. Сторонники этого направления видят в истории китайского феодализма только два этапа: первый этап — с III в. до н. э. до VIII в. н. э.; второй этап — с VIII в. н. э. до начала XIX века.

Среди китайских историков имеются также исследователи, которые считают возможным устанавливать этапы развития феодального общества исходя из изменения характера государственной власти или особенностей развития феодальной экономики и т. п.

Перечислив разнообразные точки зрения, автор статьи отмечает, что проблема периодизации истории китайского феодального общества находится в стадии разрешения. При разработке этой сложной проблемы, заключает Ши Шао-бинь, китайские историки должны опираться на труды классиков марксизма-ленинизма. Эти работы помогут им установить единственно правильный критерий периодизации истории феодального общества в Китае.

Л. С. Переломов

«Идея народа» в творчестве И. Лелевеля

«Roczniki historyczne». Rocznik XXVI. Poznań, 1960, str. 171—194.

Одной из характерных черт методологии исторического исследования выдающегося польского историка и прогрессивного общественного деятеля Иоахима Лелевеля являлось обращение его к истории народных масс. Статья Ф. Броновского посвящена изучению формирования «идеи народа» в трудах Лелевеля. Автор правильно подчеркивает, что эта идея постепенно развивалась Лелевелем, по мере накопления им исторических знаний, как это видно из работ Лелевеля 1806—1830 годов.

Словом «народ» Лелевель оперировал довольно часто, нередко употребляя его в узком значении. Например, в своих ранних работах, посвященных «великому переселению народов» IV—VI вв., он применял это понятие в отношении небольших племен, причем этнический элемент служил основным критерием при их классификации. Впоследствии этнические связи становятся для Лелевеля одним из многих факторов, определявших облик общества. В работах 20-х годов XIX в. под влиянием романтического направления в историографии Лелевель начинает применять понятия «духа» или «характера» народов, отличающихся особым типом культуры, правовыми институтами, фольклором, обычаями. При этом

елевель учитывал наличие столкновений и рьбы различных общественных групп.

Ф. Броновский отмечает, что взгляды Лелевеля на узловые проблемы всеобщей истории сложились до 1830 года. Об этом свидетельствуют такие его работы, как «История древности», «История древней Индии», «Курс всеобщей истории». При анализе прошлем древней истории Лелевель отмечает наличие соперничества и борьбы между различными общественными группами, а также существование особой «национальной идеи», лежащей в основе государственных организмов древности. По мнению Лелевеля, идеалы гминовладства (народовластия) и свободы способствовали участию разных сословий в политической жизни и создании культуры. Рассматривая события нового времени, он указывал на развитие монархической власти и государственного аппарата за счет ослабления влияния сословных сеймов. «Кабинеты» и «дипломатию» он противопоставлял старым институтам, выражавшим «волю народа». С симпатией относился Лелевель к национально-освободительному движению в Италии, Чехии, Венгрии и других странах.

Автор считает, что лелевелевская концепция истории Польши окончательно сложилась только после завершения работы «Замечания по истории Польши и ее народа». Данней же попыткой такого синтеза были работы «Польская история до конца правления Стефана Батория», соответствующие части «Курса всеобщей истории», «Историческая параллель между Испанией и Польшей». В «Польской истории до конца правления Стефана Батория» ярко выступают дошляхетские симпатии историка. Понятие «народ» Лелевель относил тогда прежде всего к мелкой и средней шляхте и решения шляхетских сеймов называл «волей народа». Шляхта представляла, по его мнению, подлинно национальный элемент, и ее политические успехи знаменовали собой расцвет Польши. Только усиление угнетения низших сословий, возобновление влияния магнатов, отрицательная роль иностранного влияния привели сначала к ослаблению «народа» (шляхты), а затем и к упадку польского государства.

В «Курсе всеобщей истории» Лелевель же более последовательно критиковал самоуправство шляхты, угнетение ею крестьянства. В работе «Историческая параллель между Испанией и Польшей» он осуждал шляхетские привилегии и дух шляхетской «исключительности», представление его о народе становится гораздо шире. Эту работу Броновский правильно оценивает как протест против ограничения свободы и активности народных масс господствующим сословием. Однако в то время Лелевель не уделял все же должного внимания другим общественным группировкам. Поэтому в период, предшествующий восстанию 1830—1831 гг., не народные массы, а шляхта оставалась для него ведущим элементом истории Польши.

Указывая на эти недостатки концепции Лелевеля, Ф. Броновский подчеркивает, что его теория была тем не менее для польской историографии первой половины XIX в. большим достижением. Разрабатывая «идею народа», Лелевель подвел итог исследованиям не только современной ему романтической школы историографии, но и достижениям историков и мыслителей эпохи Просвещения.

Статья Броновского восполняет определенный пробел в изучении формирования исторической концепции Лелевеля.

Б. С. Попков

К 40-летию Коммунистической партии Румынии

«Analele Institutului de istorie a partidului de pe lîngă C. C. al P. M. R.». București. 1960, № 5.

В мае нынешнего года румынский народ торжественно отмечает 40-летие Коммунистической партии — организатора и руководителя его славных боевых побед. Коммунистическая партия Румынии, прошедшая большой героический путь, создавалась в годы революционного подъема 1917—1921 гг., возникшего в стране под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. День ее рождения — 8 мая 1921 г.— вошел в историю Румынии как один из революционных праздников.

Готовясь к торжественному юбилею, Институт истории партии при ЦК РРП целиком посвятил один из номеров издаваемого им журнала «Analele...» вопросу о социально-экономических и политических предпосылках создания КПР. Важнейшим этапом на пути создания Коммунистической партии явилась всеобщая забастовка румынского рабочего класса (октябрь 1920 г.), которая была в то же время кульминационным пунктом революционных боев 1917—1920 годов.

В статье «Экономическое положение Румынии и условия жизни и труда рабочего класса в канун всеобщей забастовки» румынские экономисты М. Мэнэску и Н. Константинеску показывают, что всеобщая забастовка 1920 г. проходила в условиях обострения экономических, социальных и политических противоречий. Причины этого обострения лежали в самом существе буржуазно-помещичьего строя и отягчались последствиями мировой войны, которая нанесла тяжелый урон румынской экономике.

В 1917—1920 гг. румынский пролетариат, имевший перед собой пример революционной России, неоднократно поднимался на борьбу за улучшение своего экономического положения, против социального и политического гнета. В эти годы по стране прокатилась волна революционных митингов, демонстраций, стачек, руководимых возникшими в тот период коммунистическими группами. В Бухаресте большую организаторскую работу проводил Центральный Комитет групп, секретарем которого был выдающийся румынский революционер Алеку Константинеску. После создания III Интернационала коммунистические группы и левое крыло социалистической партии сразу же заявили о своей солидарности с его платформой и издали ряд манифестов с требованием присоединения к Коминтерну.

Все эти, а также ряд других политических событий, предшествовавших всеобщей октябрьской забастовке 1920 г., освещает статья румынского историка К. Мокану «Участие рабочих Бухареста во всеобщей забастовке 1920 г.». Автор показывает, что борьба за присоединение к Коммунистическому Интернационалу сопровождалась экономическими и политическими выступлениями румынского пролетариата, а также борьбой его передовых слоев против идеологического влияния оппортунизма и реформизма. Летом 1920 г. забастовочное движение заметно усилилось, причем в первых рядах апрельских, майских и июньских забастовок 1920 г. шел наиболее организованный отряд румынского рабочего класса — железнодорожники. В ответ на обнародование проекта антирабочего закона «О регламентации коллективных трудовых конфликтов», который фактически лишал рабочих права на забастовки, пролетариат Бухареста провел 11 августа всеобщую забастовку под лозунгами: «Долой преступный закон вместе с его авторами!», «Мир с Советской Россией!» и т. д. Осенью 1920 г. борьба рабочих достигла настолько высокого уровня, что даже оппортунистическое крыло социалистической партии не смогло далее противиться их единодушному требованию об объявлении всеобщей забастовки с выдвижением основных политических требований (признание рабочих Советов, признание права рабочего класса иметь свои организации, вывод армии с фабрик и заводов, отмена осадного положения, свобода слова, собраний и т. д.). 20 октября в Бухаресте была объявлена забастовка, которая в дальнейшем переросла во всеобщую.

К. Мокану, а также авторы опубликованных в журнале интересных сообщений (В. Г. Ионеску, Л. Вайда, Л. Фодор, В. Марин, Ф. Пыркэлаб, С. Давику, Д. Боцеску, Л. Ешану), основываясь на изучении документальных материалов румынских архивов, подробно исследуют ход забастовки, основные формы и методы борьбы рабочих в эти дни в Бухаресте, нефтяной долине Праховы, индустриальных центрах Молдовы, Трансильвании и т. д.

Урокам всеобщей октябрьской забастовки и созданию Коммунистической партии Румынии посвящена статья Т. Джорджеску. Всеобщая забастовка открыла новый этап в политической и идеологической борьбе революционного и реформистского течения в социалистической партии. Уже в ноябре 1920 г. состоялось совещание представителей революционных коммунистических групп, которое высказалось за безусловное и немедленное создание революционной марксистско-ленинской партии. Используя архивные документы, автор показывает, что это требование было поддержано подавляющим большинством местных революционных организаций.

8 мая 1921 г. открылся съезд социалистической партии Румынии, который принял решение о создании коммунистической партии и присоединении ее к III Интернационалу. Съезд вошел в историю как I съезд Коммунистической партии Румынии.

А. А. Языкова

Аграрная реформа в Ираке

«Иттихад аш-шааб». Багдад. 1959, август.

Орган ЦК Коммунистической партии Ирака «Иттихад аш-шааб» поместил статью Абул-Исса, посвященную истории

грарных отношений в Ираке и оценке грарной реформы. К началу XX в. крестьское хозяйство в иракской деревне основном носило натуральный характер. лишь жившие вблизи городов крестьяне занимались сбытом сельскохозяйственной продукции. Промышленность была представлена кустарным производством. Проникновение в Ирак иностранного капитала, иностранных товаров повлекло за собой разорение кустарей, усиление феодальной эксплуатации, обнищание крестьян, углубление кризиса сельского хозяйства страны. Ирак превратился в аграрно-сырьевой придаток Англии.

Деятельность английских империалистов в иракской деревне была направлена на укрепление здесь класса феодалов, который должен был помочь английским колонизаторам держать народ в повиновении. Для этой цели в 1922 г. в деревню были посланы английские чиновники с заданием официально закрепить за феодалами землю, ранее ими захваченную. С той же целью правящие круги раздавали государственные земли чиновникам, разрешали приобретать землю торговцам. В 1930 г. правительство Ирака издало закон, по которому крестьянин не имел права покинуть землю без разрешения феодала. По закону 1938 г. земли племен закреплялись за их шейхами. Таким образом, бедуины также превратились в крепостных и власть шейхов над ними стала ничем не ограниченной.

В результате проводимой английскими империалистами и правительством Ирака политики укрепления класса феодалов крестьяне были ограблены, у них отобрали огромное количество пригодной для обработки земли. Тысячи людей оказались обреченными на голод.

Подавляющее большинство крестьян Ирака составляли безземельные и малоземельные крестьяне, вынужденные на грабительских условиях арендовать землю у феодалов.

Абул-Исс рассказывает также в статье об антифеодальных выступлениях крестьян в период 1920—1958 годов.

Особое внимание автор уделяет восстанию 1935—1936 гг. на Евфрате, потерпевшему поражение, как полагает автор, в связи с двойственной позицией национальной буржуазии, представители которой в то время возглавляли крестьянское движение. Крайне правые группировки буржуазии вступили в союз с империалистами и феодалами и предали крестьянство.

Вторая мировая война усилила противоречия в стране. С 1954 по 1958 г. систематически происходили крестьянские восстания в том или другом районе страны. Крестьяне требовали раздела помещичьих земель, уменьшения налогов, снижения арендной платы. Эти крестьянские восстания, безусловно, имели большое значение для подготовки революции 14 июля 1958 г., которую крестьяне поддержали вооруженной борьбой. Им были понятны и близки задачи революции — свержение правительства ставленников империализма, освобождение крестьян от феодального гнета.

Абул-Исс подробно останавливается на политической борьбе, которая развернулась в Ираке вокруг аграрной реформы. Автор разоблачает намерения правых партий приостановить развитие революции. Их лидеры вступили в соглашение с реакционными элементами внутри правительства и вне его с тем, чтобы осуществить аграрную реформу, не затрагивая интересов феодалов и не разрешая до конца крестьянского вопроса. Однако правым элементам не удалось реализовать свои намерения.

Характеризуя закон об аграрной реформе в Ираке, автор отмечает его прогрессивный характер и считает принятие закона крупным шагом в разрешении земельной проблемы в стране. Тем не менее закон имеет ряд недостатков, на которых подробно останавливается Абул-Исс. Серьезный недостаток закона автор видит в том, что землю должны получить лишь 35% крестьян, в то время как феодалам оставлено по 250 га орошаемой земли и по 500 га неорошаемой земли. Второй недостаток, по мнению автора, заключается в том, что закон не обращает внимания на культуры, возделываемые на земле. Так, с земель, на которых сеют ячмень, доходы несравненно меньшие, чем с земель, засаженных садами и финиковыми пальмами. Оставляя на юге страны феодалам по 250 га орошаемой земли, закон тем самым сохраняет за феодалами серьезные экономические позиции.

Законом не предусмотрена конфискация земель предателей. Люди, ранее активно сотрудничавшие с империалистами, сохранили свою экономическую базу и продолжают вести борьбу с республикой, о чем свидетельствуют инспирируемые империалистами антиправительственные заговоры.

Автор считает, что до тех пор, пока не будут внесены поправки в закон об аграрной реформе, Иракской Республике будет угрожать реакция. Опорой заговорщиков в стране является класс феодалов, экономическое могущество которого в известной мере подорвано законом об аграрной реформе, но не сломлено окончательно.

Тревогу Абул-Исса вызывает и тот факт, что в государственном аппарате по сей день служат многие чиновники, ранее активно сотрудничавшие с империалистами. В ряде случаев эти чиновники намеренно тормозят проведение реформы или искажают ее сущность. Автор подчеркивает необходимость радикальной чистки государственного аппарата страны.

Аграрная реформа, как отмечается в статье, может быть успешно осуществлена лишь при опоре на крестьянские союзы и кооперативы, так как только сами крестьяне могут последовательно воплотить ее в жизнь.

Н. А. Аршаруни

Пуэрто-Рико — колония США

«Humanismo». La Habana. 1960, № 58—59, pp. 9—34, 128—131.

Империалисты США, маскируя свою агрессивную политику, пытаются доказать, что Соединенные Штаты Америки якобы выступают против колониализма. При этом они нередко ссылаются на пример Пуэрто-Рико —страны, получившей в 1952 г. статут «свободно присоединившегося» к США государства.

Правящие круги США представляют эту страну «образцом», которому, по их мнению, должны подражать другие латиноамериканские страны. В пропагандистских целях в Пуэрто-Рико проводятся широко рекламируемые мероприятия по разработке программ так называемого экономического развития, «улучшения использования земли» и др. Но Пуэрто-Рико, эта «витрина американского образа жизни», остается одной из самых бедных стран в Латинской Америке. Ежегодно многие тысячи пуэрториканцев вынуждены отправляться на поиски работы в США, представляя в этой стране наиболее обездоленную и угнетенную часть населения.

Кубинский общественно-политический журнал «Humanismo», в котором сотрудничают многие известные историки, социологи и общественные деятели Латинской Америки, опубликовал статью крупного кубинского историка Эмилио Роиг де Лаушенринга «Похищенная свобода». Автор разоблачает режим колониального угнетения, установленный американским империализмом в Пуэрто-Рико. «Свободно присоединившееся» государство Пуэрто-Рико — по сути дела, колония США.

Американская оккупация, сменившая испанское господство, означала замену одной формы угнетения другой. До 1948 г. Пуэрто-Рико управляли губернаторы, назначаемые президентом США. Пост губернатора, как правило, занимали офицеры армии и флота США. С 1948 г. губернатор Пуэрто-Рико избирается. Характерно, что народ Пуэрто-Рико, несмотря на предвыборную демагогию, понимал, что выборы губернатора, по существу, ничего не меняют в положении страны. 42% избирателей в 1948 г. не приняли участия в выборах первого «местного» губернатора Луиса Марина Муньоса, занимающего этот пост по сей день.

Подлинными хозяевами острова являются американский командующий морским районом, резиденция которого находится в столице Пуэрто-Рико, и штаб вооруженных сил США в районе Антильских островов.

В военных планах Соединенных Штатов Америки Пуэрто-Рико отводится роль поставщика солдат для американских вооруженных сил. После первой мировой войны американские власти ввели здесь обязательную воинскую повинность. Во время второй мировой войны 70 тыс. пуэрториканцев находились в составе американской армии. В 1950—1953 гг. 18 тыс. солдат из Пуэрто-Рико были направлены в Корею.

Колониальный гнет американских империалистов проявляется в этой стране и в американизации острова. В 1937 г. правительство США специальным законом предписало вести в школах Пуэрто-Рико преподавание только на английском языке. Когда в 1946 г. парламент Пуэрто-Рико одобрил законопроект о преподавании на испанском языке, то президент США наложил вето на этот проект.

В Пуэрто-Рико царит режим полицейской диктатуры. Здесь действуют законы, устанавливающие строгое наказание за участие в национально-освободительном движении. На основании этих законов многие патриоты подвергаются жестоким преследованиям. Но это не может остановить борьбу народ-

ых масс за подлинное освобождение. национальном движении активно участвуот самые широкие слои населения.

В том же номере журнала опубликована Декларация XIII конгресса кубинских сторикoв в защиту независимости Пуэрто-рико», принятая 9 февраля 1960 года. В деларации говорится, что народ Пуэрто-Рио, так же как и кубинский народ, вел амоотверженную борьбу с испанскими конизаторами. Но после «освобождения» от спанского гнета Пуэрто-Рико не стало суеренным государством. Конгресс кубинких историков разоблачает политику США, направленную на американизацию Пуэрто-Рико и сохранение колониального нета. Пункт 4 декларации гласит: «Так наываемое «свободно присоединившееся» государство — это маневр, направленный на бман национального и мирового общетвенного мнения. Это не свободное, и не рисоединившееся, и вообще никакое не осударство, а только обозначение колонилльного режима, установленного военной нтервенцией империализма янки и направленного на поддержку его политического господства и экономической эксплуатации Пуэрто-Рико».

События последнего времени показывают, то народ Пуэрто-Рико все более активно выступает против американских колонизаторов. В 1959 г. здесь под влиянием революционных событий на Кубе создан национальный фронт — «Движение за независимость Пуэрто-Рико». Это движение направлено на развитие национально-освободительной борьбы, против милитаризации страны и обязательной воинской повинности, против деятельности в Пуэрто-Рико комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности». Национальный фронт Пуэрто-Рико, как и все прогрессивные силы Латинской Америки, выступает в защиту революционной Кубы.

Я. Г. Машбиц

Джомо Кеньятта — герой борьбы за свободу Африки

«National and English Review». London. 1960. Vol. 154, № 927, pp. 167—171.

Английский журнал «National and English Review» посвятил редакционную статью жизни и деятельности выдающегося борца за свободу и независимость Кении Джомо Кеньятты.

В 1922 г. Дж. Кеньятта вступил в Центральную ассоциацию кикуйю — африканскую организацию, ставившую своей целью борьбу против английского колониального господства. Вскоре его избрали генеральным секретарем ассоциации. Одновременно он начал издавать первую в Кении газету на языке кикуйю.

Под руководством Кеньятты Центральная ассоциация кикуйю решительно выступила против проводимой английскими колонизаторами политики расовой дискриминации, принудительного труда и массового отчуждения земель африканцев. В 1929 г. Кеньятта приехал в Англию, чтобы представить в министерство колоний меморандум ассоциации, содержавший требования народа кикуйю. Последующие годы Кеньятта жил в Лондоне, где изучал антропологию в университете. В 1938 г. он опубликовал исследование о народе кикуйю («Лицом к горе Кении»), получившее высокую оценку специалистов. Во время второй мировой войны, живя в Англии, Кеньятта принимал активное участие в организации панафриканского движения и был избран председателем Панафриканской федерации. В 1945 г. вместе с Кваме Нкрумой, Питером Абрахамсом и другими видными представителями национально-освободительного движения в Африке Кеньятта организовал V панафриканский конгресс в Манчестере, сыгравший большую роль в истории борьбы африканских народов против колониализма. В 1946 г. Кеньятта возвратился на родину.

Центральная ассоциация кикуйю была запрещена еще в годы войны. Кеньятта пытался вести переговоры с губернатором колонии Митчеллом об отмене запрета организации, но натолкнулся на сопротивление колониальных властей. Через год Кеньятта был избран председателем Союза африканцев Кении. Эта организация, созданная в Кении вскоре после окончания второй мировой войны, выступала за предоставление африканцам самоуправления, за пропорциональное представительство в Законодательном совете Кении, за возвращение африканцам насильственно отчужденных земель, за ликвидацию расовой дискриминации и введение демократических свобод для местного населения.

Руководимый Кеньяттой Союз африканцев Кении вскоре стал ведущей политической организацией, возглавившей силы национально-освободительного движения в колонии. Союз насчитывал более 100 тыс.

членов. По словам автора рецензируемой статьи, Кеньятта организовывал по всей стране митинги. На некоторых митингах в союз вступало до 4 тыс. новых членов. В 1950 г. Союз африканцев Кении организовал совместно с Конгрессом восточноафриканских тред-юнионов всеобщую забастовку рабочих в Найроби. Для ее подавления колониальным властям пришлось использовать значительные контингенты полиции, даже авиацию и броневики. После подавления забастовки профсоюзные лидеры, а также несколько сотен рабочих были арестованы и брошены в тюрьмы. В марте 1950 г. патриотические организации Кении провели массовый митинг, в котором участвовало более 20 тыс. рабочих, принявших резолюцию с требованием полной независимости и суверенитета восточноафриканских колоний Англии. В том же году в Англию была направлена делегация, везшая петицию, под которой стоял миллион подписей.

В этих условиях английские власти решили встать на путь вооруженного подавления патриотических сил, выступающих за независимость Кении. С этой целью были пущены в ход вымыслы о существовании в Кении некой мифической организации «Мау-Мау», якобы занимающейся террором против белых. Колонизаторская печать утверждала, что руководителем «Мау-Мау» является Джомо Кеньятта и что Союз африканцев Кении — это лишь прикрытие для «Мау-Мау». Воспользовавшись этим неуклюжим вымыслом, колониальные власти ввели в Кении 20 октября 1952 г. «чрезвычайное положение». Кеньятта и пять других руководителей Союза африканцев Кении были арестованы и приговорены к тюремному заключению по обвинению «в руководстве «Мау-Мау»». В июне 1953 г. Союз африканцев Кении был объявлен вне закона. Английские власти, однако, не смогли приостановить рост национально-освободительного движения в стране. В ответ на террор колонизаторов народ Кении поднялся на освободительную войну, получившую в буржуазной литературе известность как «война «Мау-Мау»». Четыре года — с 1952 по 1956 г.— в Кении бушевало пламя национально-освободительной войны. Англичане стянули в колонию большие военные силы. После кровавого подавления национально-освободительной борьбы народа Кении англичане вынуждены были все же пойти на некоторые уступки местному населению, имевшие показной характер. В Законодательный совет было введено несколько африканцев.

Дж. Кеньятта пользуется в стране исключительно большой популярностью. Движение в его защиту приобретает в последние годы все более широкий размах. Прогрессивная общественность африканских стран и всего мира требует положить конец произволу английских колонизаторов и немедленно предоставить свободу замечательному сыну народа Кении.

Автор статьи в целом правильно и объективно оценивает деятельность и роль Кеньятты в истории национально-освободительной борьбы народа Кении. Но он выступает с позиций буржуазного либерала: автор советует правящим кругам Англии «не перегибать палку» и удовлетворить требование прогрессивной общественности об освобождении Кеньятты во избежание более серьезных осложнений, не вскрывает подлинные причины и национально-освободительный характер войны 1952—1956 годов. Автор, по-видимому, верит в миф об организации «Мау-Мау», существовавшей только в воображении колонизаторов.

Несмотря на ошибочность и предвзятость отдельных оценок, статья дает много новых и интересных данных о деятельности одного из выдающихся вождей африканских народов в их борьбе за свободу и независимость.

А. М. Хазанов

Из истории борьбы английских консерваторов против отмены хлебных законов

«The Historical Journal». Cambridge. 1960. Vol. 3, № 2, pp. 162—183.

Статья «Решающий момент борьбы против хлебных законов в 1846 г. и Анти-Лига» английского буржуазного историка Мэри Лоусон-Танкред представляет попытку проанализировать на основе материалов прессы один из неисследованных вопросов борьбы среди правящих классов Англии вокруг отмены хлебных законов. Автор раскрывает характер деятельности созданного крупными английскими лендлордами так называемого Общества защиты сельского хозяйства, или Анти-Лиги, как иногда называли это общество в отличие от организации промышленной буржуазии — Лиги борьбы против хлебных законов.

Анти-Лига возникла зимой 1943/44 г. по инициативе одного из крупнейших английских землевладельцев, герцога Ричмонд-

ского, и ряда членов парламента от южных и юго-западных графств. Она состояла из находившегося в Лондоне Центрального общества защиты сельского хозяйства и многочисленных отделений в графствах южной и западной Англии. В их состав входили многие крупные фермеры, а также местные банкиры, земельные агенты, зерноторговцы, владельцы мельниц и другие буржуазные и мелкобуржуазные элементы, связанные с сельским хозяйством. Руководящую роль в этом обществе играли лендлорды, заинтересованные в сохранении монопольно высоких пошлин на хлеб.

Цель общества заключалась в том, чтобы путем воздействия на общественное мнение воспрепятствовать планировавшейся кабинетом Роберта Пиля полной отмене ввозных хлебных пошлин. Однако, как указывает автор, на практике деятельность этого общества свелась к оказыванию нажима на членов парламента от консервативной партии, чтобы вынудить их голосовать против правительственного законопроекта об уничтожении хлебных пошлин. Рассказывая об этом узком, ограниченном характере деятельности общества, о стремлении его руководителей ни в коем случае не выходить за рамки верхушечных методов борьбы, автор пытается объяснить это главным образом желанием многих лендлордов избежать раскола в консервативной партии, их боязнью нарушить конституцию страны и т. д.

Однако подобное объяснение не является исчерпывающим. Робость и ограниченный характер деятельности Анти-Лиги объяснялись прежде всего ее боязнью активной борьбой против правительства Пиля ослабить позиции правящих классов Англии перед лицом временно отступившего, но отнюдь не сложившего оружие чартистского движения, которое представляло смертельную угрозу для обоих господствующих классов английского общества — буржуазии и крупных землевладельцев. Автор признает, что лендлордам внушало ужас одно лишь упоминание об активных, революционных методах борьбы, и они опасались даже фермеров, оппозиционно настроенных по отношению к правительству. Именно в этом и заключалась причина отказа Анти-Лиги от широких агитационных кампаний, демонстраций и массовых митингов, ее стремление пойти на компромисс с правительством.

Зимой 1845/46 г., после того, как кабинет Роберта Пиля под напором вигов и промышленной буржуазии объявил о своем решении отменить хлебные пошлины, Общество защиты сельского хозяйства организовало эффективный нажим на членов парламента от южных и юго-западных графств. Ему удалось добиться определенных успехов, так как его местные отделения, объединяя большое количество пользующихся избирательным правом лиц, могли решающим образом повлиять на исход предстоявших парламентских выборов в ряде местностей страны. Многие члены парламента от консервативной партии, ранее колебавшиеся или занимавшие выжидательную позицию по вопросу об отмене хлебных законов, обязались выступить против правительства Пиля.

Деятельность Общества защиты сельского хозяйства, боровшегося во имя корыстных интересов лендлордов, охватывала чрезвычайно ограниченный круг лиц, принадлежавших к имущим слоям английского общества. Формы борьбы этого общества, включавшие организацию собраний избирателей и подачу петиций членам парламента, говорили о стремлении руководителей общества действовать только в политической сфере, недоступной для подавляющего большинства английского народа, лишенного избирательных прав.

А. Д. Колпаков

О секретных англо-германских переговорах периода первой мировой войны

«Die Welt als Geschichte. Eine Zeitschrift für Universalgeschichte». Stuttgart. 1960, Heft 3, S. 187—197.

Давая показания Комиссии Веймарского Национального собрания, расследовавшей «причины германской катастрофы», бывший министр иностранных дел кайзеровского правительства Кюльман утверждал: летом 1918 г. Англия дала понять Германии, что готова вести переговоры о перемирии. В своих мемуарах (изданных в 1948 г., после смерти автора) Кюльман вновь упомянул об англо-германских секретных контактах 1918 г.; он писал, что видный британский дипломат У. Тиррел обнаружил понимание основных установок центральных держав.

В какой степени можно доверять свидетельствам Кюльмана, принимая во внима-

ние значительное количество натяжек и неточностей, выявленных в его мемуарах? На этот вопрос попытался дать ответ западногерманский историк Дитер Аальсведе в статье «Англо-германские переговоры о мире в Гааге в 1918 году?»

Статья представляет немалый интерес, поскольку базируется на изучении документов иностранного ведомства кайзеровской Германии, хранящихся в настоящее время в Бонне. Как явствует из этих документов, в июне — июле 1918 г. представители Англии и Германии при активном содействии голландских официальных лиц действительно вели переговоры, далеко выходившие за рамки повестки дня происходившей тогда в Гааге конференции по вопросу об обмене военнопленными.

Следует напомнить, что еще с первых лет войны 1914—1918 гг. германские дипломаты не раз зондировали почву относительно возможности сепаратных переговоров с Англией. Все переговоры, происходившие до 1918 г., носили самый предварительный характер и не имели большого политического значения. Стоит, однако, указать, что англичане не переставали заявлять, что до того, как Германия гарантирует восстановление независимости Бельгии, они ни в какие серьезные сношения с противником не вступят.

В 1918 г. положение изменилось. В статье Аальсведе подчеркивается то обстоятельство, что инициатива в переговорах принадлежала английской стороне. Автор не раскрывает причин такого поворота дел, но мы знаем, что успехи Германии на Западном фронте, трения Англии с США и с другими союзниками, наконец,— и это самое главное — страх перед надвигавшейся революционной волной и помыслы об антисоветском сговоре вызвали определенные колебания в британских правящих кругах.

Насколько можно судить по документам, на которые опирается Аальсведе, прощупать настроения германских «сфер» взялся известный «мастер» неофициальных переговоров Тиррел. В мае 1918 г. он сообщил немцам о стремлениях влиятельной английской группировки покончить с войной полюбовным миром. Тиррел высказал мнение о том, что было бы целесообразно «поджентльменски», без неприятного посредничества «нейтралов», организовать встречу «ответственных представителей обеих сторон». Кюльман ухватился за эту идею, тем более что англичане на сей раз, по-видимому, «забыли» свою обычную оговорку относительно Бельгии. Однако переговоры затянулись (в статье детально разбирается их ход) и никаких реальных результатов не дали.

Д. Аальсведе ограничился анализом немецких дипломатических документов. Буржуазный историк игнорирует воздействие внутриполитических факторов на позицию германского правительства; в статье замалчивается аннексионистская программа военно-политических кругов Германии, хотя до сентября 1918 г. она включала такие притязания, которые были абсолютно несовместимы с коренными интересами британского империализма. Это и послужило основной причиной безрезультатности переговоров.

В годы первой мировой войны империалистические державы неоднократно вели тайные переговоры за спиной собственных союзников. Германия держала в тайне свои сношения с царской Россией, Австро-Венгрия — переговоры с Францией и Англией. Французы по секрету от Англии сговаривались с царскими министрами, англичане и французы совместно интриговали против США. Интересный эпизод, о котором повествует Аальсведе,— еше одно свидетельство непримиримости империалистических противоречий. Аальсведе осмотрительно снабжает заголовок своей статьи вопросительным знаком. Но материал, приведенный им, убеждает в том, что в 1918 г. Англия «на всякий случай» вела сепаратные переговоры с немцами, заботясь только о своих корыстных интересах. Бесспорно, полностью решить вопросы, которые затронуты в статье, можно будет лишь тогда, когда историки получат доступ к английским и французским архивам периода войны 1914—1918 годов. Ответственные круги Англии и Франции по-прежнему тщательно скрывают их от общественности.

К. Б. Виноградов

«Мешленский инцидент» в освещении голландского историка

«Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». Stuttragt. 1960, № 1, S. 17—36.

10 января 1940 г. германский самолет совершил вынужденную посадку в районе Мешлен-сюр-Мез, близ границы между Бельгией и Нидерландами. У одного из двух гитлеровских офицеров, находив-

шихся в самолете, были обнаружены документы, которые он пытался, но не смог уничтожить. Эти бумаги были доставлены в бельгийский генеральный штаб, переведены, подвергнуты экспертизе и признаны подлинными.

Содержание документов было ошеломляющим: в них были сведения, касавшиеся предполагавшихся наступательных операций вермахта против Франции. Полоса наступления должна была затронуть в отличие от 1914 г. не только Бельгию, но и Нидерланды. Предполагалось использовать ранее не применявшийся метод: осуществить захват мостов через реку Маас между Динаном и Намюром путем высадки воздушного десанта.

«Мешленский инцидент» вызвал большое возбуждение в правительственных и военных кругах Англии, Франции, Бельгии и Нидерландов. Возникли разноречивые мнения о том, насколько истинны были планы, отраженные в захваченных документах. В послевоенной буржуазной исторической литературе на Западе эта проблема продолжает находиться в поле зрения многих исследователей. В советской историографии ей также уделено определенное внимание.

Помещенная в западногерманском журнале статья нидерландского историка Яна Ванвелькенхюйзена посвящена изложению позиции правительственных кругов Бельгии и Нидерландов осенью 1939 — зимой 1940 года. Автор особо остановился на их реакции на сведения о подготовке гитлеровским командованием операций против западных держав. Вместе с тем статья проливает свет и на «мешленский инцидент», который стоит хотя и в случайной, но тем не менее в неразрывной связи с излагаемыми автором событиями. Ранее неизвестные материалы, использованные в статье, позволяют также вскрыть подоплеку закулисных махинаций, проводившихся так называемой «оппозицией» в Германии и правящими кругами западных держав.

Большинство лиц в правительственных кругах Нидерландов не верило в реальность агрессивных намерений Германии. Они исходили из предположения, указывает автор, что «немцы заинтересованы в том, чтобы не перерезать торговые каналы, соединяющие Германию через нейтральные страны с внешним миром». Добавим, что главным источником их ошибочных представлений были, несомненно, другие моменты. В период «странной войны» реакционные правящие круги западных держав лелеяли мысль о возможности поворота германской агрессии на восток, против СССР. Нидерландский главнокомандующий генерал Рейндерс начиная с ноября 1939 г. неоднократно получал от военного атташе Нидерландов в Берлине майора Саса сообщения о датах предполагавшегося наступления Германии против западных стран. В начале января 1940 г. Сас доложил Рейндерсу, что последней датой наступления установлено 15 января или один из последующих дней, в зависимости от состояния погоды. Информировал Саса, как выяснилось позднее, начальник одного из важнейших отделов в гитлеровской военной разведке — «Абвере» — полковник Ганс Остер. Автор статьи выдвигает в качестве мотивов, побуждавших Остера передавать совершенно секретную информацию западным странам, его антигитлеровские взгляды. В этом он следует традиционной в современной западногерманской буржуазной историографии точке зрения.

В действительности отнюдь не «антифашистские» убеждения руководили действиями Остера. Остер был членом группы Бека — Герделера — Хасселя. Эти «оппозиционеры», отражавшие интересы определенной части монополистической буржуазии и юнкерства, опасались, что продолжение войны может привести к краху германского империализма. Они со страхом наблюдали за ростом симпатий к Советскому Союзу среди народов Прибалтики, за началом социалистического строительства в западных районах Украины и Белоруссии. Несмотря на успех в «польском походе», «оппозиционеры» рассматривали дальнейшие перспективы войны весьма пессимистически, считая необходимым скорейшее окончание войны с западными державами.

Информация Остера о дате наступления на запад имела целью, с одной стороны, повышение акций «оппозиции» в правительственных кругах западных стран, с другой — Остер и те, кого он поддерживал, считали, что в любом случае наступление Германии не приведет к успеху и, таким образом, их сообщения не принесут особого вреда вермахту. Провал наступления, по мысли «оппозиционеров», должен был сделать Гитлера более уступчивым в отношении сговора с западными державами.

13 января Сас посетил в Берлине своего

бельгийского коллегу полковника Гэталя и сообщил ему, что известие об аварии самолета в Мешлене привело Гитлера в бешенство. Чтобы предупредить контрмероприятия союзников, было решено начать наступление на рассвете 14 января. Гэталь тотчас передал эту информацию в Брюссель. В тот же вечер по распоряжению бельгийского правительства был дан приказ о возвращении в воинские части отпускников и введении в стране фазы «Д» — предпоследней ступени ко всеобщей мобилизации. Сообщение из Берлина было вновь передано в Гаагу, но и на этот раз нидерландское правительство не предприняло существенных мер по подготовке страны к отражению агрессии.

Ожидавшегося наступления в действительности тогда не произошло: оно было отложено из-за плохой погоды, мешавшей действиям авиации. Кроме того, ввиду получения сообщений о проведении в Бельгии срочных оборонительных мероприятий стало ясно, что элемент внезапности нападения утрачен.

Статья Я. Ванвелькенхюйзена, несмотря на неправильную трактовку излагаемых им фактов, представляет определенный интерес. Автор использовал ранее неизвестные данные, почерпнутые из недоступных большинству исследователей архивных источников. Приведенные им сведения проливают свет на недостаточно изученные события периода «странной войны». Они помогают вскрыть один из важнейших факторов быстрого поражения Нидерландов в майские дни 1940 г. — близорукую политику правящих кругов Нидерландов в отношении Германии.

В. М. Гиленсен

Адмирал Морисон фальсифицирует историю капитуляции Японии

«The Atlantik Monthly». October 1960. Vol. 206, № 4, pp. 41—47.

В статье известного американского военного историка С. Э. Морисона «Почему Япония капитулировала?» предпринимается попытка убедить читателя в справедливости следующего положения: причиной того, что Япония капитулировала и мир наступил раньше, чем можно было ожидать, послужили якобы мудрость и дальновидность политики правительства Трумэна. По мнению Морисона, эти мудрость и дальновидность проявились в решениях о необходимости сохранить в Японии императорскую систему и об использовании атомной бомбы. Решению американских правящих кругов сбросить атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки Морисон придает особенно важное значение, заявляя, что в конечном счете благодаря бомбе и удалось сократить сроки войны.

Взгляды, изложенные в статье Морисона, не новы. После окончания второй мировой войны многие американские буржуазные историки предпринимали попытки таким образом оправдать использование атомной бомбы против Японии.

Тот факт, что в результате вступления Советского Союза в войну на Тихом океане поражение японских милитаристов было уже предрешено, общеизвестен. И как ни пытается американская пропаганда оправдать использование атомной бомбы ссылками на якобы стратегическую необходимость, она не в состоянии скрыть того, что варварская атомная бомбардировка двух японских городов была задумана как демонстрация силы с целью запугать Советский Союз и облегчить американским империалистам реализацию в послевоенное время их планов утверждения мирового господства США.

Морисон пытается подновить старые аргументы в защиту использования атомной бомбы, рассчитывая придать им бо̀льшую убедительность. События в конце войны на Тихом океане развивались, по утверждению Морисона, следующим образом. В начале 1945 г. в Японии вокруг императорского трона консолидируется группа сторонников прекращения войны. В апреле 1945 г. один из членов указанной группы, Судзуки, становится премьер-министром. Но могущество военной клики было настолько велико, что «партия мира» предпочитала выжидать. Однако для некоторых руководителей дипломатического ведомства США (Морисон особо выделяет заместителя государственного секретаря Грю) было достаточно самых неопределенных заявлений японского правительства, чтобы прийти к заключению о наличии у него «истинного желания покончить с войной». По убеждению Грю, в этих условиях важными мерами в направлении сокращения сроков войны были бы отказ от принципа безоговорочной капитуляции и гарантирование сохранения в Японии после войны императорского режима, ибо все это помогло бы «партии мира» укрепить свои позиции. С этим были согласны и Трумэн и другие руководители вооружен-

ных сил США. Но задача осложнялась тем, что японские военные круги могли бы истолковать отказ от безоговорочной капитуляции как проявление слабости США. Останавливаясь на этих моментах, Морисон пытается представить дело так, будто все проблемы, поставленные войной, были бы разрешены и мир был бы обеспечен, если бы, выступив с заявлением о согласии сохранить в Японии императорский режим, США сумели бы одновременно показать, что они обладают огромной военной мощью. С созданием атомной бомбы Соединенные Штаты и получили, согласно автору, такую возможность. После бомбардировки Хиросимы и Нагасаки США, следовательно, оставалось только довести до сведения Японии, что возражений против сохранения императорского режима нет, и Япония капитулировала.

Реальные исторические факты говорят о том, что все в рассуждениях Морисона построено на передержках.

Действительно, к концу войны в японских правящих кругах сложилась группировка, выступавшая за скорейшее прекращение войны. Однако для понимания ее позиций в целом, для правильной оценки той роли, которую она играла в событиях последних месяцев войны, нельзя забывать самого главного. Отдавая себе отчет в том, что продолжение войны бесперспективно, правительство Судзуки стремилось заключить компромиссный мир, чтобы не только сохранить в Японии существующий политический строй, но также удержать под господством японского империализма хотя бы часть завоеванных территорий — Корею, Тайвань, чтобы сохранить флот и т. д. Поэтому свою дипломатию «сторонники мира» строили в расчете на военные усилия и с этой целью поощряли военщину. Следовательно, «помощь», которую Грю призывал оказать так называемой «мирной партии» в Японии, лишь затрудняла достижение справедливого, демократического мира на Тихом океане.

Подлинные причины, побуждавшие Грю и его единомышленников настаивать на том, чтобы США отказались от требования безоговорочной капитуляции и закончили войну с Японией «дипломатическими средствами», уже давно не составляют секрета. Они были связаны с надеждой на то, что таким образом удастся закончить войну до вступления в нее Советского Союза и лишить СССР права голоса при решении проблем послевоенного регулирования на Дальнем Востоке. Кроме того, реакционные империалистические круги США предназначали Японии роль одной из военных баз на подступах к СССР, полагая, что со временем США обязательно будут воевать против Советского Союза. Морисону все это, конечно, хорошо известно. И все-таки он пытается представить Грю и его предложения об отказе от требования безоговорочной капитуляции Японии в благоприятном свете. Если бы Рузвельт не умер слишком рано, заявляет Морисон, он, по-видимому, одобрил бы предложения Грю. Делая столь смелые предположения, автор пытается скрыть тот факт, что не Грю, а именно Рузвельт, считавший победу над Японией невозможной без помощи СССР, оказался прав в вопросе о путях скорейшего окончания войны на Тихом океане. СССР точно выполнил принятое по отношению к своим союзникам обязательство. Удары, нанесенные Советской Армией по японским вооруженным силам, были настолько мощными, что уже в начале сентября 1945 г. империалистическая Япония была вынуждена капитулировать, хотя буквально накануне вступления СССР в войну американские начальники штабов полагали, что завершить разгром Японии удастся только к концу 1946 года.

Из статьи Морисона совершенно невозможно узнать о роли Советского Союза в разгроме японского милитаризма. О вступлении СССР в войну автор упоминает между прочим, как о незначительной детали. Цель Морисона в том и состоит, чтобы внушить читателю самое превратное представление о позиции СССР в конце войны на Тихом океане, о советской внешней политике. Вот какими приемами он пытается этого достигнуть. Летом 1945 г., пишет Морисон, Советский Союз отверг все попытки японского правительства прибегнуть к его посреднической помощи для достижения мира с США и Англией. Морисон забывает добавить: для достижения компромиссного мира. Советское правительство руководствовалось тем, что не компромисс с агрессором, а ликвидация всех последствий агрессии и наказание виновников агрессивной войны может открыть путь к установлению прочного мира на Дальнем Востоке. Кстати сказать, когда на Потсдамской конференции Председатель Совета Министров СССР информировал глав правительств США и Великобритании о японских предложениях и ответе Советского правительства, американский представитель не мог не выразить

удовлетворения по поводу действий советской дипломатии. Но Морисон вместо принципиальной оценки политики СССР ограничивается, по существу, кратким замечанием: отказ Советского правительства от посредничества означал, что СССР «уже решил объявить войну Японии». В сопоставлении с прежними положениями автора о том, что к этому времени уже будто бы сложились условия для прекращения войны (появление в Японии так называемой «мирной партии») и что США, руководствуясь будто бы интересами скорейшего установления мира на Тихом океане, пытались воспользоваться этими «условиями», последнее его заявление звучит как скрытое обвинение СССР в неких своекорыстных и противоречащих делу мира намерениях. Чтобы не остаться непонятым, Морисон на всякий случай добавляет еще истасканную ложь об экспорте революции: Советское правительство стремилось-де содействовать установлению коммунизма в Японии.

Таково содержание статьи Морисона. Как ни усердствует он в роли адвоката атомной бомбы, все его аргументы, строго выдержанные в духе «холодной войны», разбиваются о факты.

Л. Н. Еремин

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ *

Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. М.-Л. 1960, 218 стр. Рец.: Vencl S. — «Archeologické rozhledy». Praha. 1961, № 1, s. 125—126.

Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг. М. 1959. 251 стр. Рец.: «Central Asian review». London. 1960, № 4, p. 403—415.

Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н., Любимова А. А. Советская археологическая литература. Библиография 1941—1957. М.-Л. 1959. 773 стр. Рец.: Hrala J.— «Archeologické rozhledy». Praha. 1961, № 1, s. 128—129.

«Вопросы строительства коммунизма в СССР». М. 1959. 434 стр. Рец.: Bíró K.— «Közgazdasági szemle». Budapest. 1960, № 10, 1210—1220. old.

«Всемирная история». В 10 т. Т. 6. М. 1959. 829 стр. Рец.: Curtiss J. Sh.— «Amer. hist. review». New York. 1961, № 2, p. 415—417.

«Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века». М.-Л. 1960. 376 стр. Рец.: Z. S.— «Archeologické rozhledy». Praha. 1961, № 1, s. 126.

Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М. 1958. 470 стр. Рец.: Niederhauser E.— «Századok», Budapest, 1960, № 5—6, 910—912. old.

Зубов В. П. Историография естественных наук в России (XVIII в.— первая половина XIX в.). М. 1956. 576 стр. Рец.: Grmek M. D.— «Revue d'histoire des sciences et de leurs applications». Paris. 1960, № 3, p. 268—269.

Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М. 1958. 82 стр. Рец.: Sollohub A.— «East and West». Rome. 1960, № 4, p. 284—285.

«Индия и Афганистан». Очерки истории и экономики. М. 1958. 291 стр. Рец.: Sollohub A.— «East and West». Rome. 1960, № 4, p. 281—284.

Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата. М. 1958. 131 стр. Рец.: Sollohub A.— «East and West». Rome. 1960, № 4, p. 284.

Исраэлян В. Л. Дипломатическая история Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М. 1959. 367 стр. Рец.: Avakumovic J.— «Intern. affairs». London. 1961, № 1, p. 68.

«История политических учений». Ч. 1. М. 1959. 532 стр. Рец.: Malarszyk J.— «Państwo i prawo». Warszawa, 1960, № 8—9, s. 402—406.

Котов Г. Г. Аграрные отношения и земельная реформа в Германии. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1959. 340 S. Рец.: Haushofer H.— «Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie». Frankfurt a/M. 1960, Hf. 2, S. 223—224.

Котов, К. Ф. Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике. М. 1959. 198 стр. Рец.: — «Central Asian review». London. 1960, № 4, p. 441—454.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Пер. на польск. яз.: Warszawa. 1958. 623 s. Рец.: Dobrowolski H.— «Wiadomości hist.» Warszawa. 1960, № 2—3, s. 144—145.

Ленин В. И. О внешней политике Советского государства. М. 1960. 592 стр. Рец.: Hüttner E.— «Deutsche Aussenpolitik». Berlin. 1960, № 11, S. 1313—1317.

Ленин В. И. Сочинения. Т. 21. Пер. на франц. яз.: M. Éd. en langues étrangères. 1960. 515 p. Рец.: Bruhat J.— «Pensée». Paris. 1960, № 94, p. 130—131.

«Владимир Ильич Ленин». Биография. М. 1960. XIV, 610 стр. Рец.: Zaharescu V.— «Analele Inst. de istorie a partidului

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение февраля 1961 года.

de pe lîngă C.C. al P.M.R.». Bucureşti. 1960, № 6, p. 111—125.

Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л. 1957. 401 стр. Рец.: Bartoněk A.— «Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university». 1960. Rada archeologicko-klasická (E), № 5, s. 134—137.

«Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сб. 3. М. 1959. 495 стр. Рец.: Baranowski B.— «Kwart. historii kultury materialney». Warszawa. 1960, № 3, s. 398—402.

Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. М. 1959. 152 стр. Рец.: Beranová M.— «Archeologické rozhledy». Praha. 1960, № 5, s. 763.

Нихамин В. П. Очерки внешней политики Индии. 1947—1957 гг. М. 1959. 228 стр. Рец.: Weidemann D.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 8, S. 1966.

Окулов А. Ф. Борьба В. И. Ленина против философии реформизма и ревизионизма. М. 1959. 419 стр. Рец.: Cetl J.— «Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university». 1960. Rada filosoficka (B), № 7, s. 110—111.

«Очерки истории СССР». Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М. 1958. 947 стр. Рец.: M. B. — «Archeologické rozhledy». Praha. 1960, № 4, s. 600—601.

Павлов В. В., Матье М. Э. Памятники искусства Древнего Египта в музеях Советского Союза. М. 1958. 25 стр., 54 л. илл. Рец.: Selem P.— «Revue archéologique». Paris. 1960, juillet-sept., p. 113—118.

«Памятники зарубинецкой культуры». М. 1959. 190 стр. Рец.: Lička M.— «Archeologické rozhledy». Praha. 1960, № 4, s. 601—602.

«Пантикапей». Сб. статей. М.-Л. 1957. 225 стр. Рец.: Wąsowicz A.— In: «Archeologia. Rocznik Institutu historii kultury materialnej PAN. 10. 1958». Warszawa — Wrocław. 1960, s. 252—254.

Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян. М.-Л. 1958. 366 стр. Рец.: Bácskai V.— «Századok». Budapest. 1960, № 5—6, 908—909. old.

Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1958. VIII, 338 S. Рец.: Pédech P.— «Revue des études grecques». Paris. 1960, № 344—346, p. 249—251.

Степанова Е. А. Фридрих Энгельс. 2-е доп. изд. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1958. 274 S. Рец.: Buschinski S.— «Deutsche Zeitschrift für Philosophie». Berlin. 1960, № 11—12, S. 1495—1498.

Тарле Е. Жерминаль и Прериаль. М. 1957. 358 стр. Рец.: Dautry J. — «Annales hist. de la Révolution française». Paris. 1960, № 161, p. 331—335.

«У истоков русского книгопечатания». К 375-летию со дня смерти Ивана Федорова (1583—1958). М. 1959. 268 стр. Рец.: Laforet M. — «Bull. des bibl. de France». Paris. 1961, № 2, p. 67—72.

Фридлянд Ц. Жан-Поль Марат и гражданская война в XVIII в. М. 1959. XVI, 560 стр. Рец.: — «Annales hist. de la Révolution française». Paris. 1960, № 161, p. 354.

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М. 1954. 224 стр. Рец.: — «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1960, № 1, s. 409.

Хроника научной жизни

О РАБОТЕ ИНСТИТУТА АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ ПРИ НЕМЕЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

25 сентября 1955 г. при Немецкой Академии наук (Берлин, ГДР) был создан Институт античной истории (Institut für griechisch-römische Altertumskunde). В Берлинской Академии уделялось самое серьезное внимание античности еще со времен В. Гумбольдта. Такие видные исследователи, как Август Бёк, Теодор Моммзен, Герман Дильс, Адольф Гарнак, Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, были ее членами. В стенах современной Немецкой Академии лучшие традиции науки об античности получили свое дальнейшее развитие.

Успешная исследовательская работа научных сотрудников Института античной истории находит свое выражение в обширной издательской деятельности. В институте существует четырнадцать рабочих групп. В них ведется работа по подготовке к изданию греческих и латинских надписей, папирусов, нумизматического материала, исследований по эллинистическо-римской философии и позднеантичной религии. Три группы готовят издания: «Prosopographia imperii Romani» («Просопография Римской империи»), «Corpus medicorum Graecorum» («Собрание трудов греческих медиков»), «Corpus vasorum an-

tiquorum» («Античная утварь»). Несомненной заслугой института является восстановление известного лейпцигского издания «Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana» («Тейбнеровская библиотека греческих и римских авторов»). Во время второй мировой войны «Bibliotheca» не выпускалась, многие рукописи погибли. Институт античной истории возобновил это критическое издание античных памятников. Уже вышли в свет тома с произведениями Плутарха, Фукидида, Цезаря, Цицерона, Плиния Младшего, Саллюстия, Помпея Трога, а также «Scriptores historiae Augustae» («Авторы жизнеописаний Августов»). В издании Тейбнеровской библиотеки принимают участие ученые почти всего мира.

Наряду с критическим, научным изданием античных, главным образом исторических, текстов институт предпринял также выпуск в свет «Schriften und Quellen der alten Welt» («Труды и источники древнего мира»). В этой серии, рассчитанной на широкий круг читателей, издаются исторические и литературные памятники древневосточной и античной эпох с обстоятельными пояснениями к тексту. В настоящее время вышли в свет «Золотой осел» Апулея, «Элегии» Тибулла и «Антология» греческого юмора со времен Гомера до нашего времени.

Большая работа проводится по изданию греческих и латинских надписей. Вышли в свет тома: 1) Inscriptiones Graeciae Septentrionalis, 1, 2: Inscriptiones Acarnaniae («Надписи Северной Греции», т. I, ч. 2: «Акарнанские надписи»), 1957, 2) Inscriptiones Pompeianae parietariae et vasorum fictilium, 1952—1959 («Надписи со стен и глиняных ваз Помпей»), 3) Indices ad inscriptiones Africae Latinae, 1952—1955 («Указатели к надписям Римской Африки»), 4) Diplomatum militarium ex constitutionibus imperatorum de civitate et conubio militum veteranorumque expressorum supplementum, 1955 («Дополнение к воинским документам, извлеченным из императорских постановлений об общинах и из брачного права воинов и ветеранов»). В папирологической серии «Berliner—Griechischen Urkunden» («Греческие источники в Берлине») появился том, посвященный хозяйственным текстам птолемеевской эпохи в Египте. Осуществляется издание произведений христианских авторов позднеримской эпохи; уже вышли в свет труды Евсевия, Иеронима, Ипполита и др.

Помимо серийных групповых работ готовятся и персональные монографии. С 1955 г. издано двадцать книг, принадлежащих перу главным образом историков ГДР. Институт издал эти исследования под грифом «Schriften der Sektion für Altertumswissenschaft» («Труды секции древней истории»), в том числе труды Е. Велскопф и Д. Лотца.

Институт выпускает четыре периодических издания. С 1959 г. вновь выходит традиционный немецкий журнал по античной истории — «Klio. Beiträge zur Alten Geschichte» («Клио. Статьи по древней истории»). Возглавляет издание Вернер Хардтке, президент академии. Вопросам античной филологии посвящен второй орган — «Philologus» («Филолог»). О ходе исторических исследований в Советском Союзе и странах народной демократии информирует «Bibliotheca classica Orientalis. Dokumentation der altertumswissenschaftlichen Literatur der Sowjetunion und der Länder der Volksdemokratie» («Восточноевропейская библиотека классических древностей. Материалы по древней истории, издаваемые в СССР и странах народной демократии»). Наконец, с 1954 г. выходит в свет журнал «Das Altertum» («Древность»). На его страницах специалисты освещают основные проблемы древневосточной и античной истории. Этот журнал, выходящий в свет на хорошей бумаге и с рисунками, пользуется популярностью у широких кругов читателей. Среди сотрудников журнала можно увидеть авторов из многих стран, в том числе и из Советского Союза. Вопросам популяризации античной истории институт придает первостепенное значение. В 1959 г. вышел первый том новой научно-популярной серии «Lebendiges Altertum» («Живая древность»). Сотрудники института участвовали в полемике, развернувшейся на страницах печати по поводу постановки изучения античной истории и древних языков в средней и высшей школе. По их мнению, античная история и древние языки должны занять видное место в школьных и вузовских программах. Участники дискуссии ссылались на то значение, которое придавали знаниям в области античной истории, литературы и искусства К. Маркс и Ф. Энгельс.

Сочетание глубокой и разносторонней научной работы с популяризаторской деятельностью среди широких кругов населения — отличительная черта Института античной истории.

Н. И. Голубцова

Хроникальные заметки

◆ В январе 1961 г. в Пекине состоялась 3-я расширенная сессия Бюро Отделения философских и общественных наук Академии наук КНР. Сессию открыл председатель Бюро Отделения президент Академии наук Го Мо-жо. Доклад о работе Отделения сделал заместитель председателя Бюро Отделения Пань Цзэ-нянь. На сессии выступило более 60 человек.

Сессия подвела итоги работы в области философии и общественных наук в Китае за последние несколько лет и обсудила очередные задачи в этом направлении, а также планы работ институтов Отделения философских и общественных наук Академии наук КНР на 1961—1962 годы.

◆ В сентябре 1960 г. по инициативе Общества классических исследований и Института археологии Академии Румынской Народной Республики в гор. Эфории (Констанцская область) состоялся международный конгресс классических исследований ученых социалистических стран. В его работе приняли участие румынские специалисты, делегаты из СССР, ГДР, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Польши, а также гости из Англии и Франции. На конгресс было представлено 50 научных докладов и сообщений.

◆ В Катовице (Польша) в январе 1961 г. состоялась Международная научная сессия историков, посвященная разоблачению западногерманского реваншизма и форм его проявления в работах школы так называемого остфоршунга. Сессия была организована польским Силезским научным институтом и Силезским институтом Чехословацкой Академии наук. В ней принимала участие делегация историков ГДР.

◆ В конце 1960 г. Институт языка и литературы Немецкой Академии наук в Берлине завершил работу над словарем немецкого литературного языка, начатую братьями Гримм более ста лет тому назад. Продолжить прерванную работу удалось лишь в 1946 г. с возобновлением деятельности Немецкой Академии наук. Словарь, состоящий из 32 томов, включает в себя словарный состав немецкого литературного языка начиная с XVI в. и до настоящего времени.

◆ В деревне Гуаньлубуцунь (уезд Хуасянь, провинция Гуандун) создан мемориальный музей вождя Тайпинского восстания Хун Сю-цюаня. Хун Сю-цюань родился 1 января 1814 г. в деревне Фуйюаньшуй, уезда Хуасянь, впоследствии переехал в Гуаньлубуцунь, где и началась его революционная деятельность.

◆ В ознаменование 110-й годовщины начала Тайпинского восстания 11 января 1851 г. в бывшей столице Тайпинского государства Нанкине открыт исторический музей Тайпинского государства. Музей создан на базе мемориального музея, открытого в Нанкине в сентябре 1956 года. В нем собрано большое количество исторических материалов, документов, книг, посвященных Тайпинскому государству.

◆ 15—17 ноября 1960 г. в Академии Румынской Народной Республики состоялось обсуждение макета второго тома «Истории Румынии» (обсуждение I тома состоялось в феврале этого года). Второй том освещает период между I и началом XII века. Подготовка тома осуществлялась под руководством и общей редакцией академика А. Оцетя, редактора тома проф. М. Буза и проф. Ш. Паску.

В обсуждении макета приняли участие научные работники Бухарестского, Клужского и Ясского институтов истории, а также сотрудники институтов экономики, философии, истории искусств и специалисты по истории литературы и искусства, экономисты, философы, руководители музеев и архивов, преподаватели средних школ и др. Заседания происходили под председательством вице-президента Академии РНР академика И. Иордана. В ходе дискуссии обсуждались вопросы состояния источников по различным периодам истории Румынии, проблемы создания первых государственных образований на территории РНР, вопросы образования внутреннего рынка, характера сельского хозяйства румынских княжеств в XV—XVI вв., последствий оттоманского владычества для развития румынского национального государства и т. д.

Акад. А. Оцетя, подведя итоги обсуждения, в заключительном слове ответил на сделанные в ходе прений замечания. Он отметил, что многие из них будут приняты. В частности, обсуждаемый том пополнится рядом данных об истории Добруджи, об экономическом и общественном развитии Молдавии и Валахии в первой половине XVI в., о социально-политическом развитии Трансильвании во второй половине XV в., о возникновении и развитии городов Молдавии во время правления Александра Доброго и т. д. С заключительным словом выступил президент Академии РНР акад. А. Жожа.

◆ К исполняющемуся в 1962 г. 390-летию со дня смерти выдающегося деятеля польской культуры XVI в. Анджея Фрича-Моджевского завершится издание полного собрания его сочинений. Многие работы Моджевского весьма важны для изучения политической жизни Речи Посполитой в XVI столетии.

◆ Используя методы советских ученых, примененные ими при расшифровке электронными машинами рукописей народа майя, канадский исследователь Бессингер начал изучать кумранские рукописи Мертвого моря. Ему удалось восстановить стершиеся слова и прочесть фразы, остававшиеся до сих пор непонятными.

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ВУЗАХ

За последние годы советские историки создали большое количество исследований. Но нашли ли эти исследования своего читателя? Как они используются для непосредственного углубления знаний по истории? Конечно, я не буду оригинальным, если скажу, что читателями исторических исследований являются прежде всего научные работники, преподаватели истории высших учебных заведений, учителя средней школы, студенты. В пропаганде научных работ в области истории ведущее место принадлежит историческим кафедрам вузов. Поэтому журнал «Вопросы истории» должен заинтересоваться преподавательской работой.

Существует странное положение. Вопросы преподавания различных учебных дисциплин в школе широко освещаются специальными методическими журналами: «Преподавание истории в школе», «Русский язык в школе», «Физика в школе» и др. Журнала «Преподавание истории в вузе» нет. Правда, «Вестник высшей школы» является своеобразным методическим журналом, но в нем публикуются только материалы, связанные с преподаванием общественных и технических наук в высшей школе. Между тем у преподавателей исторических факультетов высших учебных заведений назрело много спорных, подчас неясных вопросов, решению которых могли бы помочь «Вопросы истории». Я далек от мысли считать, что «Вопросы истории» должны стать чем-то вроде методического журнала. Но, вспоминая, с какой заинтересованностью наши ведущие ученые обсуждали вопросы перестройки исторического образования, я хотел бы подчеркнуть, что было бы очень важно услышать от них веское слово и по ряду проблем вузовского исторического образования.

В связи с переходом педагогических институтов к подготовке учителей широкого профиля произошло объединение исторических факультетов с другими факультетами — географическим, языка и литературы. Не ради праздного интереса мне хотелось бы поставить вопрос о целесообразности подобного объединения. Следует иметь в виду, что переход институтов к подготовке учителей широкого профиля привел к ощутимому сокращению учебных часов по историческим дисциплинам.

Как плодотворнее строить учебную работу, чтобы не снижать уровня подготовки будущего учителя истории? Ведь программа требует прохождения прежнего объема материала. Думается, что было бы неправильно и просто вредно пойти по линии сокращения программ.

В процессе своей практической деятельности преподаватели вузов стремятся привить студентам вкус к чтению монографий и научных статей, выработать у них навыки работы над историческими исследованиями. Известный положительный опыт в этом деле уже накоплен. Больше того, студенты вузов на протяжении пяти лет учебы при помощи преподавателей создают свои личные методические и научные библиотеки по истории. Но все ли и так ли делается для того, чтобы студенты серьезно углубляли исторические знания путем ознакомления с монографической литературой?

А методика и содержание вузовских лекций по истории? Вопрос очень важный, и как полезно было бы выслушать мнение крупных ученых, среди которых многие являются в то же время и талантливыми педагогами.

Согласно новым учебным планам, резко сокращено количество практических занятий по историческим дисциплинам. Учитывая, что методика проведения этих занятий и раньше была, как правило, далека от совершенства, надо сказать, что при сложившихся ныне обстоятельствах очень трудно проводить их достаточно плодотворно. Поэтому преподавателям вузов нужна помощь.

Существуют известные трудности и в проведении спецсеминаров, спецкурсов

(выбор тематики, методика занятий и т. д.). Эти и другие вопросы глубоко волнуют преподавателей высшей школы, и если бы журнал «Вопросы истории» иногда публиковал на своих страницах соответствующие материалы, это принесло бы огромную пользу делу высшего исторического образования и, я глубоко уверен, вызвало бы горячее одобрение широкой научной и педагогической общественности.

Б. М. Фих,
заведующий кафедрой истории
Гродненского государственного педагогического института имени Я. Купалы

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦАХ

Пословицы и поговорки — один из важнейших жанров устного народного творчества. Многие из них возникли в далекие времена и на протяжении веков передавались от одного поколения к другому. «Именно пословицы и поговорки,— писал А. М. Горький,— выражают мышление народной массы в полноте особенно поучительной...» [1]. Они «образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа» [2]. В народных пословицах запечатлены многочисленные исторические события. Пословицы указывают на факты и явления истории, помогают лучше их осмыслить, понять отдельные детали, в известной степени дополняют картину некоторых исторических событий.

Изучая русскую историю и язык, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали значение пословиц и поговорок как ценного материала, отражающего точку зрения народных масс на те или иные стороны политической, экономической и культурной жизни России. В своих работах они много раз ссылались на пословицы как на вспомогательный материал, дополнительный источник по русской истории. Так, изучая работу А. Кошелева «Наше положение» (об экономике России середины XIX в.), К. Маркс обратил внимание на приводимые автором пословицы, в которых с давних времен выражены взгляды народа на тогдашний суд: «Не бойся суда, а бойся судьи», «В суд ногой, а в карман рукой», «Где суд, там и неправда», «На суде тягались, да оба без рубахи остались», «В земле черви, в воде черти, в лесу сучьи, в суде крючки — куда уйти?» [3]. Ф. Энгельс в статье «Эмигрантская литература», останавливаясь на царистских иллюзиях крестьянских восстаний в России XVIII в., отмечал, что царь поневоле представлялся русскому крестьянину «земным богом: бог высок, царь далек, восклицает он в отчаянии» [4]. Та же пословица была использована В. И. Лениным в 1901 г. в статье «Внутреннее обозрение», где он писал «о бесчинствах низшей полиции, слишком твердо памятующей, что до бога высоко, до царя далеко» [5]. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал огромное значение народных пословиц и поговорок, их умение отражать типичное в явлениях и событиях. Он постоянно обращался к народным русским пословицам, которые кратко и лаконично запечатлели множество важнейших исторических событий, условия труда, быта, мораль, особенности национального характера, мудрость и жизненный опыт многочисленных поколений.

К народным пословицам не раз обращались и классики русской литературы. Они широко использовали пословицы и поговорки в своем творчестве, высоко ценили их как необходимый словесный материал, прекрасно отражающий конкретные события, эпоху, действия отдельных лиц. В. Г. Белинский и А. И. Герцен рассматривали пословицы как необходимый материал, в котором отражено мировоззрение народа, отношение его

[1] М. Горький. Собр. соч. Т. 24. М. 1953, стр. 492.
[2] Там же, стр. 493.
[3] «Архив Маркса и Энгельса». Т. XI, стр. 33.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 262.
[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 267.

к происходящим событиям. В. Г. Белинский обратился к пословицам, доказывая, что стремление к просвещению, выразившееся в пословице «Учение — свет, неучение — тьма», составляет одно из лучших и благороднейших свойств русского народа [6]. А. И. Герцен использовал несколько пословиц для подтверждения того, что русский народ не является народом религиозным. В статье «Россия» он писал: «Множество пословиц свидетельствует о безразличии русских к религии: «Гром не грянет — мужик не перекрестится», «На бога надейся, да сам не плошай» [7].

В одной из своих статей А. М. Горький писал о том, что «крестьянство боролось против врагов своих не только делом, но и словом. В песнях, сказках, пословицах, в сатирических сценах оно отмечало лживость и лицемерие и горестно высмеивало корыстолюбие судей, попов, чиновников, подьячих, воевод, купцов» [8]. Это замечание писателя подкреплено многочисленными пословицами и поговорками. Против религии и церкви, например, были ходовыми в дореволюционной России такие пословицы: «Молебен пет, а пользы нет», «Из одного дерева икона и лопата» и другие. Еще В. Г. Белинский отмечал, что русский народ по существу своему настроен атеистически, он говорит об образе: «Годится — молиться, а не годится — горшки покрывать» [9]. Известно, что в дореволюционной России всякое выступление против религии и церкви преследовалось самым жестоким образом. И несмотря на это, народ создавал антирелигиозные сказки, песни и пословицы. Такие пословицы, как «Взял бы боженьку за ноженьку, да и об пол», «На тебе, боже, что мне негоже», «Сам будешь плох, так не поможет и бог», правдиво отражали взгляд русского народа на религию и церковь.

Н. А. Добролюбов посвятил пословицам несколько специальных статей, в которых оценивал их как важнейший материал для характеристики жизни и истории народа. В «Заметках и дополнениях к сборнику русских пословиц г. Буслаева» Н. А. Добролюбов приводил пословицу «Дмитрий да Борис за город подрались» и тут же указывал на ее историческое происхождение. Эта пословица, отмечал он, «относится к распрям князей Нижегородских Дмитрия и Бориса Константиновичей» [10]. В статье «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии» Н. А. Добролюбов заметил по поводу пословицы «Новгород Нижний — сосед Москве ближний»: «С гордостью доселе повторяют эту пословицу нижегородцы перед москвичами, и добрые москвичи с радушием отвечают на нее. Не нужно объяснений этой пословице: стоит только вспомнить о незабвенном Минине и о 1612-м годе, чтобы понять истинный смысл ее...» [11].

К пословицам как ценному материалу часто обращались русские историки. Они широко использовали их в своих монографиях, курсах лекций и описаниях отдельных событий русской истории. Ряд исторических фактов и событий «Истории Российской с самых древних времен» В. Н. Татищева проиллюстрирован пословицами и поговорками. В. Н. Татищевым составлен рукописный сборник пословиц, в котором приведены разнообразные пословицы, характеризующие быт и мировоззрение простого народа. Здесь встречаются пословицы антицерковные («Молебен пет, а пользы нет», «Не грози попу церковью, он от нее сыт бывает»), пословицы, отражавшие взгляды крестьян на старый суд и на царскую власть («Закон, что паутина: шмель прорвется, а муха вязнет», «Не бойся истца, бойся судьи»), поговорки, притчи о неволе и горькой доле бедняка («На бедного везде каплет», «Не наша еда лимоны, есть их иному»), о кабале («Кабалка лежит, а Ивашка бежит», «Взяв лычко, отдай ремешок») и др.

Неоднократно использовал народные пословицы Н. М. Карамзин в своей многотомной «Истории государства Российского». Так, характеризуя беспорядки, происходившие во время княжения Андрея Боголюбского из-за несправедливости судей, лихоимства, Н. М. Карамзин привел такую пословицу: «Иде же закон, там и обид много» [12]. Обра-

---

[6] В. Г. Белинский. Собр. соч. Т. X. М. 1956, стр. 70.
[7] А. И. Герцен. Собр. соч. Т. VI. М. 1955, стр. 211.
[8] А. М. Горький. Собр. соч. Т. 27, стр. 491—492.
[9] В. Г. Белинский. Собр. соч. Т. X, стр. 215.
[10] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. Т. I. М. 1934, стр. 516.
[11] Там же, стр. 494.
[12] Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. III, СПБ. 1816, стр. 29, 399.

щались к народным пословицам и другие русские историки. Они обогащали ими свой язык, использовали их для того, чтобы ярче, образнее описать какое-либо историческое событие, указать на некоторые детали какого-либо факта.

Пословицы живут в народе столетиями. От древних времен путем устной передачи от одного поколения к другому, а также в летописных сводах, рукописных и печатных сборниках до нас дошло множество пословиц и поговорок. В древности пословицы назывались притчами, и русские летописцы широко пользовались ими для того, чтобы ярче рассказать об отдельных исторических событиях. Народные притчи встречаются и в памятниках древней русской литературы, таких, как «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника» и др. Пословицы содержатся в различных древних повестях, житиях, договорных грамотах, уложениях и судебниках, а также в других исторических документах.

Многие пословицы были приведены впервые еще в русских летописях. Эти народные пословицы отражают древнюю историю Руси, ее общественную жизнь, патриотизм русских людей, их борьбу за свою независимость и стремление к единению русских земель. Такие, например, поговорки (притчи), как «Погибоша, аки Обре» и «Беда, аки в Родне», были ходовыми в древности, они встречаются во многих летописных сводах. Пословица «Погибоша, аки Обре, их же несть племени, ни наследка» [13] приводится Нестором в рассказе об аварах. Поговорка «Беда, аки в Родне» [14] возникла в связи с голодом, который пришлось испытать князю Ярополку с его дружиной в городе Родне в 980 году. Древляне, узнав, что Игорь возвращается к ним за новой данью, сказали ему: «Аще ся ввадит волк в овце, то выносит все стадо, аще не убьют его» [15],— то есть, если повадится волк к овцам ходить, то перетаскает все стадо, если не убить его. Эта притча указывает на несправедливость поборов, которыми Игорь обложил древлян.

В Галицко-Волынской летописи имеется пословица: «Лучше в своей стране лечь костьми, нежели быть славным на чужбине». Она свидетельствует о великом патриотизме русских людей, об их любви к родине. Патриотическими являются знаменитые слова киевского князя Святослава, обращенные к воинам его дружины: «Да не посрамим земле русские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам» [16].

В XIII в. Новгороду и Пскову, как известно, пришлось вынести тяжелую борьбу с немецкими захватчиками и шведскими феодалами. Новгородцы выступали в эту грозную пору в союзе с Псковом. Именно об этом гласит древняя пословица: «Душа на Великой, а сердце на Волхове» [17]. Или возьмем другой пример. По договору новгородцы и псковичи принимали к себе князей, а если князь не удовлетворял их, они прогоняли его. Отсюда пословица: «Коли худ князь, так князя в грязь».

В народных пословицах нашли отражение общественные отношения, характерные для периода русского феодализма. О ненависти крепостных к своим господам говорит, например, пословица: «Сколько рабов, столько врагов» [18]. В тяжелом и бесправном положении находились на Руси смерды. Поэтому пословицы, созданные господствующими классами, презрительно отзываются о смердах: «Смерда взгляд пуще брани» [19], «Меха не надуть, а смерда не научить» [20], «Где смерд думал, тут бог не был» [21]. Многие пословицы связаны с историей холопства. Холопы обычно жили при господских дворах по кабале. «Холоп, что мешок,—что положат, то и несет»,—говорилось в одной из пословиц, в других — «Холопское слово, что рогатина», «Холопское горло, что посконное бердо», «Холоп да брюхо добра не помнят» [22]. Несомненно, эти пословицы возникли в среде эксплуататорских классов. На притеснения холопы отвечали бегством,

---

[13] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. СПБ. 1846, стр. 5.

[14] Там же, стр. 33. В Летописце Переяславля Суздальского эта же пословица приведена так: «И бе притча и ныне: без хлеба, аки в Родне» (стр. 16).

[15] ПСРЛ. Т. I, стр. 23.

[16] Там же, стр. 30.

[17] И. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи. М. 1848, стр. 107.

[18] В. Даль. Пословицы русского народа. М. 1862, стр. 791.

[19] Там же, стр. 792.

[20] И. Снегирев. Указ. соч., стр. 238.

[21] «Собрание 4 291 древних российских пословиц». М. 1770, стр. 49.

[22] И. Снегирев. Указ. соч., стр. 432.

мятежами, восстаниями. Этим обстоятельством порождены были такие пословицы: «Не грози боярин холопу хлебом, а холоп боярину бегом» [23], «Холоп в неволе у господина, а господин у прихотей своих» [24]. В пословицах нашла отражение и тяжелая жизнь монастырских крестьян. За счет усиления эксплуатации крестьян монастыри вели широкую торговлю хлебом и другими продуктами. Положение монастырских крестьян определялось поговоркой: «Монастырщина, что барщина» [25]. На работу в монастыри приходило много обездоленных, задавленных нуждой крестьян, беглых, странников. И пословица говорит, что люди шли туда «не для Исуса, а ради хлеба куса».

Пословицы, относящиеся к феодальной эпохе, отразили в себе протест угнетенных масс, их ненависть к господам, горькую иронию бедняков, их нужду, горе, трудную жизнь людей, обреченных на голодное прозябание. Пословицы острой насмешкой клеймили эксплуататоров, самоуправство богатых, произвол властей, взяточничество, власть денег, издевательство над человеческой личностью. В среде крестьян и ремесленников издавна бытовали пословицы, подчеркивавшие социальное неравенство богатых и бедных: «Богат творит, как хочет, а убог, как может», «Богат ищет места, а убог смотрит теста» [26]. Мысль о том, что богатые живут за счет бедных, также нашла отражение в пословицах («Не будет пахатника — не станет и бархатника», «Богатой, как ильинской сот, а живет, как скот» [27]). Приведенные пословицы и поговорки с исключительной яркостью раскрывают сущность классовых отношений в феодальном обществе, свидетельствуют о непримиримых противоречиях между богатыми и бедными. Кто не знает, например, пословицу «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», убедительно передающую настроение обманутого крестьянства, которое в конце XVI в. было окончательно закреплено за помещиками путем запрещения свободного перехода от одного помещика к другому по окончании полевых работ, то есть в Юрьев день (26 ноября по ст. ст.).

Пословицы и поговорки создавались веками, переходили от поколения к поколению. Они рождались обычно в связи с каким-либо историческим событием. Некоторые из них ныне уже устарели, вышли из употребления или потеряли свой первоначальный смысл. Сегодня, например, без пояснения совершенно непонятен смысл выражения «Не всегда поповым ребятам Дмитриева суббота» [28]. Но пословица эта историческая. После победы, одержанной Дмитрием Донским на Куликовом поле в 1380 г., в память воинов, погибших в этой битве, был установлен между 18 и 26 октября день, который получил название Дмитриевой субботы. А поповым детям при служении панихиды по павшим воинам доставались обильные подачки.

Множество пословиц связано со временем монголо-татарского ига на Руси. В Золотой Орде приезжавших к хану русских князей и послов, как правило, проводили между двух горевших костров. Отсюда берет начало поговорка «Между двух огней» [29]. О том же периоде русской истории говорят такие пословицы и поговорки: «Где хан, там и Орда», «Пусто, словно Мамай прошел». Со свержением татарского ига появились новые поговорки: «Рано татарам на Русь идти» [30], «Остер меч, да некого сечь: татарин в Крыму, а пан в Литве» [31].

На русские земли посягали и другие враги. Римская курия стремилась насадить здесь католицизм. Тысячи русских людей уводили в плен крымские ханы. Тогда и возникла пословица: «Никто столько бед России не наделал, как Папа Римский, да хан Крымский» [32].

Много пословиц связано с бурными событиями начала XVII в., например: «Пришли казаки с Дону да погнали ляхов с дому», «Марина кашу заварила, а теперь расхле-

---

[23] Там же, стр. 269.
[24] И. Снегирев. Указ. соч., стр. 432.
[25] Там же, стр. 230. Эта пословица вошла почти во все сборники пословиц и поговорок, изданные в XVIII и XIX веках.
[26] П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПБ. 1899, стр. 78, 79.
[27] «Собрание 4 291 древних российских пословиц», стр. 8, 193.
[28] И. Снегирев. Указ. соч., стр. 263.
[29] «Собрание путешествий к татарам». СПБ. 1825, стр. 19, 267.
[30] «Собрание 4 291 древних российских пословиц», стр. 50, 247.
[31] И. Снегирев. Указ. соч., стр. 313.
[32] И. Снегирев. Русские в своих пословицах. Кн. IV. М. 1834, стр. 122.

бывай»[33]. Некоторые собиратели народных пословиц относят поговорку «Праздновать труса» также к событиям начала XVII в., связывая ее с тем, что польский полковник Струсь в 1612 г. сдал Московский Кремль без боя.

Множество пословиц возникло во времена Петра I. Тогда в России уже ходили по рукам сборники рукописных пословиц. В бумагах Петра I имеются пометки, свидетельствующие о том, что он интересовался пословицами не только русскими[34], но и зарубежными, например, голландскими. Известно, что Петр I решительно выступил против устаревших обычаев, например, против ношения бороды. На штрафной монете, которая взималась за разрешение носить бороду, были слова: «Борода — лишняя тягота»[35]. Слова эти вошли в пословицу. За право носить бороду приходилось ежегодно платить особый налог. Этот факт нашел отражение и в другой пословице: «Без рубля бороды не отрастишь». Во времена Петра I родилась пословица «Крепкий орешек, сразу не раскусишь», возникшая в связи со взятием в 1702 г. крепости Нотебург-Орешек. О другой победе русского оружия при Петре I говорят пословицы: «Погиб, как швед под Полтавой», «Петр со славой дрался под Полтавой», «Было дело под Полтавой» и др. Они свидетельствуют о храбрости и доблести русских войск.

Некоторые древние пословицы, дошедшие до нас, приобрели другой смысл, их первоначальное значение сейчас забыто. Так, мы часто слышим поговорку: «Стоит как вкопанная». Большая часть людей, которая ее употребляет, не знает, что она относится к тем далеким временам, когда по указу царя Алексея Михайловича от 11 мая 1663 г. женщин за убийство своих мужей живыми закапывали в землю по самую шею.

Еще совсем недавно бытовала и такая пословица: «Хоть на кол, так сокол», говорящая о человеке отважном, удалом, готовом всегда идти без страха на риск. Пословица дошла до нас от тех времен, когда в России употреблялся обычай сажать преступников на кол. Такой способ наказания практиковался при Иване Грозном, при Петре I.

О волоките и безразличном отношении к нуждам крестьян со стороны царя, бояр и чиновников пословицы и поговорки говорят: «Откладывать дело в долгий ящик», «Положить под сукно»; о нищенском уделе, голодном существовании крестьян: «Наше место на мосту с чашкой», «Ни кола, ни двора» (колом в старину называли земельные участки). Среди крестьян, выступавших против помещиков, были в ходу поговорки, вроде «Пустить красного петуха», то есть поджечь помещичье имение.

Сборники пословиц, вышедшие во второй половине XVIII в.[36], в большом количестве содержат пословицы и поговорки, говорящие о беспросветной нужде, голоде и нищете, разорении и забитости крепостного крестьянства. Вот несколько характерных пословиц из «Собрания 4 291 древних российских пословиц»: «Голод в мир гонит», «Голод не сосед, от него не уйдешь», «Голодному хлеб на уме», «Горе тому, у кого ничего нет в дому». Голод вынуждал идти на любую работу, часто толкал людей на преступление. Отсюда пословица: «Голодный и патриарх хлеба украдет». На притеснения царских властей и помещичий гнет крестьяне отвечали восстаниями, поджогами имений и бегством. Крестьяне убегали от своих помещиков целыми семьями, а иногда уходили в одиночку («Живет на Дону, оставя дому жену»). Беглых крестьян преследовали, организуя погоню за ними («Беглому одна дорога, а погонщикам сто»), посылая на поиски их тех же крестьян («Беглых сыскивает, а себе место приискивает»). Пословицы XVII—XIX вв. создавались преимущественно в среде крестьян и ремесленников. Поэтому характерной их особенностью было то, что в них нашло свое отражение резко отрицательное отношение к строю, основанному на эксплуатации человека человеком, на принуждении и произволе. В устном народном творчестве выражалось стремление трудового народа к установлению такого социального порядка, который основывался бы на справедливости, равенстве, взаимном уважении людей.

---

[33] Другой вариант той же пословицы: «Сама Марина кашу жидко заварила, а теперь расхлебывай» (И. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи, стр. 360).

[34] «Русский вестник», 1809, № 8, стр. 178.

[35] И. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи, стр. 20.

[36] Имеются в виду два издания: а) «Сбор разных пословиц» в книге Н. Г. Курганова «Российская Универсальная грамматика...». СПБ. 1769; б) «Собрание 4 291 древних российских пословиц».

В многочисленных пословицах, появившихся в первой половине XIX в., нашли отражение события Отечественной войны 1812 года. Народные изречения повествуют о патриотизме русских людей, рассказывают о настроении населения, указывают на мужество и доблесть солдат, офицеров и партизан, сражавшихся против войск Наполеона. Пословицы с глубоким уважением отзываются о Кутузове («Приехал Кутузов бить французов») и русской армии, о ее доблестных воинах, прославивших отечество («Француз боек, да русский стоек»). Пословица «На француза и вилы — ружье» говорит о народной партизанской войне, развернувшейся против армии Наполеона. Народный юмор, а порою и злая ирония по адресу захватчиков звучат и в таких пословицах, как «Пуганый француз от козы бежит», «Голодный француз и вороне рад». Некоторые пословицы служили надписями к народным лубочным картинкам, широко распространенным в народе: «Мужественный Даву потерял булаву», «Не знали мы мыслей французских, а им хотелось только ворон русских». О знаменитом Бородинском сражении в народе говорили: «От бородинской пушки под Москвой земля дрожала». А когда Наполеон был изгнан из пределов России, появились пословицы: «Отогрелся в Москве, да замерз на Березине», «Был не опален (Наполеон), а из Москвы вышел опален», «Бонапарту не до пляски, растерял свои подвязки» и др.

Пословицы воспевают красоту и богатство русских городов, особенно Москвы. «Москва людна и хлебна»,—отмечал в 1613 г. Смольянин Философов, отвечая на вопрос Сигизмунда III [37]. Пословицы середины XIX в. указывают на величие Москвы: «Москва — сердце России», «Москва — всем городам мать», «Кто в Москве не бывал — красоты не видал». Глубокий патриотизм звучит и в таких пословицах: «Новгород, Новгород, а постарше старого», «Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова», «Ярославль городок — от Москвы уголок» и др.

В середине XIX в. вышло несколько сборников народных пословиц [38], в том числе в 1862 г. знаменитый сборник «Пословицы русского народа» В. Даля.

Пословицы, вошедшие в сборник В. Даля, показывают бедственное положение крестьян и подавляющего большинства населения России накануне реформы 1861 г.: «Ноготы, босоты изувешены шесты, холоду, голоду амбары полны», «С корочки на корочку перебивается», «Три кола вбито да небом покрыто», «Ни хлеба в суме, ни гроша в котоме». В. И. Даль не был революционным демократом, но темы, которые он затронул в своем сборнике, были злободневными, именно на них указывали революционные демократы как на главные вопросы общественного развития. Ряд пословиц, изданных Далем, проникнут ненавистью к существовавшему строю, указывает на его социальную несправедливость. В них получила отражение угроза в адрес помещиков, звучит призыв к восстанию («Хвали рожь в стогу, а барина в гробу», «Барин и в рубище не брат», «Барин за барина, мужик за мужика», «Крестьянскими мозолями баре сыты живут», «Мужик гол, а в руках кол»).

В сборниках, вышедших после отмены крепостного права, отражена жизнь пореформенного крестьянства, раскрывается подлинное отношение эксплуатируемых масс к реформе 1861 г. и к вопросу о помещичьем землевладении. Например, о крестьянском оброке крестьяне говорили: «Не шей дубленой шубы — оброку прибавят», «Бог за оброки не бьет в боки», «Этот изъян разложим на крестьян». Помещики облагали крестьянскую массу многочисленными штрафами и поборами («Что ни ступишь, то копейка, переступишь — другая, а станешь семенить, и рублем не покрыть»). Отношение крестьян к помещикам хорошо выражено в таких пословицах: «Барская ласка до порога», «Барин говорит горлом, а мужик горбом», «Утиного зоба не накормишь, а барского кармана не наполнишь». В своих пословицах народ высмеивал спесь разорившегося дворянства: «Слуги в шелках, а баре в долгах», «Пропали наши головы за боярами голыми».

---

[37] И. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи, стр. 231.

[38] В 1848 г. И. Снегирев издал сборник «Русские народные пословицы и притчи», а в 1857 г.— «Новый сборник русских пословиц и притчей...». В 1852 г. вышел сборник «Новые русские поговорки и присказки» (кн. 1—4), в 1854 г. Ф. Буслаев выпустил сборник «Русские пословицы и поговорки», в 1860 г. вышли «Песни и пословицы русского народа», изданные Д. В. Григоровичем, в 1862 г. было напечатано «Собрание пословиц и поговорок русского народа, украшенное 25 рисунками».

После отмены крепостного права развитие промышленного капитализма в России пошло быстрыми темпами, увеличивалось число рабочих, усиливалась их эксплуатация. В сборниках XIX в. мало таких пословиц, которые вышли бы из среды рабочих. Это объясняется тем, что фольклористы и этнографы XIX в. не считали творчество рабочих народным и обычно обходили его. До нас дошло сравнительно немного пословиц, характеризующих условия работы на заводах, жизнь и быт пролетариев: «Кто на заводе не бывал, тот и горюшка не видал», «Батюшка Питер нам бока вытер, братцы заводы унесли годы, матушка канава совсем доконала», «Шахтер в землю спускается — с белым светом прощается». В сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале», изданном в 1936 г. в Свердловске, собиратель В. П. Бирюков привел такие пословицы о нищенской жизни и эксплуатации уральских рабочих до революции: «За золотом пойдешь, корку хлеба найдешь», «Золото добываем, себе могилу копаем» и др.

Народные пословицы обличают бюрократизм царских чиновников, дореволюционный суд, беспорядки и волокиту в различных государственных учреждениях, надругательство над личностью, взяточничество и казнокрадство. Особенно много пословиц создано народом о дореволюционном суде: «Судейский карман, что утиный зоб: и корму не разбирает и сытости не знает», «Богатому идти в суд — трын-трава, а бедному — долой голова», «Алтынного вора вешают, полтинного чествуют».

Начало XX в. ознаменовалось в нашей стране подъемом массового революционного движения, переросшего в буржуазно-демократическую революцию 1905—1907 годов. Эти революционные события отразились во многих произведениях устно-поэтического творчества. Вскоре после расстрела мирной демонстрации у Зимнего дворца появилась пословица: «Боже, царя возьми — он нам не нужен». Кровавая расправа царизма с рабочими 9 января 1905 г. породила другую пословицу: «Ко дворцу шли просители, а от дворца — мстители». Напуганный размахом революционного движения, возглавленного большевиками, царь 17 октября 1905 г. издал манифест с обещанием политических свобод. Одновременно самодержавие создавало черносотенные отряды, готовясь задушить революцию. В это время и появилась пословица: «Хорош манифест: мертвым свободу, живых — под арест» [39]. В ходе революции 1905—1907 гг. возникли такие пословицы, как «Фабрика-то Кунаева, а порядки-то на ней Дунаева» [40], «Витте, Трепов, Дурново — хуже черта самого» [41]. Последняя была написана крупными буквами на большом листе бумаги, наклеенном на здании консерватории в Петербурге, и «пользовалась популярностью среди рабочих» [42]. Массовые аресты и ссылки, репрессии самодержавия в годы реакции также нашли отражение в пословицах («За правдуматку ссылают на Камчатку», «Дальше солнца не сошлют» и др.).

После победы Великой Октябрьской социалистической революции стали возникать новые пословицы, созданные в условиях советской действительности. Они характеризуют социалистическую мораль, новое отношение к труду, откликаются на все новое, что принесла народу Советская власть. Появились пословицы о революции, о партии, о В. И. Ленине. Содержание современных советских пословиц говорит о непосредственном участии наших людей в строительстве новой жизни, экономики, культуры. В своих пословицах советские люди высказывают любовь к нашей социалистической Родине, к Коммунистической партии, прославляют трудовой героизм.

Народные пословицы и поговорки находят широкое применение. Так, они делают образным и более выразительным язык исторических исследований и лекций. Изучение народных пословиц и поговорок, отразивших в метких, кратких выражениях важнейшие этапы отечественной истории, свидетельствующих об отношении трудовых масс к различным событиям и явлениям прошлого, — одна из задач советских историков, языковедов и фольклористов.

А. М. Жигулев

---

[39] «Советский фольклор», 1941, № 7, стр. 157.

[40] Е. Дунаев — руководитель забастовки в Иваново-Вознесенске в мае — июле 1905 года.

[41] «Советский фольклор», 1941, № 7, стр. 157.

[42] Там же, стр. 159.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Данилов Виктор Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, специалист в области истории советского общества, автор книги «Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства СССР» (М. 1957) и ряда статей по проблемам социально-экономической истории советского крестьянства и колхозного строительства.

Якубовская София Иосифовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, специалист в области истории советского общества, автор монографии «Строительство Союзного Советского социалистического государства» (М. 1960), ряда разделов в книгах «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.», «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)», а также большого числа статей.

Мавродин Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, работает в области истории СССР эпохи феодализма, преимущественно по истории Киевской Руси и по крестьянским войнам в России.

Фостер Уильям З., почетный Председатель Коммунистической партии США. Автор ряда монографических исследований по вопросам новой и новейшей истории США и мирового коммунистического и рабочего движения. Среди них — «Закат мирового капитализма», «История трех Интернационалов. Международное социалистическое и коммунистическое движение с 1848 г. до настоящего времени», «Негритянский народ в истории Америки», «Очерк политической истории Америки», «Очерки мирового профсоюзного движения».

Майский Иван Михайлович, академик, специалист в области истории международных отношений, внешней политики СССР и всеобщей истории новейшего времени. Руководитель групп по изучению истории Испании и Англии при Институте истории АН СССР. Автор работ: «Испания, 1808—1917», «Монголия накануне революции», «Воспоминания советского посла в Англии», «Путешествие в прошлое» и др.

Третьяков Петр Николаевич, член-корреспондент АН СССР, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Специалист по древней и средневековой истории и археологии славянских народов, автор монографий «К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.» (1941), «Древнерусские поселения на Дону» (1948, совместно с П. П. Ефименко), «Восточнославянские племена» (1953, имеются польский и чешский переводы), а также глав в коллективных трудах: «История Болгарии» (т. I, 1954), «История Польши» (т. I, 1954), «История Чехословакии» (т. I, 1956), «Очерки по истории СССР» (т. I, 1956) и многих других исследований.

Зубок Лев Израилевич, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, специалист в области всеобщей истории новейшего времени, истории США и международного коммунистического и рабочего движения. Автор монографий «Империалистическая политика США в странах Караибского бассейна», «Очерки истории США», курса лекций «Новейшая история (1918—1939)», ряда статей и глав в коллективных трудах советских историков.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

V. P. DANILOV and S. I. YAKUBOVSKAYA. Source Research and Study of the History of Soviet Society

The authors point out that source research—an auxiliary subject aimed at determining available sources, tracing their origin, character and authenticity of the facts recorded in them—holds an important place in the development of historical science. Close attention to the problems of source research has always been one of the distinguishing features of Russian historical science. Already in the pre-revolutionary period Russian scientists elaborated a number of source research methods, along with certain principles of source classification and critical analysis. However, the article stresses that only on the basis of the Marxist-Leninist methods was it possible to develop source research along genuinely scientific lines. In their works, Karl Marx, Frederick Engels and V. I. Lenin formulated the basic principles of the scientific analysis of sources, disclosed the close connection existing between research methods and methodology, emphasized the need of examining one or another scientific source in organic connection with the relevant historical period and bringing out the class origin and content of the source.

The authors believe that among the most important tasks confronting theoretical source research is definition of the concept "historical source," elaboration of the basic methods of source classification and principles of their critical analysis. Having examined the question of defining the essence of the concept "source," the authors formulate their conclusion in the following way: "An historical source is a monument of the past which bears the imprint of its time, which reflects living reality through the prism of social, economic, political, esthetic and other conceptions and ideas, through the prism of the vital interests of the people who created the monument. The monument itself is an historical phenomenon holding a definite place in the historical process, and only as a phenomenon can it be correctly understood and interpreted."

This definition of historical source constitutes the underlying basis of Soviet source research and serves as the initial thesis for elaborating the principles of scientific classification, critical analysis and interpretation of sources.

Examining the basic principles of source classification advanced by source researchers in the recent period (classification according to contents and classification according to category), the authors maintain that neither of these methods can be regarded as satisfactory. The authors doubt the very possibility of creating a classification applicable to all cases of historical research. The classification of sources used by historians for investigating one or another theme is inseparably linked with the aims and aspect of research and with the concrete composition of documentary materials. Hence, in each individual case the researcher will elaborate a concrete method of source classification. However, it is possible and absolutely necessary to define some uniform basic principles of classification, the application of which will ensure a scientific approach to the analysis of the studied sources. Particular emphasis is laid in the article on the importance of classifying sources by the degree of their proximity to the events recorded, on the importance of drawing a line of distinction between historical survivals and historical tradition.

While considering the two-stage method of the critical analysis of sources correct and fully justified, the authors stress the fundamentally differing conception of these stages by Soviet and bourgeois historians. In the works of bourgeois historians the first stage ends with establishing the author of the source, the date and place of its appearance and examining its external distinguishing features. A Marxist historian, apart from establishing the above elements, must bring out the connection of the source with a definite historical period and analyze the ideological-political class positions of its authors. A critical analysis of the source with the aim of establishing the authenticity and completeness of the facts recorded (second stage) can likewise be correctly carried out only by giving due attention to the connection of the source with the concrete historical period, to its class character and ideological-political direction.

A considerable part of the article is devoted to the critical analysis of research works on the history of Soviet society from the point of view of the use of sources and documentary publications put out in recent years. The authors pay special attention to the elaboration of the problems of theoretical and critical source research in the Soviet period. Pointing to a certain lag in this field, the authors write that the work of creating generalized and theoretical monographs and textbooks on source research in the Soviet period must be preceded by the appearance of a large number of special researches on individual sources or groups of sources, on archive funds, legislative monuments, newspapers, etc. The launching of this work should be regarded as one of the most important conditions for raising the scientific level of research devoted to the history of Soviet society.

V. V. MAVRODIN. Soviet Historical Literature Devoted to the Peasant Wars in Russia in the 17th-18th Centuries

The article reviews the development of Soviet historical research into the peasant wars of the 17th-18th centuries.

Way back in the 1920's and early 1930's Soviet historians devoted much attention to the study and publication of sources on the history of the peasant wars and achieved important results in this field. Following the victory of the Great October Socialist Revolution, the interest of the popular masses in the history of the class struggle has grown enormously. In the early years of Soviet government this interest was satisfied by fairly large editions of popular-scientific and educational literature, numerous museum expositions, etc. In the period between the twenties and early thirties first attempts were made to produce historiographical and bibliographical works devoted to the history of the peasant wars. For the first time in Soviet history the peasant wars came to be regarded as the joint struggle waged by the labouring masses of Russian and other nationalities.

In some of the works which appeared at that time the peasant wars were regarded as reactionary movements, in others as "peasant revolutions" or as a struggle reflecting the "spontaneous socialism of the masses." A characteristic feature of many works was modernization of past events. M. N. Pokrovsky and a number of other historians of the twenties and early thirties failed to give a correct solution of the problem of the peasant wars as a whole.

An important factor in stimulating further development of Soviet historical science and research into the peasant wars of the 17th-18th centuries was the publication, in the 1930's, of Party documents devoted to historical science and dissemination of historical knowledge in the U.S.S.R. Beginning with mid-1930's and particularly in the postwar years Soviet historians made significant progress in the field of studying the history of the peasant wars waged in the 17th-18th centuries. I. I. Smirnov's monograph and a number of articles and publications were devoted to the peasant uprising led by Bolotnikov. However, there have not yet appeared any generalizing research monographs illustrating the history of the peasant wars waged under the leadership of Stepan Razin and Emelyan Pugachov. But in the published documents, articles and monographs touching on the problems connected with these uprisings an analysis is made of the position and struggle of the popular masses on the eve of the peasant wars, the principal causes that gave rise to these wars, the participation of diverse sections of the labouring Russian population and non-Russian nationalities in the peasant uprisings, the character of the peasant wars and their consequences.

On the basis of comprehensive research into the history of the class struggle in Russia, Soviet historians place such major peasant movements as the uprisings led by Bolotnikov, Razin and Pugachov into the category of peasant wars. Complete identity of views has been established on the fundamental specific features and peculiarities of all peasant wars (spontaneity, lack of organization, local and tsarist character, the absence of a class capable of leading the peasants to victory, etc.). Soviet historians have succeeded in overcoming the manifestations of schematism, sociologism and modernization, i. e., the absence of a consistent historical approach that was typical of the works published in the twenties and early thirties. Numerous publications, concrete researches and works of a general character, devoting much attention to the peasant wars in Russia, have appeared. A number of broad discussions on the basic problems of the peasant wars of the 17th-18th centuries have been arranged.

In conclusion the author outlines the tasks confronting Soviet historians making research into the peasant uprisings. It is essential, in his opinion, to analyze in greater detail the specific and distinctive features of each peasant war and examine the practical implementation of the aims and slogans of the peasant wars on the territory occupied by the insurgents. Another important problem still awaiting its final solution is why the peasant wars in Russia broke out at the beginning of the 17th century and ended in the latter part of the 18th century. Much attention will have to be devoted to establishing the role and significance of each individual peasant war in the history of Russia.

W. Z. FOSTER. The Latin-American Revolution of 1810-1826

The above-mentioned article by William Z. Foster, reprinted from the November 1960 issue of the magazine "Political Affairs," convincingly proves that the liberation struggle waged by the peoples of the former Spanish, Portuguese and French colonies in Latin America in the first decades of the past century was, essentially, a bourgeois revolution which considerably accelerated the development of Latin America along the capitalist path. W. Z. Foster writes that the liberation movement in the Latin-American colonies formed part of the great bourgeois revolution embracing the entire Western Hemisphere. The article trenchantly criticizes the attempts of bourgeois historiographers to depict the revolution in Latin America exclusively as a war for secession from the metropolitan countries, as a war devoid of all social content. W. Z. Foster expresses his high appreciation of the article published in the magazine "Voprosy Istorii" ("Problems of History,"

No. 11, 1956) under the title: "The Liberation War of the Spanish Colonies in America (1810-1826)." Contributed by a group of Soviet historians—M. S. Alperovich, V. I. Yermolayev, I. R. Lavretsky and S. I. Semyonov, it analyzes the character and the motive forces of the revolution in the Latin-American possessions of Spain. In W. Z. Foster's opinion, one of the shortcomings of this article is that it fails to give a characteristic of the revolutionary movement in the Portuguese and French colonial possessions in Latin America, namely, in Brazil and Haiti.

Academician I. M. MAISKY. **The 1933 World Economic Conference in London (Reminiscences)**

I. M. Maisky, who was the U.S.S.R. Ambassador to Great Britain in 1933, participated in the 1933 London Conference as a member of the Soviet delegation headed by M. M. Litvinov, People's Commissar of Foreign Affairs of the U.S.S.R. Drawing on his personal reminiscences and a large number of documents and materials, I. M. Maisky gives a faithful account of the conference and its proceedings.

The conference was convened by the League of Nations to work out a series of measures aimed at combating the economic crisis that shook the entire capitalist world in 1929-1933. The chief sponsor of the conference was Ramsay MacDonald, Prime Minister of Britain.

The World Economic Conference opened on June 12 and closed on July 27, 1933. It was attended by some 1,500 delegates from 66 countries, including four delegates from the U.S.S.R. In the first three days the conference was addressed by MacDonald, Chamberlain, Daladier, Hull, Ishii, Young, Neurath and other leading statesmen of the capitalist world. They delivered grandiloquent speeches in which they complained of the difficulties created by the crisis, but were unable to propose any effective measures capable of moderating, let alone eliminating, these difficulties. Further proceedings of the conference and its various committees revealed sharp contradictions among the capitalist countries participating in the conference, particularly on such important questions as war debts, stabilization of currencies, returning colonial possessions to Germany, customs duties, etc. These contradictions, which are comprehensively analyzed by I. M. Maisky, made the conference utterly fruitless and prevented it from yielding any positive results. The clash of interests between representatives of finance capital of different countries completely paralyzed the work of the conference. A decisive and fatal blow to the conference was dealt by Franklin D. Roosevelt who, adhering to the policy of implementing controlled inflation in the U.S.A., categorically and vehemently opposed the stabilization of capitalist currencies, on which the governments of France, Italy and certain other European states strongly insisted.

The Soviet Union's delegation was the only one to put before the conference a number of concrete and feasible proposals. On June 14, M. M. Litvinov made a long speech in which he gave a comprehensive and lucid Marxist-Leninist analysis of the international situation prevailing at that time, and submitted to the conference two practical proposals envisaging: a) conclusion of an economic non-aggression pact between all countries and b) disposing of the accumulated commodity surpluses in all countries and extending the volume of output of industrial enterprises with the help of new purchases and orders. As an initial step the U.S.S.R. expressed its readiness to conclude an economic non-aggression pact and place orders with foreign firms amounting to approximately 1,000 million dollars, with the stipulation, however, that normal credit arrangements would be ensured. On June 20 the Soviet delegation submitted to the conference a draft Protocol on Economic Non-Aggression and secured its examination and discussion by the Economic Committee session on July 13. The Soviet draft was approved and supported by the delegations of Poland, Turkey and Ireland. During its stay in London the Soviet delegation scored a major diplomatic victory. On July 3 and 5, 1933, the U.S.S.R. signed bilateral conventions on the definition of aggression with ten East-European and Southeast European states.

The convention was a document of vast historical significance. It signified a victory of Soviet diplomacy which largely contributed to the strengthening of the Soviet Union's security and the promotion of universal peace.

P. N. TRETYAKOV, Corresponding Member of the U.S.S.R. Academy of Sciences. **New Data on the Great Moravian State**

The author points out that the question concerning the social system of the Great Moravian State (9th century) still remains a debatable one. The session of the International Slav Archeological Seminar, held in Czechoslovakia on October 3-8, 1960, examined the new archeological data furnished by the excavations conducted in recent years in the Morava Basin with the aim of establishing whether the above-mentioned state was a pre-feudal tribal federation with primitive statehood, which arose as a result of resistance to German aggression, or an early feudal political union.

The author of the article makes a detailed analysis of the archeological finds in the Morava Basin.

The materials of the excavations prove that already in the 9th century there existed flourishing towns, villages and landed estates in Moravia, that the country had a highly developed handicraft industry, agriculture and construction. Drawing on his analysis of these materials, the author makes a hypothesis that Great Moravia was an early feudal state which collapsed under the blows of the nomad Hungarian tribes.

L. I. ZUBOK. The Struggle of the Opposite Trends in the Socialist Party of the U.S.A. (1901—1912)

The author of the article shows that in 1901—1912 three definite trends appeared within the Socialist Party of the U.S.A.—the Left-wing, "Centrist" and Right-wing.

Prior to 1905 the Socialist Party was headed by a coalition of the Left-wingers and "Centrists." After 1905 the "Centrists" united with the Rightists to form a Rightist-Centrist bloc for joint struggle against the Left-wingers. The struggle between the opposite trends within the party grew more intense. The Rightists' ideological views reflected the interests of the labour aristocracy. Being confirmed supporters of America's bourgeois democracy, the "Centrists," in common with the Rightists, believed that a classless society could be achieved through "pure" democracy and, accordingly, directed their efforts towards systematically fostering the illusion that capitalism can gradually develop into socialism. Like the Rightists, the "Centrists" renounced the revolutionary methods of struggle; their idea of "revolution" was confined to a series of reforms that would ultimately effect the transition from capitalism to socialism.

Relying on the top crust of the labour aristocracy and petty-bourgeois elements that had wormed their way into the party, the "Centrists" and the Rightists treated the unorganized and lower-paid sections of the working class with contempt. Their position on the question of immigration fully coincided with the chauvinist line of the AFL. On the Negro question both the Rightists and the "Centrists" likewise took a chauvinist stand. The Rightist-Centrist bloc pursued an opportunist "neutralist" policy with regard to the trade union movement.

The Left-wing members in the Socialist Party, on the other hand, relied on the support of the proletarian elements and waged a resolute struggle against the party's opportunist leadership. They demanded that the party be purged of the fellow-travellers who were not interested in the revolutionary struggle, that the party leadership renounce its policy of collaboration with the AFL leaders, urged all party members to fight for the reorganization of the trade unions along the industrial principle and for the enlistment of the broad masses of unorganized workers into the unions.

The Left-wing elements were the exponents of the revolutionary trend within the socialist movement of the U.S.A. In the years preceding the outbreak of the first world war their influence in the working-class movement increased, but for all that they were unable to gain the decisive influence in the socialist movement. This should be attributed primarily to the fact that the Left elements did not possess a militant Marxist-Leninist program. Although the Left elements in the Socialist Party recognized the necessity of a revolutionary party and political action for the proletariat, they were not consistent Marxists. They overestimated the role of industrial unions and did not possess a sufficiently clear understanding of the teaching on the dictatorship of the proletariat. A considerable part of the Leftists believed in the establishment of an industrial republic immediately after the conquest of power by the working class. However, despite some serious mistakes and blunders committed by the Leftists, their militant revolutionary activity, their selfless devotion to the interests of the working class, their irreconcilable struggle against Gompersism and reformism of the Rightist-Centrist party leaders, against the policy of class collaboration—all this helped to awaken class consciousness in the proletarian masses, heighten their revolutionary vigilance and imbue them with the spirit of international solidarity.

Under the impact of the Great October Socialist Revolution and V. I. Lenin's works the Left-wing members of the Socialist Party of the U.S.A. gradually got rid of the errors which prevented them from adopting the Marxist approach in the solution of the burning problems confronting the party. They shifted more and more to the positions of creative Marxism-Leninism, thereby paving the way to the establishment of the Communist Party in the U.S.A.

内 容

論 文

史料学和苏維埃社会史的研究……維·彼·达尼洛夫，索·約·雅庫波夫斯卡雅
关于俄国十七—十八世紀农民战爭的苏維埃的历史書籍……弗·瓦·馬弗罗丁（列宁格勒）
1810—1826年的拉丁美洲的革命……烏里雅姆·福斯特
1933年在伦敦举行的世界經济会議……伊·米·馬伊斯基院士
关于大莫拉夫国的新資料……苏联科学院通訊院士彼·尼·特列梯雅科夫（列宁格勒）
美国社会党內的派别斗爭（1901—1912）……列·伊·祖波克

历史科学在苏联

在苏联科学院历史科学部和学术委員会里
米利察·华西利耶夫娜·涅契金娜院士（誕生60周年和科学教育和社会活動40周年）……列·弗·契列勃宁

短評和書評

新書
苏联历史杂志上的文章

科学新聞

庆祝法国共产党40周年的学术会議……瓦·康·加布尼亚
迎接意大利共产党40周年……康·謝·特罗菲莫夫
国家政治出版社出版的关于国际关系、苏联对外政策和现代史等問題的新書……伊·索·苐涅尔什坦
一个新出版的历史杂志……苐·庫·什列斯托夫
苏联历史家的南斯拉夫之行……伊·亚·赫列諾夫
迎接安納托里·菲利波維奇·米列尔的六十誕辰
1958年辯护的历史科学副博士学位論文的題目一览

历史科学在国外

短評和書評

外国刊物巡礼

科学新聞

談德国科学院直属古史研究所的工作……娜 伊·果魯布佐娃

信件和短評

CONTENTS

Articles: **V. P. Danilov** and **S. I. Yakubovskaya.** Source Research and Study of the History of Soviet Society; **V. V. Mavrodin** (Leningrad). Soviet Historical Literature Devoted to the Peasant Wars in Russia in the 17th-18th Centuries; **William Z. Foster.** The Latin-American Revolution of 1810-1826; **Academician I. M. Maisky.** The 1933 World Economic Conference in London; **P. N. Tretyakov, Corresponding Member of the U.S.S.R. Academy of Sciences** (Leningrad). New Data on the Great Moravian State; **L. I. Zubok.** The Struggle of the Opposite Trends in the Socialist Party of the U.S.A. (1901-1912) Historical Science in the U.S.S.R. **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils: L. V. Cherepnin.** Academician Militsa Vasilyevna Nechkina (60th birthday and 40th anniversary of scientific, pedagogical and public activity). **Surveys and Reviews:** New Books. Articles in Soviet Historical Journals. **Chronicle of Scientific Life: V. K. Gabunia.** Scientific Session Devoted to the 40th Anniversary of the French Communist Party; **K. S. Trofimov.** The 40th Anniversary of the Italian Communist Party; **I. S. Dinerstein.** New Books on International Relations, Soviet Foreign Policy and Contemporary History Put Out by the State Publishers of Political Literature; **D. K. Shelestov.** A New Historical Journal; **I. A. Khrenov.** Soviet Historians' Visit to Yugoslavia; The 60th Birthday of Anatoly Filippovich Miller; A List of Theses Awarded M.Sc. (Hist.) Degrees in 1958. Historical Science Abroad: **Surveys and Reviews. Scanning Foreign Journals. Chronicle of Scientific Life: N. I. Golubtsova.** The Activity of the German Academy of Sciences' Institute of Ancient History. Letters and Notes.

SOMMAIRE

Articles: **V. P. Danilov, S. I. Jakoubovskaïa.** Etudes des sources des données historiques et de l'histoire de la société soviétique; **V. V. Mavrodin** (Léningrad). Littérature historique soviétique au sujet des guerres de paysans en Russie aux XVII-XVIII siècles; **William Z. Foster.** Révolution de 1810-1826 dans l'Amérique latine; **I. M. Maïsky de l'Académie des Sciences.** Conférence économique mondiale de 1933 à London; **P. N. Trétiakov, membre correspondant de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** (Léningrad). Nouvelles données sur l'empire de la Grande-Moravie; **L. I. Zoubok.** La lutte des tendances au parti socialiste des U.S.A. (1901-1912). Science historique en U.R.S.S. **Au Département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. et aux Conseils scientifiques: L. V. Tchérepnin.** Militza Vassilievna Netchkina de l'Académie des Sciences. (Au 60e anniversaire et au 40e anniversaire de l'activité scientifique, pédagogique et sociale.) **Revues et comptes-rendus.** Livres nouveaux. Articles publiés dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique: V. K. Gabounia.** Session scientifique, consacrée au 40e anniversaire du Parti Communiste Français; **K. S. Trofimov.** Au 40e anniversaire du Parti Communiste Italien; **I. S. Dinerchtein.** Livres nouveaux des Editions politiques de l'Etat au sujet des relations internationales, de la politique extérieure de l'U.R.S.S. et de l'histoire contemporaine; **D. K. Chelestov.** Revue historique nouvelle; **I. A. Khrenov.** Visite des historiens soviétique en Yougoslavie. A propos du 60e anniversaire d'Anatoly Philippovitch Miller. Liste des thèses de candidat ès sciences historiques, soutenues en 1958. Science historique à l'étranger. **Revues et comptes-rendus. Lu dans les revues étrangères. Chronique de la vie scientifique: N. I. Goloubtzova.** Travail de l'Institut d'histoire antique près l'Académie des Sciences allemande. Lettres et notes.

INHALT

Beiträge: **W. P. Danilow, S. I. Jakubowskaja.** Die Quellenkunde und das Studium der Geschichte der Sowjetgesellschaft; **W. W. Mawrodin** (Leningrad). Die sowjetische Geschichtsliteratur über die Bauernkriege in Rußland (17.—18. Jahrhundert); **William Z Foster.** Die Revolution von 1810—1826 in Lateinamerika; **Akademiemitglied I. M. Maiski.** Die ökonomische Weltkonferenz in London (1933); **Korrespondierendes Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR P. N. Tretjakow** (Leningrad). Neue Angaben über das Großmährische Reich; **L. I. Subok.** Der Kampf der Strömungen in der Sozialistischen Partei der USA (1901—1912). Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten: L. W. Tscherepnin.** Akademiemitglied Miliza Wassiljewna Netschkina (zum 60. Geburtstag und 40. Jahrestag ihrer wissenschaftlichen, pädagogischen und gesellschaftlichen Tätigkeit). **Übersichten und Besprechungen.** Neue Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik: W. K. Gabunija.** Wissenschaftliche Tagung zum 40. Jahrestag der Französischen Kommunistischen Partei; **K. S. Trofimow.** Zum 40. Jahrestag der Italienischen Kommunistischen Partei; **I. S. Dinerstein.** Neue Bücher des Staatsverlags für politische Literatur über internationale Beziehungen, Außenpolitik der UdSSR und neueste Geschichte; **D. K. Schelestow.** Eine neue Geschichtszeitschrift; **I. A. Chrenow.** Jugoslawienreise sowjetischer Historiker. Zum 60. Geburtstag von Anatoli Filippowitsch Miller. Verzeichnis der Themen der 1958 verteidigten Dissertationen von Kandidaten der Geschichtswissenschaften. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Übersichten und Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik: N. I. Golubzowa.** Die Tätigkeit des Instituts für griechisch-römische Altertumskunde bei der Deutschen Akademie der Wissenschaften. Briefe und Notizen.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), Я. Я. ЗУТИС, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.

А 01284 Подписано к печати 11/V 1961 г. Тираж 20 800 экз.

Изд. № 1014. Заказ № 837. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на факсимильное переиздание газеты А. И. Герцена и Н. П. Огарева

«КОЛОКОЛ»

Издательство Академии наук СССР предпринимает переиздание замечательного памятника русского революционного движения — газеты А. И. Герцена и Н. П. Огарева «Колокол». Издание выходит в 11 выпусках и распространяется по подписке.

Первая вольная русская газета «Колокол» выходила в Лондоне, а затем в Женеве с 1857 по 1867 год.

А. И. Герцен и Н. П. Огарев со страниц «Колокола» требовали освобождения крестьян с землей, уничтожения цензуры и телесных наказаний. «Колокол» разоблачал произвол, хищничество, лихоимство, казнокрадство чиновников, приводил многочисленные факты безжалостной эксплуатации помещиками крепостных крестьян и жестокого с ними обращения.

На страницах «Колокола» помещались прокламации и обращения, отражающие деятельность русских революционных организаций. Издатели выпускали также приложения к газете — листок «Под суд!» и журнал «Общее вече», полные беспощадного обличения правительства и крепостников.

«Колокол» сыграл важную роль в истории революционного движения России. Несмотря на жесточайшие полицейские рогатки, газета проникала не только в столицу, но и в провинциальные города и даже в деревню.

«Колокол» является богатейшим источником для изучения русской революционной мысли и общественной жизни России середины XIX века. Он равно необходим исследователю русской истории, историку русской философской и экономической мысли, литературоведу, журналисту, учителю истории, студенту для работы в спецсеминаре. «Колокол» никогда полностью не переиздавался и давно стал библиографической редкостью.

Данное факсимильное переиздание включает все 245 номеров «Колокола», вышедших за десять лет его существования и приложения к нему — «Под суд!» и «Общее вече».

Издание снабжено историко-археографическим предисловием и указателями и осуществляется под научным руководством академика М. В. Нечкиной.

Все выпуски выйдут в течение 1961—1962 годов.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Стоимость всего издания — 15 руб.

При подписке вносится задаток в размере 1 р. 50 к.

Оплата выходящих выпусков производится при их получении. Задаток засчитывается при получении последнего выпуска.

Подписка принимается книжными магазинами республиканских, краевых и областных книготоргов и потребительской кооперации, а также магазинами и конторой «Академкнига» как лично от подписчика, так и по почте. Задаток для получения книг почтой направлять по адресу:

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10

или в ближайший магазин «Академкнига».

Лицам и организациям, оформившим подписку почтой, книги высылаются наложенным платежом.

«АКАДЕМКНИГА»

Цена 70 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСКА

на II полугодие 1961 года

на журналы Академии наук СССР

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

«ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»

«ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ»

«Мировая экономика и международные отношения»

Подписка принимается в отделах «Союзпечати», в отделениях связи, а также общественными распространителями печати.

Издательство «ПРАВДА»